

A woman with long, vibrant red hair is seated on a stone ledge of a building. She is wearing a dark, sleeveless dress with a subtle pattern. Her legs are crossed, and she is looking towards the camera with a slight smile. The background shows a blurred view of a city street with buildings and trees.

И вот пришла Любовь пришла
И Счастье встало на пороге,
Но все в Падении-счастье так
Могло открыться на твои слова

АПРЕЛЬСКОЕ ОЗЕРО

Annotation

Англия, 1808–1820 гг. Элисон Шеффилд платит за ошибки брата и отца, выйдя замуж за человека, которого не любит. Ей приходится переехать в одинокий семейный замок у Апрельского озера, где, как поговаривают местные жители, творятся странные вещи...

Сентябрь, 1809 год

Англия, окрестности города Портсмут

Во внутренний двор замка, принадлежавшего известной в этой местности семье Шеффилд, въехали двое всадников на огромных, вороных, как эта осенняя ночь, конях. Им не нужно было добиваться официального позволения на визит сюда, ибо для них обоих эти ворота отныне и навсегда оставались открыты.

На то, как всадники спрыгнули со своих лошадей, отдали их на заботу конюху и как прошли к главному входу в замок, смотрела из окон хозяйка дома, леди Клэр Шеффилд, привлекательная женщина тридцати пяти лет. Она с незаметным упорством сжимала в руках потрёпанный годами платок и тихо выговаривала проклятия, словно они могли донестись до ненавистных ей ночных гостей.

— Миледи? — услышала она позади себя голос старой няни своих детей.

— Элисон уже спит?

— Да, миледи, — пробубнила нянька, стоя в дверях комнаты. — Заснула быстро, наш ангел.

— Отлично. Пойдёшь в гостиную и вместе со мной примешь наших... гостей, — последнее слово Клэр словно выплюнула с огромным презрением.

— Ваш муж уже там...

— Значит, все вместе их встретим. Пойдём!

Старая няня громко вздохнула, подобрала подол своего многолетнего, перештопанного платья и направилась к лестнице, ведущей на первый этаж замка. Когда женщины спустились в гостиную, то уже обнаружили там троих мужчин, одним из которых был лорд Шеффилд. Клэр жестом указала няньке остаться у лестницы, и старуха послушалась.

— О, моя дорогая Клэр! — один из гостей быстро подошёл к хозяйке и нежно коснулся губами пальчиков её руки. — Я безумно рад тебя видеть! Я ещё раз приношу свои извинения за столь поздний визит, но по-другому я не мог поступить. То есть... мы не могли.

Все взгляды на несколько секунд были прикованы ко второму гостю. Его высокая фигура была укрыта длинным плащом тёмно-серого цвета, точно таким же, как и на его спутнике. На его голову был надвинут капюшон, с которого медленно и плавно стекали капельки воды. Нынче дождь лил несколько часов подряд. Клэр, уделившая какое-то время созерцанию этого худого, чёрного силуэта, сидевшего, сжавшись, на её собственном диване, вздрогнула. До того он показался ей мерзким и отвратительным, хотя она даже не видела лица этого человека.

— Оставим ненужные любезности, Ривз! — она почти выдернула свою руку из пальцев собеседника, успев одарить его презрительным взглядом. — Лучше говори, чего тебе нужно и убирайся из нашего дома!

За несколько секундной паузой последовал едкий смешок из-под капюшона гостя, затем мужчина выпрямился и скинул его с головы. Ривз, как назвала его хозяйка замка, или точнее, граф Ривз, был темноглазым брюнетом, широкоплечим и высоким, но всё же в меру полным. И хоть не первой свежести плащ скрывал его фигуру, здесь, да и весь Портсмут, знали его как статного и привлекательного мужчину.

Ривз сверкнул темнотой глаз в сторону Клэр, а затем уже и на спокойно наблюдавшего

за ними лорда Шеффилда, стоявшего у камина с бокалом вина в руке.

— Жена твоя так и не научилась хорошим манерам, мой друг, — нарочно проворчал граф и обернулся, наконец, к хозяину замка. — Но раз ей так противно наше присутствие, что ж, не станем ей докучать...

— И ты будешь терпеть его хамство? — возмутилась Клэр, делая резкий шаг к мужу, но один его взгляд заставил её остановиться.

— Помолчи, пожалуйста. Ты здесь всего лишь свидетель, чтобы выслушать его. И не мешай.

— Давно бы так, — лицо Ривза озарила довольная улыбка, когда он увидел, как присмирела хозяйка. — Итак, начнём, пожалуй!

Когда граф вальяжно уселся на диван рядом со вторым гостем, Клэр не могла сдержать возмущённого вздоха. «Он ведёт себя здесь как собственник! Когда они уедут, я всё выскажу мужу...»

— Я решил, — продолжал Ривз, кладя руку на плечо своего ссутулившегося спутника, — мы с сыном решили, что будет честно предложить некие условия для оплаты долга вашей семьи...

— Вот значит как! — воскликнул Шеффилд. — Да, мне стоило сразу догадаться, что в оказанной тобой услуге будет какой-то подлог!

— Услуга? Услуга?! — Ривз вскипел, словно его жестоко оскорбили или ударили. — Твой старший сын — бездельник, лентяй и трус! Когда он должен был бок о бок сражаться с нашими солдатами на Балтийском море, он отсиживался здесь, дома!

— Он был не готов! Он ещё слишком молод, чтобы идти на войну!

— Он — подлый дезертир! — Ривз сел прямо, указывая пальцем куда-то в сторону. — Если бы не я и не мои связи, на вашем фамильном кладбище сейчас имелась бы свежая могила!

— А ну замолчи, ты, грязный...

— Тихо! — Шеффилд прикрикнул на жену, и она тут же вскинула на него глаза, полные слёз. — Я ценю то, что ты сделал для моего сына.

Это правда: без твоей помощи он сейчас был бы мёртв за неучастие в военных действиях. Но я ничем не могу тебе ответить. Наше состояние в упадке, пройдёт время, прежде чем мы что-то накопим.

— Состояние нашей семьи ещё хуже, и ты это знаешь.

— У нас нет денег, — категорично заключил Шеффилд, сделав глоток из бокала.

— Мне нужны не деньги, — Ривз едва заметно улыбнулся. — Пока не нужны. Скоро мы с сыном возвращаемся на море. Планируется заключение мирного договора между Швецией и Россией...

— Я рад, что войне придёт конец...

— Ты рад, что я покину город и, возможно, пойду на дно вместе с одним из английских кораблей, — язвительность так и выливалась в словах графа. — Но ни я, ни Алекс умирать не планируем. Давай, Шеффилд, признай! Ты должен мне за своего трусливого сынка! И, чтобы не обременять тебя в последний момент, я решил обсудить всё именно сегодня. Завтра мы отплываем, так что...

— Говори, наконец, что задумал! — не выдержала Клэр. Женщина подошла к мужу, скрестив руки на груди, и пристально посмотрела на Ривза. — Какую бы ты там услугу не оказал нашему сыну, твоя репутация и репутация всей твоей семейки заставляет меня

ненавидеть вас всё больше и больше.

— В том-то всё и дело! Репутация сейчас важна как никогда. Война скоро закончится, а для моей последующей спокойной жизни мне не хватает лишь денег... да крепкой, дружеской поддержки.

— О чём ты?

— Всё просто! Я предлагаю сделку. Здесь и сейчас. Я прощу долг, если объединим наши семьи. Тогда моя репутация и бюджет будут спасены, ведь ваша семья в милости у многих, кто отказывается подпустить меня близко.

— А мы что получим от этой связи? — спросил хозяин замка, нахмурившись.

— Защиту. И вы все сможете спокойно спать по ночам. Даже осознавая то, что ваш сын — жалкий дезертир.

Лорд Шеффилд отвернулся к камину, сжимая в руке бокал. Ещё немного и он треснул бы, если бы Клэр не забрала его, нежно дотронувшись до пальцев мужа. Она смотрела на его горящее ненавистью лицо с сожалением и искренним пониманием.

— Ты знаешь, чего он добивается, — прошептала она, едва улыбнувшись. — И ты знаешь, что он говорит не про Луиса...

— Этот мальчишка заставляет меня идти на крайние меры! Я больше не могу с гордостью назвать его своим сыном, так сильно стыжусь его позора!

— Я знаю, ты нескоро простишь его. И я тоже. Но послушай, что я хочу сказать. Он говорит не о нашем сыне... Он говорит об Элисон...

— Я понял, чёрт возьми!

— Но она же совсем ребёнок! Ей всего восемь лет! Как можно планировать сейчас её будущее? — Клэр ненадолго обернулась к гостям: Ривз старший спокойно ожидал ответа, а его сын, скрываясь под мокрым плащом, так же сидел и не шевелился. — Посмотри на них! В них нет ничего святого. А какие жуткие слухи ходят про его сынка? Ему восемнадцать лет, а он известней любого головореза в Англии! И ему достанется наша дочь? Элисон не заслужила такой участи!

Её муж недовольно хмыкнул, затем медленно повернулся к Ривзу.

— А если мы откажемся?

— Ну, тогда и вы узнаете, что это такое — плохая репутация. Я расскажу, насколько «смел» ваш дорогой Луис! И вот тогда мы друг другу не сможем помочь.

Шеффилд долго смотрел на так называемого спасителя своего семнадцатилетнего сына, который сейчас как истинный трус скрывался в своей комнате на втором этаже и не желал отвечать за свои поступки. Он наверняка даже не понимал, чем обернулась для семьи его выходка с отказом пойти на войну. Шеффилд старший сам прикончил бы его за трусость, если бы любил хоть немного меньше. Но случившегося не вернуть, Ривз теперь имеет право требовать. Только вот не Элисон должна отвечать за всё это.

— Моя дочь совсем ещё девочка, — хозяин замка пытался говорить медленно, спокойно, чтобы Ривз понял его правильно. — Она не может быть... женой.

— Нет, конечно же, нет! Взгляни на Алекса, он тем более не может быть мужем! — граф дружелюбно захихикал. — Но когда ей исполнится восемнадцать, Алексу будет двадцать девять. Так что, мы дождёмся. От неё будет требоваться хорошая репутация, и, как я надеюсь, наследник.

— Да чтобы моя дочь связывалась с этим... этим... сумасшедшим?! — красивое лицо Клэр побагровело от злости, а острые ногти с болью впились в её ладони. — Только через

мой труп!

— Это можно устроить...

Голос всё это время молчавшего сына Ривза заставил вздрогнуть и чету Шеффилдов, и даже старую няню, стоявшую у перил лестницы. Этот голос, по сути, не мог принадлежать молодому юноше, а скорее больше подходил к заправскому посетителю трактиров. Лёгкая хрипота и какое-то невнятное приглушение каждого выговариваемого им слова делали его образ ещё более зловещим.

— Снимите капюшон, молодой человек, — приказала ему Клэр, и её собственный голос дрожал от нетерпения и гнева.

Ривз младший охотно её послушался. Он медленно поднялся со своего места, и ещё несколько струек воды из складок его плаща скатились на ярко-багровый ковёр. Из-под рукавов плаща показались худые кисти рук; в отличие от своего отца, он не носил перчаток, и стало видно, что костяшки на его длинных пальцах были сбиты, возможно, от драки. Парень одним движением скинул с головы капюшон, и все присутствующие услышали, как беспокойно охнула нянька, так смиренно стоявшая поодаль.

Александр Ривз совсем не был похож на своего отца, разве что его душа, как и репутация, была укрыта непроглядным мраком. Парня нельзя было назвать ни уродом, ни красавцем: слегка выющиеся, короткие волосы при свете одного лишь камина казались огненно-рыжими, как само пламя. Выразительные, зелёные глаза под густыми, рыжими бровями создавали эффект чересчур пристального взгляда. Его иногда называли «дьявольским взглядом», просто некоторые его пугались и охотно верили суевериям о том, что это какая-то нечистая сила наградила мальчика подобными качествами. Нетипичный для Англии тёмный цвет кожи парня говорил о том, что он часто путешествовал. У него был прямой, широкий нос, и тонкие, почти бесцветные губы. Мало кто видел, как мальчишка улыбается, и мало кто знал, умеет ли он вообще это делать. Его высокий лоб, возможно, и сказал бы о чистом уме, но ведь никогда точно не угадаешь, каков разум человека. Простые люди говорили, что у этого парня разума и вовсе не было. Худощавый и высокий, он всё же частенько любил подраться и выигрывал в драках. Как хвастал его отец, парень просто обожал участвовать в военных действиях: четыре года назад Александр присутствовал на Трафальгарском сражении, случившемся во время англо-испанской войны. Смерть и человеческие муки парня не пугали; больше того, он этим даже... упивался.

И Клэр, и её супруг всё это знали. Они смотрели в наглые глаза юноши и прекрасно понимали, что может ждать их дочь, когда она вырастет.

— Неужели ты согласен на все эти условия? — мягко спросил Шеффилд, обратившись к парню. — Тебе разве хочется делать то, что ты делать вовсе не обязан? Да ещё и ждать десять лет той связи, которая, возможно, вовсе не будет тебе нужна!

— Меня всё устраивает, — отрезал сын графа и повернулся к довольному сей картиной отцу. — Нам пора. Время идёт.

— Подожди-ка немного, Алекс, наш друг ещё не ответил нам. Что скажешь, Шеффилд?

Лорд нахмурился, сделав вид, что упорно раздумывает над предложением Ривза. На самом же деле за эти несколько минут их разговора в голове Шеффилда созрел новый план, который, как ему показалось, был бы для его семьи единственным спасением.

— Я согласен, — ответил мужчина наконец.

— Ты с ума сошёл, — прошипела Клэр, дёргая его за рукав. — К чёрту всю нашу репутацию! Элисон будет расти для себя и только для себя, а не для этого ненормального

мальчишки!

— Я уже дал ответ, поверь мне, всё будет хорошо.

Клэр кивнула, уловив нужный тон в словах супруга. Они оба прекрасно друг друга понимали всё время их совместной жизни, и сейчас Клэр даже немного успокоилась, глядя в спокойное лицо мужа.

— Отлично! — Ривз поднялся, тяжело вздохнув, и протянул Шеффилду свою руку. — Тогда договорились. Никаких бумаг подписывать, я думаю, не стоит. Ты же прекрасно понимаешь, чем всё обернется, если ты обманешь нас.

— Конечно, — Шеффилд крепко пожал протянутую ему руку и попытался улыбнуться. — Удачи тебе и твоему сыну в пути. Кажется, сегодня на улице разыгрался сильный шторм.

Ривз двусмысленно усмехнулся на его слова, но ничего больше не ответил. Он вяло поклонился Клэр, которая даже смотреть в его сторону не стала. Зато перед тем, как за Ривзами закрылась главная дверь, она успела поймать взглядом демонически-зелёные глаза Александра, смотрящие на неё из-под мокрого капюшона.

— До чего же отталкивающий этот мальчишка! — недовольно буркнула она, растирая свои плечи руками. — Недаром соседи говорят, что он не сын Ривза, а отродье самого Дьявола!

— Не говори ерунды, Клэр. Карла! — позвал лорд Шеффилд старую няньку, и женщина быстро просеменила от лестницы к нему. — Проверь, пожалуйста, как там Элисон. И, да, насчёт всего, что здесь было... Никому ни слова! Особенно девочке!

Няня послушно кивнула в ответ и поспешила подняться на второй этаж, в детскую. Шеффилд устало опустился в любимое кресло, стоявшее тут же рядом, напротив камина; Клэр, садясь к нему на колени, обвила его шею руками и нежно поцеловала в висок.

— Скажи мне, милый, что ты задумал?

— Когда придёт время платить по счетам... Когда Элли вырастет, мы подстроим всё так, чтобы она не попала в семью Ривзов.

— И как ты думаешь сделать это? Ты же слышал: если что-то пойдёт не так... Все козыри в руках графа, грубо говоря.

— Скоро Элисон поедет в пансион. Конечно, до конца дней ей там не удастся скрываться, но до её восемнадцатилетия мы просто придумаем историю о том, что с ней произошёл... несчастный случай, скажем так...

— Боже мой!

— Это же будет не по-настоящему, Клэр! Увезём её до окончания школы куда-нибудь в... Бристоль.

— Туда нельзя! У Ривзов там полным-полно знакомых. Таких же чокнутых отморожков, как и его сынок!

— Хорошо, об этом подумаем позже. Главное, когда её учёба будет подходить к концу, сделать всё это быстро и как можно более правдоподобней.

— А что будет с Элисон? Её это не удивит? Она же не будет жить отдельно от нас?

— Нет, не будет. А чтобы не вызывать подозрений, мы с тобой после эдакой подстроенной смерти дочери уедем отсюда, словно убитые горем.

— Луис даже не представляет, как нам приходится врать из-за него, — женщина легко коснулась губами гладкой щеки мужа. — Но он наш сын...

— И я всё сделаю для него и Элисон, — Шеффилд обнял жену, кладя руки ей на

талию. — У нас у всех есть десять лет, поэтому не волнуйся. Всё будет хорошо.

***

Девочка не спала, когда старая няня, отворив дверь детской, бесшумно вошла в комнату.

— Почему ещё не в постели, ангел мой?

Ребёнок тут же повернулся к ней, прыгнул с невысокого подоконника, на котором сидел, и за пару шагов добрался до кровати. Когда нянька подошла ближе, девочка, наивно хлопая длинными ресницами своих карих глаз, ответила:

— Я просто хотела посмотреть, кто к нам приезжал!

— Ты что, подслушивала, негодница? — возмутилась старуха, присаживаясь на постель.

— Вовсе нет! Я проснулась, потому что папа на кого-то кричал! Было слышно даже здесь.

— Но ты не слышала разговора?

— Неа, — девочка помотала головой. — В отличие от Луиса. Он сидел у лестницы и смотрел вниз! Я видела через проём двери! Потом убежал к себе. А что там такое было?

— Маленьким девочкам не обязательно об этом знать, — улыбаясь, ответила нянька, и укрыла ребёнка одеялом. — Давай-ка ложись спать.

— Вы мне никогда ничего не говорите! Все обо всём знают, кроме меня. Нечестно!

Старая Карла глубоко и тяжело вздохнула, погладила сухонькой рукой длинные, спутанные волосы девочки и почувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза. Элисон была настоящей отрадой для семьи Шеффилдов: выглядящая немного старше своих лет, девочка была послушной, смыслёной и невероятно милой. Она всегда улыбалась, что заставляло окружающих забывать о своих проблемах и хлопотах; и за это, и за удивительную сообразительность Элисон все так любили. Не только здесь, дома, но и в прилегающей к замку Шеффилдов деревне: там её все знали, знали и её отца, и мать — добродушных и приветливых хозяев.

Сейчас Карла, которая помогала растить девочку, и до этого прошла путь взросления её старшего брата, смотрела на ребёнка с тоской. Она жутко злилась на Луиса: из-за него Элисон может лишиться нормального будущего. Если её отец что-то не предпримет, девочке не избежать помолвки с этим ужасным сыном Ривза. Няня была возмущена не только тем, что парень был гораздо старше Элисон, (это было ещё не самым страшным) а также тем, кем он являлся на самом деле. Она-то сразу поняла всю его мерзкую натуру. И всё же Карла теперь надеялась на смекалку хозяина. Он бы спас дочь от жестокой участи.

— Что с тобой? — спросила Элисон, натягивая до подбородка своё одеяло. — Ты же вот-вот расплачешься!

— Ах, милая, просто мне так грустно, потому что ты скоро уедешь от нас.

— Но это же школа! Я этого так хочу! — глаза ребёнка засветились от счастья. — У меня, наконец, появятся настоящие подруги. А то здесь, ну, такая тоска! Деревенские мальчишки неинтересные! Вечные дожди, туманы да болота. И я же потом вернусь домой!

— Но я не увижу, как моя малышка вырастет! — старуха рукавом платья утёрла со щеки одинокую слезу.

— Да ну тебя! — девочка хотела уже было отвернуться к стене и сделать вид, словно спит, но всё же передумала. — Перестань, Карла. Помнишь, как ты мне всегда говорила?

— Конечно, помню, ангел мой.

— Расскажи ещё раз! Пожалуйста! — Элисон легла поудобней, подложив руку под голову. — Обещаю сразу заснуть.

— Ну хорошо. Ты поедешь в школу-пансион, что находится в Лондоне. Ты же помнишь Лондон? Уютный город! Так вот там будут учиться такие же девочки, как ты. Возможно, я ошибаюсь, ведь таких, как ты, нет и не будет, — услышав, как Элисон хихикнула, старуха сама улыбнулась. — У тебя там будет много новых друзей; там замечательные преподаватели, они научат тебя новым языкам, манерам и прочему! Ты станешь старше. Станешь прекрасной, милой и нежной взрослой девушкой. Когда ты вернёшься домой, мама с папой встретят тебя и устроят грандиозный праздник!

— И Луис будет здесь? — спросила девочка, зевнув.

— И он тоже.

— И про принца! Ты забыла про принца...

— Ах, да! — нянька всё пыталась унять в своём голосе дрожь, но это ей никак не удавалось. — Ты вернёшься домой, будешь выходить в свет, и тогда встретишься с самым красивым юношей из всех живущих!

— И он обязательно будет принцем...

— Обязательно! Вы полюбите друг друга, и он увезёт тебя в свой замок...

— А каким он будет?

— Кто, милая? Замок?

— Нет же! — улыбнулась девочка, шмыгнув носиком. — Мой принц! Какой он будет?

— Красивый, это несомненно. Нежный, заботливый, — нянька снова тяжело вздохнула. — Конечно же, он будет тебя любить... Поздно уже, дорогая. Пусть тебе снятся хорошие сны.

Карла чмокнула Элисон в лоб, поправила одеяло и бесшумно вышла из детской. Она спустилась на первый этаж, отчитавшись за покой девочки перед её родителями. Там уже находился и Луис; парень виновато смотрел в пол, видимо, после тяжёлого разговора с отцом. Тогда-то лорд Шеффилд рассказал и няньке свой план: когда Элисон достигнет своего восемнадцатилетия и закончит учёбу, он и его люди подстроят всё так, будто она не доехала до Портсмута, а в результате несчастного случая погибла по дороге сюда. На самом же деле Элисон увезут в Йоркшир.

— Дорога будет долгая, — предупредил домочадцев Шеффилд. — Но зато там нас точно никто не достанет. Мы не можем уехать прямо сейчас, пока у нас недостаточно денег, да и Ривз сразу что-то заподозрит. Поэтому, пока всё останется как есть.

Всех удовлетворил подобный план, даже Луис задышал свободней, решив, что последствия его поступков никому больше не причинят неприятностей...

Буря, разразившаяся той ночью, быстро стихла. Утро было спокойным, безветренным. Густой туман покрыл зелёные поля и равнину. Первые лучи солнца пробирались к озёрам и болотам, тревожа ещё не проснувшуюся живность...

***

Июнь, 1810 год

Англия, портовый город Ярмут

В полупрогнившей и пропахнувшей ромом и вином гостинице, расположенной в одном из самых бедных районов города, остановились двое молодых людей; статные, высокие, облачённые в военную форму, они сняли себе номер на втором этаже здания. Один из них, Уильям Кэллис, развалившись на диване, сейчас отдыхал, спокойно попивая из бутылки жидкость не совсем понятного ему происхождения, но сильно пахнущую ликёром. Из соседней комнаты доносились женские, реже мужские стоны, крики да поскрипывание

пружин кушетки. Уильям пьяно улыбался, глядя на запертую дверь. Парень всего на несколько секунд прикрыл глаза, дабы окунуться в приятное, блаженное безделье, и почти сразу провалился в тягучий сон. Разбудил его тяжёлый, шаркающий звук шагов его друга, который как раз покинул соседнюю комнату и сел рядом с Кэллисом. На парне были надеты лишь одни узкие брюки, делавшие его ещё выше из-за худобы.

— Закончил уже? — сипло выдавил из себя Уильям, протирая сонные глаза. — Ну как она тебе? Судя по её крикам, ей-то точно понравилось.

— Как обычно, — ответил его друг, устало откинувшись на спинку дивана.

— Выглядишь не очень. Ты, может, заболел?

Блондин действительно имел болезненный вид: лицо обычно загорелое было бледным, и покрылось испариной. Под глазами появились тёмные круги, а и без того бескровные, тонкие губы теперь почти не выделялись и дрожали, когда юноша тяжело выдыхал ртом воздух.

— Я в порядке, — коротко отрезал парень, утерев рукой пот со лба.

— Слушай, Алекс, если что не так, ты скажи сразу, — Уильям посерьёзnel, глядя на друга. — Хочешь есть? Пить? А может та дрянь в комнате тебя расстроила? Если что, ты мне скажи, я бы...

— Уволь меня от своих дурацких забот, Кэлл! Просто я устал. И эта дорога выбила меня из колеи.

Уильям лишь хмыкнул в ответ, хотя и вовсе не обиделся. Когда Алекс звал его «Кэллом», сокращённо от фамилии, это означало, что друг не так зол, как может показаться. Из комнаты напротив, закутавшись в потрёпанный, старый халат, вышла миловидная девушка, на вид которой было двадцать пять лет. Рыжеволосая красотка, удовлетворённо улыбнувшись, медленно подошла к парням и, соблазнительно тряхнув густой копной локонов, спросила:

— Может, кто-нибудь хочет ещё разок?

Блондин открыл глаза: он одарил девушку таким гневным взглядом, что она лишь возмущённо охнула.

— Как бы ты ни был хорош, мальчик, ты всё равно слишком рано кончил!

— Убирайся отсюда! — хрипло прошипел блондин, сжимая кулаки.

— Ты получила свои деньги? Всё, давай, уходи. Давай, мы в твоих услугах больше не нуждаемся! — Уильям вёл себя гораздо спокойнее друга, но вложил в тон своего голоса как можно больше жёсткости.

— Вообще-то никаких денег мне этот засранец не дал! Ну, так и быть, я с него ничего не возьму. Уж слишком здорово он трахается! Далеко пойдёт!

Девушка состроила недовольную мордашку, показала язык и, развернувшись, так босиком и выбежала из комнаты, громко хлопнув дверью. Уильям помог другу сесть удобнее, похлопал его по взмокшему плечу и снова спросил, не хочет ли он чего-нибудь. Алекс попросил вина, и Кэллис с радостью исполнил его просьбу: взял со старой тумбочки початую бутылку и протянул её блондину. Тот в три глотка выпил всё, что там оставалось.

— Алекс, — спокойно проговорил Уильям, глядя на то, как друг расслабленно ложится на спинку дивана, — мы больше не можем оставаться тут, в Ярмуте. Пора вернуться домой. Война закончилась, мы все устали.

— Я не хочу ехать в Портсмут. Там мой отец.

— И что из этого? — Уильям вдруг прищурился, лукаво улыбнувшись. — Между вами

что-то случилось, да?

— Помнишь, несколько месяцев назад я рассказывал тебе про сына Шеффилдов?

— Да, конечно. Он, как ты говорил, струсил и остался дома, скрылся от призыва. Хм, тот ещё засранец!

— Есть кое-что, что связывает нас, — продолжал Алекс, длинными пальцами убирая со лба взмокшие пряди волос. — Но ты должен молчать об этом... Мой отец помог им избежать позора. Теперь вся их семейка у нас в долгу. И всё было бы чудесно, если бы моему папаше не пришлось в голову...

Юноша не договорил; он закашлял, громко и сильно. Кашель рвал парня изнутри, воздух пытался найти себе путь из его лёгких и находил, вырываясь из его горла со слюной и мокротой. Уильям с сочувствием смотрел на Алекса и ждал, пока друг успокоится; он не мог сейчас ему чем-то помочь, но точно знал, что скоро отвезёт его домой и ни за что не оставит здесь, в этой помойной дыре.

— Отец ничего не заработал за всё время англо-испанской войны. У нас практически ничего нет кроме развалин старого замка в Солсбери да громкого имени, — Алекс говорил с трудом, но бледность, как и испарина, с его лица уже исчезла. — И он настолько благороден, чтобы просить милостыню, поэтому решил объединиться с Шеффилдами.

— Это каким образом?

— Родственниками стать, вот каким образом! — блондин сплюнул остатки вина, застрявшего в горле, на пол.

— Твой отец, конечно, отличный солдат, но... ты извини меня, насколько я помню, у них есть только сын. Так что ничего не получится у вас, голубочки! — Уильям потрепал друга по голове и хихикнул.

— Ты идиот, Кэлл! У них есть дочь!

— Так-так, а вот это уже интересно. И из-за этого ты распереживался? Хм, женись на ней, соблюдая все формальности, а потом можешь делать всё, что хочешь. Гулять и пить как всегда! Поверь мне, особой разницы ты не почувствуешь...

— Ты когда-нибудь дослушаешь меня до конца? — Алекс толкнул друга в плечо худой рукой. — Я должен ждать ещё девять лет, пока девчонка вырастет, тогда мы получим и деньги, и нужную моему папаше связь.

Они замолчали, на несколько минут погрузившись в давящую тишину этой дешёвой комнаты. Алекс успокоился; он согнулся, оперевшись локтями в колени, и спрятал лицо в ладонях. Его друг с угрюмым видом почесал затылок и, наконец, поинтересовался:

— А если отказаться? Скажи отцу, мол, не хочу я и всё тут!

— Ты просто гений, Кэлл, — блондин ухмыльнулся и устало откинул отяжелевшую от вина голову назад. — И ты не понял, что я тебе говорил. Не девчонка или свадьба меня пугают. Я зол, потому что отец решил за меня всё! Я стал прекрасным дополнением к его планам, Уильям, и не более того. Даже если б я отказался, у меня не осталось бы ни гроша. Он лишит меня всего, если я скажу своё «нет».

— Значит, будешь ждать?

— Если я останусь без его поддержки и связей, то сойду с ума от скуки. Или сдохну в какой-нибудь канаве из-за своей бедноты.

— Это ещё почему?

— Потому что кроме как убивать я ничего не умею.

Кэллис заглянул в демонически-зелёные глаза друга и невольно поёжился. Как он

иногда посмотрит, так мурашки по коже бегут, думал Уильям. Они ещё немного поговорили о будущем, о прошедшей войне, когда дверь номера с неприятным скрипом приоткрылась, и в комнату вошла молодая женщина, симпатичная брюнетка в лёгком, летнем платье.

— Мисс, а вас не учили стучаться перед тем, как куда-то войти? — с явным раздражением спросил Уильям.

— Она ко мне, — Алекс поднялся и медленно направился к девушке. — Тебе обо мне рассказала та рыжая ведьма? — спросил он, беря её за руку.

— Она сказала, что мне вы точно заплатите, — не скрывая ехидной улыбки, ответила брюнетка.

— Завтра мы едем домой, Александр! — просмеявшись, заявил Уильям, наблюдая, как друг уводит девушку в соседнюю комнату. — Иначе все шлюхи этого города прибегут к тебе и залюбят до смерти!

Они вошли в пропахшую сыростью и пылью спальню, и Алекс закрыл за собой дверь. Юноша подождал, пока девушка сама разденется; как только её платье упало на пол, парень подошёл к ней, наклонился и властно поцеловал. От девушки пахло вином и табаком, и это сильнее одурманило Алекса. Брюнетка обнимала его, привстав на цыпочки, потому что он был слишком высокий, и с жаром отвечала на поцелуй. На большие ласки Алекс никогда не разменивался. Таким уж он был, но большинству женщин, с которыми он спал, всё это нравилось.

— Ты... такой молодой... совсем, — пролепетала девушка, отрываясь от его горячих губ и стягивая с него брюки. — Сколько тебе лет, милый?

— Если ты думаешь, что у меня недостаточно опыта, то сейчас сама убедишься в обратном.

Парень толкнул её на широкую кушетку, покрытую заштопанной, помятой простынею, и лёг между стройных ног девушки. Алекс с жадностью целовал её губы, слегка прикусывая их от нетерпения, а в это время то ласкал грудь брюнетки, то сжимал пальцами её ягодицы. Девушка чувствовала жар его кожи, и как его возбуждённая плоть упирается в её бёдра. С её уст то и дело срывались стоны, больше похожие на мольбу. И Алекс тоже не хотел больше ждать. Он замер лишь на секунду, затем резко вошёл в неё, с каждым разом всё глубже погружаясь в её плоть. Он не останавливался, двигался всё быстрее. Девушка сходила с ума от разливавшей внутри неё волны жара, выгибаясь под ним и царапая ногтями кожу на его спине. Алекс переворачивал её, брал сзади, и она ничуть тому не сопротивлялась. Она видела, как он хрипло выдыхал воздух, достигая пика наслаждения; его стройное тело обмякло, парень лёг на девушку, тяжело дыша, затем вдруг перекатился в сторону и сел на краю кушетки.

— Деньги возьмёшь у моего друга, — прозвучал его голос, от которого так и веяло холодом. — Скажешь ему, сколько надо, он заплатит.

Девушка медленно поднялась, стирая рукой его семя с бёдер, лениво натянула на себя платье и, поправив длинные волосы, села рядом с ним.

— Жаль будет, если вы с другом уедете, — проговорила она, ласково глядя рукой плечо юноши. — А ты и в самом деле великолепен, мальчик, — брюнетка поцеловала его в щёку и вскочила с места. — Удачи тебе, дорогой! И спасибо...

Через мгновение её уже не было в комнате. Алекс лёг на бок, прижимая колени выше, к животу, после очередного приступа кашля, наконец, закрыл глаза и попытался заснуть.

***

Октябрь, 1810 год

Лондон

Как и всю рабочую неделю, от начала и до самой пятницы, столица встречала тёплое, безветренное утро; солнце восходило на безоблачном небе и быстро согревало замёрзшую за ночь землю. Было ещё очень рано, улицы пустовали, изредка пробуждаясь криком одинокой птицы или медленными, шаркающими по мостовой шагами очередного пьяницы, бредущего под утро домой.

Элисон Шеффилд и её подруга по учёбе Мария Шеппард не спеша прогуливались по спящему ещё Лондону, иногда останавливаясь, чтобы осмотреть очередной заинтересовавший их богатый дом или разглядеть вывеску на закрытой торговой лавке.

— ...И когда зазвонит завтра колокол в Храме Гроба Господня,

Да помилует Он ваши души!

Вот уже за полночь перевалило! [1]

— С ума сошла, Мария? — прошипела Элисон, дёрнув повеселевшую подругу за руку. — Кто же распевает песни в такую рань? Да ещё какую песню!

— Что ты такая напряжённая, Элли? — ответила ей девочка, тряхнув своими пепельными кудрями. — Вспомнила первое, что пришло мне на ум. Купец Доу придумал слова, я всего лишь повторила.

— Разве кто-то умирает? Или ты видишь на улице виселицу? Это грех, распевать такое в полном жизни городе. А помнишь, между прочим, твой однофамилец, один из самых известных грабителей прошлых лет, в конце концов был повешен! И слышал именно эти слова одними из последних.

— Ах, Элли, ты иногда бываешь сущей занудой!

Девочки прошли поворот, ведущий к одному из самых бедных районов столицы, и через несколько футов заметили целую гору из песка и камней, расположенную прямо посреди улицы.

— Здесь что-то строят, — предположила Мария, оглядывая насыпь.

— Я слышала про метро. Надеюсь, это как раз оно будет!

Подруги недолго постояли возле стройки и заглянули в огромную яму, вырытую за кучей песка. Они услышали эхом раздающийся стук копыт о мостовую и бегом покинули место, испугавшись извозчика, поворачивающего свою карету на эту улицу. Девочки ещё пару часов провели на улице, пока не стали появляться частые прохожие, спешащие куда-то по своим делам.

Для Элисон это был второй месяц второго года её обучения в школе. Как и задумывалось, у девочки появилось много новых друзей, она уже стала вести себя как настоящая леди; больше не было вечной беготни по окрестностям в поисках каких-либо приключений. Лишь иногда они с Марией убегали, чтобы посмотреть на то, как строятся новые районы города.

Размеренно и медленно тянулись несколько лет в пансионе, и Элисон чувствовала себя поистине прекрасно. Она училась, общалась и жила, согреваемая заботой воспитательниц и подруг, а иногда письмами из дома и редкими визитами к родителям.

Но когда девочке исполнилось шестнадцать лет, случилось несчастье. В тот год всё так изменилось, и буквально вся её счастливая жизнь перевернулась вверх дном. Зимой пришло известие о том, что её мать тяжело заболела. Это была всего лишь простуда, которой, поначалу, никто не придавал особого значения. Но спустя три недели Клэр Шеффилд

скончалась. Для её дочери это стало настоящим ударом. Элисон вернулась домой и, когда впервые увидела бездыханное тело матери, покоящееся в их любимой гостиной, у девочки случилась истерика. Её успокоили, но похороны проходили очень тяжело, как для Элисон, так и для остальных членов семьи. Луис, уже повзрослевший, возмужавший молодой человек, не мог смотреть сестре в глаза, ходил угрюмый и расстроенный. Точно таким же был и их отец. После прощания с женой, он очень часто повторял одни и те же слова:

— Ты стала такой взрослой, такой красивой, Элли. Твоя мама гордилась бы тобой.

Элисон смущалась, когда её называли красавицей, потому что не считала себя таковой. В её внешности не было ничего особенного: тёмно-каштановые волосы всегда были заплетены в тугую косу, в знак смиренности и чистоты; большие, карие глаза сильно выделялись на бледном лице; на маленьком носике ещё оставалась пара-тройка веснушек; очаровательные губки почти всегда улыбались.

Элисон хотела бросить учёбу, не желала возвращаться в Лондон. Но уговоры отца, старой няньки и даже Луиса подействовали на неё эффективно. Лорд Шеффилд говорил, что учёба отвлечёт дочь от мрачных мыслей, возможно, поможет смириться со смертью матери. А сам до дрожи в руках боялся, что если она останется дома, то встреча с семьёй Ривза будет неизбежна. Однажды Элисон чуть не прочла их письмо с соболезнованиями по поводу смерти Клэр, но няня успела его спрятать...

Элисон вернулась в пансион, немного расстроенная, но всё же неунывающая. Два года пролетели очень быстро, повзрослевшая Элисон радовалась жизни, как и раньше, а её обучение подходило к концу.

[1] духовный стих (вирша), произносимый в основном звонарём перед публичной казнью.

Июнь, 1819 год

Лондон, Гайд-парк

Мария завела Элисон в самую глубь парка, шелестя подолом юбки по невысокой траве. Она провела подругу к небольшому пруду, почти заросшему тиной; здесь находилась уже всеми забытая старая беседка, полуразвалившаяся и почерневшая от солнца. Мария почти приказала Элисон присесть на скамейку, сама же, радостно вздыхая, достала из маленького кармашка платья золотое, гравированное кольцо и протянула его подруге.

— Мария, что это? — возбуждённым шёпотом спросила девушка, разглядывая блестящее на солнце сокровище.

— Это от Дениэла! — подруга взвизгнула, сжимая кулачки, и чуть не подпрыгнула на месте. — Мы поженимся!

— Это... это же замечательно! — Элисон подскочила к ней и нежно обняла за плечи. — Как здорово! Я очень рада за вас. Я ведь знаю его уже пять лет, он очень хороший парень.

— Я так счастлива, милая, — Мария потянула подругу к скамье, и они вместе опустились на неё, касаясь друг друга плечами. — Рада, что ты одобрила мой выбор. Как и мама с папой. Через неделю он приедет в Лондон, и мы поженимся! Ты ведь придёшь, да?

— Конечно! Я буду здесь, мне ведь некуда пока спешить.

— А ты в этом уверена? — Мария прищурилась, лукаво взглянув на подругу. — Ты ничего не хочешь мне сказать?

— О чём ты? Хм, я, кажется... Да нет, ничего, правда.

— Какая же ты врушка, Элли! Хотя это на тебя совсем не похоже. Обычно, ты мне всё рассказываешь, а тут решила потянуть до самого конца? Как это называть?

— Погоди, — Элисон помотала головой и отодвинулась от подруги. — Я не понимаю, о чём ты там пытаешься мне сказать...

— Но как же? А твоя свадьба? А твой жених? — Мария сложила руки на груди, потрянула головой, и её кудри перекатились с плеча на спину. — Такое ощущение, что об этом знают все, кроме тебя. Нет, скажи мне, что ты просто не хотела устраивать большой праздник, я ведь пойму...

Она замолчала, увидев в глазах Элисон непонимание и даже страх. Девушка сидела рядом с ней, слегка приоткрыв рот, словно хотела что-то сказать, но не могла.

— Элли, ты в порядке? Я сказала что-то не то?

— Ты сейчас сказала очень странную вещь, — спокойным голосом произнесла Элисон. — О какой свадьбе ты говоришь? Чей жених?

— Ах, так ты в самом деле не знаешь! — Мария растерянно посмотрела куда-то в сторону, прикрыв ладошкой рот. — Значит, это всё было без твоего согласия оговорено!

— Ну-ка, расскажи мне, что было оговорено, — Элисон поморщилась, когда яркий луч солнца коснулся её лица. Она села удобней, подогнув правую ногу, и поправила платье.

— Прошлым летом... Когда я уезжала домой... — начала сбивчиво Мария. Она огляделась, убедившись, что никого нет рядом. — В общем, за несколько дней до этого папа пообщался с неким мистером Ривзом, который проболтался, что его сын скоро женится. Каково же было моё удивление, когда папа назвал мне твоё имя! Я думала, что ты знаешь... Я так долго ждала, когда ты мне об этом расскажешь. Я ещё думала, какой странный у тебя

выбор... Но это ведь не так важно, если вы так хотите пожениться...

— Мария, пойми. Это какая-то ошибка! Я замуж не выхожу! Я не знаю никакого Ривза, и уж тем более его сына.

— О, как это, не знаешь? — девушка лениво махнула рукой. — Помнишь, пару лет назад весь пансион болтал о некоем парне, по имени Александр Ривз? Словно, он наёмный убийца, посланец самого короля Георга Третьего! Какие-то слухи были... Жуть, да и только. Мы тоже это обсуждали.

— Да, кажется, припоминаю...

— Вот я и подумала, зачем тебе такой нужен? Он к тому же старый для тебя!

Элисон вскочила с места, да так резко, что её подруга чуть не свалилась со скамьи.

— Нет, нет... Это какая-то ошибка... Твой отец, наверное, ошибся. Ты уверена, что та невеста — это я?

— Да, уверена, папа так и сказал. Он бы меня обманывать не стал. Он ещё был зол на этого графа Ривза, мол, тот рассказывал о помолвке сына всем, кому ни по́падя! И жутко гордился этим. Станут родственниками с самим лордом Шеффилдом...

— За три года до смерти мамы, отец восстановил наше состояние за счёт рудников на севере, — говорила Элисон уже сама себе, не глядя на Марию. — А значит, и приданое будет стоящим... Боже мой... Они меня купили!

Девушка медленно опустилась на колени прямо на влажную от вчерашнего дождя траву. Она чувствовала какую-то давящую пустоту внутри себя. Так плохо ей не было с тех пор, как её мать положили в гроб и похоронили на кладбище, недалеко от их замка в Портсмуте. Осознание того, что отец отдал её кому-то, даже не предупредив её саму, медленно пожирало изнутри. Ей так сильно хотелось закричать от боли, от того, что её предали, променяли! Но почему-то не получилось...

Элисон ощутила тёплую ладонь Марии на своём плече: подруга села рядом с ней, погладила по сбившимся от ветра волосам и шёпотом проговорила:

— Мне так жаль, милая. А я тут о своей свадьбе весело щебетала! Прости, что принесла тебе такую новость. Я не знала.

— Ты не виновата, — ответила Элисон, сдерживая слёзы. — Я просто не понимаю... Почему отец так поступил? Какая ему от этого выгода? И почему именно этот... как его там... Александр?

— Понятия не имею!

— Твой отец ещё что-нибудь рассказывал?

— Ривз говорил про дату... Но я её не помню... Просто когда тебе должно было исполниться восемнадцать...

— Всё ясно! — Элисон поднялась с земли, стряхнув с ткани юбки росу, и Мария поднялась за ней. — Меня купила эта чёртова, сумасшедшая семейка... Мне больше неинтересно, что послужило этому причиной. Я буду жить так, как хотела. Я уеду в Уэльс, у меня остались деньги... Я найду там работу, куплю дом. А может быть, даже выйду там замуж...

— Но Элли! Ты же обещана другому! И... что твой отец скажет?

— Наплевать я хотела на всех, — девушка сжала пальчики в кулаки. — Уеду завтра ночью. Чтобы никто не догадался, не заметил... И Мария... Никому не говори об этом, хорошо?

Подруга молчала, глядя на неё наивными, голубыми глазами, и Элисон начала

волноваться, что всё может пойти не так, как она решила.

— Слушай, ты обязана мне помочь, — она взяла Марию за руку. — Просто никому не говори, куда я поеду. Словно и нет меня.

— А может, ты всё же останешься? Поговоришь с отцом, всё объяснишь ему...

— Нет, так не пойдёт. Сейчас я слишком зла и... Не смогу даже взглянуть на него.

— Но может быть этот Александр не так уж и плох? Может, вы поженитесь, и он тебе понравится?

— Не говори ерунды! Я его никогда не видела, я его не знаю. После того, как они всё это спланировали без меня, без моего согласия... я не хочу его знать! А слава его отца и его самого заставляет каждого доброго человека дрожать от страха, разве не так? Я лучше умру, чем соглашусь. Поэтому, я прошу тебя здесь и сейчас! Поклянись, что никому не скажешь!

Мария шмыгнула носом, стёрла с розовой щеки слезу и, в конце концов, обняла подругу.

— Хорошо. Никому не скажу, куда ты уехала. Но потом пришли о себе весточку, что ты добралась!

— Если только ты будешь осторожна с письмом.

— Обещаю, милая!

Подавленные и уставшие девушки вернулись в пансион. Они дождались позднего вечера; когда всё здание и его обитатели погрузились в сон, Элисон с подругой вышли наружу через задний двор школы. План девушки провалился бы, если б конюшни, расположенные рядом с пансионом, оказались совершенно пустыми. Элисон услышала ржание и топот копыт о деревянный пол: одна лошадь, всё же, стояла в своём стойле.

— Это Рыцарь! — прошептала Мария, подходя ближе к чёрному коню. — Он принадлежит директору! Знаешь, что будет, когда утром его не обнаружат? Они всё равно поедут за тобой!

— Я знаю, знаю! Я отправлюсь сначала в Сент-Олбанс, он ближе всего! А оттуда уже в Честер через Стратфорд. Я их запутаю, — шёпотом отвечала ей подруга. — Ну, попробую, по крайней мере.

Элисон запахнула свой длинный плащ грязно-зелёного цвета и накинула на голову капюшон. Мария беспокойно озиралась по сторонам, держа в дрожащей руке свечу. Беглянка уже забралась на спину коня, примериваясь к седлу, предназначенному явно не для женщины. Но Элисон было всё равно, она управилась бы с любой лошастью.

— Послушай, Элли... Ещё не поздно всё отменить!

— Извини меня, — прошептала Элисон. — Я не останусь. Отдай мне мою сумку и попрощаемся.

Мария подала подруге небольшую, довольно лёгкую кожаную сумку, куда девушка скинула самое необходимое накануне побега. Конь заволновался, начал размахивать хвостом, и Элисон поняла: больше ждать нельзя, иначе их услышат, а тогда достанется и Марии тоже.

— Я благодарна тебе, дорогая... Ты рассказала мне обо всём этом до того, как моя жизнь превратилась бы в кошмар. Мы ещё увидимся, я обещаю...

Элисон дёрнула поводья, приглушённо вскрикнула, и Рыцарь сорвался с места. Ворота заранее были открыты, через них девушка провела коня и пустила его галопом по улице. Мария слизывала солёные слезы с губ, прислушиваясь к удаляющимся громким стукам копыт по тротуару. Она всхлипнула, закрывая глаза: последнее, что она разглядела в темноте конюшни — это белоснежная ткань платья Элисон, едва видимая из-под плаща.

Девушка не верила своему везению: за три часа, ещё до восхода солнца, она доехала до первого крупного города после Лондона, не встретив на пути ни души. Рассвет только зарделся над горизонтом, когда Элисон приехала в Стратфорд. Известный как родина самого Уильяма Шекспира, опрятный и спокойный городок только-только размыкал глаза, а Элисон всё никак не могла налюбоваться маленькими, аккуратными зданиями, чистыми улицами, и она даже не сомневалась, что Стратфорд будет таким. Родина её любимого поэта просто не могла разочаровать её.

Элисон практически не устала за время дороги, как и её конь; она частенько похлопывала его по массивной шее, успокаивая и ласково сообщая, что им ещё долго вместе путешествовать. К полудню, когда Элисон доехала до окраины городка, восторг её поубавился. Она стала размышлять о том, как ей поступить дальше: она доберётся до Уэльса, и очень скоро, но куда ей там идти? К кому обратиться? Где искать дом, в котором она сможет провести хоть какое-то время? Она всё думала и думала, идеи вдруг испарились, а желание показать свою независимость от отца слабело с каждым часом. Погода портилась, накрапывал мелкий дождь, что, несомненно, заставляло Элисон глубже погружаться в мрачные раздумья.

Прошло всего два часа, как девушка выехала к окраине Стратфорда: здесь не было ничего кроме проложенной каретами широкой дороги, редкого леса по правую сторону да голого поля слева. Элисон пустила коня шагом; она всматривалась в уже затянутый тучами горизонт, приподнимая намокший от дождя капюшон, как вдруг из-за деревьев прямо на дорогу выскочили двое неизвестных в чёрных, испачканных грязью костюмах. Они преградили собой путь, замахали руками, отчего перепуганный конь вскочил на дыбы. Элисон повезло: она ухватилась за его гриву, поэтому не свалилась на землю. Девушка тут же выпрямилась в седле, оглядев, как она подумала с самого начала, нахальных разбойников. Но эти двое не были похожи на таковых, их костюмы отличались крепким и довольно богатым покроем.

Элисон дёрнула поводья на себя, очень резко и быстро; Рыцарь уже было рванулся вперёд меж двух напавших, но один из них подскочил к коню сбоку и выдернул поводья из рук девушки. Теперь её возмущению просто не было предела: она посмотрела вниз на наглеца, самодовольно хмыкнула и пнула его в плечо сапогом. Мужчина, которому на вид было не больше тридцати лет, как и его другу, дёрнулся назад, хватаясь за ушибленное плечо. В этот момент Элисон готова была вновь сорваться с места. Ещё секунда, и она пустила бы коня вперёд, не обращая внимания на второго нападавшего, но в нескольких футах от дороги прогремел выстрел. Конь возмущённо затанцевал на месте, но Элисон удалось его успокоить. Она больше была заинтересована другим молодым и довольно симпатичным человеком, который, как и его спутники, вышел на дорогу из леса. В правой руке он держал новёхонький револьвер.

— Я бы посоветовал вам не размахивать так вашими ножками, мисс, — сказал он, подходя ближе. Его друзья уже держали коня под узду.

— А я бы посоветовала вам убрать ваше оружие подальше, — ответила Элисон, глядя на него сверху. — А вашим друзьям-разбойникам — отпустить меня и дать спокойно проехать.

— Разбойникам? — мужчина удивлённо посмотрел на неё, затем на своих спутников, и вся троица залилась громким смехом. — Нет, мисс, ну какие же мы разбойники? — продолжал он, просмеявшись. — А знаете, у вас невероятно прелестный голос...

— Тогда чего вам от меня нужно, джентльмены?

— А вот это уже другой разговор, — лукавая улыбка озарило загорелое лицо мужчины; он протянул Элисон руку, ожидая, что она разрешит ему поцеловать свою. — Меня зовут Уильям Кэллис. А вы у нас, значит, мисс Шеффилд.

— Вы меня знаете? — Элисон так и не подала ему руку, и мужчине пришлось с этим смириться.

— О, да, я знаю вас. Мы с товарищами следим за вами уже почти месяц. Было гораздо удобней наблюдать за вами, пока вы были в пансионе, и, казалось, вот-вот нашей миссии настанет конец, как вдруг вы неожиданно решаете сбежать отсюда...

— Миссия? Что за миссия? Зачем следить за мной?

— Многовато вопросов на первый раз, дорогуша, — буркнул его друг, которого Элисон ударила в плечо ногой. — Нам тут не очень комфортно под дождём в грязи распинаться...

— Ничего, она имеет право знать, — Уильям заулыбался снова. — По поручению нашего хорошего друга графа Ривза мы наблюдали за вами все эти недели, дабы убедиться, что вы живёте в достатке, что вы в безопасности и вскоре спокойно сможете вернуться домой.

— К чему такая забота от человека, которого я совершенно не знаю? — спокойно спросила девушка, заранее предугадывая ответ.

— На следующей неделе вы должны выйти замуж за его сына, а по совместительству, ещё и моего лучшего друга — Александра Ривза, — ответил Кэллис. Голос его больше не звучал нахально и дерзко.

Уильям видел, как побледнело личико Элисон, как крепко сжались её пальцы, удерживающие поводья. Как он и предполагал, она расстроена. Она узнала о сделке, это и послужило причиной её побега. Из-за этого ему с друзьями пришлось догонять её всё утро и последующие несколько часов. Он уже стал жалеть её и даже восхищаться её упорством, пусть и бестолковым. Но, как рассказывал ему граф Ривз, девчонка — всего лишь член семьи трусов и обманщиков, коими являлись Шеффилды. Она и её приданое — плата за их молчание. А молчание, как известно, дороже золота.

— Слушайте, — начал Уильям, глядя рукой мокрую от дождя шею Рыцаря. — Знаю, что вы думаете: всё это так неожиданно и неприятно, я понимаю. Но вы не знаете всех нюансов, мисс. Вам рано так распорядиться своей жизнью, это всё равно, что в омут с головой! Куда вы собирались ехать? И что бы вы делали в незнакомом месте? А если бы по дороге на вас напали настоящие разбойники? Вы так непредусмотрительны. Но, должен признаться, вы нас удивили своей выходкой. А сейчас я прошу вас вернуться с нами в Портсмут. Граф Ривз и ваш отец вас ждут для серьёзного разговора, там вы всё узнаете.

— А если я скажу... нет?

— Я обязан вернуть вас. Поэтому, против вашей воли или же с вашим согласием... Я это сделаю. Но без него получится дольше.

Элисон глубоко вздохнула и разжала затёкшие, замерзшие пальцы. Она вымоталась, промокла, даже под этим плащом, а желание продолжать путешествие пропало лишь потому, что этот мужчина был прав: она ничего толком не обдумала, разозлилась, конечно, имея на это полное право. И всё же... Она так сильно рисковала. В конце концов, Кэллис заявил, что без неё не вернётся, а значит, она от него точно никуда не денется.

— Хорошо, — ответила она охрипшим голосом. — Я поеду с вами обратно. Но не потому, что я согласна на свадьбу. Я хочу выяснить причину тому, почему мой отец оказался

вовлечён в связь с этим вашим графом.

— Как скажете, мисс.

Своих лошадей они оставили неподалёку от того места, где догнали Элисон. До Портсмута они добирались остаток дня, и была уже глубокая ночь, когда Элисон переступила порог родного дома.

И вот она сидит в маленькой, уютной гостиной, в сухой одежде, и бездумно смотрит куда-то вперёд. За руку её держит старая нянька, то и дело пытающаяся хоть как-то приободрить воспитанницу. Карла гладит девушку по распутанным, ещё влажным от дождя волосам и ласково шепчет слова утешения:

— Милая моя... Ангел мой, всё будет хорошо...

— Нет, — резко прерывает её Элисон и отстраняется от старухи. — Не будет! А ты ведь знала! И за все эти годы ничего мне не сказала. Вокруг меня одни предатели!

Карла молчит, едва сдерживая слёзы; а к ним уже подходит лорд Шеффилд. На его высоком лбу залегла глубокая морщина, тёмные глаза покраснели от усталости или недостатка сна.

— Элисон, зачем ты это сделала? Зачем уехала оттуда? Знаешь, что могло с тобой произойти?!

— Я разозлилась! И была расстроена, я имела право спасти себя, — девушка смотрит отцу прямо в лицо, пристально и смело.

— У нас был план, придуманный уже довольно давно! Мы хотели забрать тебя из пансиона сами, хотели спрятать! Ты всё испортила своим глупым побегом!

— Глупым? — Элисон, возмущённая его словами, вскакивает с дивана. — О, нет, папенька, на этот раз ты оказался глупее всех! Ривз заранее предугадал твои действия и послал тех троих следить за мной. Кстати, ты уже успел поблагодарить их за моё спасение или просто так отпустил? Так что с тобой или без тебя — какая разница — я бы всё равно от них не сбежала!

— Успокойся, Элисон! Мы что-нибудь придумаем... Ты права, я остался в дураках... Но мы ещё попробуем...

— Что тут делать? Ты дал обещание! За меня! Карла рассказала, что послужило тому причиной. Луис. Да, я теперь знаю. Но его нежелание пойти на службу не имело ко мне никакого отношения! Нельзя вот так распорядиться чужой жизнью! Как можно было жертвовать моим счастьем ради сохранения высокого статуса нашей семьи?

— Я хотел как лучше, Элли. Если бы репутация Луиса пострадала, это отразилось бы на всех нас. А ты знаешь, что сделали бы с ним за отказ послужить своей стране?

— Но я не виновата, что он такой трус, и что Ривз хранит его тайну, — Элисон всхлипывает, но не плачет. Она разворачивается и убегает из гостиной по лестнице на второй этаж.

Её отец и нянька отчётливо слышат каждый её шаг, а потом и грохот захлопывающейся двери её комнаты.

***

И так равны Любви огонь

И Смерти хладная ладонь,

Но все ж Любви способен пыл

Мороз прогнать из тьмы могил.[2]

Когда Луис вошёл в комнату сестры, она сидела на своей узкой постели, свесив ноги, и

отстранённо смотрела куда-то вперёд. Парень постоял у двери пару минут, затем медленно подошёл к Элисон.

— Уходи, — буркнула она, отвернувшись к окну, за которым уже чернела ночь.

— Элли, я должен тебе сказать...

— Ты уже всё сказал! Точнее, не сказал, не сделал, отчего я теперь должна страдать.

— Послушай, — Луис присел рядом на заправленную постель с ней; Элисон брезгливо подвинулась. — Я знаю, что ты обо мне думаешь: несчастный трус, которому плевать на всех, кроме себя. Это не так. Просто... Ты даже не представляешь, как там было страшно. Парни моложе, чем я, умирали там, в первых рядах... Я испугался, да! Я патриот, но... Сама мысль о том, что я, возможно, расстанусь с жизнью, приводила меня в ужас!

Луис протянул к сестре руку и погладил её дрожащими пальцами по плечу.

— Меня могли убить, Элли. У них и по сей день есть право зашвырнуть меня в тюрьму. Но если Ривз получит то, чего хочет, этого никогда не случится... Я не прошу тебя, не умоляю быть благосклонной. Я и так благодарен тебе за всё... Знаешь, я готов понести наказание, если ты откажешься выходить замуж.

— Правда готов? — Элисон резко повернулась к нему; её влажные от слёз глаза смотрели на брата с искренним удивлением. — Ради меня пойдёшь на такое?

— Конечно, милая. Я всё решил. Завтра приедет граф Ривз... Мы скажем ему, что сделка расторгнута.

— Боже мой, Луис! — девушка бросилась на шею брату, крепко обняла его и поцеловала в щёку. — Ты и не представляешь, что это всё значит для меня!

Лицо молодого человека озарила печальная улыбка; он ничего не ответил, лишь поцеловал сестру в ответ, пожелал ей спокойной ночи, попросив, чтобы она ни о чём не волновалась, и покинул её комнату.

Элисон закрыла глаза и попыталась заснуть, но чувство тревоги не позволяло ей этого сделать. Она не могла выкинуть из головы этот взгляд своего брата, когда он пообещал всё исправить завтра. Элисон понимала, чем ему и их отцу всё это будет грозить, но, как она старалась себя успокоить, это не было её делом. Не её вина, что Луис не пошёл на войну, не её вина, что семья связалась с Ривзом. И сейчас она должна бы радоваться, что вновь обретёт статус свободной девушки. Только вот радости никакой и не было. Завтра брат пожертвует своей репутацией и, возможно, даже свободой. Казалось бы, честный обмен...

Как она ни хотела этого и ни старалась, Элисон так и не смогла заснуть. Сон как рукой сняло, она металась от одного решения проблемы к другому, но ничего толкового не выходило. Она и не заметила, как быстро наступило утро. Высохшие капли дождя на окне напоминали о её ночном возвращении домой. Элисон поднялась, кое-как поправила помятое платье, которое даже не сняла вчера, и прислушалась к шуму с первого этажа. Она всё же расслышала голоса брата и отца, но был ещё один, совсем незнакомый. Догадавшись, кому он может принадлежать, Элисон отчаянно застонала, хлопнула себя ладонью по лбу и со всех ног кинулась бежать из комнаты.

Спустившись по лестнице вниз, девушка увидела отца, и графа Ривза, и Луиса, сложившего руки на груди и мрачно наблюдавшего за ними. Элисон ожидала увидеть здесь кое-кого ещё, но, судя по всему, он не удостоил их сегодня своим вниманием.

— А вот и наша прелестная невеста! — радостно воскликнул граф, подойдя к ней. Мужчина поцеловал её руку, и Элисон сумела получше его рассмотреть. И сложно было разгадать что-то за его тёмными глазами.

— Хорошо, что ты здесь, Элли, — сказал Луис и, глубоко вздохнув, продолжил: — Мистер Ривз, мы хотим вам что-то сказать...

Девушка обратила растерянный взор к брату; у неё перехватило дыхание от осознания того, что он сейчас сделает. Скажет, и всё будет кончено. Ей пришлось перебить его, чтобы не стало слишком поздно:

— Мы лишь хотели сказать... Я хотела сообщить, что я согласна на все ваши условия. Свадьба будет... я согласна.

— Что ж, это просто замечательно, просто прекрасно! — ответил граф, не заметив удивлённого взгляда Шеффилда старшего и не менее удивлённого Луиса. — А мы тут как раз закончили обсуждать некоторые детали, — Ривз повернулся к её отцу. — Готовьтесь, у вас есть три дня.

Он откланялся, нахально разглядывая Элисон, затем развернулся и покинул гостиную. Луис подошёл к сестре, схватил за руку и заставил посмотреть ему в лицо.

— Ты что сделала? Мы же договорились, я бы точно сказал...

— Я передумала. Не хотела портить тебе всю жизнь. И потом... Мама была бы расстроена.

— Элисон! — Луис в отчаянии тряхнул головой и отвёл взгляд в сторону. — Ну зачем ты так?

— Знаешь, теперь мне кажется, что ты хотел сделать это не ради меня, а просто, чтобы показать, какой ты благородный и мужественный. Это бы означало, что ты хоть раз в жизнь сделал что-то хорошее для другого человека... А теперь... ты будешь вдвойне мне должен!

Её жёсткий, холодный тон заставил вздрогнуть даже Шеффилда старшего. Под хмурые взгляды отца и брата, она ушла к себе в комнату, гордо подняв голову. Девушка решила, что пусть лучше Луис и дальше мучается со своей совестью или её отсутствием, а она сделает то, что должна.

Три дня Элисон ни с кем не разговаривала, кроме своей старой няньки, которая пыталась дать ей различные наставления по поводу свадьбы и поведения в чужом доме; когда старуха начала говорить о первой брачной ночи, Элисон резко прервала её:

— Молчи, Карла! Мне это ни к чему...

— Но как же, ангел мой? — удивилась нянька. — Ты должна знать хотя бы то, что...

— Ничего я не хочу знать! Я не дам ему себя коснуться, ясно? Просто не позволю ему сделать это. Пусть только попробует!

— И как же долго ты будешь так себя вести?

— Если мне повезёт, пока я не умру!

Старая Карла лишь качала головой и печально вздыхала.

На четвёртый день, после полудня Элисон, одетую в простое, прямое, белое платье с широким поясом, увезли к одной из старых часовен, расположенной недалеко от берега пролива Солент. Девушка знала, что не будет ни многочисленных гостей, среди которых могли бы оказаться её подруги, ни шикарного празднества, и никакого соблюдения старинных традиций и обрядов. С другой стороны, она понимала: это всё было бы глупо, если бы эта ненавистная ей свадьба растянулась на несколько дней вперёд.

Часовня представляла собой каменное, одноэтажное здание с серыми, покрытыми у основания плесенью и мхом стенами. Двери как таковой там вообще не имелось, просто невысокая, узкая арка, ведущая внутрь помещения. Элисон осмотрела это место, с которого начнётся её вхождение в чужую семью, и горько усмехнулась в своих мыслях: не так она

представляла идеальную свадьбу.

Погода, как это ни странно, была довольно приветливой: светило солнце, на небе не было ни облачка, ветер лишь едва колыхал траву в равнине. Лорд Шеффилд взял дочь под руку (хотя вести её к алтарю должен был именно брат, но девушка отказалась), перешагнул с ней порог часовни, и она увидела пожилого священника и троих мужчин рядом с ним. Само помещение, как оказалось, внешнему облику часовни совсем не соответствовало: здесь было чисто, светло, скамьи и алтарь находились на своих местах. Наверняка, сюда часто приходили жители окрестных деревень.

Чем ближе Элисон и её отец подходили к алтарю, тем отчётливей девушка видела присутствующих: вот сам граф Ривз, в строгом, тёмно-синем костюме; вот Уильям Кэллис, друг их семьи и, судя по его приветливой улыбке, он был бы не прочь стать другом и для невесты. Элисон взглянула на третьего, на незнакомца...

Она думала, что он гораздо старше, но казалось, он был примерно того же возраста, что и Кэллис, и даже был таким же высоким, как Уильям; стоило молодому человеку обернуться, как Элисон встретила взглядом с его зелёными глазами и тут же поняла, почему многие называли их «дьявольскими». Он не был разодет по-особому для такого случая: на его высокой, стройной фигуре и тёмно-серый пиджак, и брюки смотрелись идеально, Элисон не могла не уделить этому внимания. Выющиеся волосы пшеничного цвета были слегка растрёпаны, возможно, из-за ветра, или же ему просто было всё равно, как они будут выглядеть. Девушка посмотрела в его загорелое, чистое лицо, но ничего, кроме равнодушия там не нашла.

Его отец пожал Шеффилду руку, успев при этом хорошенько разглядеть Элисон. Мужчины обменялись какими-то дополнительными, незначительными фразами, затем, после на редкость короткой речи священника, молодожёны повторили друг за другом нужные клятвы, надели кольца, которые держал Уильям, и со всеми мелочами было покончено.

— Может быть, ты поцелуешь свою прекрасную жену, Алекс? — спросил Ривз старший, улыбаясь.

Это ведь было необязательно, и Элисон это понимала, но слова графа прозвучали больше как приказ, а не предложение. Этот нечестный, но хитрый ход, несомненно, должен был его позабавить. Элисон ощутила горячие слёзы, катящиеся по её щекам. Александр осторожно приподнял её голову, коснувшись пальцами её подбородка; Элисон не могла смотреть на него, не хотела: она закрыла глаза, когда он едва ощутимо поцеловал её, накрыв её дрожащие губы своими. Лорд Шеффилд, возможно, не видел её слёз и решил, что дочь всё это устраивает, потому что довольная улыбка появилась и на его лице.

Когда они все вместе покидали часовню, Элисон, утирая слёзы, клялась сама себе, что это был первый и последний раз, когда этот человек коснулся её. Он забрал у неё самый первый поцелуй, который должен был подарить ей любимый человек. Но все её представления и мечты снова были искажены...

[2] «The Sad Shepherd, or a Tale of Robin Hood» в переводе Рогова: Любовь и смерть.

Глава 3

Родители решили оставить молодожёнов на одну ночь в замке Шеффилдов здесь же, в Портсмуте. Завтра Алекс должен увезти свою молодую жену в Солсбери. А пока весь вечер мужчины пили вино, курили сигары и договаривались по поводу приданного Элисон, которой в тот момент с ними не было. Уильям смотрел на молчаливого жениха, всё никак не решаясь задать ему один вопрос. Алекс пил, но совершенно не пьянел; он изредка косо посматривал на Луиса, пребывавшего в таком же хмуром настроении.

— Эй, жених, что с тобой? — тихо спросил Кэллис у друга. — Брось ты, всё не так уж плохо. Знаешь, ты даже понятия не имеешь, сколько раз меня самого пытались женить. Но все эти дамочки... Они либо жуткие собственницы, либо слишком старые, либо же страшные уродины!

— И что дальше? — в который раз тон голоса Алекса был холоден и бесстрастен.

— А то, что твоя жёнушка очень даже недурна собой. Спать с ней будет одно удовольствие...

— Кто сказал, что я хочу с ней спать?

— Посмотрим, как ты запоёшь, когда твой отец потребует внука.

От Александра в ответ последовал лишь едкий смешок. Но в глубине души он понимал, что друг был прав. Осушив до дна очередной бокал с вином, он поднялся с места и молча направился на второй этаж. Луис, проследовав за ним, успел преградить ему собой дорогу перед лестницей.

— Не причиняй ей вреда, — прошептал он так, чтобы лишь Алекс мог его слышать. — Она совсем ещё ребёнок, и ничего не понимает. Она ни в чём не виновата перед тобой.

— По-моему ты опоздал, защитник...

— Не вымещай на ней свою обиду, Ривз.

— Она теперь не твоя забота, парень, — зло прошипел Алекс, пихнув Луиса в плечо. — Спокойной ночи.

Александр даже не обратил внимания на то, каким гневным взглядом одарил его новоявленный шурин. Проигнорировав и пристальные взгляды остальных джентльменов, он поднялся наверх, прошёл по коридору до нужной двери и, даже не постучавшись, вошёл в комнату.

На столике рядом с расправленной постелью стоял канделябр, вмещающий в себя три свечи, и их света хватило, чтобы Алекс смог разглядеть в полутьме комнаты Элисон. Девушка, одетая в простую шемизу, стояла возле кровати, беспокойно глядя на мужа. Каштановые волосы были перекинута на её голые плечи, расчёсаны, и довольно прелестно обрамляли её бледное личико. На мгновение Алексу показалось, что он залюбовался этим милым, маленьким ангелом, но сразу же взял себя в руки.

Они стояли друг напротив друга: Элисон, скромно опустив глаза, и Александр, разглядывающий её с ног до головы. Кэллис был прав, девчонка в самом деле прелестна, так почему бы не получить то, что по приобретённому праву теперь принадлежит ему? Алекс стал снимать с себя пиджак, за ним на пол упала и рубашка. Ему понравилось то, как Элисон вдруг посмотрела на него, раздетого по пояс. Она-то точно никогда в жизни не видела полностью обнажённого мужчину, судя по её растерянному виду. Раззадоренный её покорным бездействием, он абсолютно невозмутимо подошёл к Элисон, обнял, прижимая

широкие ладони к её талии, и, наклонившись, прижался губами к её шее. Как он и ожидал — её реакцию составляли лишь мелкая дрожь да обычный, девичий вздох. Её тело одеревенело, девушка почти не двигалась; Алекс вдохнул её запах, затем провёл языком по нежной, похолодевшей коже.

Пусть она была ещё ребёнком, пусть не была виновата в поступках своего брата и пусть, Алекс не мог врать самому себе, запах её был великолепен, только это ничего изменить не могло. Они друг другу совсем чужие люди, и у них никогда не будет идеальных супружеских отношений. Но Алекс решил не упускать представившийся ему шанс; возможно, совсем ещё нескоро, он удостоит жену большим вниманием, а заодно научит доставлять и ему удовольствие самыми разными способами. Но сейчас она была холодна, как лёд, словно находилась не в этой комнате, не со своим мужем.

Элисон же готова была разрыдаться от отчаяния, так мерзко она никогда себя не чувствовала. Сначала тот поцелуй в часовне, который ей совершенно не понравился, теперь его ужасные, дерзкие объятия! Стыд, смущение и непонимание — всё смешалось в ней, не давало прийти в себя и оказать хоть какое-то сопротивление. Горячий язык, скользкий по её шее и его дыхание уже опротивели ей. А длинные руки, которыми он касался её спины и ягодиц, казались ей змеями, готовящимися вот-вот опутать её и придушить. И Элисон возненавидела его за подобные вольности.

Когда Алекс попытался стянуть с неё шемизу, её покорности и терпению пришёл конец. Девушка дёрнулась, попыталась изловчиться и вырваться из его хватки, но, встретив такое же наглое сопротивление, решила его ударить, и эта пощёчина заставила мужчину отпустить Элисон.

— Женщины меня часто били подобным образом, — хрипло произнёс Алекс. — Но потом сразу же кидались ко мне в объятия.

— Значит, они были настоящими дурами! — выкрикнула Элисон, отступив на шаг назад. — А я не стану так делать!

— Ты хоть понимаешь, что я могу взять тебя силой? — теперь и он был разгневан; похожий на готовящегося к атаке льва, Алекс стоял перед ней, сжав пальцы в кулаки. Тогда, в тусклом свете канделябра, Элисон разглядела на его груди и торсе несколько давно уже заживших шрамов.

Глаза девушки расширились от ужаса, вдруг охватившего её: она и не думала, что придётся спать с ним против своей воли. И Алекс понял это. Он презрительно хмыкнул, затем подобрал с пола свою одежду, и, отойдя к двери, сказал:

— Я оставлю тебя в покое. Но только потому, что я знаю: ты сама придёшь ко мне! — он окинул беглым взглядом пустое ложе и снова посмотрел на жену. — Эта постель никогда не узнает твоей крови. Но я узнаю! Рано или поздно.

И он ушёл, громко хлопнув дверью. Элисон ещё какое-то время стояла рядом с кроватью, бездумно глядя куда-то вперёд, потом, дрожа, легла на постель. Всё закончилось, она победила, сохранив честь, но и теперь ей было страшно не меньше. Этой ночью она часто просыпалась, смотрела на запёртую дверь своей комнаты, удовлетворяясь собственной безопасностью, затем ненадолго засыпала опять.

***

1 июля 1819

По дороге в Солсбери

Закрытая, довольно габаритная повозка, запряжённая двумя лошадьми, медленно

катилась по двойной тропе. Кучер, престарелый мужчина, одетый в тёплую, потрёпанную куртку, то и дело доставал из-за пазухи небольшую фляжку с ромом, которую ему так любезно отдал лорд Шеффилд, делал несколько глотков, затем убирал её обратно в карман. Впереди повозки ехали верхом двое всадников: высокий мужчина в тёмно-сером костюме и девушка, одетая в подвенечное платье, а поверх него — грязно-зелёный плащ.

Элисон лично настояла на том, чтобы ехать верхом так же, как её муж. Она хотела, чтобы и отец, и брат видели её. Видели, как она покидает родной дом, не скрывшись в карете. Гордая, уверенная в себе, не сломленная. И они смотрели ей вслед. Всего пару часов назад Элисон проснулась в своей комнате, оделась, вместе со старой нянькой собрала свои вещи, а вот теперь не спеша едет вверх по холму в незнакомый замок, к незнакомым людям. Всё что оставалось делать девушке, лишь рассматривать лежащие вокруг равнину, лес, если они проезжали таковой, или засеянное местными жителями поле. Воздух был холоден и свеж, на небе не было ни облачка, а когда поднимающееся солнце стало освещать верхушки деревьев, Элисон не могла не подивиться красоте и сиянию золочёной листвы. Её настроение улучшилось, когда она забыла, что рядом с ней едет такой ненавистный ей человек. Девушка иногда посматривала на мужа; он ехал медленно на своём белогривом коне, и Элисон в который раз напоминала сама себе, что не такого принца она видела в своих детских снах.

Александр сидел в седле прямо, смотрел только вперёд. Каменное выражение его лица не менялось всю дорогу. Лишь иногда тонкие губы презрительно кривились, если его конь неровно ступал. Элисон только сейчас оценивала его как мужчину, словно невзначай: после рассвета она могла рассмотреть и цвет его волос, показавшийся ей намного темнее в утренних лучах, и фигуру. Теперь она могла оценить его навыки наездника и манеру управления лошадью. Если бы она не знала возраста Алекса, никогда бы не поверила, что ему уже двадцать девять лет; выглядел он гораздо моложе. И насколько девушка помнила, он часто бывал на войне (ей вспомнилась прошлая ночь и несколько шрамов на его голом торсе), так что в седле держался уверенно. Наверняка, думала Элисон, он и оружием владеет, если ему приходилось убивать... Девушка тряхнула головой и отвела глаза. Хуже всего думать о том, что придётся жить под одной крышей с добровольным убийцей, и не так уж важно, во имя чего он воевал.

Элисон обернулась к кучеру и улыбнулась ему, старик улыбнулся в ответ и кивнул. Скоро они уже должны прибыть на место, но дорога всё не кончается, как и поле, через которое она проходила. Элисон, сама того не заметив, стала мурлыкать себе под нос одну из самых своих любимых песен. Мелодия флейты крутилась в голове, девушка забылась, но тут строгий, ровный голос Александра вернул её с небес на землю.

— «Зелёные рукава»? Довольно посредственный выбор.

— Это не выбор, — ответила Элисон, уведя свою лошадь поближе к середине дороги. — Мне давно уже нравится эта песня.

— Она заурядная...

— Она всем нравится. Все её любят петь.

— Нет, не все, — Алекс словно в первый раз за всё время их дороги посмотрел на жену, и она встретила с его бесстрастным взглядом.

— Эту песню король Генрих VIII посвятил своей любимой женщине...

— Не путайте любимую женщину с любовницей, — он крепче стиснул в пальцах поводья и устремил взгляд куда-то вперёд. — Вам бы не мешало подучить историю. И

вообще, неизвестно точно, откуда эта песня взялась. Судя по содержанию, повествование ведётся от лица какого-то воздыхателя к ещё более непонятной женщине, возможно, распутной, если там так часто упоминаются её «зелёные рукава», — Александр снова обратил взор к Элисон, и ей на мгновение показалось, что на его губах мелькнула тень улыбки. — И такое произведение числится в ваших фаворитах, миледи?

Элисон хотела бы возразить ему, что содержание той песни скрывает нечто более приятное и романтичное, но её муж вдруг резко натянул поводья и пустил своего коня галопом. Девушка смотрела, как он устремляется вперёд по тропе, к самой вершине холма. Первый их пытавшийся стать нормальным разговор, и она уже видит и чувствует, как они далеки друг от друга.

Девушка проехала дальше так же спокойно и медленно и, добравшись до вершины холма, увидела в низине замок Ривзов. Старое строение из серого камня, включающее в себя небольшой внутренний двор, куда вели ворота крепостной стены, две невысокие башни и донжон, чья крыша, как это было заметно, прохудилась и осыпалась внутрь помещения. Всё это было больше похоже на оборонительное жильё, чем просто дом одной семьи. Элисон снова осмотрелась: рядом с замком находилось озеро, с высоты холма похожее на полумесяц; оно сворачивало куда-то в лесок, чьи деревья и скрывали его наполовину.

Девушка оглянулась посмотреть, следует ли за ней карета; кучер направлял повозку вперёд, он поднимался на холм. Элисон немного подождала, затем стала не спеша спускаться в равнину по тропе, ведущей к воротам её нового дома.

***

Новый дом встретил девушку тишиной своих комнат, сыростью и запахом горелого дерева. Через ворота Элисон въехала на внутренний двор, довольно грязный и, как оказалось, почти пустой. Слева были видны конюшни, справа — в стене самого замка — главный вход и, чуть дальше, двери на кухню и склад. Элисон поразила высота донжона: она никогда не видела такой высокой башни и решила, что этот замок наверняка один из самых старых здесь, в Солсбери. Стены тоже оказались довольно высокими, а некоторые их участки под крышей и снизу, у основания, были покрыты мхом.

Внутреннее убранство замка также не особо впечатлило девушку: в гостиной не было ничего, кроме покрытого пылью чёрного камина, старого широкого дивана напротив него, шкафа с книжными полками да застилающего почти всё помещение тёмно-багрового ковра. Элисон вошла внутрь за мужем, кучер принёс её немногочисленные вещи. Когда она прощалась со стариком, сердце её сжималось от тоски; этот человек был последним, что на тот момент хоть как-то привязывало её к дому. Но вот он и его повозка с лошадьми скрылись за холмом, Элисон стоит посреди комнаты, бросая случайные взгляды то на тёмный высокий потолок, то на неосвещённый коридор, из гостиной ведущий дальше, в кухню.

— Наконец-то! Наконец вернулись!

С лестницы, находящейся справа, у самой стены, вниз спустилась женщина средних лет, чуть полная, но на вид очень милая. Элисон на мгновение застыла на месте, решив, что это её так называемая свекровь, но сразу же вспомнила, что миссис Ривз уже двадцать лет как скончалась.

— Дай-ка я на тебя посмотрю! — женщина взяла Элисон за руку, и девушка почувствовала её тепло. — Какая ты у нас... Просто прелесть! Я так ни разу не добилась от Александра и слова о тебе. Молчал, как в рот воды набрал! Зато теперь вижу, какая ты хорошенькая...

— Хватит этих сопливых сюсюканий, миссис Уоллес, — резко прервал её Александр. Элисон приготовилась увидеть, как женщина будет извиняться или, возможно, оправдываться, но она лишь невозмутимо взглянула на Ривза младшего и недовольно фыркнула.

— Вас так отец гоняет, что вы совсем забыли о манерах, молодой человек? Или эти вечные пьянки со всякими подзаборными псами, которых вы иногда именуете своими приятелями, вас так портят?

Элисон, практически стоя между ними, перевела взгляд с женщины на мужа, ожидая от него именно сурового ответа.

— И я скучал, миссис Уоллес, — ответил Алекс после секундной растерянности. И хоть он совсем не улыбался, Элисон его слова показались довольно дружелюбными.

— И я, дорогой мой. А что, отец ваш не соизволит приехать домой?

— Он занят. Впрочем, как и я, — он развернулся и направился к двери, на ходу запахивая свой пиджак. — Покажите здесь всё моей... жене. И расскажите ей о правилах. Вернусь вечером.

Элисон не понравилось, как он назвал её. Скорее, его тон, а не сам оглашённый статус его супруги. Девушка зло посмотрела на закрытую уже дверь, затем повернулась к так мило встретившей её миссис Уоллес. Эта женщина, невысокая, одетая в опрятное, прямое чёрное платье, перевязанное на поясе белым фартуком, смотрела на гостью с нежностью и, как показалось самой Элисон, даже уважением.

— А я представляла вас постарше, дорогуша.

— Мне всего восемнадцать, — робко ответила девушка. — Пожалуйста, зовите меня просто Элисон.

— Совсем юная, ещё ребёнок, — женщина покачала головой и вздохнула. — Ну, что ж. Добро пожаловать, Элисон. Мы скромно живём, но для тебя, конечно же, найдём местечко, — она тихо хихикнула и жестом указала девушке следовать за ней. — Твои вещи позже разберём, их принесёт Жан, наш конюх. Старик-француз, наполовину оглох, зато чинит всё, что ни ломается.

Пока они поднимались по лестнице на второй этаж, чей коридор даже в дневное время был темнее любого подвала: здесь не было ни одного окна. Стены в некоторых местах действительно были покрыты тонким слоем плесени, Элисон сразу же почувствовала запах сырости.

— Замок старый, большой, — поясняла миссис Уоллес, видя, как девушка недовольно осматривается, — мне одной следить тут за всем тяжело, особенно зная, что уборка ничего не даст. Гостей, как и самих хозяев, практически не бывает. А нас тут всего четверо: я, Жан, кухарка наша — София, да личный слуга мистера Ривза — Томас.

— А вы здесь...

— Экономка, домоправительница, — женщина вдруг остановилась, не пройдя несколько ступеней до конца лестницы. Она обернулась к Элисон, и лицо её было серьёзным. — Я расскажу тебе правила, старайся их соблюдать.

— Это не шутка? Я думала, что он... что милорд так пошутил.

— Дай Бог тебе, милая, не узнать его юмора, — миссис Уоллес прошла дальше по коридору, Элисон последовала за ней. — Не волнуйся, ничего страшного в этих правилах нет. Здесь все стараются им следовать. Во-первых, правое крыло замка практически пустое, туда ходить не обязательно. Даже эти комнаты, — она кивнула на двери, мимо которых они

проходили, — в основном необжитые.

— Тогда зачем жить здесь? Почему не уехать в Лондон, например?

— Мистер Ривз живёт как раз там, сюда заглядывает крайне редко. А вот Александр, — женщина печально хмыкнула, — он упрямый, настырный, уезжать наотрез отказывается, хотя неделями пропадает неясно где! В детстве был таким же. Чертёнок стал чёртом, сущее наказание... Так я отвлеклась! Во-вторых... после полуночи здесь лучше не бродить. Бывает довольно жутковато, поверь мне. Мы запираемся в своих комнатах и спокойно засыпаем там до рассвета. Далее... Внизу есть подвал...

— Позвольте догадаться, — Элисон горько улыбнулась. — Туда тоже запрещено спускаться?

— Вы смышлёная юная леди, — миссис Уоллес остановилась перед второй дверью от самого конца коридора. — И всё правильно понимаете.

Женщина толкнула дверь, и Элисон, заглянув через плечо домоправительницы, увидела довольно опрятную, небольшую комнату с одним узеньким окошком, вид из которого приходился как раз на озеро. Постель, стоявшая справа, была заправлена. На невысокой тумбе рядом с ней девушка заметила слой пыли.

— За стеной находится спальня Александра, — проговорила домоправительница, позволив Элисон пройти в комнату и оглядеться. — Но я решила, что тебе будет удобно именно здесь, а не там.

Девушка обернулась к ней и прочла в её глазах понимание и сочувствие.

— Спасибо вам за... вы знаете, за всё...

— Я ещё ничего не сделала, миледи, — миссис Уоллес улыбнулась, приветливо и мягко. — Оставлю тебя на время, располагайся, привыкай, а я пока проверю, как там дела на кухне.

Она ушла, закрыв за собой дверь. Элисон подошла к окну и, одёрнув в сторону шторы, стала вглядываться в скрытый под утренним, густым туманом зелёный луг под стенами замка. Девушка услышала вой собаки, доносящийся где-то со стороны северных стен, тоскливый и одинокий. Она разглядела в нескольких футах от леса, скрывавшего часть озера, небольшой, ничем не огороженный участок земли с полуразрушенными надгробными плитами; девушка насчитала примерно одиннадцать могил. Первые лучи солнца падали на серые камни, а туман, подступающий к холмам, становился гуще и выше...

Элисон сама готова была вот-вот взвыть от тоски: это Богом забытое место, этот жуткий замок, где ей не с кем даже будет проводить своё время. Ненавистный муж, который либо не оставит попыток добиться от неё исполнения супружеского долга, либо, что ещё хуже, совсем забудет о ней, а сам будет развлекаться где-то в своё удовольствие. А она останется здесь, одинокая в своём несчастье... Элисон села на постели, лениво стянув с себя плащ и сбросив его на пол. На ней всё ещё было подвенечное платье, и она уже жалела, что снова надела его этим утром, уезжая из дома. Элисон разделась, с головой забралась под одеяло и, отвернувшись к стене, закрыла глаза. И пусть она не могла заснуть, Элисон не выходила из комнаты и до самых сумерек оставалась в постели.

***

Было уже совсем поздно, когда Элисон, приоткрыв дверь своей спальни, выглянула в коридор. Было ли что-то видно? Помещение большое, неосвещаемое, девушка не могла разглядеть даже конца коридора. В комнату проникал свет луны, хоть и слабый, но оставаться здесь Элисон больше не могла: чужие стены словно давили на неё, а из-за долгого

пребывания в постели разболелась голова.

Девушка вышла из спальни, тихонько закрыв за собой дверь, и, касаясь рукой стены, пошла вперёд по коридору. Поначалу её сопровождал лишь стук каблучков её ботинок, в которых она приехала сюда. Темнота, сырость и едва ощутимый ночной холод, возможно, пробившийся внутрь с улицы через щели — Элисон поняла слова экономки, в это время здесь действительно было жутко. А уж проверять, что находится в правом крыле замка, она точно не собиралась. По крайней мере, в такие вечера.

Элисон медленно дошла до лестницы, ведущей на первый этаж, спустилась, вздрагивая при каждом скрипе какой-либо ступеньки, и вдруг услышала голоса, доносящиеся откуда-то справа. Насколько она могла припомнить, там, в конце коридора, находилась кухня. Девушка запахнула свой длинный халат и не спеша направилась к приоткрытой двери, откуда в коридор лился заметный свет огня.

— Холодно нынче, верно? — услышала Элисон незнакомый мягкий голос женщины, по-видимому, очень молодой.

— По ночам, — утвердительно отвечал на этот раз мужской голос, низкий и грубый. — Лето, как-никак, на дворе.

— Как надоели эти вечные туманы! Если б только была возможность, я бы уехала из этой чёртовой глуши в город! А вчера ночью я опять слышала какие-то звуки со стороны озера. Жуть!

— Как будто бы в городе туманов не бывает! Да и куда тебе в Лондон? Никому ты там не нужна, девчонка из деревни!

— Помолчал бы ты, старикашка. Сам-то, небось, спишь и гредишь, как убраться отсюда...

— Не чеши язычком, девушка! Я на Ривзов проработал шестьдесят лет, и никуда уходить не собираюсь. Всю жизнь здесь пробыл, и не жалею.

— Вот когда ты совсем одряхлеешь, хозяин возьмёт и выкинет тебя к чертям!

— Тише, София, тише, — третий голос принадлежал миссис Уоллес, Элисон узнала его, подойдя ближе к двери. — Чертей всяких удумала вспомнить на ночь глядя. Недобрый знак.

— Эх, молодёжь невоспитанная нынче, — снова захрипел старик. — В моё время дамочки и рта боялись раскрыть без мужского слова.

— Так то в твоё время, Жан! Ещё и дамочки! Какая же я дамочка? Я в деревне родилась, да, кажется, всю жизнь там и проживу.

Элисон приоткрыла дверь кухни, в глаза ей тут же ударил свет пламени из камина, находящегося слева, позади огромного стола, где лежали различные корзинки, банки, столовые приборы, да тряпки. У стены с правой стороны стоял невысокий, но широкий столик, покрытый дырявой, старой скатертью; за столом сидели миссис Уоллес и уже известный Элисон старик-конюх Жан.

— А вот и наша маленькая виконтесса! — поприветствовала девушку экономка. Она поманила Элисон рукой, приглашая сесть с собой рядом, на скамью, и та скромно присела за стол. — Я подумала, вы уже давно спите...

— Просто не могла заснуть, захотелось пройтись, — Элисон улыбнулась и оглядела помещение.

Кухня была довольно большой и, как и положено для внушительных масштабов замка, заставлена медными и железными котелками, другой необходимой посудой и ящиками с фруктами и овощами. Пламя в огромном очаге, почерневшем от огня и сгоревших дров,

освещало всё помещение, и Элисон видела практически каждую деревяшку и потрёпанную тряпицу, покрывавшую какую-нибудь неведомую кастрюлю.

— Там страшновато находиться совсем одной, — заметила экономка, положив руку на стол и оперевшись на локоть. — Умница, что пришла к нам.

— Вы правы, — Элисон, наконец, заметила симпатичную высокую девушку, одетую в простое платье; она суетилась у камина, крутясь то у стола, то у очага и перебирая продукты в корзинках. Когда девушка повернулась к свету, Элисон отметила, что она довольно хорошенькая: её длинные чёрные волосы были перевязаны серой лентой на затылке, в больших голубых глазах отражалось пламя очага, а приятная улыбка не сходила с её загорелого, округлого личика.

— Миледи, это София, — представила кухарку миссис Уоллес, и девушки обменялись приветливыми улыбками. — А это Жан, о нём я уже упоминала.

Элисон, улыбаясь, протянула через стол свою руку старику для рукопожатия, и он слегка сжал её пальчики в своих.

— Искренне надеюсь, — просипел француз, — что вам здесь понравится, мисс. Здесь неплохо жить, пока этот распутный мальчишка пропадает за городом и не мозолит нам глаза своим присутствием!

— Жан, прекрати! — прервала его экономка.

— А что такого? Не думаю, что маленькая миссис расстроится, если я назову её треклятого муженька...

— Жан! Держи себя в руках!

— Нет, ничего, не ругайтесь, пожалуйста, — Элисон опустила глаза, сложив руки на столе перед собой. — Вы меня извините, но я не настолько рада быть здесь... Мне просто пришлось. Я не знаю вашего хозяина, и желания узнавать его у меня нет. Если бы не некоторые обстоятельства, я бы не вышла за него.

На кухне воцарилось молчание, иногда прерываемое лишь треском огня в камине.

— Ох уж эта семейка! — прервал минутную тишину Жан, громко откашлявшись. — Я знал мистера Ривза человеком благородным, храбрым. Его подчинённые за ним по струнке ходили! А уж как он любил жену...

— Снова заворчал, старый пень, — пробубнила София, смывая грязь с тарелки в ведёрке с водой.

— ... так любил, что всё к её ногам складывал, и сам на колени падал! Я думал, что лучше наша жизнь не станет, когда она родила сына. Но однажды её не стало, и словно не стало мистера Ривза, такого, каким он был всегда.

— Я воспитывала Александра, пока наш хозяин годами пропадавал на фронте, — глубоко вздохнув, с тоской в голосе произнесла миссис Уоллес. — Я как могла старалась окружить мальчика теплом и заботой, но, по-видимому, мать ему заменить не смогла. Алекс рос очень умным и ловким, всё схватывал на ходу, опережая сверстников, только...

— Только вот эта звериная жестокость в нём портила его не каждый день, а каждую минуту! — француз с отчаянием хлопнул ладонью по столу и пристально посмотрел на Элисон. — Этот паршивец убегал из дому, шлялся где и с кем попало. Я даже слышал, что он издевался над животными!

— Ну это уже слишком, Жан! — возмутилась молодая кухарка с другого конца кухни. — То были лишь слухи! А мальчишки есть мальчишки.

— Деточка, ты тогда ещё на четвереньках ползала да пелёнки пачкала, когда этот

маленький монстр уже вытворял здесь такое! — старик многозначительно поднял морщинистую руку и вытянул указательный палец вверх. — Однажды он чуть не спалил правое крыло замка, только потому, что ему было запрещено уходить отсюда. Он был наказан за очередной проступок по совести, а потом разозлился так, что поджёг старую библиотеку! Слава Богу, я и мистер Ривз были поблизости. А уж как долго унимали мальчишку! Порой казалось, словно в него демон вселился. Водили его в церковь, молиться упрасивали, а он наотрез отказывался!

— Если человеку молиться не хочется, это ещё ничего не значит, — возразила София.

— То был ребёнок, во-первых! — прохрипел Жан, затем снова обратил взор к внимательно слушавшей его Элисон. — Во-вторых, кому вдруг не захочется произнести молитву? Ничего зазорного или сложного... Когда этот маленький бес подрос, его отправили учиться в Кембридж, но через два года мы вдруг узнаём, что паршивец сбежал в Индию на британском корабле!

— Он уплыл в Индию?! — Элисон с нескрываемым любопытством подалась чуть вперёд, навалившись на стол. — Ребёнок на корабле? Совсем один?

— Насколько я помню, туда он пошёл, потому что один из командиров был другом мистера Ривза...

— Который сам в это время находился чёрт знает где! — грубо перебила его экономка.

— Пытаясь заработать денег для всех нас, в том числе и для этого неблагодарного мальчишки! — старик откинулся к стене и прислонился к ней спиной; послышался скрип табурета под ним. Жан задумчиво почесал спутанную бороду и продолжил:

— Я никогда не обвинял хозяина в том, что это из-за него Александр вырос таким. Как отец, он давал ему всё, а подобным характером парень обзавёлся сам. Сам пошёл убивать, сам учился выживать в незнакомых местах. Да, что уж тут сказать...

— Вот от того, что он был сам по себе, он и стал таким! — вставила своё слово кухарка. Девушка вытерла руки о край своего передника и оперлась о стол. — Если бы мистер Ривз побольше уделял ему внимания...

Старик-француз недовольно закряхтел, поёрзав на табурете, затем посмотрел на миссис Уоллес, которая незаметно стёрла со щеки скатившуюся слезу.

— Им всем было тяжело, не спорю, — продолжал Жан. — Всё-таки парень умён, но вот не знает чувства меры, а порой бывает настолько агрессивен, что...

— Ты всегда недолюбливал мальчика, это мы прекрасно знаем! — проворчала миссис Уоллес.

— Да он пугает меня! И всегда пугал, дьявольский сынок! Эх, чёрт подери! Не дай Бог попасться ему под руку. Это он лишь на вид такой дохляк! А как начнёт драку, так...

— И часто он поднимает на кого-то руку? — с тревогой в голосе спросила Элисон.

Миссис Уоллес наградила француза таким ненавистным взглядом, что тот самолично отвёл глаза в сторону, да ещё и прикрыл рот рукой. София стояла в стороне и смотрела в пол, поправляя передник.

— Я думаю, что мы уже засиделись. Ночь на дворе. Всем пора спать, — экономка поднялась со своего места, взяв со стола небольшой канделябр с двумя полусгоревшими свечами, и наклонилась к Элисон. — Идёмте, я провожу вас в спальню. Теперь, надеюсь, вы быстро заснёте.

Прежде, чем уйти вслед за экономкой, Элисон остановилась в дверях, переведя взгляд с Жана на Софию:

— Мне было приятно с вами познакомиться. Спасибо за компанию.

— И вам, миледи, — кухарка улыбнулась, небрежно сделав реверанс.

— Доброй ночи, мисс, — француз кивнул головой, затем снова откашлялся.

— А она милая, — тихо произнесла София, когда Элисон и миссис Уоллес скрылись в темноте коридора.

— Это точно. Красивый, но несчастный ребёнок.

— Зря ты стал всё это рассказывать, — сказала девушка, садясь за стол напротив старика. — Что она теперь будет думать о хозяине?

— Ты бы пошла замуж за человека, которого совсем не знаешь? — спросил Жан, прищурился левый глаз.

— За Александра Ривза? Ха, ещё бы не пошла! Сама бы прибежала к нему! — девушка хихикнула и демонстративно развалилась на стуле. — За один только взгляд его зелёных, как луга Йоркшира, глаз! За прикосновения рук и...

— Просто за незнакомца, пустая ты деревенская голова!

— Ну тогда... Я не знаю... Пожалуй, нет, не пошла бы. Но и ты, старикашка, своими словами никому не помог.

— Может быть, маленькая миссис будет держаться подальше от этого распутного чёрта! Ей так будет намного легче избегать его. Тем более я рассказал сушную правду!

— Ах, как жаль такую красивую девочку, — сказала София, с тоской глядя на пламя огня в очаге. — А она могла бы быть счастлива с человеком, который полюбил бы её, и которого она бы любила...

— Ты уж прости меня, я утром ушла, оставила тебя одну, без света. Не подумала, что ты к нам спустишься, — виновато произнесла экономка, когда они с Элисон прошли в гостиную. — И прости за этот разговор на кухне.

— Значит, всё, что Жан рассказал, это неправда?

— Отчего же? Не стану скрывать, у Александра скверный характер, но он не всегда был таким. Он не меньше тебя расстроен насчёт всей этой истории...

— Это ничего не меняет.

— Но если бы ты только захотела получше узнать его...

— Миссис Уоллес, — Элисон остановилась у подножья главной лестницы и пристально посмотрела на экономку. — Я ясно дала понять, что не хочу быть частью этой семьи. Я не хочу быть женой вашего воспитанника. Я никогда не полюблю его, поэтому я не хочу узнавать его! Я вообще не хочу его видеть! Если б у меня была возможность сбежать отсюда, я бы...

Элисон замолчала, услышав частый стук копыт о твёрдую землю — снаружи кто-то только что въехал во внутренний двор. Девушке и гадать не нужно было, кто бы мог приехать в такой час. Послышалось ржание лошади, затем снова какое-то копошение и звук тяжёлых сапог, шаркающих о грунт.

— Это Александр! Вернулся, — полушёпотом произнесла миссис Уоллес, поспешившая к главной двери. Элисон сумела расслышать в её голосе нотки волнения и какой-то тихой радости. Девушка ещё на кухне поняла, что женщина питает весьма нежные чувства к Алексу. Она, возможно, и воспитывала его с самого детства и знает о нём всё, но только для Элисон это не имело никакого значения. Если и придётся жить здесь, под одной крышей с этим мужчиной, она сделает всё, чтобы как можно реже видеть его, даже слышать о нём.

— Какого чёрта вы ещё не спите? — Алекс вихрем ворвался в холл, на ходу расстёгивая

запылённую с дороги куртку.

Элисон вздрогнула, когда услышала его низкий, чуть хриплый голос.

— Миледи долго не могла заснуть, и я решила показать ей замок... — пролепетала экономка в ответ; она поставила канделябр на невысокую тумбу, стоящую у главного входа.

— В час ночи? Так... — Александр, наконец, обратил внимание на жену; он оценивающе посмотрел на неё, затем снял с себя куртку и отдал миссис Уоллес. — Значит, снова устраивали ночные посиделки со сплетнями и новостями из деревни? У вас ведь появился ещё один слушатель.

— Мы же знаем, что вы нам запретили делать это, — экономка улыбнулась, несмотря на серьёзный тон Алекса.

— А ещё я, кажется, запретил разгуливать тут после полуночи. Причём, давно.

— Вам не кажется, — фыркнула женщина. Александр в ответ лишь презрительно посмотрел на неё и смолчал.

— Я провожу миледи в её комнату, — экономка перекинула через руку верхнюю одежду Алекса и уже направилась к Элисон, которая не могла дожидаться, лишь бы вернуться в спальню, но была остановлена тихим, но настойчивым голосом Ривза младшего:

— Не стоит утруждаться, миссис Уоллес. Я её сам провожу туда.

Элисон словно перестала дышать на несколько секунд, услышав эти слова. Если он пойдёт туда с ней, да ещё и в такой час, она не сомневалась, что может случиться дальше. Девушка умоляюще посмотрела на стоящую напротив неё женщину, взглядом взывая к помощи.

— Ваша жена с самого утра чувствовала себя дурно, теперь она хочет побыстрее заснуть...

— Вы можете идти.

— Но...

— Я сказал, вы можете идти, миссис Уоллес, — Алекс уже почти прошипел эти слова, и тон его голоса выдавал в нём раздражение и нетерпение.

Экономка наградила молодого мужчину презрительным взглядом, но перечить больше не стала. Прежде чем уйти, она посмотрела на побледневшую Элисон и едва заметно кивнула ей, по-видимому, пытаясь хоть как-то приободрить. Женщина ушла, оставив девушку и её мужа одних в холле.

Элисон подняла на Алекса глаза, и у неё перехватило дыхание: при тусклом свете, стоя в нескольких футах от неё, муж казался ей ещё выше, чем был на самом деле. Полыхающие зелёные глаза, не отрываясь, глядели на девушку. Чёрная рубашка с низким вырезом ворота на Алексе была мятой, мешковато сидела на его худом теле, как и широкие штаны, заправленные в потрёпанного вида сапоги.

— Сегодня я получил деньги. Должен признать, вы хоть на что-то сгодились мне. Может быть, мне это даже понравится и в будущем...

Она слушала его тихий, чарующе-сильный голос, стоя на первой ступеньке лестницы и держась за деревянные перила. Её тело словно оцепенело от страха, так быстро захватившего её всю. Всё так же сурово глядя на жену, Александр медленно подошёл к ней, так близко, что Элисон смогла ощутить его запах: смесь пота, дыма и аромата виски.

— Как насчёт поцелуя для меня? — наклонившись к жене произнёс он настолько томно и вяло, что у Элисон подкосились ноги.

— Вы же обещали оставить меня в покое, — сказала она, вспомнив прошлую ночь,

когда всё-таки сумела дать ему отпор. И теперь это придало ей сил.

— Я не обещал... Я лишь... Сказал, — Алекс хмыкнул, и девушка впервые за два дня увидела подобие улыбки на его загорелом лице. Элисон также поняла, что он был пьян. Не смертельно, ведь держался он неплохо, но запах виски и ставшие вялыми движения выдавали в нём это.

— И разве мне нельзя помечтать? Вы думаете, что сегодня я вас трону, миледи? О нет, поверьте мне, я буду ждать, потому что точно знаю, что вчера ночью я был прав...

— Ну так и ждите! — Элисон, наконец, взяла себя в руки, и сердито посмотрела в глаза мужа. — Хоть ждите, пока не умрёте, пока эта одежда не сгниёт на вас!

— Такой жертвы не понадобится, я надеюсь. Можете сами дойти до своей комнаты? Она как раз рядом с моей.

Александр хмыкнул, ещё раз обведя голодным взглядом девушку, выпрямился, затем повернулся на каблуках и твёрдыми шагами направился прямо по коридору. Элисон снова показалось, что она забыла дышать в его присутствии. Забрав с тумбы канделябр, она поспешила подняться наверх и скрыться в своей спальне. В комнате хоть и пахло сыростью, но всё же было довольно тепло, поэтому Элисон удивилась дрожи во всём теле. Заснуть ей удалось, лишь когда в окно стали проникать первые лучи восходящего солнца. Только тогда из её мыслей совсем исчез образ Александра, глядящего на неё сверху вниз в полутьме их гостиной.

День был в самом разгаре, когда Элисон проснулась. Точнее, её разбудил непонятный поначалу шорох. Спросонья девушка лишь через несколько минут почувствовала, как некто забрался к ней на постель и теперь пытался пролезть под одеяло. Ощувив резкий запах улицы, исходивший как раз от потревожившей её персоны, Элисон открыла глаза и, увидев «нечто» на покрывале, громко завизжала. Это было больше похоже на некий способ самозащиты, чем на крик от испуга, тем более этим «нечто» оказалась собака. Всего лишь большая анатолийская овчарка сидела рядом с Элисон, смотрела на неё своими огромными чёрными глазищами и, тяжело дыша, виляла пушистым хвостом.

Элисон медленно стянула с себя покрывало, почти соскользнула на пол и, так и оставшись в длинной, ночной сорочке, уставилась на сидящего на её постели пса. Поначалу девушка даже порадовалась тому, что это оказалась всего-навсего обычная собака, а не Александр, например, который по пьяни мог натворить чего угодно. Но теперь, пусть даже пёс выглядел довольно дружелюбно, Элисон настороженно стояла в стороне и наблюдала за ним. Не то чтобы она когда-либо боялась собак, просто это неожиданное утреннее вторжение привело её в некоторое замешательство.

— Эй, малыш... — натянуто улыбнулась Элисон, чуть склонив на бок голову. — Откуда ты здесь?

Пёс смотрел на неё широко распахнутыми блестящими глазами и то облизывал чёрный нос длинным языком, то всё так же громко и часто дышал.

И словно в ответ на последний вопрос Элисон в комнату почти вбежала запыхавшаяся экономка. Увидев растрёпанную, неодетую хозяйку, босиком стоявшую рядом с постелью, и собаку, уже развалившуюся на этой самой постели, миссис Уоллес охнула и всплеснула руками.

— Ах ты, бес неугомонный! Живо слезай! Видишь ли, куда забрался! — женщина строго посмотрела на пса, затем пальцем указала на дверь. — Поди-ка вон из комнаты, или ты у меня получишь!

Элисон, улыбаясь, стояла и смотрела, как пёс, повесив уши, покорно спрыгнул на пол, затем быстро прошмыгнул мимо экономки к двери и исчез где-то в коридоре.

— Прости меня за это ужасное животное, — миссис Уоллес обернулась на дверь, затем вновь обратила взор к повеселевшей уже девушке. — Не думала, что он проберётся в твою комнату!

— Да, мне кажется, вчера ночью я запирала дверь.

— Вот уж тогда странно! — женщина подошла к огромному сундуку, стоявшему слева, у стены, и стала перебирать там немногочисленные платья Элисон. — Я помогу тебе одеться. Надеюсь, сегодня ты спала лучше?

— О, да, я прекрасно спала, — девушка ощутила, как краснеет; так всегда бывало, когда она обманывала. Но затем всё же спросила уже уверенным тоном: — А чей это пёс?

— Ах, этого беса недавно привёз Александр. Однажды ночью он как обычно вернулся домой, я гляжу, а с ним это чёрное косматое чудище! Я животных в доме не жалую, но это ведь дело хозяев. Вот уж охота хозяину с ним возиться, когда он о себе-то практически не заботится.

— А где же собака была в первый день и вчера? Я её не видела...

— В том-то всё и дело: пёс шастает по всем окрестностям, гуляет у озера, в холмах, и Алекс ему позволяет! И ведь животное всё время возвращается сюда, в замок! Когда и где бы хозяин его не позвал — Сэм уж тут как тут.

— Сэм? Это так зовут пса? — тихо хихикнув, спросила девушка.

— Да, именно. Хотя, иногда я даже радуюсь, что собака здесь. Порой, гляжу украдкой, как Алекс возится с ним по вечерам в гостиной, нарадоваться не могу, зная, что хоть этот пёс заставляет его улыбаться.

Элисон тут же присмирела, когда разговор затронул её мужа, и экономка это заметила. Про себя женщина решила, что скоро это может войти в привычку. И тогда уж ни Элисон, ни Алекс не перейдут черту установившихся отношений.

Миссис Уоллес помогла Элисон одеться, и они вместе спустились на первый этаж. Девушка наотрез отказалась от завтрака, сославшись на незначительные недомогания, и экономка не стала её упрашивать. Зато она упростила Элисон прогуляться с ней, и та, хоть и неохотно, но согласилась.

После полудня погода стала ухудшаться: ветер пригнал с севера чёрные, густые тучи, и в воздухе запахло дождём, когда Элисон и миссис Уоллес проходили у восточных стен замка. Они медленно шли, иногда останавливаясь, чтобы позвать убежавшего вперёд пса или бросить ему палку.

— Знаю, всё, что вчера наговорил Жан, должно быть, напугало тебя, дитя, но ты его не слушай, — как бы между словом сказала экономка, прервав свой довольно затянутый разговор об истории замка. — Он стар и ворчлив... И недолюбливает Александра из-за его... амбиций.

— Что ж, это я прекрасно поняла.

Элисон замахнулась и как можно дальше закинула деревянную палку, которую держала в руке. Сэм, шедший рядом с ней, коротко и весело залаял, резко сорвался с места и побежал в сторону полуразрушенного кладбища. Девушка медленно пошла за псом, и её сопровождающая, вздохнув, последовала за ней.

— Ты понравилась Сэму, — мягко произнесла миссис Уоллес.

— Славно, если так.

— Ах, дорогая, тебе будто всё равно, что происходит вокруг...

— Знаете, мадам, в связи с последними событиями, скорее всего так и есть.

Они замолчали на какое-то время, и каждая из них погрузилась в свои мрачные мысли. Элисон лениво вышагивала между старых могильных плит, бездумно пробегая взглядом по надписям на них, а экономка всё это время следовала за ней, шелестя по высокой пожелтевшей траве длинной юбкой. Сэм пробежал от могилы до могилы, низко опустив морду, принюхивался к чему-то, затем возвращался к Элисон, утыкаясь мокрым носом ей в руку. Миссис Уоллес вдруг увидела, как девушка остановилась и теперь всматривалась в одну из самых крайних могил здесь, на поляне. Женщина глубоко вздохнула, подошла ближе и встала рядом с Элисон.

— Это латынь. «Requiescat in pace, Amor! Sit tibi terra levis».

— Я вижу, мадам, — сказала Элисон, едва сдержав смех. — Здесь написано: «Покойся с миром, любовь. Пусть земля тебе будет пухом». И, кстати, вы прочли это немного неверно.

— Ох, извини меня, милая. Всё, чему меня когда-то учили, я уже давно забыла.

— А чья это могила? — спросила девушка, но почти сразу догадалась наперёд и сама же

ответила: — Миссис Ривз, верно? Она в самом деле была хорошей?

— Она была прелестной женщиной. И хорошей матерью, — голос экономки дрогнул, и Элисон отчего-то вдруг стало её невероятно жаль. — После её смерти всё изменилось. Хозяин и Александр тоже... Этот ребёнок мог бы вырасти и творить невероятные вещи, но...

— Но вырос и стал бандитом! — почти со злостью прошипела Элисон и тут же осеклась.

— Ты и вправду ничего не знаешь о нём.

— Послушайте, — девушка повернулась к экономке и посмотрела ей прямо в глаза. — Я не хотела оскорблять мистера Ривза... вашего воспитанника на могиле его матери. Я понимаю, что он дорог вам, как сын, да, вы, конечно, защищаете его... я прошу прощения... Но мне не интересна его жалостливая история. Он и его отец мне омерзительны, как и это место. Я могла бы работать учительницей, как я планировала, а не тосковать здесь! И я бы убежала снова, даже будучи женой, если бы мистер Ривз не мог растрепать всему свету о том, что мой брат — трус и дезертир! Я не хочу быть здесь и не хочу узнавать вашего хозяина! Но раз уж я должна остаться, я прошу вас меня не тревожить и оставить в покое.

Где-то вдали за северными холмами раздался гром — приближалась гроза. Миссис Уоллес обратила взор к замку; над его донжоном уже сгустились тучи, и теперь стены здания и вовсе казались чёрными. Экономка посмотрела на Элисон — девушка побледнела, хотя, казалось бы, эта небольшая вспышка гнева должна была её раззадорить, но вышло всё наоборот. Лицо её не выражало теперь ничего; Элисон бросила последний взгляд на самую свежую из всех могил, затем развернулась и направилась к замку. Смирно лежавший у могильной плиты Сэм тихо заскулил и, поднявшись, засеменил вслед за девушкой. Миссис Уоллес оставалось лишь проводить их взглядом. Когда на серые камни упали первые капли дождя, женщина перекрестилась и поспешила покинуть забытое Богом место.

Несколько дней подряд Элисон удавалось оставаться наедине с самой собой. По утрам она рано просыпалась, шла на кухню к Софии, которая готовила ей завтрак, затем, легко одевшись, отправлялась на многочасовую прогулку по близлежащим окрестностям. Сэма она с собой не брала; он сам увязывался за ней, и они гуляли вместе, подолгу бродя по холмам за замком и в низине, недалеко от озера. Но Элисон не решалась подойти к воде чуть ближе; густой лес близ озера пугал её своими тенями, сохранявшимися даже днём. И само это место без любых доказательств было для неё запретным, внушало страх.

Сэм, петляющий перед девушкой в высокой траве, всюду следовал с нею как верный страж, и ей это даже немного льстило. Элисон привязалась к псу и почти забыла, кому он на самом деле принадлежал.

Вечерами она возвращалась, уходила в свою комнату и запиралась там. И хоть дверь спальни каждое утро странным образом была открыта, Элисон закрывала её регулярно и всегда делала это до полуночи. Ей удавалось угадывать возвращение супруга, и лишь когда за стеной в соседней комнате стихали его тяжёлые шаги, Элисон могла хоть немного расслабиться, и тогда засыпала. А если просыпалась вновь, то подходила к окну и смотрела на юг, вглядываясь в чернеющее вдали небо. Туда, где находился её родной дом, и куда всё-таки ещё рвалось её сердце.

11 июля 1819

— София! Здесь Сэмми не пробежал? — спросила Элисон, заглянув в кухню.

— Нет, миледи. Я его не видела. Да я бы и не пустила сюда этого лохматого беса!

Девушка оглядела помещение кухни, освещённое пламенем очага, чуть замешкавшись,

всё же прошла дальше, к столику у стены, и присела на скрипучий табурет.

— А давно ли ты здесь работаешь? — спросила она у молодой кухарки.

— Всего два года, миледи.

— И ты пришла сюда добровольно? — заметив, как София скромно пытается отвести глаза, Элисон осеклась. — Извини, если вдруг я спросила что-то неуместное...

— Ну что вы, вовсе нет!

— Просто мне чудится, словно я уже целую вечность не разговаривала с людьми! Со мной рядом находится только Сэм. Без него здесь было бы совсем тоскливо...

— Не оправдывайтесь, миледи! — кухарка наспех вытерла руки, затем, обойдя широкий кухонный стол, подошла к Элисон и присела напротив неё. — Я вас очень хорошо понимаю! Вы можете рассказать мне о том, что случилось между вами и мистером Ривзом. Обещаю молчать, если понадобится!

И Элисон даже не подумала возразить. Скорее всего, именно одиночество этих дней заставило её сдаться. Она рассказала Софии всё, захватывая даже мелкие детали: что её брат отказался от службы и сбежал; что Ривз грозит выдать эту тайну, и тогда Луиса ждёт жестокое наказание; что ей самой пришлось выйти замуж за Александра по велению его отца и её собственного. София слушала внимательно, и это даже удивляло Элисон: она не думала, что простая девушка из деревни может быть настолько чувствительной и понимающей. В конце концов, кухарка глубоко вздохнула, подперев кулаком подбородок, и тихо проговорила:

— Ну, что ж... Это в самом деле нечестно.

— Именно! Если бы они обговорили всё это со мной...

— Что же вы будете делать, миледи?

Её вопрос словно вогнал Элисон в ступор. Она бездумно смотрела перед собой и начинала понимать, что на самом деле у неё нет никакого плана. Все эти дни она просто пряталась от своей проблемы и даже не пыталась её решить.

— Я не могу уйти, — полушёпотом произнесла девушка. — Не могу послушаться отца. Но даже если бы у меня был шанс сбежать... кто бы мог помочь мне? Мистер Ривз... Александр никогда не даст мне развод.

— Неужели вы так хотите уйти? — кухарка потянулась через стол и накрыла своими тёплыми ладонями руки Элисон. Та мгновенно ощутила исходивший от Софии запах сладких ягод. — Вам разве не нравится здесь, в Солсбери?

София смотрела на девушку так искренне и нежно, что Элисон теперь ощущала смущение и вину за свои слова.

— Ни тебя, ни остальных я обидеть не хотела, — сказала она, вымученно улыбнувшись. — Но это не моя жизнь. И я не люблю мистера... — Элисон в очередной раз вздохнула. — Я не люблю Александра и не смогу полюбить.

— Откуда вы знаете? — София загадочно улыбнулась, а её щёки залились ярким румянцем. — Почему не попробуете узнать его получше?

— Не думаю, что это поможет. Я такое узнала о нём... И как вообще ты можешь говорить мне такое после того, что он и его отец мне сделали? — возмущенная Элисон выпрямилась и уже было хотела подняться с места, но собеседница взяла её за руку и потянула обратно.

— Я знаю кое-что такое, чего никто больше не знает. Даже миссис Уоллес!

София утвердительно кивнула своим словам, откинулась на спинку стула и посмотрела

через комнату на огонь в очаге. Элисон, сглотнув, оперлась локтями на стол и спросила:

— Что же ты знаешь?

— Чуть больше двух лет назад в деревне случился пожар, — начала свой рассказ София низким голосом. — Сгорели некоторые дома, в том числе и дом моей семьи... Мне было девятнадцать... Клянусь, я искала работу! Была готова на что угодно, лишь бы помочь своей семье и другим. Но мне долго не везло. На один из праздников мистер Ривз и его сын вернулись домой, и Александр пришёл к нам в деревню...

София заправила выбившийся локон за ухо, кротко улыбнулась и смущённо посмотрела на Элисон. Какую именно реакцию она ждала, девушка не сумела понять. Она просто слушала её, не перебивая, и ждала продолжения.

— Мы встретились с Александром на самом празднике. Я узнала его, ведь в деревне ходило множество слухов о нём. Некоторые были правдой, остальные — ложью. И когда мы встретились... — София отвела взгляд и поёжилась, словно ей стало холодно. — Мы провели ту ночь вместе. В доме моей тётушки.

Кухарка замолчала, снова обратила взор к Элисон, но та словно не поняла смысла её слов; она оставалась спокойной и, возможно, равнодушной. София удивилась такой искренней наивности девушки, или даже больше её неосведомлённости.

— Мне жаль, миледи, что я говорю вам это вот так. Но вы должны знать, чтобы между нами не было никаких тайн!

— Не понимаю, почему тебе так жаль...

— Ох, миледи! — девушка горько улыбнулась и глубоко вздохнула. — Мистер Ривз был моим первым мужчиной! Но я ничуть об этом не жалею. Это вышло почти случайно... я не думала о последствиях... И если бы мама узнала, то пристыдила бы меня и выгнала из дому! Но Александр не бросил меня! Он никому ничего не сказал, пообещал мне работу, и с тех пор я здесь. Я знала, он никогда не женится на мне, хотя, если бы он захотел, он сделал бы это. Я уверена! Но он любил и обожал одну единственную женщину... И когда в замке узнали о его свадьбе, все решили, что вы и есть та женщина.

Потрясённая Элисон сидела напротив кухарки и молчала. София. Её супруг. Их общая тайна. Эта история смешивалась в её мыслях с уже отложившимся впечатлением о Ривзе, и в этой неприятной смеси Элисон не видела ничего положительного. Для неё это откровение в очередной раз доказало порочность Алекса, а его не благородство. И как она сразу не поняла слова о «проведённой вместе ночи»? Ну конечно! Он обесчестил бедняжку Софию, и, чтобы его не терзала совесть, если таковая у него имелась, взял её на работу. Элисон мысленно выругалась и бессильно уронила голову на руки. Всё это было так неправильно и ужасно... И София так спокойно говорила обо всём, словно уже забыла о позоре и простила Ривза!

— Нет, это мне жаль, — произнесла, наконец, Элисон. — Как он мог так с тобой поступить? Это просто ужасно!

— Нет, миледи! Вы не поняли! Я не противилась. Поймите, мне было одиноко... Вы не узнаете, каково быть в таком отчаянии, пока сами не дойдёте до края. Александр... Он был так нежен и великодушен! Я уверена, он даже взял бы меня в жёны, если бы не ТА, другая женщина!

— Ты говоришь так, будто сама влюблена в него! — Элисон поднялась из-за стола, сжав пальцы в кулаки. — Я бы никогда не позволила мужчине коснуться меня, а не то чтобы...

Девушка издала недовольный, вымученный стон, и уже было развернулась, чтобы уйти, но тихий, настойчивый голос Софии заставил её остановиться:

— Миледи, вы не знаете его. Он несчастен и одинок...

— Мне всё равно!

— ... он вовсе не так плох, как вы думаете.

Но Элисон не дослушала её. Она твёрдым шагом вышла из кухни, даже не обернувшись, и прошла по тёмному коридору к главной лестнице. Но звук отпирающейся двери застал её врасплох: не успела Элисон дойти до ступеней, как с улицы в холл вошёл её супруг. В следующую секунду откуда-то из коридора выбежал Сэм, промчался мимо Элисон прямо к хозяину, и тот, встав на одно колено, потрепал его по макушке.

— Эй, привет, парень! Как ты здесь без меня? — охрипшим голосом стал спрашивать у пса Алекс, почёсывая его за лохматым ухом, затем, едва взглянув на жену, протяжно произнёс: — Миледи... Я так давно вас не видел, что почти забыл, как вы выглядите...

— К сожалению, сегодня я не успела скрыться от вас, — съязвила Элисон в ответ. — А вы хорошо повеселились сегодня, как я погляжу...

— Как всегда, миледи.

Пьяная улыбка на тонких губах Алекса заставила Элисон вздрогнуть. Вот теперь она не может не признать, что боится, если он подойдёт к ней или снова заговорит, но Алекс всё ещё возился с псом, а на неё самую внимания не обращал. И Элисон вдруг подумала, что это довольно странно видеть его таким: улыбающимся, искренним. Пусть и пьяным. В её глазах он за пару мгновений из взрослого мужчины превратился в беззаботного ребёнка. Такому сравнению девушка лишь хмыкнула, решив, что глупо подобным образом думать о нём.

Алекс поправил свои спутанные волосы, ещё раз прижал к себе обрадованного Сэма, затем, расстегнув измятую рубашку и подозревая пса, поднялся с колен и направился на кухню, даже не взглянув при этом на жену. К её радости, она смогла спокойно уйти к себе в спальню. Конечно, она как обычно заперла дверь на ключ, который ей несколько дней назад так любезно отдала экономка, и почти сразу заснула.

***

Утром первым делом Элисон проверила дверь своей комнаты — она вновь оказалась открытой. У девушки не осталось сомнений: некто отпирает замок каждую ночь, пока она спит. Элисон не могла не предположить, что этим некто был Алекс, и твёрдо решила поговорить с ним, наконец, не только насчёт этой странной ситуации, но также и об их отношениях. Элисон наспех оделась, выбрав на этот раз простое светло-зелёное закрытое платье с высоким воротником и длинными рукавами. Спустившись на первый этаж она, к своему удивлению, обнаружила там Александра, сидящего на диване перед старым камином и играющего с Сэмом. Вся решимость девушки в один миг словно испарилась, что было ей, конечно, не на руку. И всё же, она попыталась держаться уверенно, насколько только могла.

Услышав мягкие шаги, Алекс обратил на жену внимание и, когда довольно растерянная Элисон спустилась с лестницы, хрипло проговорил:

— Доброе утро, миледи. Как же я жалею, что мне до сих пор не доводилось видеть вас такой... выспавшейся!

— Не понимаю, о чём вы.

— Вы выглядите прекрасно, особенно этим ранним утром...

— Оставьте эту лесть при себе, — раздражительно ответила Элисон. — Она мне не нужна.

Девушка взглянула на мужа и вздрогнула, так сильно изменился он в лице после её слов. Возможно, ей и не следовало грубить, но по-иному вести себя она не хотела. Грубость хоть

как-то позволяет быть независимой.

Алекс смотрел на неё, нахмурившись, и молчал. Один лишь Сэм, покорно лежавший у ног хозяина, был спокоен сейчас. Элисон уже начинала нервничать, так как сама не знала, что сказать и как защититься в случае, если её супругу взбредёт что-либо в голову. Но Алекс словно терпел или сдерживался, чтобы оставаться вежливым и понимающим. Элисон это заметила и не могла понять, зачем он так делает, если ненавидит её.

— Сейчас вы переоденетесь, пока я буду ждать вас, а потом мы отправимся на прогулку, — сказал Александр, поднявшись с дивана.

Сэм посмотрел на него, вскочил с места и радостно завилял хвостом, словно осознав, что и ему предстоит нечто весёлое. А вот Элисон такой расклад не совсем устраивал. Она безразлично пожала плечами и ответила:

— И не подумаю.

Её супруг нахмурился ещё сильнее, но в остальном ничем не выдал своего негодования. Он медленно подошёл к девушке, словно в оцепенении стоявшей у лестницы, чуть наклонился к ней и тихо произнёс:

— Должен заметить, не только вас не устраивает вся эта комедия, разыгранная нашими дорогими отцами. Осмелюсь заметить: я тоже жертва этой ситуации. Но в отличие от вас я страдаю гораздо больше, ибо мне приходится выполнять поручения, к которым я не расположен. Мой отец держит в руках всю власть, и я никуда не могу от него деться. Вам этого не понять, но всё же... попробуйте. Он требует, чтобы я уделял Вам внимание и тратил своё драгоценное время. И чтобы я смягчился и был любезен, — Алекс глазами поймал её взгляд и наклонился ещё ближе к её лицу. — Вы же не хотите, чтобы репутация вашей семьи пострадала?

— Она уже достаточно пострадала, когда мы связались с вами, — ответила Элисон смело, хотя внутри её всё жгло от нахлынувшего волной страха перед этим мужчиной.

— А вы — храбрая маленькая леди, — Алекс выпрямился и чуть заметно улыбнулся. — Подобным образом со мной ни одна жалкая мошка не разговаривала.

Элисон возмущённо ахнула, оскорбившись его словами. Ещё немного и она могла бы ударить мужа, но со стороны вдруг раздался короткий лай пса, и они обратили на него своё внимание.

— Да, Сэмми, мы совсем забыли о тебе, — Александр посмотрел на еле сдерживающуюся Элисон и подмигнул ей. — Миледи, вы же не откажете в прогулке такому милому псу?

Девушка с силой сжала кулаки, но ни одно недостойное оскорбление не слетело с её уст. Лучше уж быть благородней и разумней, чем этот человек, без стыда и совести, решила она. Элисон мельком взглянула на Сэма, сидевшего у ног хозяина, затем на самого Александра, и ответила:

— Хорошо. Прогуляемся. Если только это всё, что вам от меня нужно.

— О, да...

— И потом вы оставите меня в покое.

— Конечно, миледи, — Алекс язвительно хмыкнул, затем развернулся и направился к главной двери. Сэм сорвался с места и побежал за ним. — Жду вас снаружи, не задерживайтесь.

У Элисон не было огромного желания слушаться, но проверять настойчивость мужа ей тоже не хотелось. Девушка, немного замешкавшись, накинула на плечи свой старый плащ и

вышла на улицу.

Прошедшая ночь ещё смела напоминать о себе: в воздухе чувствовался её холод, а небо на западе до сих пор было окутано тьмой. В равнине ветер не тревожил высокую траву, а гулял где-то между холмов на севере.

Александр ждал Элисон с западной стороны двора. Увидев мужа, сидящего на другом коне, огромном и чёрном, как ночное небо, Элисон занервничала и ощутила страх. Вряд ли она боялась этой лошади или её наездника, скорее этот образ супруга заставил её забеспокоиться. Александр гордо смотрел на Элисон сверху вниз; подойдя ближе, она разглядела в лучах восходящего солнца, освещающего внутренний двор замка, что и серая рубашка, и непонятного грязного цвета штаны Алекса в который раз были мятыми, а его высокие тяжёлые сапоги нечищеными. Элисон было всё равно, но убеждаться в неопрятности супруга, являющегося взрослым, самостоятельным мужчиной, снова и снова ей не доставляло удовольствия.

— Предлагаю пари! — крикнул Алекс, натянув поводья до предела, и его конь громко фыркнул.

— Что за пари?

— Всё просто. Устроим скачки. Отметим границу, и тот из нас, кто вернётся первым, тот и выиграл.

По довольной ухмылке мужа Элисон догадалась, что из этой идеи он задумал получить для себя какую-то выгоду. Но предложение показалось ей слишком заманчивым.

— И что же получит победитель?

— Чтобы вы не передумали, пусть будет так: если вы вернётесь первой, тогда... — он посмотрел куда-то вперёд, словно искал что-то взглядом, но не найдя, вновь обратился к жене. — Тогда сможете уехать домой.

У Элисон на несколько мгновений перехватило дыхание. Она растерянно смотрела на Алекса, ища причину такому решению на его ставшим отчего-то хмурым лице, но оставила эти жалкие попытки его понять и просто спросила:

— И в чём же подвох, милорд?

— Никакого подвоха.

— Вы меня обманете, я в этом уверена. Поэтому я отказываюсь. Не хочу быть униженной вновь.

— Послушайте меня, — продолжил Алекс; его конь, подчиняясь движениям рук хозяина, сделал два шага вперёд, и Элисон осторожно отступила на пару шагов назад. — Я могу грубить, позволять себе издёвки и всё в том роде, но обманывать...

Он надменно, недовольно фыркнул, и Элисон поняла, как глубоко оскорбила его. Да, возможно, он являл собой образец не самого приятного человека, но всё же он был честен. И об этом знали все.

— Значит, если я выиграю у вас, то смогу вернуться домой?

— Да, конечно.

— И вы устроите нам развод, не потребуете моего возвращения и сохраните тайну моего брата? — Элисон, наконец, довольно улыбнулась.

Ответом от Александра был короткий, но уверенный утвердительный кивок. Девушка посмотрела в сторону — из конюшни вышел, чуть прихрамывая, старый Жан; он вёл под уздцы лошадь, на которой Элисон приехала сюда, в Солсбери. Что ж, Александр, по видимому, не шутил. С одной стороны, это был прекрасный шанс, стоит лишь выиграть. А

если она проиграет... Девушка тут же решительно отбросила эту мысль: будь что будет, пусть это и большой риск.

Через несколько минут Александр со своей женой верхом на лошадях уже стояли на северном холме за стенами замка.

— Видите, где поворачивает дорога? — Алекс кивнул на расстилающуюся перед ними зелёную равнину и широкую выездную тропу. — Тот из нас, кто первым вернётся на этот холм — победит.

И Элисон не стала долго ждать: без каких-либо предупреждений она громко крикнула, тряхнув в руках тяжёлые поводья, и лошадь резко сорвалась с места. Она помчалась прямо по дороге, мысленно умоляя Всевышнего, чтобы он послал ей победу. Элисон смотрела только вперёд — на уже освещённую солнцем равнину, на горизонт, соединяющийся с самой дорогой — и ей ужасно хотелось обернуться и увидеть Алекса позади. Далеко позади. Тогда она бы, несомненно, ощутила победу. Девушка так и не позволила себе этого. Вот уже близок поворот; минута, вторая... Секунды летят, оставляя позади себя страх и неуверенность — Элисон вновь натягивает поводья, и конь резко притормаживает, чтобы удачней развернуться...

Она даже не сразу сообразила, каким образом он оказался рядом с ней. Как сумел обогнать, она ведь не видела его манёвра. Только как бы там ни было, их лошади теперь мчались бок о бок, и Элисон переводила взгляд со своей заветной цели — невысокого холма — на мужа. Алекс почти приподнялся в седле, его светлые волосы разметал дующий навстречу ветер, а глаза горели из-за разожженного внутри азарта и возбуждения.

Их лошади скакали так ровно, словно специально до самой последней секунды сохраняя эту пугающую синхронность. Но у подножья холма всё изменилось, и для девушки удачно подвернувшийся шанс был потерян: конь Алекса рванул к вершине так резко, что когда Элисон оказалась там, её муж уже почти восстановил дыхание.

— Не понимаю... как это могло случиться, — пролепетала Элисон, тяжело дыша.

Её супруг лишь невозмутимо улыбнулся, затем огляделся, будто убеждаясь, что рядом больше никого нет, и, наконец, спешил. Он подошёл совсем близко и начал так нахально разглядывать Элисон, что ей вдруг стало не по себе. И только в тот момент она поняла, как выглядит в его глазах: в помятом платье, подолы которого задрались до неприличия выше коленок, сидя по-мужски в мужском седле с растрёпанными волосами... Девушка мысленно прокляла саму себя за своё шалопайство и недостойное поведение. Никакая она не леди. Ведь леди так себя не ведут.

Элисон, заливаясь краской, взглянула на мужа сверху вниз: теперь она соответствующая жена соответствующему мужчине: грубияну, хаму и настоящему подлецу. И это то, что она заслуживала? Осознание всего этого было ужасно. Даже хуже проигрыша.

— Теперь спускайтесь, — произнёс Алекс, глядя шею уставшей лошади.

— Что? А зачем? — Элисон показалось, что эти вопросы она и вовсе унизительно пропищала, так сильно подцепил её страх.

— Я ведь выиграл. И выиграл честно. Поэтому я хочу получить своё вознаграждение.

— А мы... мы этого не обговаривали...

— Я уже всё решил. Слезайте, или мне самому стаскивать вас?

Чёрт его побери! Пока он говорил это, он улыбался! Улыбка просто не желала сходить с этих тонких губ, словно нарочно дразнила и злила Элисон. Но разозлиться на супруга за его наглость ей так и не удалось; ожидание чего-то неотвратимого лишь прибавляло страх перед

Александром.

Элисон сделала короткий выдох, левую ногу перекинула через спину лошади, и готова была уже спуститься на землю, но вдруг ощутила холодные, длинные пальцы Алекса на своей талии. Он сжал её в руках, потянул на себя, помогая, таким образом, мягче спуститься. Девушка тут же поспешила повернуться к мужу лицом и хоть как-то попытаться выскользнуть из его рук. Но Алекс, держа руки на её талии, не отпускал, и смотрел ей прямо в глаза. «Дьявольский взгляд» будто сковал тело девушки, мурашки побежали по её спине, и она задрожала. Лошадь позади неё, по-видимому, почувствовала волнение своей наездницы, и тихо забила передним копытом.

— Отчего же прелестная птичка так дрожит?

А Элисон просто стояла и смотрела в глаза супругу, напуганная его хриплым, тихим голосом и холодом его кожи, который ощущала даже сквозь ткань платья.

— Я всего лишь хочу получить свой приз.

— К-какой приз?!

Вместо ответа Алекс лишь хмыкнул и, низко наклонившись, коснулся губами тёплых губ жены.

Он не мог понять, почему ему так захотелось это сделать. На самом старте у него в голове уже выстроился целый ряд из идей насчёт своего приза, но только не подобная... Может быть, её растрёпанный вид так возбудил его, может, азарт от погони подействовал. Но ему просто вдруг стало всё равно: так сильно захотелось ощутить вкус её поцелуя, проникнуть между этими горячими губами языком, и чтобы она сама отвечала ему. Александр уже забыл, когда в последний раз так наслаждался простым поцелуем с девушкой. Он забылся, совсем ненадолго, и сильнее сжал Элисон в своих руках.

Алекс решил, языком попытался раскрыть её губы, и вот тогда она воспротивилась. Сначала она избавилась от его рук на своих бёдрах и оттолкнула от себя, затем, с отвращением вытирая рукавом платья губы, зло взглянула на супруга.

— Никогда больше не смейте касаться меня! — уверенно произнесла она.

Александр решил, что на этот раз с девчонки хватит, и наказывать её чем-то большим за грубый тон не стоит. Иначе потом она нажалуется экономке, которая в свою очередь не отстанет от него с занудными разговорами о манерах и тому подобной чепухе.

— Доброго вам дня, миледи, — хотя и дышал он с трудом, Александр снова улыбнулся, — и спасибо за мой приз. Если хотите, это останется нашим секретом! Надеюсь, когда-нибудь мы повторим скачки...

Никогда женщины не одаривали его такими ненавистными взглядами. Элисон буркнула что-то себе под нос, вскочила на свою лошадь и рванула с места, проскакав мимо мужа в сторону замка. Через несколько секунд о ней напоминала лишь поднятая с земли пыль. Алекс ещё довольно долго смотрел Элисон вслед, восстанавливая дыхание после их неумелого поцелуя, который, хоть и не был завершён, всё же ему пришёлся по вкусу.

***

13 июля 1819

— О, мистер Кэллис!

Уильям обернулся на самый невероятный, как ему показалось, самый прелестный женский голос, какой он когда-либо слышал. Элисон как раз спускалась по лестнице в гостиную, где он и Алекс находились с самого утра. Девушка улыбалась неожиданному гостю, и Уильям думал, что, возможно, она уже не обижается на него за его прошлый

поступок.

— Доброе утро, миледи. Бесконечно рад видеть вас снова, — когда Элисон подошла ближе, он осторожно взял её протянутую руку и поднёс маленькие пальчики к губам.

— На удивление, и я рада вашему визиту, — смущённо ответила она. — Всё-таки приятно видеть в этом доме... новое лицо.

— Да, здесь я бываю крайне редко. Не представляю, почему Алекс так яростно охраняет это место и скрывает его от посторонних глаз, — Уильям обернулся к своему другу. — Зато я знаю, что у него теперь появилась другая причина не пускать сюда никого.

Александр недовольно фыркнул и закатил глаза. Кэллис лишь улыбнулся и вновь посмотрел на Элисон. По довольно заметным синякам под её глазами он догадался, что девушка плохо спит. Хотя, в остальном она выглядела так же, как и в первую их встречу: прямая, уверенная, а значит, Алекс ещё не успел её сломить. И ему вдруг стало жаль её. Уж он бы точно был с этой девочкой нежен и приветлив...

— Хватит играть в гляделки, Кэлл, — раздражённо проговорил Александр. — Нужно обсудить, когда мы отправляемся в Сурат.

— Вы куда-то уезжаете? — спросила Элисон, с искренней тоской глядя в чёрные глаза Уильяма.

— Да, миледи. Долг зовёт, и...

— А Сурат — это очень далеко?

— Это Индия... — Уильям чуть не добавил «моя дорогая», но даже спиной почувствовал, что Алексу эта болтовня с его женой начинала надоедать.

— Сколько не прижимай этих чёртовых маратхов к стене, они будут появляться повсюду, как крысы, — буркнул он.

— Не волнуйтесь, миледи, — Кэллис ласково улыбнулся девушке. — Мы вернёмся очень скоро. И вот тогда я не допущу того, чтобы вы здесь скучали, поверьте мне.

После этих слов Элисон и вовсе покраснела от смущения. Она кротко улыбнулась, протянула руку Уильяму и, когда он слегка сжал её пальцы в своих, торопливо проговорила:

— Желаю вам удачи, мистер Кэллис.

Девушка, так и не взглянув на мужа, развернулась и, приподнимая подолы длинного, серого муслинового платья, поспешила на кухню. Уильям проследил за ней взглядом, молча восхищаясь её длинными каштановыми локонами, пока она не скрылась за поворотом коридора, затем обернулся к Алексу.

— Что? — наивно спросил Кэллис у друга. — Ну что?

Александр сдержанно покачал головой и, взяв с полки над камином небольшой запечатанный конверт, быстрым шагом направился к главному выходу. Уильям, сдерживая усмешку, послушно последовал за ним. По пути в конюшню Кэллис всё же не смог удержаться, чтобы не спросить то, что давно уже порывался узнать:

— Так ты спал с ней или нет, Алекс?

Ответа, конечно же, не последовало: Ривз лишь недовольно повёл плечами, запахивая старенькую кожаную куртку.

— Я спрашиваю, ожидая, что ты скажешь «нет», и считаю, что я угадал. Отсюда мой следующий вопрос: почему же ты ждёшь?

— Какого чёрта тебя это вообще волнует? — не оборачиваясь, проворчал Александр.

— Просто... мне кажется... Она красива, а тебе нравятся красивые женщины...

Ривз резко обернулся, и Уильям встретился глазами с его холодным взглядом.

— Если бы не мой отец с его настойчивым желанием получить деньги и властью, которую он имеет надо мной, я бы уже давно отправил прочь эту девчонку! На самом деле, плевать я на неё хотел.

— Что ж, — Кэллис натянуто улыбнулся и, хотя от взгляда Ривза у него похолодела кожа, уверенно выпрямился, — в таком случае, когда она тебе окончательно надоест, можешь отдать её мне. Уж я такую милую пташку не упущу.

На несколько мгновений Уильям решил, что его друг опешил от этих слов. Или же ему просто показалось слишком явным это мелькнувшее удивление на загорелом лице Алекса.

Они стояли друг напротив друга у ворот, ведущих в конюшню. Этим утром оттуда довольно сильно пахло сеном и навозом. Кэллис поморщился, когда из-за туч выглянуло солнце, затем весело улыбнулся и хлопнул Александра по плечу.

— Да ну, друг. Не бери в голову. Я всего лишь пошутил.

Закусив нижнюю губу, Алекс утвердительно кивнул и вдруг улыбнулся так, что даже его товарищу стало не по себе.

— Когда мы вернёмся в Англию, пожалуй, твоё желание может исполниться.

Весь остаток дня Кэллис раздумывал над словами Алекса, хоть так ни разу и не переспросил, была ли это его очередная плохая шутка или же нет. Ривз тоже больше не затрагивал эту тему, слишком уж сильно был занят мыслями о том, как скоро они доберутся до Франции. И Уильяму на какое-то время показалось, что в его друге вспыхнула, пусть и самая слабая, но всё-таки... искра ревности.

***

Из окна, на широком подоконнике которого полулежала Элисон, был виден весь восточный горизонт: там, далеко, горели огни близлежащей деревни. Даже эти огни ярче освещали комнату девушки, чем единственная полусгоревшая свеча, стоявшая на подоконнике у стены напротив. Элисон скучала, как и каждый вечер в этом доме. Сейчас она то вглядывалась во тьму леса, полузакрывавшего так не полюбившееся уже ей озеро, то опять и опять пыталась вчитаться в строчки книги, которую случайно обнаружила в гостиной после обеда. Английский физик Уильям Гильберт делал заметки о своих же опытах над воздухом, пытаясь доказать его необходимость в участии таких процессов, как звук и горение...

Буквы расплывались у девушки перед глазами, смысл написанного едва укладывался в голове. Ничего подобного она раньше не читала даже в школе, но это всё, что ей удалось найти из литературы здесь. Библиотеки не было, по крайней мере, в этой части замка, а желание читать было всё же не таким сильным, чтобы расспрашивать кого-то из домочадцев о книжках.

Итак, пока Элисон уже в третий раз прочитывала небольшой абзац о магнитах и электрических свойствах тел, в голове её параллельно прокручивались события прошедшего утра. Она и сама толком не понимала, почему была так рада видеть этого Уильяма Кэллиса. По крайней мере, он мало чем напоминал ей собственного мужа, и, как она уже успела признаться себе самой, был гораздо приятнее на вид. Хотя, это ведь он заставил её вернуться домой, когда она попыталась сбежать...

— Что ж, — сказала Элисон вслух, — он довольно мил. У него красивый голос. Ах, да, и ещё манеры.

Девушка улыбнулась и тут же фыркнула, недовольная своими мыслями. Попыталась вновь вникнуть в текст заметок Гильберта, но улыбка Кэллиса всё никак не выходила у неё

из головы. И вдруг она подумала, было бы ей приятней выйти замуж за него, а не за сыночка Ривза? Элисон прижалась затылком к стене, положив потрёпанную книжку на согнутые колени, и попробовала представить себя рядом с Уильямом, как бы он улыбался ей, а тёмные глаза сияли бы нежностью и заботой. Интересно, стал бы он оставлять её каждый день одну в практически пустом замке? И как бы он целовал её? Было бы это приятно, а не так, как с Александром...

Элисон глубоко вздохнула: ей следовало бы думать не о мужчинах, а о том, как поскорее сбежать отсюда. С одной стороны, это было невозможно: тогда репутация её семьи полетит к чертям, да и её собственная. А с другой... Всегда есть какой-либо выход, так устроена реальность, и девушка знала это.

Она заправила за ухо выбившийся локон, и когда, наконец, вернулась к чтению заметок об электричестве, в дверь её комнаты постучали. Девушка вздрогнула и от неожиданности уронила книгу на ковёр.

— Миледи? — из коридора послышался голос экономки. — Миледи, вы не спите?

Элисон спрыгнула с подоконника и практически бесшумно добежала до двери. Она и не подумала не открывать, слишком взволнованным показался ей голос миссис Уоллес. Девушка повернула ключ в замке и отперла дверь: экономка стояла перед ней со свечой в правой руке; одета она была в тяжёлый плащ какого-то грязно-серого цвета, и от неё ощутимо веяло запахом полевых цветов.

— Что-то случилось?

— Просто я бы хотела попросить вас оказать нам помощь, миледи, — женщина ласково улыбнулась, расстёгивая пуговицы плаща. — Поверьте, я бы не потревожила вас в такой час без надобности.

Всё лучше, чем тосковать одной в тёмной комнате, решила Элисон. Запахнув на себе тонкий халат поверх шемизы, девушка вышла в коридор и последовала за экономкой. Когда они вместе спустились в полутёмную гостиную, миссис Уоллес отдала Элисон подставку со свечой.

— Вы нам посветите. София давно уже ушла, а вдвоём с Жаном нам не справиться.

— А как же слуга мистера Ривза? Как там его... — девушка закусил губу, пытаясь вспомнить имя человека, которого до сих пор так и не видела. — Томас, кажется.

— Ох, этот! Этот уже какую неделю таскается за графом и предпочитает место посolidнее, чем наш замок, — женщина обратила взор к главным дверям. — Просто найдитесь поблизости, Элисон.

Двери с грохотом распахнулись — в гостиную тут же ворвался холодный ночной ветер, домчавшийся сюда с равнин. А после увиденного далее Элисон и вовсе застыла на месте в полном изумлении: старик Жан, сгибаясь в три погибели, медленно переступил порог дома, почти таща на себе худое, повисшее на нём тело мужчины. Элисон дёрнулась, сделав шаг назад, а глаза её расширились от непонимания того, что случилось на самом деле.

Миссис Уоллес поспешно закрыла двери, когда Жан, кряхтя и тихо ругаясь по-французски, протащил на себе обвисшее тело дальше в гостиную. За конюхом и его ношей с улицы прошмыгнул Сэм и, не обращая ни на кого внимания, просеменил мимо куда-то в дальний коридор. Элисон чуть подняла руку и лишь тогда поняла, что эта самая ноша на плечах Жана являлась её мужем.

— Снова напился, дьявольский сынок. Помогите же мне, наконец! Мои плечи уж точно не заточены под этого сопляка!

— Прекрати ворчать, Жан, — экономка подошла к нему, осторожно взяла Александра за его безвольно болтавшуюся правую руку и закинула её себе на плечи; тогда они вместе с конюхом дотащили Алекса до дивана, стоявшего тут же, рядом.

— Вот оно как! Чёртов паршивец! — Жан разогнулся, и даже Элисон расслышала, как захрустели его старые кости. — Этот подлец и вовсе потерял совесть. Попомните мои слова, миссис Уоллес! В следующий раз... а я уверен, что будет следующий раз, — старик откашлялся и, подняв указательный палец левой руки вверх, продолжил: — Попомните! Я брошу его где-нибудь в равнине, посреди дороги, и чтобы его, проклятого пьяницу, переехал какой-нибудь...

— Хватит, Жан! — экономка грубо прервала его, вздёрнув подбородок. — Помогите донести Александра в его комнату, а потом можешь быть свободен. И вот тогда ругайся себе на здоровье, но нас с Элисон рядом уже не будет.

Старик недовольно проворчал что-то себе под нос, коротко взглянув на девушку, стоящую в паре шагов от них, и, уперев руки в бока, повернулся к развалившемуся на диване Александру. Элисон вот уже которую минуту смотрела на него, и на её лице читалось явное отвращение. Мало того, что на Алексе не было ни куртки, ни даже рубашки, от него ещё ужасно сильно пахло крепким вином, смешанным с какими-то специями; светлые волосы были мокрыми, и сейчас липли к чересчур бледному лицу. К тому же, мешковатые брюки на нём были порваны в коленях... Элисон посчитала, что никогда в своей жизни не видела более омерзительного мужчины. Что ж, одно дело — ненавистный супруг, а другое — ненавистный, до одури пьяный супруг.

Миссис Уоллес и Жан вместе тащили Алекса на своих плечах по лестнице и коридору, а Элисон шла чуть позади, вытягивая руку со свечой как можно выше.

— Вот, эй! Слышите? — пробурчал конюх, когда они уложили Александра в постель. — Он что-то там бормочет, щенок!

Алекс и вправду бормотал нечто невнятное, медленно мотая головой. Глаза он так и не открыл, только ворочался в пьяном бреду, сжимая в пальцах тонкое одеяло. Вино, по-видимому, так разгорячило его, что он до сих пор мучился от его жара, разливающегося внутри. На лице, плечах и торсе выступили капельки пота, и Александр то и дело кусал губы, несвязно шепча.

— Мне нужно раздеть его, привести в, скажем так, порядок, — когда старик Жан, прихрамывая, ушёл восвояси, миссис Уоллес взяла из руки Элисон свечу и устало улыбнулась. — Спасибо, дорогая. Мне жаль, что тебе пришлось увидеть его таким. Так бывает, когда он отправляется в дальнюю поездку...

— Вы тоже знаете про Индию?

— Да, милая, знаю. Он напивается до беспамятства, чтобы стало легче...

Женщина произнесла последние слова с такой тоской, что у Элисон замерло сердце. И она возненавидела Александра ещё крепче за то, что он слеп, и не видит того самого человека, который действительно любит его.

Уже позже, глубокой ночью, когда Элисон лежала в своей холодной постели, на неё напала целая туча неразборчивых мыслей о том, какие отношения складывались у её супруга с его отцом и другими обитателями замка на протяжении всей его жизни. Но она вовсе не пыталась найти оправдание такому безобразному поведению взрослого мужчины. Просто у неё возникло ощущение, что никто в этом доме, кроме несчастной экономки, по-настоящему не привязан к Александру.

Элисон лишь плотнее куталась в одеяла, пытаясь отогнать от себя ненужные мысли, стараясь поскорее заснуть и забыть пьяную усмешку на мертвенно-бледных губах мужа.

Посреди ночи девушку разбудил непонятный поначалу звук. Сев на постели, она стала прислушиваться и отчётливо расслышала за стеной... самый настоящий плач.

— Не может быть, — прошептала Элисон в темноту своей комнаты.

Короткие всхлипывания не прекращались, и девушка сама решила убедиться в том, что ей и так казалось очевидным. Тихонько отворив дверь своей спальни, она выглянула в коридор: здесь мрачные стены хранили молчание. Подойдя ближе к соседней комнате, Элисон прислушалась всего на несколько секунд, затем присела на колени и открыла дверь чужой спальни так, что сквозь узкий проём могла видеть постель своего супруга. Когда глаза Элисон привыкли к темноте, она различила его тонкую фигуру на постели: Алекс лежал на животе, уткнувшись лицом в подушку; его голые плечи дрожали в такт тихому плачу, иногда прерываемому протяжными стонами.

Элисон хватило и нескольких мгновений: она закрыла дверь, вскочила на ноги и поспешила запереться в своей комнате. Пока его плач не сохранился в памяти... Пока силуэт его дрожащего тела, покрытого простынёю, образом не отложился в её мыслях... Пока ей не стало бесконечно его жаль.

Вечер следующего дня выдался на редкость холодным. Ветер усилился, стал яростнее, а тучи на небе сделали его серым, непроглядным до самой линии горизонта. Погода словно угадала атмосферу, царившую в замке Ривзов: она нагоняла и без того ненавистную тоску.

Александр перекинул небольшой мешок с вещами через спину своего коня и как раз уже начал закреплять его ремешками позади седла, когда с неба упали первые капли дождя. Мужчина небрежно накинул на голову капюшон своего плаща; когда все его вещи были надёжно закреплены, он ласково провёл рукой по шее коня и, наконец, обернулся. Земля под ногами здесь, на внутреннем дворе замка, быстро превращалась в грязь из-за накапывающего дождя. Алекс недовольно оглядел перепачканные сапоги и хмыкнул, подумав, что ему стоило бы отъехать ещё утром, до ливня. А теперь придётся трястись по скользким тропам до самого Портсмута. Конечно, он осознавал свою вину за потерянное время: не стоило напиваться до потери сознания, тогда и голова бы не гудела и не кружилась, и они с Кэллисом давно убрались бы отсюда... И экономка не бросала бы на него уничтожающе-жалостливые взгляды...

Мужчина громко присвистнул: из приоткрытых дверей замка во двор выскочил Сэм и тут же подбежал к хозяину. Алекс потрепал овчарку по гладкой макушке, ласково объяснив, что взять его с собой не может, и что будет скучать и обязательно вернётся.

Под навес над крыльцом вышла экономка; Алекс поднял на неё глаза, сперва даже удивившись её несобранному виду. Наверняка, этой ночью она плохо спала... из-за того, что он вновь напился. У Александра уже давно не болела душа за свои поступки. Он — взрослый мужчина, и может делать всё, что ему заблагорассудится. Он вообще никогда не был обязан отчитываться перед миссис Уоллес, она ему не мать, в конце концов... Мужчина обернулся на восток, туда, где около леса находилось фамильное кладбище. Туда, где и покоилась его родная мать.

Когда рядом с тайком утирающей слёзы экономкой появилась Элисон, скромно кутавшаяся в шерстяную шаль, Алекс вздрогнул. Он не мог вспомнить, видела ли она его вчера ночью, или же, в лучшем случае, уже спала. Под самое утро она приснилась ему, кажется, одетая в свадебное платье, с распущенными, спутанными волосами, красиво обрамляющими её личико. Когда ему уже начало казаться реальным ощущение её горячих рук на своих голых плечах, сон отступил, и Александр проснулся, мокрый от пота и дрожащий, как в ознобе. Сейчас он лишь взглянул на неё и подумал, что она ещё красивее, чем была во сне. Зачем только, интересно, она пришла теперь? Убедиться, что он точно уедет?

Александр последний раз прижал к себе Сэма, тоскливо поскуливающего у него в ногах, затем выпрямился, поднявшись с колен, и поманил пальцем жену. Девушка недовольно поёжилась, но всё же сошла вниз по ступенькам и, когда подошла ближе, отстранённо спросила:

— Вы звали меня?

— Да, я лишь хотел... — Алекс оглядел её с ног до головы и как-то небрежно улыбнулся. — Хотел сказать, что рад увидеть тебя перед тем, как я уеду.

Она посмотрела на него исподлобья так, словно одним взглядом хотела уничтожить. В тот момент Алекс понял, что уже привык к ней и её милому упрямству и, возможно, даже

будет по этому скучать.

— Перейдём сразу к делу, — он стёр со щеки каплю дождя и чуть наклонился вперёд. — Думаешь, без меня здесь тебе станет гораздо легче? Или сможешь сбежать, пока я отсутствую? Не обольщайся, потому что ты никуда отсюда не денешься. Меня может здесь не быть, но даже это ничего не изменит.

Он, поначалу даже сбитый с толку её покорным молчанием, отвернулся, быстро вскочил на коня и резко натянул поводья, отчего животное взбрыкнуло и дёрнулось.

— А если вы не вернётесь? — съязвила девушка, сделав шаг назад. — Что мне делать тогда?

— Я всегда возвращаюсь.

Больше он и не взглянул на неё. Его конь сорвался с места, и Алекс направил его прямо к раскрытым воротам. Сэм поднялся со ступенек крыльца, на которых лежал всё это время, тоскливо глядя на хозяина, и резво побежал за галопом скачущей лошадью. Через пару минут они исчезли за ближайшим холмом.

Экономка, подойдя к Элисон сзади, лишь громко вздохнула и положила руку ей на плечо:

— Идём, дитя. Не надо нам мокнуть здесь, ещё простудимся... А пёс вернётся! Уж он-то всегда находит дорогу домой.

Весь день Элисон только и думала, что над словами супруга: сможешь сбежать, пока я отсутствую... Никто ведь теперь её здесь не удержит — бери лошадь, складывай немногочисленные вещи и беги. Единственное, что её до сих пор останавливало, точнее, кто — это Ривз старший. Одно его слово, и брату не поздоровится. Достанется и отцу за укрывательство дезертира, а он ведь уже не так молод, чтобы переживать новые хлопоты и проблемы. Теперь, когда Александр благополучно уехал и оставил её, у девушки было достаточно времени всё обдумать. Возможно, было бы неплохо встретиться с Луисом, поговорить и что-нибудь решить.

Но у Элисон теперь даже не было шанса написать письмо и отправить его брату. Рано утром, 16-го числа, в замок наведалься самый неожиданный для неё гость. Увидев пожилого джентльмена в чёрном фраке в такой час в своей гостиной, девушка поначалу и вовсе не нашла, что подумать. Мужчина выглядел довольно сурово, весь его строгий вид словно говорил о том, что здесь он появился с самыми серьёзными намерениями.

— Доброе утро, сэр, — тихо произнесла Элисон, медленно спустившись в гостиную по лестнице.

Мужчина сидел на стареньком диване и, не обращая внимания на девушку, продолжал молча читать, судя по всему, один из последних номеров «Stamford Mercury». Его молчание показалось Элисон крайней грубостью, и, так как ни экономки, ни кого-то другого рядом не оказалось, она поняла, что с этим гостей ей придётся разбираться самой.

— Сэр? — она остановилась посреди комнаты так, что её почти всю касался свет поднимающегося солнца, проникавший сюда через окно. — Могу ли я узнать, что вы здесь делаете?

— О Шеффилдах говорят, что они — самая уважаемая семья на всём южном побережье, — заговорил он, не отрываясь от чтения, и голос его — хрипловатый и глухой — заставил Элисон вздрогнуть. — А выходит, что их единственный наследник оказался дезертиром...

— Если вы думаете, что можете вот так внезапно появиться здесь и оскорблять мою

семью... — сердито возразила девушка, но старик тут же её перебил:

— И дочь они воспитали не менее дерзкую! — он поднялся с дивана и, с едва заметным отвращением отбросив газету в сторону, заложил худые руки за спину.

Тогда Элисон лучше рассмотрела его: худой и прямой, как жердь, с бледной, почти серой, кожей, острым длинным носом и маленькими глазами с густыми бровями над ними. Когда он заговорил снова, Элисон расслышала его ирландский акцент.

— Я служу графу Ривзу уже тридцать с лишним лет и имею полное право появляться в его владениях, когда мне заблагорассудится. Я выполняю только его приказы и поручения, — сделав небольшую паузу, старик продолжил: — А также приказы виконта, его сына. И пока Александр отсутствует, мне поручено быть здесь и присматривать за вами.

— Мне не нужна нянька! — девушка упрямо сжала пальцы в кулаки.

— Никто не говорил, что я стану вам нянькой. И вы должны обращаться ко мне «сэр Томас», ибо нам придётся довольно долго контактировать. Надеюсь, цель моего визита вам ясна, — он поправил рукава своего вычищенного пиджака и уже совсем тихо проговорил:

— Для исполнения ваших прихотей можете обращаться к экономке, а я здесь для того, чтобы убедиться, что вы никуда не денетесь до самого возвращения вашего супруга. Поэтому для меня это не важно: хотите ли вы сбежать или нет. Мне не важно, чего хотите вы.

Кивнув без всякого почтения, старик взял с дивана скомканную газету, аккуратно свернул её и направился к главному выходу. А Элисон еле сдерживалась, чтобы не сказать ни единого грубого слова вслед.

***

Марибор, Словения

18 июля 1819

Высокий, мускулистый двадцатилетний парень сидел на корточках на шатком столе в одном из самых популярных у путешественников пабов города. Он успел сбросить свои сапоги ещё до того, как вскочил на стол, подбадриваемый дружными криками своих не менее пьяных, чем он, товарищей. Парень взлохматил рукой свою густую шевелюру, удобней разместился на столе, вокруг которого, кроме его друзей, уже собралась целая толпа местных пьянчуг, и громко, но медленно стал читать по мятому листку:

— «... я более ни минуты без Вас жить не могу, повелительница моего грешного сердца!»

И тут же со всех сторон раздался громкий пьяный смех нескольких десятков мужчин. Некоторые до хрипоты смеялись так, что долбили кулаками по столикам, и деревянные чуть не ломались под ними.

— Читай, читай дальше! — выкрикнул кто-то из солдат, сидящих у самой стены паба.

— А дальше он ей пишет: «О, Вы, чья красота сравнима с красотой самой Афродиты...»

— Дальше! Читай ещё!

Солдаты, путешествующие из Портсмута, остановились в этом пабе отдохнуть и пропустить «рюмочку-другую». Но веселье растянулось на несколько часов, вино и ром лились, что говорится, рекой, а когда кто-то из солдат вспомнил, что на днях стянул у командира письмо, местная пьянь и путешественники дружно согласились обсудить его содержание вместе.

— Вот, вот, вот! — солдат на столе вдруг затараторил, и шум в помещении смолк. — А вот есть ещё: «...если вы не смилуетесь над моей несчастной душой, я умру, и муки всех кругов Ада не сравнятся с теми, что я переживаю!»

— А старик, пусть и не первой свежести, умеет красиво говорить!

— Спорю на десять фунтов, всё это писал не он!

Восторженно-пьяные вскрикивания продолжались ещё долго, пока не было прочтено всё письмо целиком, но и позже нашёлся какой-то старичок из города, умеющий отлично рассказывать похабные истории; веселье не заканчивалось. Алекс и Уильям, чьи голоса то и дело сливались с общим шумом, стояли у стены напротив стола с главным весельчаком вечера и по прошествии каждых двадцати-тридцати минут просили снующих туда-сюда официанток подлить им в кружки больше пива.

— А ты, друг, ты не хотел бы написать домой? — спросил вдруг Кэллис, просмеявшись после падения пьяного солдата со стола.

— Тебе в голову ударил алкоголь, раз задаёшь такие идиотские вопросы, — улыбка тут же исчезла с лица Алекса, и он залпом осушил свою кружку с пивом.

— Теперь тебе есть, о ком беспокоиться и к кому возвращаться, — Уильям дружелюбно толкнул Александра в плечо. — Посмотрим, как ты запоёшь, когда твой папаша потребует внуков.

Алекс как-то странно посмотрел на него, но ничего не сказал. Он размял руками затёкшую шею, пробубнил что-то вроде «я устал» и, допив пиво, медленно направился к дверям паба. На рассвете их отряд должен отправляться дальше, и Ривз был первым в командовании после командира, поэтому не горел желанием думать о доме сейчас. И Кэллис решил, что не стоит испытывать судьбу и играть с другом в эти дурацкие игры. Уильям знал его упрямство и то, что Алекс ведёт двойную игру, от этого всегда выходит победителем.

***

19 июля 1819

— Но я честно говорю вам, я видела то, что видела! Чья-то тень мелькнула в окне комнаты, под крышей.

— Ну что ты, дорогуша. Уже темнело, и тебе могло просто показаться...

— У меня прекрасное зрение, миссис Уоллес. Я не могла ошибиться. Я видела там кого-то. Видела!

— И всё-таки, такого не может быть, милая.

— Но...

— В правом крыле замка нет никого, Элисон. Там пусто, поэтому тебе просто что-то привиделось.

Экономка в первый раз за всё время повысила тон своего голоса при Элисон, и девушка решила прекратить бессмысленный разговор. Миссис Уоллес, вежливо кивнув, гордо удалилась из кухни, оставив Элисон в раздумьях одну за столом. Девушка готова была поклясться чем угодно, что вчера вечером, гуляя вместе с Сэмом у стен замка с северо-восточной стороны, заметила в одном из окон правого крыла некую тень или даже силуэт человека. На расспросы не отвечал ни конюх, ни даже кухарка. И любой из них утверждал, что никого больше в доме не было. Но Элисон не покидало воспоминание о таком чётком и довольно пугающем видении в том окне. И ей оно казалось очень реальным.

Когда все звуки в доме стихли, и когда после полуночи экономка, наконец, отправилась спать, Элисон, тихонько приоткрыв дверь своей спальни, выглянула в тёмный коридор. Держа в правой руке невысокий подсвечник с полурасставившей свечой, девушка медленно продвигалась по коридору, спустилась с лестницы и прошла в кухню. К её огромному

сожалению, тяжёлая железная дверь, ведущая в правое крыло замка, была заперта. Элисон громко вздохнула, решив, что, возможно, это знак, и ей не стоит нарушать установленных правил и лезть, куда не стоит. Она расслышала где-то в глубине кухни шорох: обернувшись и вытянув руку со свечой дальше, Элисон увидела Сэма, смиренно сидящего у её ног.

— Ох, малыш, это ты, — облегчённо проговорила она. Ещё секунду назад испытываешь поистине колкий, резкий страх, девушка немного расслабилась. — Я просто хотела посмотреть. А может быть, ты знаешь про какой-нибудь другой ход туда?

Но в шутку сказанные последние слова оказали действительное влияние на пса: он чуть наклонил лохматую морду влево, высунув длинный розовый язык, затем резко вскочил и просеменил из кухни назад, в гостиную.

Азарт и, возможно, атмосфера ночи, подвигли Элисон просто взять и пойти за псом. В конце концов. Сэм привёл её к старым напольным часам, стоящим в коридоре на втором этаже. Элисон с первого взгляда показалось, что с этими часами что-то не так: их явно двигали, и очень часто, коврик под ними сбился, а стена позади была протёрта.

— Ну, это и есть другой вход? — машинально обратилась Элисон к псу. — Совсем как в тех старых сказках, которые мне Карла рассказывала в детстве.

Девушка заодно вспомнила, что в тех сказках были монстры, или, по крайней мере, какие-то злодеи, противостоящие добру. Элисон не хотелось бы наткнуться на что-то подобное в пустом крыле замка, но любопытство взяло своё. К тому же, решила Элисон, один злодей уже был далеко отсюда, и не сделает ей ничего плохого. Девушка выдохнула, подошла к часам и, подперев плечом их правую стенку, стала толкать. Поначалу деревянное дно и короткие ножки конструкции закрипели об оголившийся пол, и девушка замерла, ожидая появления экономки. Проходили секунды, никто не являлся; Элисон толкнула часы вновь, и они проскользили почти бесшумно. Никакой тайной двери в стене не оказалось, просто вертикальная, ровная и довольно узкая дыра, которой было достаточно, чтобы пролезть внутрь. Девушка вдохнула спёртый воздух, скользнувший через дыру, протянула руку со свечой во тьму и, убедившись, что за стеной пусто, обернулась к Сэму.

— Думаешь, мне не стоит ходить туда?

Пёс коротко, но широко зевнул, медленно вильнув хвостом.

— Ладно уж, теперь только вперёд, — Элисон тяжело вздохнула и перешагнула через высокий порог стены.

Тьма, расступившаяся перед светом, открыла девушке пустой коридор, идентичный тому, который остался позади. Судя по всему, когда-то он был единым. Пол под ногами скрипел, в основном был покрыт пылью, а по углам и вовсе лежали разорванные потемневшие бумаги и газеты. Здесь пахло сыростью и пылью, Элисон даже успела довольно громко чихнуть. Сэм остался смиренно сидеть около часов, и Элисон двинулась вперёд в одиночестве.

Все двери были заколочены деревянными балками, крест-накрест, сам же коридор заканчивался узкой лестницей, ведущей наверх, к донжону. Элисон не решилась взойти на прогнившие ступени; девушка перегнулась через перила, тянувшиеся вдоль коридора, и, как и ожидала, увидела на первом этаже суший бардак: старая перебитая мебель, бывшая когда-то довольно ценной, валялась тут и там; прогнившие ковры лежали на полу, покрытому слоем пыли; где-то среди мусора девушка даже разглядела разбитую люстру.

Элисон прислушалась и осмотрелась вновь; здесь было жутко, но тихо и мирно. Девушка нахмурилась; она ожидала найти здесь кого-то, а не запертые двери и

полуразвалившийся донжон. Внезапно скрипнувшая половица позади неё заставила Элисон обернуться. Она повернулась так резко, что пламя свечи в подсвечнике тут же потухло. Элисон громко задышала, прижалась к стене коридора и замерла. Скрип раздался вновь, на этот раз она точно поняла, что источник звука за стеной. В одной из запертых комнат. Темнота нагоняла страх, правда паники Элисон не испытывала, свято теперь заверяя себя, что кроме неё здесь никого нет.

Но, всё ещё движимая любопытством, девушка прошла вдоль стены со спальнями, прислушиваясь к каждому шороху. Одна из дверей всё-таки обратила на себя внимание: из-под неё в коридор вливался лунный свет, а доски были прибиты прямо на неё, а не удерживали вместе с косяками. За этой дверью был кто-то или что-то, и всё сходилось: зловещее окно располагалось как раз в этой комнате.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Прошла минута, затем вторая, а Элисон показалось, будто она стоит здесь уже вечность; она успела мысленно взвесить все «за» и «против». И хотя последних было гораздо больше, девушка решилась. Она медленно подошла к резной деревянной двери, встала прямо перед ней и тяжело вздохнула. Потянув за округлую металлическую ручку, Элисон сглотнула и тихонько приоткрыла дверь.

Небольшую комнатку, к счастью, полностью озарял лунный свет. Элисон поразились её чистоте и убранству: вычищенные напольные ковры; длинные шторы на окнах были выглажены и висели ровно; мебель просто пестрила новизной, и пахло здесь приятно, совсем не как в коридоре. Но стоило Элисон бросить быстрый взгляд на узкую постель, стоящую у стены... Под тонким, вздувшимся покрывалом пошевелился некто или же нечто; сама того не осознавая, Элисон сделала шаг к кровати, дабы поближе рассмотреть лежавший на ней объект. Волнение смешалось с азартом и бушевало в ней целым ураганом; девушка протянула дрожащую руку, стремясь приподнять простынь, которая вздымалась от движений неизвестного.

Но прежде, чем Элисон сдёрнула его, из-под покрывала высунулась чья-то миниатюрная рука с длинными, обтянутыми бледной тонкой кожей пальцами. Страх, наконец, дал о себе знать: Элисон вскрикнула и, чуть не споткнувшись о ковёр, развернулась и бросилась бежать прочь, оставив дверь открытой. Она сломя голову промчалась по коридору, шмыгнула в дыру в стене, успев зацепиться за торчащий где-то гвоздь и разодрать себе кожу на бедре. Сэм, лежавший у напольных часов, вскочил и ринулся за ней.

Лишь добравшись до своей спальни Элисон смогла осознать, что всё ещё дышит, хоть и сбивчиво, тяжело. Мысли в голове путались, а ужас клокотал в душе, что ей казалось, будто её сердце вот-вот вырвется из груди. Девушка села на постели, дрожа как в ознобе и обнимая себя похолодевшими руками. Сэм, поскуливая, запрыгнул на кровать и, уткнувшись мокрым носом Элисон в бок, лёг рядом.

Первая здравая мысль, пришедшая девушке на ум, теперь была о том, что все ей вралли. Все улыбались и вралли ей в лицо. И она не сошла с ума, кто-то ещё жил в доме, и этого кого-то скрывали от посторонних глаз. И как отец мог отдать её таким людям, думала Элисон, машинально глядя прильнувшего к ней пса.

Одно она уяснила для себя, что больше не станет всё это терпеть. Станный дом, ещё более странных его жителей, ненормального мужа, который, скорее всего, обязательно вернётся и не оставит её в покое... В эту ночь она так и не заснула, зато приняла, как ей казалось, единственное правильное решение.

***

Стамбул, Турция

24 июля 1819

Алекс с нескрываемым отвращением стал разворачивать присланный ему конверт. Он ненавидел напоминания о доме, а уж тем более ненавидел письма от «приживалки» Томаса, с которым был вынужден общаться. Старик прислал ему очередное письмо с новостями, которых, как таковых, обычно не наблюдалось. Но сегодняшнее отличалось от других. В нём Алекс вычитал весьма интересную историю, и по прочтению самой занимательной части не мог перестать улыбаться.

«В ночь на 20 июля миссис Элисон Ривз, ваша супруга, повела себя весьма непозволительно и грубо. Примерно в два с половиной часа ночи она, без какого-либо разрешения, увела из конюшни кобылу и с небольшим количеством собранных вещей изволила покинуть замок. Всё это имел честь наблюдать старый конюх-француз, которого позже я заставил рассказать о побеге миссис Ривз. Мы, а точнее, я, сэра Томас Хаддингтон, и конюх Жан, успели нагнать её через три часа на дороге в сторону города Таунтон. Миледивсячески противилась вернуться, поэтому мне лично пришлось применить грубую силу...»

Что конкретно сделал Томас, в письме указано не было, и Алексу оставалось лишь гадать, на что был способен старик. Всё так же забавляясь содержанием письма, Александр не прекращал улыбаться.

«...По возвращении в замок у Нас с миссис Ривз состоялся весьма тяжёлый разговор на тему её побега. Должен заметить, что эта юная особа способна быть хамкой и настоящей грубиянкой, поэтому я посмел уверить её, что вы обязательно примите все необходимые меры по воспитанию...»

Алекс оторвался от чтения и прикрыл глаза. В его мыслях тут же возник образ Элисон. О, сколько интересных наказаний он мог бы придумать для неё! Заставить умолять о прощении — для него это раз плюнуть. Александр вдруг представил её обнажённой, со связанными запястьями рук, и невольно сглотнул. Его воображение могло бы зайти ещё дальше, но вошедший в палатку Уильям прервал приятные мысли.

— Что-то забавное в очередном письме от подхалима твоего отца? — спросил Уилл, улыбаясь.

Алекс фыркнул и протянул приятелю бумагу. Скрывать ему было нечего... Разве что, он не очень хотел признаваться, как возбуждается при мыслях о собственной жене.

— Я знал, что она сделает это снова, она очень занятная малышка, — почти промурлыкал Кэллис, прочтя письмо и теперь любовно поглаживая его пальцами. — Готов поспорить на что угодно: она не оставит попыток уйти.

Друг так испытывающе глядел на Александра, что тот недовольно заворчал.

— Да брось, приятель, тебе не может быть всё равно, — Уильям улыбнулся и положил письмо на стол перед ним. — Уверен, тебе было бы жаль упустить такую сладкую малышку.

Алекс не ответил, он отвернулся к окну, за которым по грунту барабанил дождь. С одной стороны Кэллис был прав. Теперь уже тяжелее будет расстаться с девчонкой, раз она может возбудить в нём такой интерес.

— Пожалуй, — лениво протянул он, проводя ладонью по взмокшим волосам, — когда я вернусь, то поговорю с ней по душам. Надеюсь, она не будет против.

***

25 июля 1819

София подняла с земли тонкую ветку ясеня, замахнулась и бросила её далеко в траву. Сэм, бродящий рядом, ринулся с места вперёд. Девушка поправила свой фартук, вздохнула и обернулась к стоявшей неподалёку Элисон. Та задумчиво разглядывала замок, точнее, его северную стену и заколоченные окна.

— А вы уверены, миледи, что вам всё это не приснилось? — робко спросила кухарка. — Всякое бывает. Но жилая комната... И рука под одеялом, — она нервно сглотнула, — так странно!

— Я не призываю тебя верить мне, — тихо ответила Элисон; она стояла спиной к Софии, обнимая себя руками и поёживаясь, когда ветер из долины давал о себе знать.

— Мне хотелось бы вам верить, но... Знаете, я боюсь этого мистера Хаддингтона. И он строго-настрого наказал вам больше не думать о...

— Побеге? Это вышло так... спонтанно. Я лишь не могу понять, кто был в той комнате...

София тяжело вздохнула, осознав, что переубедить девушку не сможет; кухарка, что было сил, свистнула, и через пару секунд из травы к молодым женщинам выскочил Сэм. Они погуляли ещё немного; тем временем, София успела заметить, как Элисон иногда поглядывает в сторону озера.

— Знаете, миледи, всякое про это место говорили. В нашей деревне уверяют, что история про утонувшего мужчину — есть сущая правда.

— Что за история?

— Говорят, что это случилось лет девяносто назад. Некий молодой человек поселился в этом замке, говорят, он был добр и приятен... До того, как стал жить тут. А затем его будто подменили. Он стал нелюдим, груб, да, в общем, на него можно было бы повесить множество смертных грехов. И однажды кто-то убил девочку из нашей деревни, а через пару дней её окровавленную одежду нашли рядом с замком. Местные просто с ума посходили, требовали расправы над хозяином. Пришли к нему ночью, хотели схватить, но не тут-то было! Он ускользнул, пробрался к озеру, а мужики — за ним. Загнали его в воду, как вдруг спятивший хозяин взревел, точно его кто-то цапнул под водой, а прокричавшись — утонул.

— А это действительно он ребёнка убил?

— Говорят, что одежду окровавленную ему подкинули, и выяснилось, что девочке перегрыз шею зверь, а поначалу этого и не заметили...

Элисон недовольно хмыкнула, и София поспешила хоть как-то оправдать своих соседей.

— Это же горе было, и её одежонка тут нашлась...

— Но даже если хозяин и не был убийцей, то что утащило его под воду?

Кухарка поразились серьёзности тона девушки, покачала головой и подняла с земли тонкую ветку.

— Это всего лишь история, миледи, и не больше. Думаете, граф поселился бы здесь, будь это правда? О, я так не думаю. И Александр... Милорд не любит все эти сказочки, как он их называет.

— А что, их так много?

София тяжело вздохнула и, позвав Сэма, проговорила:

— Не забивайте себе этим голову, миледи. Я всего лишь пересказываю то, что слышу. И пугать вас не хочу.

— Ты пойдёшь со мной сегодня ночью?

— Вы с ума сошли! Не возвращайтесь туда! И мне... мне запрещено это.

— Если я не могу сейчас вернуться домой, то я хочу хотя бы быть уверена, что мне ничего не угрожает, а так как никто не желает рассказать мне, что происходит, я разберусь сама! И если ты боишься сэра Томаса, я понимаю...

Элисон хоть и пообещала не дуться, всё же недовольно взглянула на кухарку и насупилась.

Вечером, сославшись на плохое самочувствие, Элисон не вышла к ужину и оставалась в спальне до самой ночи. Решив, что все уже спят, она вышла из комнаты в коридор и заметила на первом этаже в гостиной свет. Всё-таки сэр Томас не намеревался отступить... Но возможно он просто любит читать газеты по ночам. Осторожно ступая по коридору к заветным часам, Элисон прислушивалась, осведомляясь, что за ней никто не идёт. К её разочарованию дыра в стене оказалась крепко забита досками.

— Свежая работа, — Элисон оценивающе взглянула на бывший некогда проход. — Жан. Ну спасибо, помог!

Девушка поняла, теперь ей разве что придётся по стене взбираться в ту злосчастную комнату, ведь проход через кухню ей недоступен. Элисон не боялась гнева Хаддингтона, но разбирательства с ним могли надолго отвлечь её. И идея насчёт стены казалась не такой уж сумасшедшей. В конце концов, если она и пострадает, кому какое дело?

Она вернулась в комнату, переделась в старую, широкую рубашку, потёртые бриджи и натянула свои единственные сапоги поверх них. Она не забыла также взять с собой маленький перочинный ножичек; сунув его в карман, девушка взобралась на подоконник, распахнула створки и, держа обеими руками за раму, высунулась наружу. Ночная прохлада ощущалась сильно, и Элисон, поёжившись, посмотрела вниз. Второй этаж, и всего-то, думала она. Хотя до земли было не меньше пятнадцати футов. Элисон вздохнула, наскоро помолилась и ступила на довольно широкий для разворота карниз.

Здание было настолько старым, что девушке показалось, будто камень под её ногами вот-вот рассыплется. Но так как этого не случилось, и Элисон вполне уверенно чувствовала себя, стоя за окном собственной комнаты, она решилась идти дальше. А дальше следовал небольшой выступ стены, затем поворот, опять же налево, и ещё примерно двадцать футов по прямому карнизу вперёд до заветного окна. Пришлось ступать короткими шажками по кромке вдоль стены; девушка смотрела то перед собой, то под ноги, цепляясь пальцами за камень.

Элисон благодарила судьбу и матушку-природу за такую лунную ночь, было довольно светло. Окно зловещей комнаты было занавешено шторами, и что сейчас находилось внутри, Элисон узнать не могла. По сути, ей пришлось влезать туда наощупь. Глубоко вздохнув, девушка толкнула от себя створки окна, прижимая ладони к стеклу. Раздвинула шторы, живо перебралась с карниза на подоконник, а оказавшись в комнате, спрыгнула на пол и повернулась к стоявшей у стены постели.

На этот раз здесь пахло полевыми цветами, и запах этот был довольно сильным. И хотя в комнате всё ещё преобладала темнота, девушка разглядела и белые простыни, и столик рядом с кроватью, и даже вазу с цветами.

— Что вы тут делаете?

Элисон обернулась на тихий, низкий голос и увидела худощавого, бледного парня, сидящего в низеньком кресле у книжных полок.

— Ты ещё кто такой?!

— Я первый задал вопрос — что вам здесь нужно?

Судя по тону его голоса, он был сердит, даже зол, и Элисон стало не по себе.

— Успокойся. Я тебе ничего не сделаю. Здесь можно зажечь свет?

— Нет, экономка забрала свечу, — смягчился он.

Элисон сдержанно кивнула, поняв, что им придётся сидеть в темноте. Отдёрнув штору, девушка впустила в комнату больше лунного света и смогла, наконец, получше рассмотреть сидящего в кресле парня.

Высокий, возможно, даже выше Александра, он был довольно худощавым для своего роста, и наверняка не таким сильным. И Элисон узнала тонкие пальцы руки из-под покрывала. Сомнений не оставалось: это он был здесь той ночью.

Коротко стриженные волосы были такого же цвета, как и у Ривза-младшего. И вообще, у них были схожие черты: форма лица и тонкие губы напоминали об Александре. Зато у этого парня были огромные голубые глаза, такие большие, прозрачные и невероятно трогательные, что при одном взгляде в них сердце любого начало бы выть от нахлынувших эмоций. И Элисон взгляда не могла оторвать от этого болезненного, но очень симпатичного, даже немного детского лица. Девушка могла бы предположить, что ему не больше шестнадцати лет.

— И что же вы молчите? Скажите что-нибудь, — спокойно проговорил парень.

— Я немного... шокирована, — Элисон попыталась улыбнуться, и улыбка получилась неестественной и холодной. — Да что уж там, я просто... невероятно шокирована!

— Это всё потому, что вы увидели меня здесь?

— Да, именно.

— А я, честно признаться, лишь немного удивлён. Анна не говорила, что у нас гости.

— Анна? А кто это?

— Она здесь всем заправляет. Экономка.

Элисон понимающе кивнула, успев при этом покраснеть, ведь она до сих пор не интересовалась именем миссис Уоллес.

— Почему вы стоите? Присаживайтесь на постель. Здесь не так уж много мебели.

— Здесь очень мило, — ответила девушка, расслабившись. — Ты меня не прогонишь?

— Нет, я думаю, вы действительно ничего плохого мне не сделаете.

— Ты прав. Что ж... Так как там тебя зовут?

— Джоэль.

— И ты здесь живёшь, Джоэль? — Элисон обвела взглядом комнату.

— Да, живу.

— Знаешь, а ведь увидев пару дней назад свет в этом окне, я решила, что здесь обитает привидение.

— Это ещё почему? — мальчишка недовольно сдвинул рыжие брови, не оценив юмора.

— Просто меня все уверяли, что здесь больше никто не живёт. Оказывается, всё это время ты тоже был тут.

— Всё это время? А давно вы здесь?

Девушка отчего-то почувствовала себя неловко. Видимо, им обоим не рассказывали друг о друге.

— Я живу здесь. Почти месяц. Так уж вышло, я теперь жена мистера Ривза.

— Что?! Отец женился? — парень вцепился тонкими пальцами в подлокотники кресла и дёрнулся, чуть не сдвинув его под собой.

— Александр твой отец? — Элисон вскочила на ноги, сжав голову руками, потом вновь села на постель. — О, Господи!

— Алекс? Н-нет, Алекс мне не отец. Он мой брат. У нас один отец, но разные матери. Моя умерла, когда я был совсем маленький.

— Ну надо же. Я всего этого не знала. Мне никто ничего не сказал.

— А мне никто не сообщил, что Алекс женат. Это обидно.

— Да, я знаю.

— А как вы с Алексом познакомились?

— Мы не знакомы. Я должна была выйти за него.

Элисон решила, что не будет ничего плохого, если она расскажет мальчику обстоятельства своего вынужденного брака. Пришлось, конечно, раскрыть некоторые детали о своём брате-дезертире, и она даже не подумала, стоит ли говорить о нём. Джоэль выслушал её, и даже когда она закончила, продолжал всё так же спокойно сидеть в кресле и молчать.

— Так что ты думаешь обо всём этом? — Элисон чуть наклонила голову и улыбнулась.

— Я? Вам интересно моё мнение? — он, казалось, был удивлён.

— Конечно.

— Просто я так редко общаюсь с людьми... кроме Алекса и Анны.

— И почему же? Почему ты здесь живёшь, запертый ото всех?

Парень тяжело вздохнул, затем вдруг, опираясь о подлокотники, медленно поднялся, сделал три осторожных шага к окну и повернулся к Элисон. И теперь при ярком свете луны стоило девушке лишь заглянуть ему в глаза, она тут же всё поняла. Это не были просто голубые, трогательные глаза подростка. То были пустые, невидящие глаза.

— Я болен, миссис. И я с самого рождения ничего не вижу.

— И как долго вы собирались скрывать от меня его существование?!

Элисон размеренно вышагивала по гостиной перед сидящей в кресле экономкой, которая молча, с виноватым видом наблюдала за ней.

— Мало того, что вы мне лгали, выходит, что вы и не собирались рассказывать о том, что в замке живёт ещё один человек. Причём, он всего лишь мальчишка. И он болен! — Элисон всплеснула руками. — Слепой парень живёт здесь, а вы это скрываете! Какие ещё тайны хранит это место?

— Успокойся, дитя, — попросила миссис Уоллес спокойно, затем кивнула на диван, предлагая Элисон присесть.

— Теперь вы мне расскажете, что здесь происходит?

Экономка облизала пересохшие, пухлые губы, горько вздохнула и, наконец, заговорила:

— Джоэль родился, когда Александру было всего тринадцать. Граф Ривз привёз тогда к нам в замок эту... эту женщину, — Анна с явным омерзением произнесла последние слова. — Имени её никто не знал. Беременной она была... Не успел бедняжка Джоэль появиться на свет, как она скончалась. Алекс всё видел. Он даже сам дал имя малышу...

Экономка всхлипнула, и Элисон почувствовала себя крайне неудобно в тот момент. История, как оказалось, принимала новый для неё оборот, и злость и обида стали понемногу отступать.

— Мать Джоэля была одной из тех простушек... живущей в какой-то из местных деревень. А хозяин был неосторожен... В общем, Джоэль появился здесь, и знали об этом только его отец, Александр, я и сэр Хаддингтон. Хозяин уже был вдовец, но и женат на той

женщине не был. Джоэль стал его позором. Как оказалось, слепым позором. Если бы не вмешательство Алекса, кто знает, возможно, мальчика бы не было с нами.

Для Элисон стала ясна полная картина: Джоэль был внебрачным ребёнком, бастардом графа и его тяжёлой ношей, с которой Ривз не хотел мириться. А Алекс, похоже, смог справиться с гордостью и принять сына своего отца от совершенно чужой женщины.

— Почему мальчик живёт не здесь, со всеми?

— Хозяин опасается, чтобы никто о нём не узнал. Будет огромный скандал, если это случится. Хотя, с другой стороны, репутация графа и теперь не идеальна. Что уж говорить, если всё раскроется.

«Какая странная всё-таки семейка, — подумала Элисон. — Очень и очень странная».

— Выходит... что теперь я знаю секрет их семьи, — воодушевлённая своей внезапной мыслью, она пристально посмотрела на экономку. — И наши шансы уравнились! Ривз больше не может угрожать моему брату, когда сам находится на волосок от разоблачения! Верно?

— Но ведь...

— Конечно! Ну да, всё правильно! — Элисон вскочила с места и от радости чуть ли не стала хлопать в ладоши. — Теперь мне не придётся оставаться здесь! О, миссис Уоллес, знали бы вы, что сделали для меня! Спасибо вам!

Девушка подбежала к ошарашенной женщине, наклонилась к ней и быстро обняла; затем, подобрав подол платья, бегом ринулась на второй этаж по лестнице. Экономка только коротко вздохнула, устало потёрла пальцами виски, сама поднялась и медленно направилась вслед за Элисон.

Элисон уже скидывала свои вещи на постель, когда в её комнату зашла экономка. Женщина печально глядела на то, как повеселевшая молодая хозяйка бежит от сундука к кровати.

— Миледи, вы могли бы переждать какое-то время, — мягко произнесла миссис Уоллес. — Нужно всё обдумать, трезво рассудить...

— Нечего рассуждать! — резко прервала её девушка. — Я еду домой. Если меня попробуют задержать, то у меня есть защита в виде истории, что вы мне рассказали...

— И всё же, миледи, я прошу вас.

Элисон обернулась и заметила, с каким отчаянием на лице смотрит на неё экономка. Нечто кольнуло её в сердце, и Элисон в который раз прокляла себя за сострадание и сочувствие, что смела испытывать к людям. Она вздохнула, медленно обвела взглядом комнату и бессильно опустилась на постель.

— Послушай меня, — Анна села рядом с ней так, чтобы не касаться её совсем. — Знаю, ты скучаешь по дому. Я знаю, как нечестно с тобой поступили. Но представь себе, каково пришлось этому ребёнку. Джоэль не заслуживает быть средством чьей-то защиты, торговли, интриги. Но я не прошу тебя изменить своё решение. Я лишь прошу подождать, пока не вернётся Александр.

— А если он не вернётся?

— Но даже тогда у тебя не убавится шансов потерять брата. Твой супруг вернётся, мы всё вместе обсудим и примем решение. К тому же, не думаю, что сэр Хаддингтон позволит вам уехать. Вы недооцениваете его власти, миледи. Он никогда не нарушал приказов хозяина.

Экономка поднялась, и Элисон вместе с ней. Девушка сжимала и разжимала пальцы в

кулаки, силясь усмирить свой гнев.

— Что ж, я согласна ждать, — проговорила она, наконец. — Но я требую выполнения и моих условий.

— Да, миледи. Каких именно?

— Хочу видеть своих отца и брата, это во-первых! Далее...

— Я не думаю, что сэр Томас...

— К чёрту его! Далее, желаю послать письмо своей подруге. Возможно, она тоже приедет. И это случится тогда, когда я захочу!

Девушка успокоилась и, не удостоив экономку и взглядом, вышла из комнаты.

Ночью, когда Анна как обычно должна была навестить Джоэля в правом крыле замка, Элисон выразила желание пойти вместе с ней.

— И вы отдадите мне ключ от той двери, что ведёт сюда из кухни. Тогда я смогу ходить, куда захочу, в любое время.

Женщина не возразила, даже удивилась такому стремлению девушки хозяйничать тут.

Элисон, стоя у окна, из которого открывался потрясающий вид за луг, горящие вдали огни ближайшей деревни и ночное, усыпанное звёздами небо, наблюдала, как Анна кормила слепого парня лёгким ужином. Про себя она отмечала, что в жизни не видела более трогательного мальчишки, и вообще, просто человека. Его пустые глаза были широко раскрыты, и он послушно открывал рот, чтобы съесть с вилки очередной кусочек картофеля. Парень был одет в широкую, наверное, даже слишком широкую для него белую рубаху и такие же белоснежные штаны. Его босые ноги касались пола, и пальцами он то и дело сминал коврик. Элисон догадалась, он нервничает из-за её присутствия.

Когда ужин закончился, миссис Уоллес, поднявшись с постели, тихо спросила:

— Хочешь чего-нибудь ещё, дорогой?

— Нет, благодарю, — отвечал мальчик на удивление мягко, но сдержанно.

— Хочешь, чтобы я осталась?

— Не обязательно, можешь идти.

— Может быть, хочешь, чтобы Элисон тоже ушла?

Девушка посмотрела на Джоэля, сожалея, что он не видит её лица; с таким искренним любопытством она глядела на него сейчас, выжидая его ответа.

— Если миледи того желает... Но я не был бы против её компании.

Элисон польстило его внимание и, кажется, не менее сильное мальчишечье любопытство.

— Всё в порядке, миссис Уоллес, можете ступать. Я останусь здесь.

Анна, по-видимому, ожидавшая иного ответа, едва заметно кивнула и ушла. Джоэль глубоко вздохнул, осторожно прислонился спиной к стене, согнув ноги в коленях, и накрыл их одеялом. Парень уставился куда-то вперёд, будто разглядывая книжные полки напротив. И как бы ни было неловко, Элисон, справившись с волнением, присела на край постели чуть поодаль от него.

— Сколько тебе лет, Джоэль?

— Шестнадцать, миледи, — ответил мальчик.

— И ты никогда не выходил на улицу?

— Отчего же? Иногда я гуляю с Анной там, за замком, — он неопределённо махнул тонкой рукой куда-то на северо-восток. — Обычно ночью или рано утром.

— А ты общался со своими ровесниками?

— Нет, миледи. Только с Алексом, Анной... и иногда с отцом.

— Ты не ходил в школу? Не учился писать и читать?

— Анна учила меня... Сложно писать, когда не видишь, но я довольно долго практиковался, и Анна, и Алекс говорят, что у меня неплохо получается.

— У тебя здесь столько книг, — Элисон окинула взглядом книжные полки, затем вновь посмотрела на парня. — Кто их тебе читает?

— Анна, миледи.

— И сколько из них вы прочли?

— Если мне не изменяет память... примерно шесть десятков книг, миледи.

— Прекрати меня так звать. Знаешь, я старше тебя всего на два года.

— Простите, — на губах парня мелькнула улыбка и тут же исчезла. — Да, я сразу же понял, что вы очень молоды.

— И как же? По голосу?

— И по этой причине тоже. Я слышу, как легко вы ходите. Ощущаю ваши движения. Они так же легки и быстры. Мне кажется, вы не очень высокая, но и не низкорослая. У вас длинные волосы, потому что только длинные волосы могут так сильно и сладко пахнуть лилиями. Возможно, что вы брюнетка.

— Пока всё верно, — Элисон придвинулась ближе, взобравшись на кровать с ногами. — Что ещё можешь сказать обо мне?

— У вас красивый голос, по крайней мере, такому чувствительному человеку, как я, его приятно слушать. Я верю, что девушка, имеющая такой голос, не может быть... ну... непривлекательной.

— Считаешь, что я красива? — она тихо хихикнула.

— Да, и я убеждён в этом. К тому же, Алекс не стал бы целовать уродину...

— Что? — Элисон тут же перестала улыбаться. — Как ты узнал, что он целовал меня?

— Незадолго перед отъездом брат заходил ко мне, и от него исходил этот запах... ваш запах, — Джоэль горько усмехнулся. — Не могу понять, зачем ему скрывать вас от меня. Может быть, он ревнует...

— Это уж вряд ли!

— Почему вы так уверены?

— У нас с твоим братом довольно... натянутые отношения. Я ведь рассказывала тебе о пари между твоим отцом и моим. Мы с Александром... чужие люди.

— Не такой уж он плохой, — серьёзно ответил мальчишка.

— Возможно, он добр к тебе, но не к другим...

Элисон решила замолчать, пока не поздно. Кто она такая, чтобы сплетничать да расстраивать калеку? Девушка покачала головой и вздохнула.

— Я очень хочу домой.

— К тем, кто позволил тебе уйти, даже если ты сделала это добровольно?

Она пристально посмотрела на него, вглядываясь в чистое, бледное молодое лицо, и тогда не могла поверить в то, что именно он озвучил её самый сильный страх, становившийся болью в её душе.

— А ты умён, Джоэль, — произнесла Элисон тихо, чтобы сдержать слёзы, и улыбнулась. — Можешь звать меня по имени. И никаких «миледи», ясно?

Парень коротко засмеялся и одобрительно кивнул.

— Любишь Шекспира? — Элисон обратила внимание на потрёпанную, старую

книжонку, лежащую на столике у окна.

— Мы только-только закончили Этьена Жодель. Я как раз собирался просить Анну прочесть что-то новое.

— Я обожаю его пьесы, — девушка потянулась, взяла книжку в руки и любовно провела пальцами по краю рваной обложки. — Знаешь, он был довольно интересной личностью. Когда-нибудь, если б ты захотел, я бы могла тебе рассказать о нём многое...

— Можешь рассказать сейчас?

Она обратила взгляд на мальчика, щеки которого уже порозовели, и кивнула.

— Конечно. Знаешь, Уильям родился в Стратфорде примерно двести пятьдесят лет назад...

Они проговорили до самого утра, когда небо на горизонте стало светлеть, и когда Джоэль не мог сдерживаться, и стал зевать чаще и чаще. Элисон уходила от него, исполненная душевного спокойствия, некой мирской радости от простого общения с этим мальчиком. Сама недавно считавшая себя ещё ребёнком, теперь Элисон ощущала себя настоящей женщиной. И ей невероятно сильно понравилось это чувство.

Она приходила к нему каждую ночь в течение десяти дней. Элисон была настолько воодушевлена новым знакомством, обычной болтовнёй обо всём, чтением книг и устными играми, что почти забыла о своём стремлении вернуться домой. Скука испарилась, теперь она исчезала каждую ночь. Анна даже благодарила молодую хозяйку за то, что она уделяет Джоэлю такое внимание. Он стал чаще улыбаться и смеяться, и это в какой-то мере не могло не польстить Элисон.

Ей удалось отправить письма и домой, и своей подруге Марии, живущей в Кембридже. За все эти дни ни от кого из них ответов не последовало. И Элисон иногда думала, что может служить причиной их всеобщего молчания. Но она терпеливо сдерживала своё обещание и оставалась на виду у Хаддингтона, который, конечно же, не замечал перемены в ней. Узнав, что Элисон обнаружила существование Джоэля, он лишь сдержанно хмыкнул и промолчал. И девушка продолжала «наслаждаться» редкими прогулками рядом с замком и ночными посиделками с Джоэлем.

— Я слышу, что-то там происходит.

— Да ну, тебе показалось, — Элисон заправила за ухо локон и продолжила листать старенький учебник по натурфилософии, который отыскала на полках.

— Если я сказал, что услышал что-то, значит, так оно и было! Поди, выгляни в окно!

— Как прикажет его высочество!

Девушка ещё немного поворчала, но, хоть и лениво, всё же слезла с кровати, поправив юбку шемизы и успев шлёпнуть парня по руке. Тот лишь игриво показал ей язык. Встав у окна и вглядевшись в темноту ночи, Элисон поняла, что Джоэль был прав: на холме, в ста шестидесяти футах от стен показалась повозка с лошадью, еле тащащей её за собой, и кучером.

— Кто-то едет, — произнесла девушка с тревогой, и не успела она добавить ещё что-то, как дверь спальни отворилась, и вошедшая в комнату запыхавшаяся экономка громко отчеканила:

— Александр. Он вернулся!

— Наконец-то! — Джоэль обратил на женщину свой пустой взгляд. — Только я понять не могу... почему он не один. Он не едет верхом...

— Он не может.

— Он снова пьян, да? — недовольно спросила Элисон, скрестив руки на груди.

— Нет, миледи. Он ранен. Он умирает.

— Что значит, умирает? Ты сошла с ума? — Джоэль повысил голос, и его щёки порозовели. — Он не может умереть!

— Он ранен, и рана глубокая. Жан отправился за доктором, в город...

— Это же час верхом! — парень сполз с постели на пол, держась за край кровати. — А этот старикашка не ездит верхом. Он не успеет!

Элисон стояла рядом, переводя взгляд с экономки на разгорячённого парня. И понимала, что он был прав. Она лишь одно не могла для себя разъяснить: была бы смерть Алекса для неё избавлением или же наоборот.

— Хочу к нему! Сейчас же!

— Джоэль, успокойся. Так нельзя...

— Успокоиться? — мальчишка махнул рукой. — Ты кричишь о том, что Алекс умирает, потом говоришь мне успокоиться?!

Джоэль часто и тяжело задышал; Элисон подошла к нему и помогла сесть, крепко держа за руку.

— Миледи, пожалуйста, приглядите за ним, — Анна встала в дверях. — Я не должна оставлять Александра одного, пока доктор не придет.

— Конечно, миссис Уоллес. Идите, я тут... сама.

Экономка ушла, а Элисон ещё долго сидела рядом с мальчиком, не отпуская его руку, даже говоря слова утешения.

— Не притворяйся, — прошептал Джоэль. — Тебе всё равно, останется он в живых или нет. А мне он жизнь спас... Я не просто ему обязан. Он мой брат.

Она посмотрела на него так пристально, так строго, думая о том, что если Александр и сделал что-то хорошее в своей жизни, так это сохранил жизнь этому мальчику.

— Хочешь, расскажу тебе кое-что? — спросила Элисон, обнимая его за плечи.

Джоэль не ответил, лишь неопределённо пожал плечами.

— Пообещай, что сейчас ляжешь и попытаешь заснуть, как бы это ни было трудно.

— Хорошо. Обещаю попытаться заснуть.

— Прекрасно! — девушка укрыла парня одеялом, сама забралась с ногами на постель и прислонилась спиной к стене. — Есть такая история... Брат мне её рассказывал. В Скарборо, что на севере, на берегу стоял дом. Там жил один старик... Он был болен, он знал, что умирал. А друг моего брата как-то приглядывал за ним. Однажды вечером он обнаружил старика в его доме мёртвым. Он лежал на полу, лицом вниз... Вскоре об этом забыли, ведь ничего необычного не случилось, но парень, нашедший старика тогда, вдруг обратился к моему брату. Он отметил, что кошки, жившие в том доме с умершим, вдруг все исчезли ещё до его смерти. Затем, две из тех кошек были найдены мёртвыми на заднем дворе. Растерзанные, в крови... Далее, на полу вокруг тела старика были своего рода... — Элисон задумалась на несколько секунд, глядя в одну точку перед собой, затем продолжила: — выбоины, что было довольно странно. Но никто больше не обратил на это внимания.

— А кто убил тех животных?

— Этого я не могу сказать... Не помню. Но помню, что друг Луиса выяснил, что старик писал... дневники, очерки, заметки. Через какое-то время оказалось известным, что умерший был слеп, как летучая мышь!

Элисон осторожно посмотрела на Джоэля, лежащего рядом, голова его покоилась на подушке, а глаза были широко раскрыты. Девушка ждала от него замечания. Она забылась в своей истории, но ни в коем случае не желала обидеть парня.

— Дальше, — тихо попросил Джоэль, и Элисон облегчённо выдохнула.

— Выяснилось, что были люди, общавшиеся со стариком когда-то. Одни утверждали, что он был сумасшедшим, другие — что иногда был пьян. Говорили, что это всё из-за его бывшей любви, с которой он расстался когда-то... В общем, старик обожал строчить письма, пребывая в подозрительном состоянии.

— Он на самом деле был сумасшедшим? — спросил Джоэль, зевнув.

— Да кто его знает... — ответила девушка неопределённо. — Молодой человек, что изучал жизнь того старика, кажется, помешался... Луис больше не общался с ним.

— Спасибо, Элисон. Теперь-то я точно-преточно засну! — Джоэль хихикнул, но всё же повернулся на бок, лицом к стене.

Кто-то осторожно коснулся плеча Элисон; она резко открыла глаза и, выпрямившись, села на кровати. Протерев глаза, она увидела рядом с собой Анну; экономка была одета в длинный, серый плащ, а её голову покрывал капюшон.

— Миледи, прошу прощения, что разбудила вас...

— Я заснула? Надо же так, — Элисон тряхнула отяжелевшей головой.

— Не думала, что мальчик заснёт. Что вы делали?

— Рассказала ему... одну сказку, — девушка посмотрела на Джоэля, затем снова на экономку. — Так... что с ним? Он в порядке?

— Александр жив, но ему тяжело. Его ранили в плечо по дороге домой... Инфекция, которую он занёс, может повлечь за собой... даже ампутацию руки.

Элисон заметила слёзы на глазах Анны. Девушка сочувственно кивнула, но промолчала. Она-то не воспитывала этого мужчину с самого его детства. Ей он жизнь не спасал, даже наоборот, и она не могла заставить себя чувствовать к нему жалость в эти минуты.

— Доктор сейчас с ним. Но ему уже пора уходить, он сделал всё, что мог. Я должна его проводить, и не могу оставить Алекса одного, — экономка нервно теребила край ворота своего плаща. — Я хочу попросить вас, миледи, побыть с ним. Совсем ненадолго, ему может понадобиться что-нибудь.

Посмотрев на мирно спящего Джоэля, Элисон тяжело вздохнула, и, коротко кивнув, покинула комнату вслед за Анной. Зайдя по дороге в свою спальню, она накинула поверх шемизы халат и через минуту уже стояла у двери комнаты мужа. Доктор, невысокий, седоволосый, упитанный мужчина в белых одеждах, вышел оттуда в сопровождении экономки, бросил быстрый взгляд на Элисон и отчего-то нахмурился.

— Я скоро вернусь, — экономка улыбнулась и кивнула, приглашая Элисон войти в комнату.

Она никогда не была здесь до этого дня. Элисон вспомнила ту странную ночь, когда, подглядев, увидела мужа на постели, пьяного и плачущего. Тогда было довольно темно, сейчас же комнату озарял свет восходящего солнца, ложась на пол жёлтым круглым пятном. Элисон сделала пару шагов и тут же увидела на постели своего супруга. Алекс лежал на белых простынях, его правая рука была перевязана, обмотана бинтами. Рядом с постелью, на полу, стоял таз с испачканными кровью тряпками. Элисон и догадываться не нужно было, что крови он потерял довольно много.

Лицо мужчины, всё такое же загорелое, было спокойным. Тонкие губы его плотно

сомкнуты. На коже на подбородке и щеках ещё оставалась засохшая грязь с дороги. Его волосы и вовсе казались чёрными из-за пыли. Элисон подошла ближе, выдохнула и присела на самый край постели. Ей уже было неуютно здесь, она чувствовала, как тошнота подступает к горлу, потому что Элисон ощущала запах крови, запах дыма и дороги. Девушка обняла себя руками, оглядывая комнату.

Довольно просторное, сейчас светлое, помещение. Книжные полки вдоль всей левой от двери стены были заставлены, буквально забиты книгами: томами и учебниками, и даже тонкими брошюрами. У противоположной стены стоял широкий стол, полный всяким барахлом: смятыми бумагами, баночками с чернилами, толстенными книгами в рваных обложках, сгоревшими свечами и многим другим. Элисон недовольно фыркнула, запахнула получше халат и вновь посмотрела на спящего мужа. Плотное белое покрывало скрывало его лишь до груди, и Элисон видела, как редко и высоко она поднимается. Девушка закатила глаза, поняв: он, наверняка, сейчас голый, и это покрывало всё, что есть на нём.

С минуту она присматривалась к мужу и, с неким сожалением, отметила, что он довольно хорош собой. Именно сейчас, когда он был ранен, перепачкан в грязи и пыли, она нашла его привлекательным. Элисон решила, что это был довольно странный вывод. Она не посчитала его красавцем при первой встрече; в её мечтах идеальный мужчина был большим и сильным широкоплечим красавцем, как её отец. Алекс же не являлся таким.

Но Элисон подумала, что поняла причину, отчего её муж нравился многим женщинам. У него был гордый, ровный и красивый профиль. В роду Ривзов наверняка водились кто-то вроде греков, решила для себя Элисон. За всеми этими мыслями она и не сразу заметила, как Александр медленно, с лёгким вздохом, открыл глаза.

— Кажется, я всё-таки умер. Иначе, отчего этот неземной красоты ангел сейчас здесь, со мной... — произнёс он тихо, хрипло дыша.

— Вы живы, милорд, к вашей радости, — съязвила Элисон.

— Да... к моей радости, — Алекс вдруг закашлял так, что под ним затряслась вся постель. — Дай... мне... пить!

Элисон подскочила, метнулась к тумбочке, где стоял кувшин с водой, дрожащей рукой налила почти полный стакан и забралась на постель поближе к Алексу. Она помогла ему приподняться на локте и поднесла стакан с водой к его губам. Александр с жадностью стал пить, проливая воду и на себя. Когда он напился, снова откинулся на подушки и устремил на Элисон испытующий взгляд, она вдруг поняла, что почти навалилась на него всем телом, причём по неосторожности скомкала рукой его покрывало.

— Я знал, что увижу тебя в своей постели, но не думал, что это случится так скоро, — хрипло произнёс Алекс, улыбнувшись.

— Идите к чёрту!

— Но я только что вернулся, — он сжал в своих пальцах запястье её руки.

— Пустите меня! Я вижу, вам уже лучше, поэтому вы больше не нуждаетесь в сиделке.

Элисон резко дёрнулась и, под пристальным, строгим взглядом мужа, выбежала из комнаты, хлопнув за собой дверь.

Александр злился, в основном, лишь на себя. Он предстал в таком виде перед девчонкой, беспомощный и раненый. Всё потому что он не был достаточно внимателен; они пересекали границу, когда один из маратхов появился, чёрт знает откуда, и выстрелил прямо в него.

А сейчас он проснулся лишь потому, что учуял её сладкий запах. Увидев её снова, он

понял, что скучал. Даже надеялся на то, что она остынет за время его отсутствия, и тогда, возможно, подпустит его поближе. Сейчас Алекс понимал, что был настоящим дураком.

Миссис Уоллес вернулась через пару часов, за которые Александр успел о многом подумать. Анна увидела его, сидящего в задумчивости на постели, и ей стоило огромных усилий не заплакать. Но даже она знала, он бы не оценил её волнения и переживаний.

— Она меня ненавидит, — сказал Алекс вдруг, когда экономка принялась менять ему повязки.

— Конечно же! — улыбнулась Анна. — Не о такой жизни девочка мечтала.

— Я тоже не стремился жениться... К тому же на ребёнке! Знаешь, о чём твердит отец в своих письмах ко мне? — мужчина посмотрел экономке прямо в глаза. — Он спрашивает, не беременна ли она.

Анна лишь вздохнула и покачала головой.

— Я от него зависим. И он не уберёт руки с моего горла, пока не будет уверен, что девчонка выполнила свою функцию.

— Вы знаете, как я к вам отношусь, мой дорогой, — строго проговорила Анна. — Если вы хоть пальцем её тронете, клянусь, я церемониться не стану.

Алекс хмыкнул, но попридержал язык, хотя готов был к дискуссии.

— Я тоже соскучился, миссис Уоллес.

28 июля 1819

Алекс почти злобно шипел, крепко стиснув зубы, тяжело дышал и шагал по коридору очень быстро. За эти дни ему уже осточертел этот и замок, и доктор, и Хаддингтон. Даже то, как бегала за ним экономка, готовая в любой момент помочь, поддержать, сменить бинты и чуть ли не подтереть задницу. А теперь, когда он почувствовал себя хорошо и решил навестить брата, он приходит к нему в комнату и... не находит парня там! Теперь правое крыло замка на самом деле пустое.

Он прошагал через всю кухню, сопровождаемый невинным взглядом Софии, быстро миновал гостиную и поднялся на второй этаж. Стоило остановиться и прислушаться, как Алекс услышал не только голос жены, но и смех брата. Мужчина дошёл до конца коридора и встал перед дверью комнаты, что раньше являлась спальней его родителей. Больше не раздумывая, Александр треснул кулаком по двери, успев выругаться на свою раненую «проклятую руку», и вошёл в комнату.

— Алекс, это ты? — Джоэль, одетый в широкие серые брюки и рубашку, сидел в кресле у окна и смотрел куда-то вперёд.

— Ты что здесь делаешь?! — выпалил Александр.

— Это я сюда его поместила, — он обернулся на женский голос и увидел улыбающуюся Элисон, стоящую за закрытой Алексом дверью. Девушка сделала пару шагов вперёд, закрыла дверь и, прислонившись к шкафу, скрестила руки на груди. — Теперь это его комната, и он будет здесь жить. Ведь всё лучше, чем маленькая спальня в том жутком крыле...

— Так вы теперь друг друга знаете.

— О, Алекс, зачем ты молчал, что женился? — Джоэль улыбнулся, а его слепые глаза засияли. — Она правда очень интересная и умная. Знаешь, сколько она рассказала мне историй? И мы уже читали вместе, и...

— Молчать! — прикрикнул на него Александр, повернулся к жене и, без лишних слов взяв её под локоть, повёл за собой вон из комнаты. — Сейчас мы поговорим.

Они вышли в коридор, встали за закрытой дверью, и Элисон с яростью вырвала руку из

цепкой хватки мужа.

— Грубиян!

— Какого чёрта ты вытворяешь? — он наклонился к жене, глядя ей в глаза. — Кто тебе о нём рассказал?

— Никто! Я сама его нашла!

— И зачем ты вытащила его сюда? Если кто-то узнает про Джоэля...

— Да, да, да! Репутация вашего папаши пострадает. Хотя, куда уж больше, а? — с презрением произнесла Элисон. — Вы оба так боитесь осуждения других и потери чьего-то покровительства, что забываете об этом несчастном ребёнке! А он чахнет здесь от тоски!

— Я его защищаю! — он уже почти кричал, то морщась от боли в руке, то тяжело выдыхая воздух. — Мой отец его не терпит, и ты представить себе не можешь, что он хотел сделать с ним. Он считает его бесполезным калекой, тяжёлой ношей, от которой лучше лишь избавиться. И никто из врачей не может помочь парню, а здесь он в безопасности, и никто тут его не трогает!

— В безопасности? Но ему одиноко, скучно, он ведь подросток!

— В тебе самой говорит ребёнок...

— Да, чёрт возьми, я, может быть, ещё ребёнок! — гневно прошипела девушка. — И поэтому я прекрасно понимаю Джоэля. Я сама здесь будто в темнице: никуда не выбраться, мне не с кем увидеться! А каково ему? Он же не общался с ровесниками, у него нет друзей!

— Я у него есть! Я делаю для него всё, что могу! Я проводил с ним ночи и дни, когда мог, а когда он был совсем маленьким, именно я был с ним, заботился и защищал!

— Да лучше умереть, чем жить в этой золотой клетке!

Алекс фыркнул и выпрямился, у него уже звенело в ушах от её крика. Он тяжело выдохнул и потёр пальцами усталые глаза. Гнев пропал, ведь он понимал, что Элисон права, в какой-то мере, и спор продолжать больше не хотел.

— Джоэль хороший, и я должна признать, если вы приложили усилия воспитать его таким, это достойно похвалы, — произнесла Элисон, наконец, уже спокойнее. — Он мне понравился...

— Да неужели...

— Поэтому я хочу для него лучшего. Предлагаю оставить всё как есть.

Алекс посмотрел на неё с высоты своего внушительного роста и удивился тому, как быстро он остыл в её присутствии. Её карие глаза блестели, а гладкая кожа на щеках порозовела, и Алексу жутко захотелось коснуться её пальцами. Нет, этого было бы недостаточно. Ему захотелось поцеловать эту мягкую кожу, может быть, даже укусить её губы. Он вдруг задумался на мгновение, а понравилась бы этой девочке боль?

— Ну так что? — переспросила Элисон раздражённо.

— Согласен.

Наверное, ей стала настолько противна его улыбка, что девушка, лишь недовольно фыркнув, обошла мужа и молча направилась в свою комнату.

Когда Алекс вернулся к брату, тот всё так же смиренно сидел в кресле у окна.

— Я всё слышал.

— Да? Ну извини, что мы кричали.

— Ты больше не должен кричать на неё, Алекс.

— И ты туда же! — он закатил глаза и упал на широкую постель, что стояла у стены напротив. — О, чёрт, рука!

— Страшно было? Ну, там, в Индии...

— Ты же знаешь, я всегда этого боюсь. Боюсь смерти, боюсь, что меня пристрелят, вырежут, бросят умирать...

— Тебя не бросят, — с завистью заметил Джоэль. — Ты замечательный солдат, и все тебя за это уважают...

Алекс сел прямо, гордо вскинул голову и натянуто улыбнулся, в кои-то веки обрадованный тем, что брат не может его видеть сейчас.

— Нет, Джоэль, не все.

Для Элисон ночь в незнакомом городе, незнакомом доме с совершенно незнакомыми людьми проходила не самым лучшим образом. Ни она, ни Александр на самом деле не горели желанием ехать сюда. Но они оба были приглашены на день рождения одного из самых богатых и успешных владельцев заводов и фабрик в южной части Англии.

Теперь же Элисон стояла одна у широкой арки, входа на балкон, в шикарном, хозяйском доме, больше похожем на дворец. Она с деланным безразличием смотрела на богато одетых мужчин и женщин, разговаривающих о начавшемся в Лондоне экономическом кризисе, митингах и жестокости их подавления. Элисон ещё никогда не было так неуютно и обидно находиться при таком количестве людей и не иметь понятия, что сказать и кому это сказать. Она никого здесь не знала, её лишь представили хозяину дома, мужчине пятидесяти лет, настоящему джентльмену и толстосуму. Элисон же могла догадаться с первого взгляда, если она понравилась кому-то или наоборот. Некоторые дамы, леди смотрели с нескрываемым презрением, мужчины же имели наглость откровенно глазеть на неё и не прятать ухмылок.

Ей хотелось бежать, спрятаться куда-нибудь, где никто её не найдёт, но Элисон не знала, где сможет найти такое безопасное место. В один момент она даже заметила среди гостей Ривза-старшего. Он тоже увидел её, кивком дав понять, что одобряет её пребывание здесь. За неловкостью и смущением она даже забыла о своём супруге и уже перестала думать о том, где он мог бы быть сейчас.

— Миледи, это просили передать вам, — бесстрастно произнёс молодой слуга, возникший неясно откуда.

Элисон взяла сложенный вдвое кусок бумаги из его руки и, когда мальчишка скрылся в толпе гостей, осторожно развернула послание и прочла там всего пару строчек, адресованных непосредственно ей:

«Дорогая Элисон!

Если вам сейчас так же скучно, как и мне, прошу навестить меня на балконе. Надеюсь всё же увидеть вас там, иначе я зря простою так всю ночь...

У.К.»

Улыбка появилась на лице девушки, и ей вдруг стало душно. Элисон оглянулась, но никто сейчас не обращал на неё особого внимания. Она ещё раз перечитала то, что было в записке, аккуратно свернула её и, осторожно проходя мимо гостей, вышла на широкий балкон. Ночь была невероятно тёплой, правда, из-за облаков на небе свет луны не мог пробиться к земле, и от темноты спасали фонари и свечи.

Элисон ощущала, как мурашки бегут по её спине от волнения, даже руки похолодели и теперь дрожали. Она не узнала ни почерка, ни инициалов, и это лишь подогревало её интерес к тому, кто мог бы желать видеть её сейчас.

— Как бы это ни звучало, я рад, что вы здесь сегодня.

Она обернулась, услышав тихий, мужской голос позади себя, и радостно воскликнула:

— Мистер Кэллис! И как я только сразу не подумала о вас!

Прошло довольно много времени с тех пор, как они виделись в последний раз в замке Ривзов, и Элисон отметила, что её знакомый успел измениться. Уильям загорел, и теперь даже выглядел выше и шире в плечах. Он широко улыбался, его тёмные глаза сияли, отражая свет фонарей. И строгий, бежевый костюм сидел на нём, как влитой.

— А я думал о вас, причём, довольно часто.

Уильям подошёл ближе, галантно поцеловал Элисон руку и ласково произнёс:

— Я должен извиниться за эту записку. Это был необдуманный шаг. Просто я был очень рад узнать, что вы тоже здесь.

— Не стоит извиняться, мистер Кэллис...

— Зовите меня Уильям, — он снова улыбнулся.

— Хорошо, Уильям. Извиняться нет причин, только вы можете спасти меня от скуки сегодня вечером.

Наверное, её улыбка так его очаровала, что Кэллис не мог перестать смотреть на неё. Элисон расспросила его о путешествии в Индию, и он с энтузиазмом рассказывал ей обо всём, что видел там. Они потеряли счёт времени и просто болтали о мелочах, пока на горизонте не просветлело небо.

— Посмотрите на них, — Кэллис кивнул в сторону огромной гостиной, где ещё оставались немногочисленные гости. — Напыщенные, старые богачи, которых, кроме своего состояния, ничего не заботит.

— Как часто в детстве я была в таких... компаниях, но тогда все мне улыбались. Тогда всё было проще и лучше.

— Знаете, почему я стал другом для Алекса? — Уильям повернулся к Элисон, и ей пришлось задрать голову, чтобы заглянуть ему в глаза. — Он никогда не подстраивался под таких, как эти пижоны и так называемые джентльмены. Он был и есть выше всех них, пусть и делает это довольно... высокомерно.

— Но он как никто другой подчиняется своему отцу, — заметила Элисон. — Он взрослый мужчина, но делает всё, как хочет этот старик...

— Вы не знаете графа, дорогая. Он страшный человек. Но он имеет свои принципы, и Алекс это знает. Он может ненавидеть своего отца за многое, но уважать за нечто большее.

«Все кому-то что-то должны, — подумала Элисон с грустью. — Как я от этого устала».

— Но в одном Алекс неправ, — вдруг произнёс Уильям, и голос его дрогнул. — Он не должен был так поступать с тобой.

Элисон показалось, что она плохо его расслышала. Посмотрела ему в глаза и нервно сглотнула. Кэллис глядел на неё с такими обожанием и нежностью, что ей больше и догадываться не нужно было о его чувствах к ней.

— Ты не просто молода и красива, Элисон. Я ощущаю в тебе огонь и жизнь. Я ощутил это ещё тогда, на дороге, когда мне пришлось вернуть тебя домой. Ты такая сильная...

— Я не... Я не думаю, что нужно...

— Бог видит, я желаю Алексу добра... но он недостоин даже смотреть на тебя.

Уильям закрыл глаза, потом вдруг, выдохнув, наклонился к девушке и коснулся губами её сухих губ. Он не трогал её руками, не задерживал поцелуй слишком долго. Элисон чувствовала запах табака, и это её успокоило. Его запах и тёплые губы, рассвет и свежий воздух — всё повлияло на тот момент. Элисон закрыла глаза, потянулась к нему, положив руки ему на плечи, и вернула Уильяму поцелуй. Но, секунда, и она вдруг поняла, что их

могут увидеть. Элисон отстранилась, тяжело дыша, и посмотрела на Кэллиса.

— Всё равно, это неправильно. Александр — ваш лучший друг, я не хочу быть поводом для ссоры и... — она вздохнула и опустила глаза. — Боже мой, я сама не знаю, что делаю.

— Нет, Элисон. Мы оба знаем, чего хотим.

Уильям решил было взять её за руку, но девушка отступила назад, покачав головой.

— Мы ещё увидимся? — спросил он, и в его голосе было столько мольбы и надежды, что Элисон невольно вздрогнула. — Обещай мне, что мы увидимся. Пожалуйста.

Она неопределённо кивнула, всё ещё глядя в пол, затем развернулась, желая поскорее вернуться в гостиную, но настойчивый голос Кэллиса заставил её остановиться.

— Элисон! Думаю, ты должна знать...

Она тайком вышла в сад, когда уже погасли фонари, и гости стали разъезжаться по домам. Элисон прошла вдоль высокой, живой изгороди в самую глубину сада. Она увидела решётчатый забор, почти полностью поросший зеленью. Как и предполагала до этого, Элисон услышала голоса... Два голоса. Мужской, который она тут же узнала, и женский, совсем незнакомый ей. Девушка не могла разобрать, о чём они говорили, и говорили ли вообще...

Пройдя чуть дальше и остановившись у забора, Элисон опустилась на колени и раздвинула ветки куста черники. На краю широкого, мраморного фонтана в самой откровенной позе лежала молодая женщина, блондинка. И Элисон ахнула и закрыла ладонью рот, когда увидела своего мужа рядом с ней. Он снял с себя пиджак и рубашку, расстегнул брюки и, высоко задрвав незнакомке юбки, лёг между её разведённых ног, опираясь руками на мрамор. Элисон видела, как Алекс стал двигаться над ней, часто-часто; он тяжело задышал, а незнакомка обняла его руками, прижав к себе и обхватив его талию ногами.

Элисон не могла разглядеть её лица. И не понимала, хотела ли она этого. Когда блондинка громко закричала, Элисон вскочила с места и бросилась бежать прочь из чужого сада.

Александр с женой вернулись домой вместе, когда солнце было уже высоко. Ни Алекс, ни Элисон так и не заснули по дороге; у каждого из них было, над чем подумать, так что сон как рукой сняло. В гостиной Александр всё же решил нарушить общее молчание и, пока его жена не успела подняться на второй этаж, произнёс с деланным интересом:

— Надеюсь, эта ночь была для тебя приятной, — а когда Элисон остановилась на ступенях, спросил: — Ты не держишь зла на меня за то, что я оставил тебя там одну?

— За это, — она повернулась к нему и усмехнулась, — нет. Не за эту ночь. Злюсь ли я на вас вообще? Да, я очень и очень зла.

— Как печально. Что ж, советую выспаться сегодня. Вечером приезжает отец. Будет долгий и тяжёлый разговор.

— А если я не хочу его видеть?

— Ты должна, — он нахмурился, и его голос приобрёл грубые нотки. — И я не буду отвечать за всё это в одиночку. Теперь иди спать.

Элисон окинула его презрительным взглядом, но сумела сдержаться и смолчать. Она вернулась в свою комнату, легла, не раздеваясь на постель, но заснуть так и не смогла. В мыслях крутились воспоминания о том, что она увидела в саду. Её муж с той женщиной... Прямо на голом мраморе... Элисон поморщилась, вспомнив, как он целовал её, и ей это не понравилось. Но совсем другое дело заниматься с ним любовью, и, кажется, той, другой,

было приятно.

Зато Элисон с улыбкой вспоминала поцелуй Уильяма. С ним ей не было неприятно, а скорее, даже наоборот. Отчего-то он не вызывал у неё отвращения. Элисон подумала, как всё это нехорошо: целовать лучшего друга своего мужа. Если бы Алекс узнал, он бы, наверняка, наказал её. Девушка вздохнула, вспомнив также, что обещала Кэллису встречу, и осознав, что не сможет сдержать обещания. Ей не хотелось ни вставать между такими мужчинами, ни тем более вызывать гнев мужа.

Ближе к вечеру, когда Александр ещё спал, Элисон пробралась на кухню, где готовила ужин София. Девушки поболтали о мелочах, и когда обстановка и настроение были более подходящими, Элисон решилась наконец задать волнующий её вопрос:

— Послушай, помнишь, как ты мне рассказывала о том, что случилось между тобой и Александром...

— О, миледи, я бы не хотела снова поднимать эту тему, — девушка тут же присмирела, и её щёки порозовели. — Всё-таки, он ваш муж теперь...

— Я не о том. Ты упоминала какую-то женщину, в которую он, кажется, был влюблён. Это так?

— Да, и об этом все в округе знали. Лет пять назад милорд познакомился с одной особой, и тогда все заметили, как его будто подменили: он стал рассеянным, легкомысленным... простым. В общем, таким, каким бывают влюблённые.

Элисон сидела за столом, глядя на захваченную собственным рассказом кухарку, и думала, что ей вряд ли вообще когда-нибудь удастся испытать чувство влюблённости.

— Они иногда виделись, но так как она была дочерью одного богача, их встречи были редкими и почти бесполезными, — София навалилась на стол и стала уже говорить шёпотом. — Я могу назвать имя. Но если что, я молчала! Это была Маргарет Стокер. Сама красивая и завидная из невест... Ну, по крайней мере, в то время.

«У Стокеров мы были этой ночью, — тут же вспомнила Элисон. — Это с ней он был в саду всю ночь. Это ради неё он пришёл».

— Между ними разница в шесть лет, а ещё её знатный род, деньги и всё остальное наследство. Можете представить, что мистер Стокер, тот ещё важный лорд, был категорически против этой связи, — София тяжело вздохнула и опустила глаза. — Слухи ползли про них обоих, и репутация Александра упала... просто ниже некуда. Как и его надежды быть с ней.

Элисон дослушала рассказ, решив для себя, что дамочка в саду точно была Маргарет. Похоже, подумала девушка, её муженёк не мог забыть богатую красотку и по сей день. Элисон не ощущала ни ревности, ни зависти. Но она не могла не признать, что любопытство брало над ней верх каждый раз, как только она узнавала нечто новое о своём муже.

Поблагодарив Софию за всё, Элисон покинула кухню и вернулась на второй этаж. Она прошла в комнату Джоэля, который и в этот раз был несказанно рад её визиту. Они просто болтали о разном и читали книги, пока поздно вечером не пришла экономка и не сообщила, что граф Ривз прибыл в замок.

Руки девушки дрожали, когда она возвращалась в свою спальню, чтобы переодеться. Она вдруг обнаружила на постели совсем новое платье: бежевое, довольно длинное, из лёгкого, тонкого материала.

«Всё, что угодно, ради такого важного человека», — саркастически подумала Элисон.

Когда она вышла из комнаты, то уже со второго этажа могла расслышать, как Александр

спорил с отцом о чём-то.

— А вот и моя прелестная невестка! — восхищённо воскликнул Ривз-старший, когда, наконец, обратил на Элисон внимание.

Алекс стоял рядом, скрестив руки на груди, и хмуро смотрел на то, как его отец целует девушке руку.

— Жаль, что нам не удалось пообщаться ночью на празднике, — проговорил мужчина, криво улыбаясь.

— А мне-то как жаль, — пробубнила Элисон, глядя в пол.

В полутёмной гостиной, освещаемой только пламенем в камине, за широким столом Элисон сидела по левую руку от мужа, а напротив них — Ривз-старший. Они довольно сухо говорили о кампании в Индии, жизни местного населения там, финансах и тому подобных вещах, которые Элисон не интересовали. Она, чуть сторбившись, откинулась на спинку стула и молча водила вилкой по полупустой тарелке. В конце концов ей надоела вся эта неловкость и молчание.

— Когда я смогу увидеться со своей семьёй? — решила она спросить, не отрывая взгляда от тарелки.

— Вот как... Ты совсем не развлекаешь девочку, Алекс, настолько, что она желает от тебя сбежать.

— Знаете, — Элисон резко бросила вилку на стол и упрямо посмотрела на свёкра, — моё желание сбежать растёт не столько из-за присутствия здесь вашего сына, сколько из-за ваших махинаций со свободой и жизнью моего брата, давлением на Александра и полнейшим игнорированием Джоэля. Вам плевать на всех и вся, кроме себя, и меня это раздражает, как раздражало бы любого адекватного человека. Я не стану терпеть и жить здесь так, словно это правильно.

Пока она говорила, Александр неотрывно глядел на неё, молча восхищаясь смелой дерзостью, которую эта малышка выказала его отцу. Ривз-старший совершенно спокойно выслушал Элисон, он даже не переставал улыбаться. Но Алекс всё же больше был поражён тем, что его жена за него заступилась. Что ж, в какой-то степени заступилась. Похоже, решил он, что её слова о «давлении» были искренними. Но главное, она не забыла про Джоэля.

Александр громко вздохнул, глядя на Элисон. Он теребил край ворота своей широкой рубашки и улыбался.

— Проблема со слепым мальчишкой тебя не касается. И забудь об этом... Твой отец тебя продал, — упрямо проговорил граф. — Ты это понимаешь?

— Он меня любит...

— Он не так благороден и чист, как ты считаешь, девочка. Это взрослый мир, которым правят деньги и крепкие связи. Пора открыть свои прелестные глазки.

Элисон закусила нижнюю губу и низко опустила голову, так как чувствовала слёзы на глазах.

— Ему нужен наследник. Он и сам это прекрасно понимает, но молчит, так как в нём гордости больше, чем в короле.

Девушка вздрогнула после этих слов. Вот уж какую тему ей не хотелось затрагивать.

— Ты здесь, чтобы дать ему наследника, — не унимался Ривз-старший.

— Мы сами с этим разберёмся, — раздражённо ответил Александр.

— Нет уж! Не в этот раз! — его отец стукнул кулаком по столу, так что Элисон почти

подпрыгнула на стуле от неожиданности. — Сколько ты с ней разбираешься? Целый месяц! И она до сих пор не беременна! Твои похождения по лондонским шлюхам мне ничего не дают, жеребец!

Элисон еле сдерживалась, чтобы не подняться из-за стола и не скрыться где-нибудь в самом тёмном уголке замка.

— Завтра утром придет доктор. Марк Хеффнер, он из Лондона, и проверенный мной человек. Он осмотрит девочку... Её же счастье, если он подтвердит, что она больше не девственница.

— Я ему не позволю, — сквозь стиснутые зубы проговорила Элисон.

— Тогда посмотрим, как долго ты сможешь оставаться здесь взаперти. И здесь уже ни твой трусливый братец, ни отец тебя не достанут! Если бы у них имелось такое желание!

Ривз резко встал, вышел из-за стола и скрылся в полутёмном коридоре, оставив Алекса и его жену одних за столом. В молчании они просидели несколько долгих минут, и когда девушка перестала плакать, Алекс тихо сказал:

— Я никогда не брал женщину силой, Элисон. И с тобой не было бы исключения, я хочу, чтобы ты это знала. Но ты должна понимать, что чем быстрее сдашься, тем легче тебе будет... и мне тоже. Это естественно... то, что должно случиться.

— Нет, это не естественно. Потому что заниматься любовью нужно с тем, кого любишь.

— Жаль разочаровывать тебя, но иногда это называется по-иному. Не любовь движет людьми в эти моменты...

— Мне всё равно, что вы думаете, — Элисон шмыгнула носом и стёрла с щеки слезу. — В любом случае, вы не тот единственный, с кем я бы... с кем...

— С кем бы ты занималась любовью.

Она подняла на него глаза: Алекс стоял рядом с её стулом; он смотрел на неё неестественно печально, пальцы его были сжаты в кулаки. Он улыбался, но улыбка эта была почти незаметна.

— Отец сдержит обещание и не даст тебе встретиться с ними... И меня он запрёт здесь. Бог видит, как я этого не хочу. Поэтому ты должна меня понять и то, что я собираюсь сделать, — он развернулся, направился к лестнице на второй этаж и, так и не обернувшись, строго заключил:

— Жду тебя в своей спальне.

Он не был уверен, что она сама придёт. Нет, он даже почти знал это: она не придёт к нему этой ночью. И никогда бы не пришла. Алекс в задумчивости провёл указательным пальцем по выбритому подбородку и вдруг подумал, что его рана так и не открылась, и рука почти не болела.

За окном уже чернела ночь, и Алекс понимал, что у него вновь начинается хандра. Такое состояние часто находило его, когда он был один; хотелось то крушить и ломать всё вокруг себя, то лечь на постель и газеть в потолок. Поэтому он начинал поглощать вино бокал за бокалом. В такие минуты Алекс жалел, что не следил за кухней: ничего кроме старого вина здесь не было, а по ночам ему хотелось только пива.

Дверь его комнаты отворилась, Александр услышал, как скрипнула половица под ногами вошедшего. Мужчина обернулся и чуть не выронил из рук бокал с вином. Элисон стояла в дверях, одетая в белую шемизу и парчовый халат поверх неё. Каштановые длинные волосы были распущены, несколько прядей перекинуты на левое плечо. Как бы ему этого ни хотелось, Алекс не мог не признать, что в жизни не видел более невинного создания, чем эта

девушка.

— Ты пришла, — произнёс он хриплым голосом и понял, что не дышал чуть меньше минуты.

— Я делаю так лишь потому, что это моя обязанность. Если я не... если не дам вам сына, ваш отец выдаст Луиса, и тогда уже ничего не будет важно.

Алекс подивился серьёзности её тона, хотя заметил, как она дрожит, когда подошёл ближе, чтобы запереть дверь. Девушка испуганно разглядывала его голые плечи и грудь и нервно тербила край пояса от своего халата.

«Не нужно было снимать рубашку, — подумал Александр в тот момент, — я и так её пугаю».

— Конечно, я всё это понимаю. И, если быть до конца честными, должен признать, раньше я не видел никаких привилегий в том, чтобы тра... заниматься любовью с неопытными девочками.

Элисон посмотрела ему в глаза и нервно сглотнула. Алекс на расстоянии чувствовал её страх, и отвращение, и презрение. Она была так недоступна, хотя находилась здесь, перед ним, он бы мог сделать с ней, что захотел, но с другими такого никогда не происходило.

«Она боится меня».

— Я давно уже... не был близок с девственницей, — произнёс он сухо, медленно развязывая шнурок на поясе своих мешковатых штанов.

Глаза Элисон расширились, девушка тут же попыталась заострить внимание на чём-то другом; она уставилась на свои босые ноги и сильнее сжала в пальчиках край халата.

— Но если ты будешь послушна, если будешь делать так, как я скажу, я клянусь, что ты почти не ощутишь боли.

Она лишь громко втянула воздух носом, когда Алекс стал раздеваться прямо в паре шагов от неё. Он смотрел только ей в лицо, пока снимал штаны, и старался делать это медленно, хотя с каждой секундой ощущал, что ему становится трудно держать себя в руках. Она была похожа на шестнадцатилетнюю ученицу какого-нибудь пансиона, где девочек учат бесполезным занятиям. Себя же представлял стариком перед молодой девушкой, который вот-вот испортит её.

«Она не готова. Не готова стать женщиной».

— Я буду осторожным, — прошептал он. — И я обещаю, если ты не будешь сопротивляться... Тебе это понравится так же, как и мне.

— Откуда вы знаете, что вам это понравится?

— Я просто знаю, — Алекс тяжело выдохнул и ощутил, как капли пота стекают по его спине, настолько здесь становилось жарко. — Я сказал тебе однажды, что ты сама придёшь... Но теперь я вижу, если бы мне пришлось ждать ещё один месяц, я бы сошёл с ума.

Элисон была растеряна и, казалось, с каждым мгновением пребывания здесь, её желание убежать только росло. А желания Александра были гораздо сильнее. Штаны спустились к его щиколоткам, Алекс переступил через них и встал прямо перед супругой, которая, казалось, совершенно не могла пошевелиться.

— Посмотри на меня.

Элисон подняла на мужа глаза, стараясь унять дрожь в руках. А Алекс еле сдерживался, чтобы не повалить её прямо на полу и не взять так, как он обычно делал это с женщинами.

— Твоя очередь.

Он протянул к Элисон руки, медленно развязал пояс её халата и помог ей его снять. Она позволяла ему себя раздевать и старалась смотреть только ему в глаза. Алекс не мог поверить, что имел возможность теперь касаться её, любоваться на её чистую кожу; он чувствовал себя первооткрывателем на никем неизведанной земле, и это возбуждало его ещё больше.

Шемиза упала к её ногам, и Элисон предстала перед мужем в своей естественной красоте. Сейчас она была бледна, но Алексу понравилось это сочетание цвета её кожи и каштанового оттенка волос. Он положил руку ей на плечо и ощутил жар её тела. В тот момент ему показалось, что он уже потерял контроль... Его плоть увеличилась, стала утолщаться, и Алекс понял, что медлить больше не может.

Он сделал шаг вперёд, прижался к Элисон, положив руки на её бёдра и крепче сжав в объятиях, наклонился и припал ртом к её горячим губам. Элисон даже не попыталась его оттолкнуть; она обмякла в его руках, вдохнув больше воздуха перед поцелуем. Алекс не мог поверить в то, что происходило: она была такой сладкой, горячей и нежной, что, как бы он того ни хотел, даже Маргарет, к которой он давно остыл, не могла с ней сравниться. Алекс раскрыл её губы языком, ласкал её рот и кусал мягкие губы, когда она отстранялась, чтобы вздохнуть.

— Видишь... Видишь, как сильно я хочу тебя.

Она стала уворачиваться, когда ощутила, как его твёрдая плоть касается её живота, и Алексу пришлось разорвать поцелуй и отстраниться, чтобы не пугать её больше.

— Это значит, что я желаю тебя, — прошептал он с трудом, держа её лицо в ладонях. — Ты такая маленькая. Такая нежная и мягкая. Слишком сладкая... Я бы хотел тебя съесть.

Алекс облизал губы, не отрывая при этом взгляда от её распухших губ, затем наклонился, касаясь кончиком носа её шеи и вдыхая её запах. Он провёл языком по её горячей коже, и, когда прижался к ней губами и слегка сжал её в зубах, Элисон ахнула, запрокинув голову.

— Прости... прости меня, — сбивчиво проговорил Алекс. — Можешь сделать со мной то же самое, если захочешь... малышка.

Она открыла глаза, и в её взгляде он снова увидел непонимание. С ней было намного труднее, чем с Маргарет, решил Алекс.

— Хотите, чтобы я вас укусила? — спросила она изумлённо.

— Да. И не только это. Идём.

Он взял её за руку и подвёл к своей постели. Перед тем, как позволить ей лечь, Алекс развернул девушку к себе лицом; запустив руку ей в волосы, чуть оттянул её голову назад, чтобы видеть её всю, и чтобы она могла смотреть на него.

— Поцелуй меня, — выдохнул он ей в губы.

Она сама подалась вперёд, привстав на цыпочки, и, промахнувшись, легко коснулась губами его подбородка. Алекс шумно вдохнул, подхватил её под грудь и чуть приподнял над полом, чтобы на этот раз самому поцеловать. Элисон поначалу неуклюже, но всё же отвечала ему, раскрывая губы, впуская его язык и дыша очень часто. Александр отпустил её, затем настойчиво подтолкнул к постели. Элисон опустилась на холодные простыни и поспешила повернуться к мужу лицом.

Сердце в груди не унималось и колотилось вовсю. Алекс с трудом сдерживался, дыхание его сбилось, стало рваным, частым. Он лёг рядом с молодой женой, дрожащей рукой коснулся её шеи, ключиц; когда его пальцы дотронулись до вершинок её грудей,

Элисон отчаянно вздохнула.

— Всё хорошо, — он придвинулся к ней и, наклонившись к её лицу, посмотрел в распахнутые карие глаза. — Тебе понравится.

Он закинул её правую ногу себе на бедро, лёг сверху, быстро поцеловав Элисон в губы, наклонился ниже и провёл горячим языком между её грудей, сжимая их в своих ладонях. Медленно и неспешно он начал целовать и ласкать языком её нежную кожу; Алекс слышал, как Элисон громко дышала, и не понимал, нравится ли ей эта близость так же, как и ему. Привычных его слуху стонов и вздохов не было. Тогда он решил, что она всё ещё боится его. Тело её было напряжено, и она не обнимала его, а держала руки над головой, вцепившись пальцами в простыни.

— Пожалуйста, скажи, что ты чувствуешь, — Алекс поднял на жену глаза, не прекращая ласкать пальцами её грудь.

— Я не... я не знаю... — отвечала Элисон, будто задыхаясь. — Это странно... неправильно...

— Тогда я покажу тебе, что правильно.

Он со стоном обхватил губами её затвердевший сосок, втянув его и слегка укусив, и Элисон выгнулась под Алексом, охваченная новыми ощущениями: неожиданностью и испугом. Мужчина целовал её мягкую кожу, не желая прекращать этой пытки, и очень обрадовался, когда, наконец, услышал, как Элисон застонала, опустив руки мужу на плечи. От её вздохов и тихих стонов Александр потерял голову. Больше у него не оставалось сил терпеть; боль в паху была для него невыносимой. Он подавил телом её сопротивление, резко прижавшись к ней так, как только мог. Алекс наклонился к её губам, и, коснувшись рукой её плоти, медленно ввёл один палец внутрь.

— Не надо так... Мне больно, — умоляла Элисон, закрыв глаза и запрокинув голову.

Алекс больше её не слышал. Он слышал только свои собственные громкие стоны; она была невероятно мягкой, влажной и узкой внутри, и он представил, как овладевает ею. Быстро, без нежностей и лишних касаний. Его палец проник глубже, и Александр ощутил её девственную преграду. От мысли взять Элисон первым и быть у неё единственным, он застонал в голос, не смог противиться страсти и стал двигать рукой быстрее и быстрее.

— Так тебе нравится? — хрипло выдохнул он, затем оставил её и поднёс влажный палец к своим губам. — Ты поистине вкусная, девочка. Я хочу тебя, Элисон. И сейчас я тебя съем.

Увидев его полностью обнажённым, Элисон и не ожидала, что обнаружит на его теле столько следов военных походов. Мелкие рубцы на его плечах, несколько шрамов на груди и спине и эта защитная рана с правой стороны над ключицей придавали ему весьма грозный вид. В тот момент Элисон подумала, что других женщин это, возможно, и привлекало в нём. В её глазах он не был идеален: Алекс исхудал, пока путешествовал целый месяц. Ключицы заметно выпирали, скулы на его лице теперь выделялись и между сбитых костяшек пальцев под загорелой кожей виднелись вены.

Хотя, всё же девушка должна была признать, что не испытала тотального отвращения, увидев мужа без одежды. В комнате, озаряемой лишь светом луны, пробивающимся сюда через шторы, его высокая, жилистая фигура казалась внушительной. Он держался прямо и гордо, как настоящий солдат, что было достойно положительной оценки.

Когда он целовал её, Элисон ощущала аромат вина на его губах, и его рот ещё хранил вкус этого напитка. Тогда Элисон не было неприятно, как раньше. Возможно, потому что каким-то образом она сумела разглядеть желание в его взгляде, что и страшило, и интересовало её одновременно. И он был таким неестественно горячим, когда сжимал её в объятьях, что иногда ей хотелось выбраться на свежий воздух, туда, где прохладно.

А несколько мгновений назад Элисон испытала нечто новое, невероятное для неё, будто солнце, горящее в ней до этого момента, вспыхнуло и взорвалось, очень быстро, стремительно, лишая её сил на сопротивление.

— И сейчас я тебя съем, — произнёс Алекс хриплым голосом.

Его ехидная улыбка поначалу напугала Элисон; зелёные глаза пылали желанием и словно прожигали её насквозь. Алекс провёл языком по тонким губам, затем вдруг поднялся, и Элисон показалось, что он вот-вот уйдёт; он же, положив руки ей на колени, осторожно развёл её ноги в стороны и, сев между них, наклонился и поцеловал её мягкий живот.

— Нет, не смей! — приказал он, когда Элисон попыталась увернуться и перекатиться на другую сторону постели. — Будь послушной девочкой.

Алекс удержал её, потянув на себя, и стал медленно водить горячим языком по коже её бёдер. Элисон метнулась вверх, вцепившись в подушку, но Алекс схватил её ноги под коленками и закинул их на плечи.

— Вы что делаете?! — попыталась она закричать, но сумела лишь хрипло шептать.

— Лежи спокойно...

— Я не...

— Заткнись и лежи спокойно!

Элисон всхлипнула, её короткое возбуждение тут же пропало. Ей никогда не было так стыдно. Девушка закрыла глаза, закусив нижнюю губу, и попыталась успокоиться и дышать ровнее.

Алекс снова поцеловал её живот и, касаясь языком и губами нежной кожи, стал опускаться всё ниже. Элисон задрожала, ощутив его дыхание, горячее и частое; когда его язык коснулся её, она выгнулась, громко закричав. Её собственный голос где-то глубоко в подсознании нашёптывал ей, что она уже сломана, её воля и решимость разбиты, потому что её тело не выдержало пытки и поддалось на то, что делал с ней муж. И Элисон могла бы, и наверняка хотела бы, остановить эти пытки и подумать над своим бесстыжим поведением,

над позорным поражением, но она больше не принадлежала себе. Алекс, наконец, владел ею так, как хотел, выводя, будто обезумев, своевольные линии своим языком между её бёдер. И её трясло сильнее и сильнее от жара, разливавшегося внутри.

— Ты же не думала, что я действительно тебя съем? — услышала она его низкий, властный голос сквозь сладкую пелену. — Хотя, Бог свидетель, я бы хотел этого! Ты такая вкусная.

Алекс выпрямился над Элисон, опираясь на руки, приподнявшись, приблизился к ней и снова поцеловал. Она чувствовала влагу на его губах, чувствовала свой вкус и вдруг сама стала отвечать ему, смелее раскрывая губы и крепче прижимаясь к его телу.

— Вот умница... Да, вот так, — прошептал Алекс, кончиком носа коснувшись её лба.

Он вдруг понял, что хотел её так сильно именно из-за её недоступности, из-за юности, которую она хранила. И всё равно это не изменяло его главного желания быть с ней. Получив в своё время Маргарет, а затем пережив разрыв с ней, Алексу удалось забыть, и недавняя встреча с дочкой богача почему-то не возбудила в нём прежних чувств. Ни одна женщина не могла заставить его вновь почувствовать себя молодым и живым уже долгое время. Зато эта девственница, всего лишь девочка, так хорошо отнесшаяся к его брату, сама того не осознавая, дала ему снова ощутить силу и нежность.

Алекс замер, стараясь сдерживать те чувства, что переполняли его. Элисон стала первой девушкой, которую он действительно любил, а не просто брал, больше того, он желал её так, будто ему самому вновь было двадцать лет. Сдерживаться ему больше не хотелось, и он сдался; Алекс застонал и, разведя ноги жены шире, помогая себе рукой, медленно ввёл напрягшийся член в её горячее лоно.

— Вот чёрт! — выругался Александр, громко ахнув и попытавшись продвинуться глубже.

Элисон тихо вскрикнула, вцепившись пальцами в его плечи, и Алекс тут же понял, что ей слишком больно, чтобы впустить его дальше. Слишком маленькая и узкая, сейчас она к тому же напряглась. Алекс открыл глаза и посмотрел в покрытое испариной лицо жены.

— Взгляни на меня! — хрипло приказал он, опустив левую руку к её ягодицам и прижав к себе сильнее. — Элисон, взгляни на меня!

Девушка сделала, как он просил; потемневшие карие глаза теперь смотрели на него с непониманием, и Алекс видел в них боль и обиду, и нарастающую с новой силой ненависть.

— Я хочу, чтобы ты... чтобы ты расслабилась.

— Не могу, — голос её дрожал, потому что она плакала. — Мне больно...

— Знаю, знаю. Но ты должна. Тогда нам обоим будет легче, обещаю. Просто расслабься, милая, давай...

Он поцеловал её, и делал это снова и снова, тяжело дыша и пьянея от вкуса её влажных от слёз губ. Она пыталась отвечать, и, хотя Александру всё ещё тяжело было войти в неё глубже, Элисон послушно успокаивалась. Оторвавшись от её губ, он зарылся лицом в её спутанные волосы, и с трудом проговорил:

— Я хочу тебя, Элисон... Слышишь? Позволь мне...

Она коротко кивнула, не понимая, что конкретно позволяет ему сделать, и Алекс в последний раз коснулся её губ перед тем, как начать двигаться. Ему было тесно и тяжело, и почти больно, но когда он ввёл свой член полностью, на этот раз быстро, его затрясло. В нём словно горела страсть, которую он отчего-то сдерживал все эти годы, а открыл только ради этой девчонки. Алекс поднялся над женой на локтях и стал двигать бёдрами всё быстрее; его

стоны и стук спинки кровати о стену наполнили комнату. Алекс не прекращал бешеный ритм, то закрывал глаза, морщась и сдерживая приближающийся финиш, то снова открывал и наблюдал за Элисон. Она дышала часто и громко, раскрыв губы, и смотрела ему прямо в лицо.

Он остановился резко, чтобы совершить последний толчок, его спина выгнулась, когда он мощно двинулся в ней; затем, застонав, прижался к ослабевшей Элисон и стал шептать ей слова утешения, сцеловывая слёзы с её щёк. Он так не хотел выходить из неё, потому что она была горячей, узкой и мягкой, но чувствовал её влагу и запах крови, и это вернуло Алекса к реальности.

Он с трудом поднялся, стараясь больше не касаться Элисон; Алекс ощущал головокружение, он подошёл к письменному столу, с минуту простоял там, опираясь на руки о край, пытаясь прийти в себя. Отдышавшись, вернулся к постели, взял скомканную, лежавшую на полу белую простынь, обвязал ею вокруг бёдер и вдруг, всё так же молча, поднял жену на руки.

За резкой, но недолгой болью, которую она только что испытала, Элисон не сразу поняла, куда он несёт её. Алекс бережно опустил её в кресло, стоявшее в углу комнаты и, больше ни разу не взглянув на неё, быстро покинул комнату, закрыв за собой дверь.

Элисон до сих пор, как бы сама того ни хотела, ощущала его руки на себе, его прикосновения к её груди, животу и ниже. Сейчас, в отличие от уже прошедших тех минут, когда она сходила с ума, она не понимала, почему ей так нравились его поцелуи. Потому что именно сейчас она дрожала при одном воспоминании об этом. Элисон ненавидела себя за своё поведение, хотя до того, как Алекс сделал ей больно, ей почти было плевать на всё. Но вот он ушёл, и с его уходом словно вернулась нестерпимая реальность, которая покинула их обоих на время их близости.

Девушка всхлипнула, зажмурилась, когда попыталась сесть прямее, но прошедшая боль дала о себе знать. Элисон взглянула на свои опущенные на пол ноги и недовольно вздохнула, увидев тонкие струйки крови, стекающие по внутренним сторонам бёдер.

— Я вернулся, — Алекс вошёл в спальню, в одной руке держа кувшин с водой, в другой — короткое полотенце.

Он намочил полотенце, поставил кувшин на свой стол, опустился перед Элисон на одно колено и мягко попросил:

— Положи свою ногу мне на колено, пожалуйста.

Элисон нахмурилась, вжав голову в плечи, но не пошевелилась. Алекс хмыкнул, придвинулся ближе и, сжав пальцами тонкую щиколотку её правой ножки, положил её на свою.

— Слушайся меня. Ты же не хочешь, чтобы я повторил всё, что мы делали в постели прямо в этом кресле?

Она невольно вздрогнула, издав полувздых-полустон, и попыталась расслабиться. Александр осторожно коснулся влажной тканью её кожи, стирая засохшую кровь. Другой рукой он нежно поглаживал её щиколотку, и Элисон не могла оторвать взгляда от его длинных, холодных пальцев. Когда боль стала понемногу отступать, девушка позволила себе взглянуть на мужа. Его влажные волосы спутались, в беспорядке лежали на голове, и несколько прядей прилипли к его вискам. Его широкая грудь высоко вздымалась от частых вдохов, особенно когда он, нарочно или же нет, касался пальцами её мягкой, бледной кожи.

— Теперь откинься назад и раздвинь ноги.

— Нет, ни за что, — Элисон отрицательно покачала головой.

Когда она попыталась сжать ноги вместе, Алекс остановил её, сжав их под коленками длинными пальцами.

— Я должен посмотреть, что у тебя там...

— Я сказала, нет! Это мерзко! Хватит того, что вы уже сделали.

— Ничего мерзкого в этом нет, Элисон, — он посмотрел на неё горящим взглядом, полным желанием, и широко улыбнулся, отчего девушку передёрнуло. — Во-первых, я уже касался тебя и пальцами, и языком...

— Ну хватит!

— Я даже забрал твою девственность, поэтому моя обязанность удостовериться, что с тобой всё в порядке.

— А если я просто скажу, что я в порядке? — спросила она уже более мягко.

— Что ж, попробуй.

— Мне уже не больно, — честно призналась Элисон. — Это правда.

— Хорошо, я тебе поверю, — Алекс опустил её ноги на пол, позволив ей сесть так, как она хотела. — Тебе было страшно?

— Да, немного...

— Но тебе было хорошо? Было приятно хоть немного? — в его голосе она расслышала беспокойство и толику надежды.

Элисон выдохнула, не имея понятия, что ответить. Соврать или же сказать правду. В конце концов, она произнесла, не в силах больше выдерживать паузу:

— Поначалу... да, сначала было довольно хорошо, я должна это признать.

Она удивилась его реакции на свои слова: Александр закрыл глаза, на его тонких губах появилась лёгкая улыбка. Потом он вдруг посмотрел на жену, всё ещё улыбаясь, и покачал головой.

— Мне даже не стоило спрашивать. Я знаю, когда женщине хорошо со мной. Но не было ещё такого, чтобы кто-то из них жаловался, — заметив, как Элисон нахмурилась, он закусил губу и виновато улыбнулся. — У меня было много женщин, ты и сама это знаешь. Но я не помню имён и половины из них. У другой половины я даже не спрашивал тех имён. А этой ночью случилось так, что из-за осторожности к тебе мне пришлось пересмотреть свои взгляды на секс.

— Что?

— На то, что мы с тобой делали.

Он говорил так сладко, так медленно произносил слова, словно наслаждался их смыслом и желал поделиться этой сладостью с женой. «Мы». «С тобой». «Секс». Алекс облизал губы и вздохнул.

— В кои-то веки я благодарен своему отцу за то, что он вынудил меня сделать. С другой стороны, я бы сделал это в любом случае. Но, возможно, не так скоро.

— Не понимаю, зачем вы это всё мне говорите, — Элисон стала смущаться ещё сильнее, наблюдая, как слабеет узел простыни, завязанной на его бёдрах.

— Затем, чтобы ты не думала об этом, как о долге. Твоём и моём. О нашем долге. Теперь же я с радостью признаю, что сделать тебя своей женой не было настолько ужасной идеей.

— Почему вы были со мной так нежны сегодня, если ненавидели меня? — спросила она вдруг, и эти слова ранили Алекса и его душу, словно лезвие ножа.

— Я не... не ненавижу тебя, Элисон.

Тонкие губы его были плотно сжаты, зелёные глаза устремлены на неё, и Элисон не могла не заметить, как он напрягся, хотя даже не догадалась о том, что он почувствовал обиду из-за её слов.

— Я помогу тебе встать, — произнёс он довольно сухо, поднявшись на ноги и протянув ей руку. — Идём со мной.

— Куда? — она взглянула на него, вскинув голову.

— На наше супружеское ложе, — съязвил Алекс и наклонился, чтобы взять Элисон за руку. — Мы не закончили. Сделать тебе ребёнка — это не моя цель. Моя цель отныне — показать тебе всё, что я умею. Тогда ты сможешь различать боль и наслаждение. Поверь мне, оно того стоит.

***

Поздние солнечные лучи лениво пробирались между раздвинутых, тяжёлых штор в его спальню. Алекс, одетый в старый походный костюм, подошёл к своей постели, где уже четыре, как он успел отсчитать, часа нежилась во сне его молодая жена. Александр наблюдал, как она перевернулась на живот на правую сторону его кровати, подминая под себя лёгкую простынь. Она зажала покрывало между ног, и ничто теперь не скрывало её наготы. Пребывая в глубокой задумчивости, Алекс стоял рядом и смотрел на обнажённую супругу, мягкую и нежную, будто ангел. И даже то, что Александр сделал с ней ночью, не испортило её чистоты. Если только подчеркнуло её ещё больше.

Он всё утро думал о том, что ему теперь делать, как вести себя с ней. Она не шлюха из придорожного трактира, и он не может просто забыть о том, что случилось ночью. Не может уйти, не посмотрев ей в глаза и не сказав и пары слов. Более того, Алекс чувствовал, что ему это не нужно, и он желает и смотреть на неё, и говорить с ней, и чтобы она сама хотела его компании. Он считал, что после того, как Маргарет разбила ему сердце и вырвала половину его души, когда другая половина уже гнила из-за потери матери, он не сможет больше чувствовать нежности к женщинам. Теперь он ощущал её, но в таком случае его начинал мучить ещё один вопрос: а смог бы он влюбиться снова? Алекс отметил, что это будет довольно досадно и жаль, влюбиться в ту, в которую он и не представлял себе влюбиться. Это бы означало, что он совсем ослабел и размяк.

Элисон сладко и сонно потянулась, отчего-то вздохнув и закусив во сне губу, и Александр на несколько секунд блаженно закрыл глаза, вспоминая, как она вздыхала и кусала губы под ним несколько часов назад. Ему уже не терпелось расспросить её обо всём, что она чувствовала, ведь в процессе, хоть он и старался интересоваться её ощущениями, она не сумела связать ни единого ясного слова.

Получив её, причём, гораздо быстрее, чем ожидал, Алекс думал, что остынет. Но даже за эти долгие утренние часы он вдруг понял, что желание, которое он испытывал к ней, вовсе не пропало. И он не знал, хорошо ли это, что не могло не пугать его. В любом случае, о сделанном он не жалел, и теперь терпеливо ожидал её приговора: жалеет ли она о связи с ним.

Правда, оставалось кое-что ещё, и Алексу гораздо больше хотелось прояснить именно эту ситуацию, и, когда Элисон легла на спину, закинув правую руку за голову, и открыла глаза, он, с довольной, но строгой улыбкой, проговорил:

— Соблазнить меня пытаетесь, миледи... Что ж, у вас это почти получается.

Элисон, постепенно приходившая в себя, недовольно взглянула на мужа, затем на

раскрытую его взору себя, и поторопилась натянуть покрывало.

— Сколько времени? — поинтересовалась она бесстрастно, будто и вовсе не хотела спрашивать об этом.

— Достаточно, чтобы не позволять себе валяться в постели.

— О, как это мило с вашей стороны, милорд, разрешить мне заснуть на несколько часов после...

Она замолчала, смущённая, видимо, тем, о чём вдруг вспомнила, и Алекс заметил румянец на её бледном лице.

— Не хочешь ли ты сказать, что вымоталась после занятий любовью со мной, и теперь я должен позволять тебе нежиться в постели до полудня?

Элисон посмотрела на него так, будто впервые увидела. Одарила таким ненавистным взглядом, что Алекс не мог с ней не согласиться: он-то прекрасно ощущал перемену и в своём настроении, и в тоне собственного голоса. В его разломанной душе бушевала буря, снаружи же он был холоден и циничен, как обычно.

— Мне стоило догадаться о том, что ваша так называемая нежность, проявленная ночью, была мнимой, фальшивой...

— Дорогая моя, — Александр склонил голову на бок и сел на край постели рядом с женой, — я весь и полностью есть фальшь. Я был таким и буду. Но я тронут тем, что ты заметила мою мягкость ночью. Такое бывает крайне редко и не со всеми.

— Больно мне нужна ваша мягкость или нежность, — Элисон поморщилась, ощущая ноющую боль в ягодицах, и прислонилась к спинке кровати. — Мы сделали то, что нужно было вашему отцу.

— Вот как, — он пристально посмотрел на неё, нахмурившись ещё больше. — Значит, ничего не изменилось? Эта близость тебе ничего не показала?

— Отчего же? Показала. Она показала мне, насколько предательским может быть человеческое тело, и физические ощущения никак не вяжутся с тем, как действует душа, ибо я уверена, что всё было бы иначе, люби я вас, а вы меня.

— А кто тебе сказал, что я не любил тебя эти несколько часов?

— Я-то знаю, что не любили. Не врите ни мне, ни себе. А если это и так... Зато я вас не люблю.

— Так тебе не понравилось?

— Нет.

— Тогда с твоего позволения, — он поднялся, яростно сверкнув зелёными глазами и достав из кармана свёрнутый вчетверо клочок бумаги, раскрыл его и взглянул на жену, — я хочу это огласить здесь и сейчас.

Демонстративно откашлявшись, Александр размеренно, сдержанно стал читать:

— «Дорогая моя Элисон». О, какое интригующее начало! «Я никак не мог выкинуть из головы тот наш с Вами поцелуй в доме Стокеров. Ваша красота, чистота и нежность заставляют меня думать о грехе, и я этому не противлюсь». Надо же, чистая поэзия! Пока меня не начало тошнить, я продолжу...

— Перестаньте! — она протянула руку, желая вырвать письмо, но Алекс отступил на шаг назад.

— «Но моя преданность Александру удерживает меня от этого греха. И если бы не мой друг и тайна, которую я поклялся хранить, я бы вырвал Вас из того забытого богом места, насколько бы оно не было прекрасно и умиротворённо, и увёз бы с собой, сделав

незамедлительно своей женой. Потому что я чувствую, Вы та, единственная...»

— Где вы это взяли?!

— «... Алекс давно забыл, что такое любовь и настоящие чувства. Он — камень, который никому не удастся расколоть. И мне тяжело осознавать тот факт, что я был одной из причин, по которым Вы оказались втянуты в эту гадкую интригу его отца...» Вот оно что. Я и не думал, что этот ублюдок говорил серьёзно, когда мы были в Индии...

— Хватит, пожалуйста!

Алекс замолчал, исподлобья глядя на Элисон, и она задрожала ещё сильнее, не понимая, что он будет делать дальше. Он же тяжело выдохнул, будто с трудом приняв какое-то решение, затем вдруг скомкал в руке треклятое письмо, подошёл к постели и, навалившись на Элисон сверху, прижал её собой к матрасу.

— Я не позволю себя обманывать, дорогуша! — гневно прошипел он, крепко сжав пальцами её подбородок. — Ни тебе, ни этому лживому гаду не позволю! И если я ещё раз узнаю, что ты виделась с ним, писала ему или хоть раз упомянула его имя, я сделаю так, что ты ни стоять, ни сидеть не сможешь целую неделю. И поверь, пока я буду получать от этого удовольствие, ты будешь захлёбываться собственными слезами!

Он отпустил её, затем, опираясь на руки, поднялся, прерывисто и тяжело дыша, развернулся и вышел из комнаты. Элисон несколько минут оставалась лежать, обнажённая, прикрытая лишь простынёю; она смотрела в потолок и мысленно проклинала этого мужчину, а заодно его непутёвого друга, который не придумал ничего лучше, как прислать письмо сюда, в Солсбери.

Позже Элисон услышала часть разговора между её супругом и Ривзом старшим. Последний утверждал, почти крича, о том, что не успокоится, пока его знакомый врач лично не осмотрит Элисон. Зато Александр совершенно спокойно уверял, что «всё сделано» и «девчонка обязательно родит ребёнка». В конце концов, старик уступил, и Элисон поняла, что встречаться с незнакомым доктором и унижаться ей больше не придётся, по крайней мере, в этот же день. Но она была слишком зла на мужа, чтобы рассмотреть в его поступке нечто положительное.

Вечером девушка заглянула к Джоэлю, предложив ему прочесть начало «Кориолан», трагедии Шекспира, чем они и занимались до темноты. И Элисон чувствовала себя в безопасности в эти часы, находясь со слепым парнишкой, а не с его братцем. К полуночи её и без того подавленной состояние стало ещё более выраженным: Элисон вдруг прекращала читать, тяжело вздыхала, уставившись в одну точку, и Джоэль, даже не видя её, заподозрил, что нечто всё-таки изменилось.

— Что-то не так?

— Ты о чём?

— Брось, я чувствую в тебе перемену. Ты даже пахнешь по-иному, — мальчишка лукаво улыбнулся.

— И как это я пахну, скажи на милость?

— Как-то... совсем не так, как раньше. Поверь, я могу это распознать. Ты пахнешь почти как Алекс.

— Что за чушь?! — Элисон отвернулась, бросив книжку перед собой, на подоконник. — Надеюсь, ты так неудачно пошутил.

— Вовсе нет, — в его голосе тут же появилась серьёзность. — Наверное, ты провела с ним какое-то время...

— Замолчи, пожалуйста!

— Да что здесь такого?

— Нет, правда, помолчи!

Элисон взобралась на подоконник, прижимая ладони к холодному оконному стеклу, и стала всматриваться в красноватый горизонт позади низкого леса рядом с озером.

— Что-то происходит в деревне, — вполголоса сказала Элисон, зачаровано глядевшая в окно. — Как думаешь, почему так ярко горят огни сегодня?

— Известное дело, — ответил Джоэль, как ни в чём не бывало. — Свадьба там.

— Откуда знаешь? И только не говори мне, что ты просто учуял запах.

— Нет, я не настолько хорош. Но сегодня полная луна. К тому же начало месяца. В это время всегда свадьбы проходят, — парень отчего-то грустно вздохнул. — Ты же знаешь их. Суеверные деревенщины. И любят веселиться так, чтобы об этом знали все.

Элисон, поначалу удивлённая такой холодности его тона, когда он говорил о жителях деревни, вдруг вспомнила о том, что его собственная мать была обычной простушкой из деревни. Поэтому мальчик мог относиться к ним с неприязнью. И, как бы там ни было, она расслышала нотки зависти в его голосе. Тогда-то в её голову и пришла, как ей показалось, сумасшедшая, просто безумная идея.

— Джоэль! — сладко протянула Элисон, повернувшись в его сторону. — Угадай, куда мы сейчас отправимся?

Парень молчал около минуты, глядя пустыми глазами перед собой.

— Ты, наверное, неудачно пошутила, — проговорил он, наконец, но от Элисон не ускользнула быстрая улыбка на его бледном лице.

— Я вовсе не шучу!

— Если кто-то узнает... Если Алекс узнает, то не пощадит ни меня, ни тебя.

— Ну, во-первых, только меня, ибо к тебе он благосклонен. Во-вторых, никто не узнает. Ведь мы просто побудем на празднике немного, а потом уйдём.

— Даже не знаю...

Элисон соскочила с подоконника, села рядом с Джоэлем на кровати и обняла его за плечи.

— Мы просто прогуляемся, туда и обратно, затем так же незаметно вернёмся...

***

По деревне вместе с ночным ветром пронёсся весёлый, пьяный крик кузнеца, чья дочь сегодня выходила замуж. Гулянье уже давно вышло за пределы деревни, когда жители сопровождали молодожёнов и на лугу, и в лесу, таская за собой бутылки с пивом и вином собственного приготовления. В полночь местные жители собрались на окраине, там, где было достаточно места для всех. Разожгли огромный костёр, свет чьего пламени был виден за много миль. Жаркий ветер стих, разогнав облака, тогда все увидели далёкие, яркие звёзды, рассыпанные по небу.

Элисон и Джоэль быстро доехали до деревеньки верхом (девушка всё не могла поверить, что Хаддингтон проспал их побег и теперь ничего не мог сделать). Мальчишку Элисон заставила надеть длинный плащ с широким капюшоном, который почти полностью скрывал его лицо. Они оставили кобылу у одинокого сухого дерева в поле близ деревни и, скрываясь в высокой траве, пешком добрались до общего сборища. Местные — от стариков до молодёжи — расположились вокруг широкого костра, здесь же накрыли столы, заставили их многочисленными блюдами и напитками: всем, что могли себе позволить ради такого

события.

Элисон поспешила смешаться с толпой. Она тащила за собой Джоэля, держа его за руку, и когда они вдруг остановились и сели на мягкую траву, мальчишка поинтересовался:

— И что теперь происходит?

— Мы сидим позади каких-то старичков, — полушёпотом отвечала Элисон. — О, вот вперёд выходят двое... Кажется, новобрачные!

Джоэль внимательно слушал её, иногда принюхивался и чувял запах сена, смешанный с ароматом свежей выпечки и пива. А Элисон поражалась весёлой атмосфере праздника всё больше и больше. Она вдруг вспомнила свою свадьбу и теперь даже завидовала этим молодым людям. Вот они женятся по любви. Вот они и будут счастливы, пусть в нужде и бедности, но всё же счастливы. И все эти люди, окружавшие её в те минуты, по-настоящему счастливы. Элисон бывала в деревне только в детстве, когда разница между социальными классами совершенно незаметна.

Девушка загрустила из-за этих мыслей, когда вдруг кто-то протянул ей кружку с пенным пивом. Элисон, больше не задумываясь ни на секунду, приняла из чужих рук напиток и, глубоко вздохнув, почти сразу выпила половину. Запах и вкус щекотали язык и горло, и она почувствовала лёгкое головокружение уже через несколько секунд.

— Ну и гадость! — воскликнул Джоэль, сделав маленький глоток из той же кружки. — Как они могут это пить?

— Иногда им больше нечего пить! Но, ты прав, тебе не стоит даже пробовать. Вдруг ты отравишься, ну мало ли! И потом что мы скажем утром твоему отцу, когда он обнаружит, что ты пьян и весел?

Джоэль фыркнул, не обратив внимания на дразнящий тон Элисон, ещё раз пригубил содержимого кружки, затем вдруг залпом осушил её.

— Ну, что на это скажешь? — прохрипел парень.

Элисон чуть нагнулась, заглянула ему под капюшон и, поцеловав порозовевшую щёку мальчика, прошептала:

— Скажу, что ты не такая уж и неженка! Из тебя ещё выйдет толк!

Через какое-то время со своих мест встали несколько девушек и юношей; где-то рядом заиграли гитара и флейта. Элисон потянули за руку, буквально стащив с места, и она поднялась для танца с остальными. Заиграли «Зелёные Рукава», затем «Баллада короля» — любимые песни здешних мест, и Элисон быстро кружилась вокруг костра; её длинная, пышная юбка, которую ей одолжила София, обвивалась вокруг ног; волосы, собранные в высокую причёску, теперь рассыпались по плечам, липли к вискам и лбу. Ей подавали вина, снова и снова, и Элисон потеряла счёт времени. Никто уже не разбирал, где гости, а где случайные прохожие. Веселье затянулось, и Элисон в танце даже позабыла про Джоэля.

Когда молодожёнов сопроводили к их дому, а оставшиеся гости доедали и допивали угощения, заиграла одна из любимых мелодий Элисон — «Ярмарка в Скарборо». Какой-то юноша, низенький, загорелый, но очень бойкий, пригласил её на танец, и девушка даже не подумала отказать. Он крепко держал её за руки и всё время, будто бы случайно, пытался поцеловать в плечо, с которого скатилась лямка шемизы.

Вдруг что-то привлекло внимание девушки. Она остановилась, обернувшись в сторону поля, где на горизонте уже мерцал рассвет, и заметила троих всадников. Те скакали быстро, и даже сквозь пьяную дымку в мыслях Элисон сумела понять, что один из них — её супруг. Её разум просветлел в тот же миг.

— О, нет! — Элисон подобрала полы юбки и бросилась бежать прочь от потухающего костра.

Девушка с остервенением осматривалась, вглядываясь в расходящихся гостей, но ни в одном не могла узнать Джоэля. Тогда она с ужасом поняла, что потеряла его. Слёзы навернулись на глаза, ей стало душно и дурно, и Элисон со всех ног кинулась к окраине, не забывая при этом выкрикивать имя мальчишки. Но он не откликнулся.

Добежав до очередного высокого, деревянного сарая, она остановилась, чтобы отдышаться. С минуту Элисон стояла на коленях на влажной от росы траве, как вдруг услышала пронзительный женский крик, донёсшийся из-за дощатых стен сарая. На мгновение сердце девушки замерло. Она не могла заставить себя подняться с колен, но подозрительное копошение в глубине деревянной постройки разбудило в девушке опасное любопытство. Она встала и направилась к сараю, пошатываясь от выпитого пива и вина. Стоило только Элисон подойти ближе, как она почуяла приторный запах крови...

Александр и раньше мог сильно разозлиться. Его мог разозлить Кэллис, собственный отец или его подчинённые тем, что не выполняли как нужно его поручений, проваливали задания или же просто действовали на нервы. Алекс злился, когда что-то шло не так, как он планировал. Но то, что натворила его женушка, по его мнению, было крайностью, гранью, за которую ещё никто не смел перейти.

Этой ночью он не мог уснуть, потому что нерешённый вопрос с Уильямом не давал ему покоя. К тому же Элисон, как ему пришлось признать, покорила его прошлой ночью, и он никак не мог выкинуть её образ из головы. Ему уже было плевать и на отца, и на Луиса, из-за которого случилась вся заварушка; Алекс просто не мог поверить в то, что после одной ночи с девушкой ему захотелось нечто большего. И его больно ранило её отношение к нему после случившегося. Он-то сделал всё, чтобы ей было хорошо.

Со всеми этими мыслями он посреди ночи решил пойти к ней, зная, что она наверняка не спит, а проводит время с Джоэлем. Каково же было его удивление, когда он не обнаружил никого из них ни в комнате мальчишки, ни в спальне жены. Но Алексу и думать не нужно было о том, куда могла сбежать Элисон вместе с его братцем. Александру пришлось позвать с собой и людей отца, прибывших в Солсбери вместе с графом.

Теперь они втроём должны рыскать по всей деревне, чуть взошло солнце, и тратить силы по глупости его нерадивой жены. И вот Алекс направил коня к окраине, поняв, что среди пьяных деревенщин нет ни Элисон, ни Джоэля. Вдруг он услышал крик, явно принадлежавший его жене и, натянув поводья, остановил коня у какого-то сарая, откуда через мгновение выбежала Элисон. Алекс тут же спешился, бросился навстречу супруге, и она, будто не заметив, со всех ног налетела на него.

— Ты! Ты что здесь делаешь? — гневно шипел Алекс, тряся девушку за плечи. — Идиотка! Позлить меня решила? И какого дьявола ты потащила за собой Джоэля? Где он?!

Элисон подняла голову, чтобы посмотреть на него, и Алекс лишь сейчас увидел слёзы на её щеках и дрожащие губы. Она молчала, дрожа, будто в ознобе, и смотрела мужу прямо в глаза.

— В чём дело? — с тревогой в голосе спросил Алекс. — Ты ранена?

Элисон отрицательно покачала головой в ответ.

— Что-то с Джоэлем?

И снова тот же жест.

Алекс посмотрел на залитые лучами восходящего солнца стены сарая и тут же всё

понял.

— Жди меня здесь, — приказал он строго и, отпустив Элисон, медленно направился к открытым воротам.

Стоило зайти внутрь, как Алекс увидел распостёртое на куче соломы тело девушки. Деревенское платье на ней было порвано, а на виске, голой груди и на ногах уже запеклась кровь. С трудом сглотнув, Александр посмотрел ей в лицо и узнал в мёртвой Софию. Первая его мысль была о том, что убийца мог быть ещё где-то рядом. Выйдя из сарая на свет, Алекс присвистнул, и через несколько мгновений рядом уже были люди его отца.

— Ну что, нашли мальчишку? — сдержанно спросил он одного из мужчин.

— Да, милорд. Он в порядке. Просто заснул здесь, недалеко.

— Ясно. Берите его и девчонку, отвезите их обратно. И убедитесь, что до моего возвращения они никуда не денутся.

— А вы куда направляетесь?

— Здесь труп женщины, — Александр взобрался на спину своего коня и, тяжело вздохнув, проговорил: — Я соберу мужчин. Тех, кто уже трезв, судя по всему. Мы осмотрим окрестности и отыщем ублюдка.

— Это не ваша забота, милорд! — напомнил ему второй, довольно полный мужчина лет сорока. — Убийство в деревне. Такое часто случается...

— Но не в моих владениях! — Алекс повысил голос, и Элисон, которую уже посадили на лошадь позади одного из подчинённых Ривза, в который раз убедилась в силе голоса своего мужа.

— Я найду гада, который сделал это. И разберусь с ним так, как умею, — глаза Александра недобро сверкнули и, когда он подвёл коня достаточно близко, посмотрел на Элисон и прошептал:

— Я вернусь. И очень скоро. И вот когда я вернусь, поверь, ты этому не обрадуешься. Готовься.

Он натянул поводья так, что конь взбрыкнул. Когда Алекс скрылся за чьим-то ближайшим домишком, его люди не спеша направили своих лошадей в поле. По дороге в замок, пока усиливался и нещадно дул в лицо утренний ветер, Элисон с ужасом вспоминала всё произошедшее на рассвете. А последние слова Александра теперь казались ей смертным приговором.

***

Элисон почему-то сразу догадалась, что ни Ривза, ни Хаддингтона в замке уже не было. Означало ли это, что случилось какое-то иное несчастье или же нет, не было ясно. Подчинённые графа передали Элисон и Джоэля экономке, которая встречала их у дверей, словно знала об их возвращении. Сонного мальчишку отнесли к нему в комнату, а Элисон, которая от усталости и выпитых напитков почти валилась с ног, миссис Уоллес заставила выпить чаю перед тем, как отправить спать и её.

Проснувшись Элисон, с отяжелевшей головой и чувством тошноты, оттого, что ощутила холодную влагу на лице и подушке под щекой. С трудом открыв глаза, она увидела Александра, склонившегося над её постелью. Его загорелое лицо было мрачным, очень серьёзным, а взгляд строгим, даже жестоким. В правой руке он держал небольшой кувшин, из которого, по-видимому, и облил свою жену.

— Поднимайся, — произнёс он бесстрастно, затем сам схватил Элисон за локоть и, притянув к себе, поставил на ноги. — Ты сейчас похожа на портовую шлюху, правда,

довольно красивую для таковой. Посмотри на себя. Это платье и растрёпанные волосы... Да ты воняешь деревней!

— И вы смеете мне об этом говорить? — смело спросила девушка, и этой смелости ей прибавил ещё не исчезнувший хмель.

— Да, дорогуша! Я смею. Я — твой муж!

— Вы — тиран и грубиян, каких поискать! Прислуживаете своему папаше, будто у вас нет своего слова. Вы такой же, как и он! Вам на всех плевать! — Элисон дёрнулась и высвободила руку из его цепких пальцев. — Это вы пьяница, об этом все знают! И как вы относитесь к людям! Да, вы с самого детства делали только то, что хотели. Вы омерзительны! Вы не джентльмен!

— А кто джентльмен, по-твоему? Кэллис? Он вырезл людей на войне, будто свиней, вместе со мной, стоя за моей спиной! Он пил вместе со мной до беспамятства и трахался со всеми теми шлюхами так, что...

— Хватит!

— Нет уж, слушай, дорогуша! Ты думаешь, что знаешь людей, знаешь меня, но ты ошибаешься. Ты не видела мира и не знаешь причин, по которым человек желает забыться. Жила в своей собственной сказке, считая, что так всегда и будет! Кто-то пьёт, заливая тоску, а кто-то бросается в объятия к первому встречному лишь потому, что тоже хочет любви и ласки! Хочет ощутить себя нужным, ценным, когда все отворачиваются от него!

Алекс схватил Элисон за руки, дёрнул на себя, затем сжал пальцами её подбородок так, что она сдавленно застонала.

— Ты не знаешь меня, — зашептал он ей в губы, — не имеешь понятия, кто я такой. И, уж поверь мне, всё это время я старался быть настоящим ангелом рядом с тобой. Но кажется, тебе этого было недостаточно.

Александр поставил кувшин на столик у постели, затем, не выпуская руки Элисон из своей, потащил девушку за собой из спальни. Когда они очутились в коридоре, Элисон тут же почувствовала жуткий холод и вскоре поняла, почему: они быстро спустились на первый этаж, где под лестницей была настежь распахнута старая железная дверь, откуда и шёл сквозняк. Алекс втолкнул жену туда, и Элисон, чтобы не свалиться со ступенек, ведущих вниз, вцепилась пальцами в неровную каменную стену. Послышался тяжёлый скрип позади, и пространство вокруг затопила тьма. Девушка прижалась спиной к стене, тогда Алекс, который будто стал видеть в темноте, снова схватил её за руку и потянул за собой.

Они довольно долго спускались вниз, и Элисон уже не чувствовала ни страха, ни хмеля, потому что все чувства её притупились перед чем-то неизвестным. Когда оба, наконец, ступили на твёрдую землю, девушка поняла, что здесь, внизу, всё же есть свет. Глаза привыкли к темноте, и Элисон увидела, что находится в небольшом помещении, где низкие потолки и каменные стены, и их не касался инструмент. По камню кое-где стекала сверху вода. У левой стены были сложены непонятной формы железные инструменты, а посреди «пещеры» стоял огромный стол на мощных, толстых ножках, обитый также железом на гладкой поверхности.

В полутьме Элисон чуть не запнулась о торчащий в полу камень, но Александр держал её крепко. Он толкнул её к железному столу и, когда Элисон обернулась, Алекс тихо и строго произнёс:

— Ты ведь не знала, что раньше здесь проводились казни? Когда-то давно в этих подвалах выносили приговоры осуждённым. И так называемым ведьмам тоже. Людей сюда

приводили насильно, запирали без еды и воды на долгое время. Затем мучили почти до смерти, и когда они были достаточно сломлены болью и страданиями, их жестоко казнили.

Он замолчал, отвернувшись к стене, где торчал единственный зажжённый факел, и шокированная девушка видела в полутьме лишь его медленно вздымающиеся широкие плечи под тонкой тканью рубашки.

— Это место пропитано ужасом и болью, — продолжал Алекс с пугающей воодушевлённостью. — Как бы я не хотел возвращаться сюда, оно всё равно тянет меня к себе. Я с ним связан, я сам весь пропитан болью.

Его голос стал печальным, отяжелевшим от сбитого дыхания. Когда он обернулся к жене, выражение его лица вновь было строгим, мрачным.

— Я делал много ужасного в своей жизни. И продолжаю делать это. Я тоже мучаю людей, тех, кто не угодил моему отцу, — по мере того, как он говорил, Алекс приближался к Элисон, а она лишь с ужасом смотрела на него снизу вверх. — Я привожу сюда его должников, его врагов и просто тех, кто ему не нравится. Я умею делать так, что человек расскажет мне свои секреты или сделает то, что я захочу. Но перед этим он страдает вдоволь. Ты стоишь у стола, на котором истекали кровью такие люди. Где они теряли свои пальцы, уши, глаза...

— Нет, не может быть! — крикнула она, и слова её эхом раздались здесь. — Вы это всё выдумываете... Напугать меня хотите... А я не боюсь, ясно?!

— Почему тогда дрожишь и нетвёрдо стоишь на ногах? Я не лгу, малышка, я рассказываю тебе это, потому что больше нет смысла притворяться в чём-либо. Ты будешь знать обо мне всё, и я буду знать всё о тебе. Никаких секретов, никакой фальши. Мы будем лишь супругами, такими же, как и многие другие! Я хочу этого, и я буду возвращаться домой каждую ночь, а ты — ждать меня, и греть для меня постель, и любить так, как я захочу.

— Я ТЕБЯ НЕ ЛЮБЛЮ!

Она закричала так громко, что сам Алекс увидел слёзы в её глазах, и как побелели костяшки пальцев её маленьких рук, которыми она держалась за край железного стола.

— Но ты полюбишь...

— Это ещё почему?

— Потому что больше некому.

Он постарался вложить в тон своего голоса столько горечи и тоски, сколько мог, сколько чувствовал. Ибо знал: если сейчас не достучится до неё и не покажет, чего хочет на самом деле, то вряд ли ему удастся сделать это позже. А Элисон смотрела на него всё так же: с ненавистью и презрением. В карих глазах, мокрых от слёз, отражались блики пламени факела, будто они горели изнутри.

— И вы думаете, — начала она негромко и говорила спокойно, сдержано, — что я вдруг буду чувствовать к вам нечто большее, чем ненависть? Что вдруг полюблю искренне и всей душой? Нет, нет уж, этому не бывать...

— Перестань мне перечить! Я сумел смириться с твоим появлением в моей жизни, почему ты не можешь сделать этого?

— Я с вами никогда не смирюсь.

Алекс смотрел на неё и видел в карих глазах всё ту же злобу, то же презрение, что окончательно подвело его к черте. Но, как оказалось, его жене ещё было, что сказать:

— Я знаю про Маргарет, — произнесла она уверенно. — И что вы делали с ней в доме её отца.

— Ты видела?!

— Конечно! — Элисон упрямо ухмыльнулась, вздёрнув маленький носик. — Теперь, кажется, вы разрушили все мешавшие вам границы, да? Вот и шли бы вы к ней снова! И оставили бы меня и мою семью в покое!

Он и сам не понял, как случилось то, что случилось далее. Александр вплотную подошёл к Элисон, размахнулся и со всей силы ударил её правой рукой. Но пощёчина не заставила её успокоиться: девушка, приложив к горячей щеке ладонь, гневно взглянула на Алекса, затем вдруг отпихнула его от себя и со всех ног бросилась бежать обратно по коридору к выходу. Он слышал звуки её шагов, и как скрипнула тяжёлая дверь наверху.

Александр остался один в полутёмном помещении. Здесь пахло гарью, но он ещё мог уловить аромат вина, наверняка, которое Элисон случайно расплескала на платье, находясь в деревне. Он не пошёл за ней, не кинулся догонять, чтобы наказать. Сейчас он сам себя не ощущал, а перед его глазами всё ещё была она, с ненавистью глядящая на него. Маленькая, растрёпанная, но бесстрашная и уверенная в себе. И Алекс ещё долго простоял так, опираясь на стол, потеряв счёт времени и себя самого в пространстве.

Когда он, наконец, вернулся из подвала, старые часы в гостиной над камином показывали без четверти четыре утра, а из-за задёрнутых тяжёлых штор в комнаты еле-еле пробивались первые лучи восходящего солнца.

— Где ты был? — кинулась к нему беспокойная миссис Уоллес, спустившись со второго этажа. — Объясни мне, что происходит?

— В чём дело? — Алекс лениво потёр пальцами усталые глаза.

— Элисон нигде нет! Она пропала!

Идиотка! Какая же она идиотка! Элисон сама уже сотню раз прокляла себя за вспыльчивость, за то, что разозлилась лишь потому, что кто-то её ударил. Её били и не один раз. В детстве — брат, конечно же, не нарочно. Позже, в школе, строгие тётки-преподаватели. И тогда она убегала, но ведь не ночью и не в тёмный лес! Раньше она могла спокойно проглотить обиду, спрятаться у себя в комнате и терпеть, терпеть, пока злость и гнев исчезнут сами собой. А сейчас, став старше и познав больше человеческой жестокости, ей стало труднее сдерживаться.

Девушка, выбравшись из подвала, не могла думать ни о чём, кроме боли. Поэтому вместо того, чтобы остановиться и всё обдумать, она выбежала в ночь, оставив даже дверь открытой. Ночь встретила Элисон прохладным ветром, далёким воем собак и большой, яркой луной, сиявшей сквозь редкие деревья. Девушка бежала быстро, только тени деревьев мелькали перед ней. Она миновала стену, ворота, здесь бежать было легче — земля была ещё мягкой. Дальше дорога вела на холм, но Элисон, вовсе ненамеренно, свернула влево, в высокую траву. Она выше подняла юбки, чтобы было легче бежать; мелкие камни и сучья впивались в её босые ступни, но Элисон плевать хотела на физическую боль. Дальше и дальше уводило её желание спрятаться, остаться одной. Только ни слёз не было, ни значимости — лишь ненависть.

Она и не заметила, как луг сменился редким лесом, возможно, потому что луна вдруг скрылась за тучами. Когда где-то на востоке сверкнула молния, и послышались раскаты грома, Элисон остановилась. Она прислонилась к стволу невысокого дерева, дыша тяжело и медленно, и лишь тогда осознала, где оказалась. Стоило оглядеться: вокруг чернел лишь лес, поваленные наземь стволы, холодные и прогнившие, да высокие кусты, росшие так, словно нарочно не давали пройти путникам.

Простояв так в темноте недолго, Элисон решила, что самым лучшим было бы, конечно, вернуться, но, поглядев по сторонам, поняла, что натворила. Дорога пропала, а вокруг лишь тьма и тишь. Элисон выругалась, но и это не помогло — страх стал владеть ею. Всё сильнее она дрожала, и всё больше ей хотелось сесть на траву, спрятав лицо в ладонях, заплакать и больше никуда не идти. Пребывая в отчаянии, она бы так и сделала, но вдруг в почерневшем небе вновь сверкнула молния, и через пару секунд раздался новый раскат грома, более громкий, сильный, чем первый. Затем снова молния. Новая вспышка озарила всю округу, Элисон разглядела за это мгновение пугающие корявые деревья и голые ветки на них. Под звуки грома она закричала и бросилась бежать вперёд, держа руки перед собой, чтобы не наткнуться на дерево.

Кожа на ногах уже была исполосована острыми ветками и травой, но надо было бежать. Бежать вперёд, лишь бы не оставаться на одном месте, ведь это было хуже всего. Элисон устала, хоть и бежала недолго. Она не смотрела под ноги, поэтому, когда запнулась о торчащую из земли корягу и упала, даже не оглянулась. Поднялась и пошла дальше. Запахло дождём, первые капли уже упали ей на руки и лицо, когда девушка почувствовала, что мох под ногами сменился мокрым рыхлым песком. Тогда через несколько футов впереди она разглядела узкий берег и гладь тёмной воды. Над озером сверкнула молния и отразилась в воде. Небо словно раздвоилось, и вверху и внизу оно раскалывалось пополам и грохотало, и пугало.

Позади Элисон, в лесу, где-то совсем близко, вновь раздался вой на этот раз, глубокий, протяжный. Элисон обернулась, охваченная ужасом, когда вдруг со стороны озера послышался всплеск и короткое бульканье, словно кто-то или что-то выбирался на поверхность.

— Нет! НЕТ! — в ужасе закричала Элисон, осев на холодный песок и вытянув руки перед собой. — Я не хочу так умирать! Я не хочу!

В то же мгновение чьи-то горячие пальцы сжали её левую руку, и чужая тёплая ладонь накрыла её рот.

— Молчи. Это я, слышишь? — она узнала голос Александра, крепко прижавшего девушку к себе.

Элисон спешно закивала, и, когда муж отпустил её и развернул лицом к себе, она вцепилась в его мокрую рубашку и дрожащим голосом произнесла:

— Оно здесь! Я знаю! Я слышала! Там, под водой...

— Что здесь? О чём ты?

— Тот монстр! Из истории про утонувшего парня... Мне рассказывала София! Я слышала, клянусь!

— Какой ещё монстр? Здесь никого больше нет, — Алекс взял её руки в свои и чуть сжал её пальчики. — Я искал тебя. Я звал тебя. Ты не слышала?

Она отрицательно покачала головой, чувствуя, как её собственные слёзы смешиваются с каплями дождя. Он становился всё сильнее, и теперь были слышны лишь звуки капель, ударяющихся о озёрную гладь.

— Сейчас начнётся ливень, — сказал Александр, утерев лицо рукавом рубашки. — Идём, я знаю одно место неподалёку. Там мы переждём дождь.

Больше не сказав ни слова, он наклонился, обхватив Элисон под ягодицами, затем выпрямился, и девушка, обняв мужа за шею, оказалась лежащей на его плече. Алекс медленно прошёл по песчаному узкому берегу, осторожно обнимая Элисон, будто держал на руках ребёнка. Девушка тесно прижалась к нему, успокаиваясь, вдыхая аромат его волос и кожи. Она закрыла глаза, а открыла, когда Алекс осторожно опустил её на землю. Они стояли перед полуразрушенным низким деревянным сооружением, похожим на грубо сколоченный сарай.

— Что это? — спросила Элисон, обняв себя руками.

— Моё убежище. Я построил его, когда мне было двенадцать лет. Идём, ты совсем промокла.

Они вошли внутрь: Алекс пропустил жену вперёд, затем закрыл за собой дверцу, состоящую из трёх широких досок. Здесь жутко пахло сыростью, мокрым деревом и влажной землёй. Александр сел на пол, прислонившись спиной к запертой двери. И, раз здесь было слишком темно, Элисон опустилась рядом так, что теперь её плечо и его рука почти касались.

— Спасибо, что пришли за мной, — пробормотала девушка, поёжившись и натянув на ноги юбки платья. — И мне жаль, что из-за меня мы оказались здесь в такой ливень.

Алекс не отвечал, Элисон слышала лишь его размеренное дыхание и чувствовала тепло его тела рядом с собой. Послушав пару минут, как дождь барабанит по деревянной, почти прогнившей крыше, и вода стекает в дыры, девушка громко и тяжело вздохнула.

— Не нужно мне было упоминать Маргарет. Это ведь не моё дело. То есть... Я о том, что вы с ней делали той ночью.

— Да. Не стоило упоминать это. Я просто разозлился... В какой-то момент я подумал, что ты всё испортила, — произнёс Алекс строго.

— Возможно...

— Я не должен был бить тебя. Это крайность, за которую я не хотел переходить. Теперь ты знаешь мой секрет. Рассказав тебе всё, я надеялся, что ты мне доверишься. Но я поступил как трус.

На какое-то время вновь воцарилось молчание, сопровождаемое лишь стуком капель дождя о дерево.

— Я всё ещё не могу поверить в это. Почему вы это делаете для него?

— Потому что больше я ни на что не гожусь. Я и не хочу... Не хотел. За деньги делал то, к чему привык. Знаешь, когда ты ощущаешь слабости людей, видишь их насквозь, потому что когда-то испытал боль, лишения и плакал ночами в одиночестве, то это довольно легко — сломать грешника. Такого же, как ты сам. Или ещё хуже. Я много лет так жил. Затем вдруг мой папаша заявил, что скоро всё изменится, и я вспомнил про тебя. «Шеффилды, — твердил он снова и снова, — Шеффилды и их девчонка выведут нас». Куда конкретно ты должна была вывести меня, я не знал. Но вот появилась ты, вся такая... чистая, другая, словно из иного мира, которого я не знал. Из мира, где живы матери. Где отцы любят своих детей и отдают им всё. Где нет вечных побоев, голода и одиночества... Тогда-то я и понял.

— Поняли что?

— Что я, возможно, самый несчастный из всех грешников, тоже заслуживаю счастья.

Алекс нервно засмеялся, и Элисон плечом почувствовала, как он отодвинулся от неё.

— Появившись вновь со своим чёртовым братцем, ты сломала стену, по вершине которой я шёл несколько лет. Теперь же при свете дня я смотрю на тебя и удивляюсь, как такое вообще могло произойти со мной, — продолжал он, и голос его стал охрипшим. — Как можно было оторвать прекрасную розу от её истинного места, отделить от корней и бросить в прогнившие сорняки?

Он говорил, всё тише и тише, а Элисон казалось, будто из тёмного леса, миновав то ужасное озеро, она попала в ещё более жуткое место. Здесь тоже нет света, здесь пахнет гнилью, а ведь это могло бы быть прекрасное место! Но никто не ухаживал за ним, не присматривал, не согревал своим теплом, и оно прогнило до последней досочки. И есть ли вообще шанс, что сюда вновь пробьётся свет?

— Мне было одиннадцать. Как сейчас помню, — вновь услышала Элисон голос мужа в темноте. — Меня отлупили так, что я сидеть не мог неделю. Да что там... Я не поднимался с постели три дня. Тогда я разозлился в первый раз и поджёг библиотеку. О, да, я хотел, чтобы они увидели. Но не мечь маленького монстра, а крик отчаяния обычного ребёнка.

Послышалось короткое шуршание и глубокий мужской вздох. Элисон стёрла со щеки одинокую слезу и прошептала:

— Это всё так ужасно... Мне очень жаль.

— А ты не боишься, что я могу обманывать тебя? — насмешливо спросил Алекс.

— Тогда вы замечательный актёр! Но почему-то я вам охотно верю... Зная вашего отца...

— Ты не знаешь его. В этом можешь не сомневаться.

Холодный ветер завывал меж щелей деревянных досок, и казалось, будто под полом собирается ураган: снизу тоже чувствовался холод.

— Может, вам стоит уговорить отца оставить это место? Продать землю, уехать в

Лондон.

— Он не допустит, чтобы Джоэль покинул замок. Он ненавидит его, ведь мальчишка ему не нужен.

— Но вам он нужен, — растирая себя руками, Элисон повернулась к Алексу и чуть задрала голову, словно в этой тьме могла бы заглянуть ему в глаза. — Вы-то его любите, я знаю. Нельзя до конца своих дней считать, что вы находитесь в чьей-то власти. Это ненормально. Я могу ничего не понимать во взрослой жизни, я лишь говорю, как считаю нужным...

— Если бы ты только знала, как я сейчас смотрю на тебя.

Элисон вздрогнула и невольно сглотнула, так томно, мягко и страстно Александр произнёс последние слова. В ней вдруг проснулось желание узнать, как именно он смотрит. Таков ли этот взгляд, как тогда, в их первую ночь, когда он обожал её и поклонялся, будто королеве? Через пару секунд где-то над лесом сверкнула молния, и Элисон удалось поймать взгляд мужа на недолгие мгновения. И в этих зелёных, глубоких глазах она увидела благодарность и страсть, красоту и преданность, которой позавидовал бы любой пёс.

Из-за едва заметной щетины он уже казался старше своих тридцати. Тонкие, упрямые губы словно хранили такие слова, которые не позволил бы себе сын графа. И Элисон смотрела в темноту, зная, что эти губы сейчас совсем близко от неё.

— Готов поспорить, ты смущена.

— Тут и сп-порить не нужно, — Элисон улыбнулась и снова поёжилась от холода. — Мне пора перестать играть в г-глупую девочку.

— Ты совсем замёрзла. Иди ко мне.

Ей даже в голову не пришло увернуться или отодвинуться. Алекс протянул руки, и Элисон придвинулась ближе к нему, уместившись между его разведённых, согнутых ног и прижимаясь к его груди. Алекс обнимал её, нежно и осторожно водя широкими ладонями по влажной спине девушки, иногда касаясь подбородком макушки её головы.

— Вы пахнете очень приятно, — прошептала Элисон, и её голос больше не дрожал.

— Я рад, что больше не вызываю в тебе омерзения.

— С чего вы взяли...

— Слишком хорошо я успел тебя узнать. Тебе стало теплее?

— Да, стало. Хорошо, признаю, вы правы. Но что ещё такого вы знаете обо мне?

— Тебе нужны примеры? — Алекс тихо хмыкнул. — Что ж. Ты из тех молодых людей, которые ни за что не встали бы против прогресса, ты любишь всё новое, вдохновляющее. Но, между тем, ты не против вернуться к истокам. Стоит только вспомнить твой глупый побег в деревню. Больше того, ты добра, на удивление не испорчена высшим обществом, откуда никогда не снисходит твой отец. Наверное, это от того, что ты училась очень долго и ничего ещё не успела. И я рад этому. Я бы мог сам научить тебя.

Александр продолжил, крепче прижав к себе Элисон и поцеловав её в растрёпанные волосы.

— Что уж говорить о твоей внешности. Ты не похожа на этих зазнавшихся девиц из Лондона. Возможно, ты не самая красивая из женщин, каких я только видел в своей жизни. Но ты милостива... Ты очень привлекательная, на тебя всегда приятно смотреть... И мне безумно нравится та родинка под твоей правой лопаткой...

— А как вы... Ах, ну да, — Элисон вздохнула, нежась в объятиях мужа, и отчего-то решила, что ей тоже нужно что-нибудь сказать. — А у вас... Ну, вы, возможно, тоже не

самый красивый мужчина, но...

Алекс засмеялся, и в тишине, под звуки дождя, его громкий смех будто мог возродить жизнь, таким искренним и чистым он казался.

— Ты хотела сделать мне комплимент?

— Наверное. Я не очень хороша в красивых словах...

— Ничего. Ты не обязана отвечать мне. Хотя... я даже представить не могу, если ты больше не позволишь мне к тебе прикоснуться.

Элисон почувствовала себя неловко, вспомнив свою первую ночь в его постели, и вдруг порадовалась тому, что здесь темно, и Алекс не видит её покрасневших щёк.

— Если бы вы были более уступчивым, то я, возможно, ответила бы взаимностью...

— Уступчивым? — его пальцы коснулись её волос, чуть сжали, и Алекс немного оттянул голову жены, чтобы она смотрела только ему в лицо. — И чего же ты хочешь?

— Хочу встретиться с отцом. И братом... да, с ним тоже. Я хочу их увидеть. Обещайте мне, что я их скоро увижу.

— И тогда?

— Тогда я обещаю попытаться смириться с тем, что вы — мой муж.

— Какая требовательная девочка, — он наклонился, чтобы поцеловать Элисон, и, нежно коснувшись губами, осторожно провёл языком по её нижней губе. — Но раз ты просишь... Я не могу отказать. Я и не хочу отказывать. Здесь слишком темно. А ты уже слишком горячая.

Алекс тяжело выдохнул, затем встал на колени и, всё ещё обнимая жену, уложил её на спину, и сам лёг сверху, повыше задрал её уже порванные юбки.

— Вы не считаете... что это... дикость?

— Дикость...

Он произнёс это слово так, будто желал его распробовать, узнать, каково оно на вкус и есть ли в нём нечто содержательное и интересное.

— Что такое «дикость», малышка? — спросил он шёпотом, обдавая дыханием тонкую кожу на её шейке. — Когда безумное войско захватчиков прорывается через неприступную стену, чтобы завоевать и разграбить очередной город? Когда убийца вместо того, чтобы облегчить смерть своей жертве, нарочно не отпускает её душу и продолжает мучить? Когда мужчина, зная, что бесполезно добивается сердца женщины, в которую влюблён, снова и снова погружается в тот кошмарный пожар, разожжённый ими обоими?

Элисон выгнулась под ним, ей стало уже слишком жарко, и теперь она дрожала не от холода, а от желания побыстрее избавиться от пламени, вспыхнувшим внутри неё. Невыносимо было ощущать его близость и знать, чего он хочет, но не позволяет ни себе, ни ей достигнуть удовлетворения.

— И я прошёл через всё это. И захватывал города, и насиловал женщин, и убивал, и даже влюбился однажды...

Короткая вспышка и гром снаружи возвестили об окончании грозы, но Элисон уже было всё равно, насколько сильно она промокла, и лежит ли она на грязном полу, и испачкаются ли её волосы теперь.

— Я умер, не успев познать счастья в своей короткой жизни, — Александр запустил руку ей под платье, и Элисон застонала, запрокинув голову и закрыв глаза, когда он коснулся её. И она текла и текла, потому что ей было жарко и сладко, невыносимо от его горячих, длинных пальцев. — И, казалось бы, я должен остановиться. Тогда почему в тебе я вижу своё

спасение? И спасёшь ли ты...

— Я хочу, — выдохнула она, открыв глаза, — я хочу... Я попробую...

— Тогда не забудь своего обещания. И я своего не забуду.

Она слышала лишь его прерывистое дыхание, чувствовала, что он хочет её, поэтому так торопится стянуть с себя штаны, путаясь и в её разорванных юбках тоже... Оголяет её грудь, с остервенением вытягивая из дырочек платья шнурки, целует её снова и снова, трётся щекой о её кожу, громко вдыхает её аромат и что-то шепчет, но Элисон не слышит...

— Я помню, как впервые тебя поцеловал. Как же я счастлив, что был первым! И как же я рад, что дождался... О, Боже, я так хочу тебя...

Когда ненавистная одежда больше не мешала, он почти засмеялся, то отстраняясь, то вновь терзая её губы своими. Алекс требовал, умолял её сдаться, касаясь её кожи, целуя и водя по ней языком, будто обезумевший. Элисон обнимала и прижимала его к себе всё крепче, обхватив его талию ногами, давая то, чего он хотел. И он взял её. Сначала быстро, резко и часто проникая в неё, слушая, как Элисон кричит и стонет от наслаждения. Он сам закричал, оказавшись на вершине блаженства, и его дикий крик слился с отзвуками грома.

Алекс оставался в ней, пока Элисон не перестала дрожать, пока её дыхание не восстановилось, и пока она не обмякла в его объятиях, расслабившись.

— Надо же... — хрипло проговорил Александр и засмеялся. — Как крепок теперь будет наш договор!

— Миледи, о, вы вернулись! Наконец-то! Боже мой, что с вами? Александр... Почему вы оба такие...

— Анна, замолчите хоть на секунду! — Алекс вошёл в гостиную вслед за супругой, тут же снял грязную рубашку и бросил её на кресло. — Нагрей нам воду для ванны... Нет, пожалуйста, только для неё, — он кивнул Элисон, улыбнулся и лукаво ей подмигнул. — Если станем принимать ванну вместе, это может надолго затянуться, а я уже должен ехать в город.

Элисон смущённо взглянула на экономку, но той, видно, было всё равно до намёков хозяина, и женщина спешно покинула гостиную.

— Не знаю, как описать то, что произошло сегодня, — Александр шагнул к Элисон, взял её руки в свои и, поднёся её пальчики к губам, нежно поцеловал. — Одно только понимаю. Это было незабываемо. Но больше никогда впредь не убегай от меня вот так, договорились?

— Да, договорились.

— Спрашивай у меня или миссис Уоллес разрешения, если захочешь взять Джоэля куда-нибудь.

— Конечно.

— Мы поговорим снова, когда я вернусь. Сейчас иди и отдыхай.

Элисон кивнула и еле выдавила из себя улыбку. Александр отпустил её руки и, уверенно пройдя через гостиную, взбежал по ступенькам на второй этаж.

***

Она нежится в широкой, комнатной ванне. Вода достаточно тёплая, не горячая, чтобы не раздражать кожу. В спальне тёмно, шторы задёрнуты, и по стенам скачут лишь тени, отбрасываемые свечами вокруг ванны. Здесь пахнет тимьяном и шалфеем. Элисон блаженно вздыхает, вытягивается в ванне, держась руками за скользкие края. Внезапно тишину нарушает звук чьих-то тяжёлых шагов. Этот кто-то за стеной, в коридоре, теперь тихо

приоткрывает дверь. Элисон поворачивает голову, и влажные пряди длинных волос липнут к её щекам и шее. Девушка видит, как её муж медленно подходит к ней. Выражение его лица строгое, почти суровое, а в зелёных глазах отражается пламя свечей. Светлые, чуть вьющиеся волосы кажутся рыжими в этой полутьме. Его губы чуть приоткрыты, Элисон смотрит Алексу в лицо, ей становится тяжело дышать. Он вдруг медленно опускается на одно колено рядом с ванной, не отрываясь, смотрит Элисон в глаза, и взгляд этот до сих пор строгий, осуждающий. Девушка садится, выпрямляя ноги; вода стекает по её плечам на груди, к животу. Она хочет что-то сказать, но прежде чем слова срываются с её губ, Александр тихо и коротко шикает, затем протягивает руку и опускает её в воду.

Элисон резко открыла глаза, села прямо. Она всё ещё крепко держалась за края ванны и тяжело дышала. Зато вода уже давно остыла, а в самой спальне было довольно прохладно из-за открытого окна. Ощущались вечерняя свежесть и дуновение ветра с ближайших полей. Элисон поёжилась, поняв, что попросту заснула в ванне, и кто знает, сколько бы она так пролежала, продолжись этот странный сон. Девушка тут же мотнула головой, желая отогнать подобную мысль. С чего бы ей снилось такое? То, что случилось в лесу, теперь смутно помнилось ей, но когда в памяти всплывала очередная откровенная картинка с нею и Алексом, ей решительно хотелось это забыть.

Припомнив, что супруг обещал ей устроить встречу с родными, Элисон почти подскочила с места, чуть не расплескав всю воду. Наспех накинув на себя тонкий халат, лежавший на полу рядом, она выжала воду из своих длинных волос и, дрожа всем телом, вышла из комнаты.

В поздний час коридор был пуст и тёмн. Из-под двери соседней комнаты сюда пробивался свет, ложась жёлтой дорожкой на старом ковре. Элисон в пару шагов достигла прикрытой двери спальни мужа, прислушалась и, ничего не расслышав, тихонько открыла дверь.

Александр сидел, чуть сгорбившись, за своим огромным письменным столом и, склонившись над кучей каких-то бумаг, что-то старательно выводил чернилами на листках. Спальню освещала лишь подтаявшая свеча, стоявшая перед Алексом на столе, и на какое-то мгновение мужчина показался Элисон невероятно одиноким в этом единственном круге света посреди крошечной темноты. Тяжело вздохнув, девушка подошла ближе, тогда Алекс и заметил её. Поднял голову, и его зелёные глаза встретились с её беспокойным взглядом.

— А, это ты, — лишь пробормотал он, вновь склонившись над своей работой. — Я думал, ты уже спишь.

— Я не могла заснуть, — растеряно ответила Элисон, удивившись его холодному тону. Она-то думала, что он встретит её совершенно в другом настроении.

— Ты что-то хотела? — спросил Алекс совершенно равнодушно, и Элисон показалось, что ему жутко хочется поскорее выставить её из своей комнаты. Но она всё же решила довести дело до конца, ведь сама уже начинала мёрзнуть, стоя босиком на холодном полу.

— Я пришла поинтересоваться, когда я смогу увидеться со своим отцом.

— А кто сказал, что ты должна увидеться с ним?

— Но как же... там, в лесу... Вы же обещали, что...

— Я не обещал ничего такого, — сказал Алекс раздражённо.

— Но я ведь вас просила! — она сделала шаг к столу, прижимая дрожащие руки к груди. — Я просила, и вы ответили, что не можете отказать!

Алекс откинулся на спинку скрипучего стула и закатил глаза с таким раздражением и

надменностью, что до Элисон, наконец, дошёл смысл всей ситуации. Она нервно хмыкнула, уперев руки в бока и почувствовав себя уверенней из-за нараставшей в ней злости.

— Ах, вот как! Что ж, я всё прекрасно поняла!

— И что же ты поняла? — насмешливо спросил он, всё ещё глядя куда-то в темноту комнаты.

— Абсолютно всё! Вы — гадкий обманщик, а я — настоящая дура, раз повелась на такую трогательную историю и лишь по вашему хотению и своей глупости запросто взяла и раздвинула ноги как какая-то... какая-то...

— Ну, давай. Как кто?

Он взглянул на неё, и смотрел, и смотрел прямо ей в глаза, не двигаясь. Его лицо будто стало непроницаемой маской. Губы были сжаты в тонкую линию, а ставшие прозрачными из-за пламени свечи глаза глядели упрямо, безжалостно.

— Ну так что? Ты молчишь? Прекрасно. Никаких встреч в ближайшее время. Надеюсь ты меня поняла.

— Но я...

— Не обсуждается! — рявкнул он так, что огонёк свечи ненадолго задрожал в безумном танце. — Без моего позволения ты не выходишь отсюда и ни с кем не встречаешься. На этом всё.

Элисон всё ещё стояла перед его столом и гневно смотрела на мужа, словно провинившийся перед суровым судьёй. Только сжимала пальцы в кулаки да пыталась сдерживать предательский плач.

— Что-то ещё? — спросил Алекс, чуть наклонившись вперёд. — Может быть, ты хочешь остаться?

Он действительно хотел, чтобы она осталась с ним этой ночью, но ничем не выдал своего желания, потому что уже понял, что и как сказал. Элисон посмотрела на него испепеляющим взглядом, но промолчала. Затем развернулась и твёрдым шагом направилась к двери, которую затем захлопнула за собой. Алекс вдруг на какие-то несколько мгновений испугался, что она убежит. Но он чётко расслышал её решительные, медленные шаги в коридоре, и как Элисон с силой захлопнула дверь соседней комнаты.

Мужчина тяжело вздохнул, когда через минуту в его спальню почти бесшумно зашла экономка, ещё не переодетая ко сну. Она поставила ему на стол между разложенных в беспорядке документов кружку с горячим чаем и, скрестив руки на груди, серьёзно произнесла:

— Вы снова поругались с хозяйкой?

— С чего вы это взяли, миссис Уоллес? — практически безразлично произнёс Алекс.

— Просто я слышала, как она чуть не снесла с петель дверь своей комнаты. А замок и так разваливается на глазах. Кстати, хорошо, что ваша жена догадалась переселить Джоэля в другую комнату, в этом крыле. Ибо на той стороне вновь завелись крысы! Я просто не знаю, что делать!

— И у меня нет никаких идей.

— Что вы там бормочете? Вы мужчина, в конце концов, или кто? Самым лучшим было бы переехать в город. Или, в крайнем случае, куда-нибудь в район Гемпшира.

— У нас нет денег на новый дом. Даже снять апартаменты не можем, иначе что нам делать с больным парнем, и...

— Одни отговорки у вас, Александр, право слово! — женщина тяжело вздохнула. — У

меня такое ощущение, что здесь вы никогда не разберётесь со своими делами. И с Элисон тоже. Она не может всё время сидеть тут, как птица в клетке! Она ведь молодая, красивая девушка, ей нужно общение! А что она имеет в конце концов? Но, всё же, что-то мне подсказывает, что вы хотели бы с ней сблизиться. Ещё утром вы буквально светились от счастья, — Анна хмыкнула и недовольно посмотрела на сидящего за столом мужчину. — Несмотря на то, что Бог знает, где вас обоих носило всю ночь. Но я рада, что с девочкой ничего плохого не случилось. А теперь? Вы вновь хотите оттолкнуть её?

Алекс молчал, угрюмо глядя в одну точку, и экономка не могла понять, о чём он думал в тот момент. Внемлил ли он её словам или же опять пропускал их мимо ушей? Настроение, несомненно, у неё тут же испортилось.

— Вы как хотите, милорд, а я, как-никак, давно вас знаю. Значит, смею предлагать какие-то идеи. Вот я и советую вам пересмотреть своё отношение к вашей супруге, пока не стало совсем поздно. Если вы не хотите её потерять, меняйтесь! Такие женщины рождаются не каждые сто лет — спросите у кого угодно...

— Да-а-а-а, — Алекс приглушённо хмыкнул. — Хоть у Кэллиса. Не придётся далеко идти.

Миссис Уоллес не поняла его мыслей; женщина, промолчав, надменно вскинула брови и уже намеревалась поскорее покинуть спальню, когда остановилась у дверей, услышав чуть хриплый, спокойный голос Александра:

— Я целый день искал того ублюдка из деревни, который изнасиловал и убил Софию. Так и не нашёл. Зато мы узнали, что подобное случилось ещё с пятью женщинами в Эймсбери и Уинчестере. Он не один, — Алекс выпрямился, сложив руки перед собой, и зло посмотрел куда-то вглубь комнаты так, что у Анны задрожали руки. — Если он не один, его ещё труднее будет поймать. Я приказал, чтобы за нашей деревней тоже следили. Поэтому Элисон и Джоэлю нельзя никуда отлучаться. Мы с ней поругались, потому что я заставляю её остаться...

— Нужно было всё рассказать ей! — встревожено воскликнула Анна. — Она бы поняла...

— Я не хочу, чтобы она боялась или сделала какую-нибудь глупость вроде помощи деревенским, — он грустно улыбнулся. — Лучше пусть сидит дома и ненавидит меня, но зато с ней ничего не случится. Завтра утром приедут двое моих людей, они будут присматривать за вами.

— Вы ведь не оставите нас?

— Я должен продолжать поиски. Надеюсь, на этот раз найду убийцу. А возможно даже его союзников. И ещё... — Алекс стал задумчиво водить указательным пальцем по бумагам на столе. — Начинаются бунты, в городах неспокойно. Везде — от Бристоля до Манчестера — гражданские митингуют, полиция перестаёт сдерживаться. Британские власти превращаются в палачей. Да тут ещё новости о больном Георге! — мужчина устало потянулся, навалившись на стол, и спрятал лицо в ладонях. — Говорят, что он может не пережить следующий год... А как нам всё это пережить?

После этих слов он склонился над столом и положил голову на сложенные руки. Анна хотела было вернуться к нему, но что-то удержало её от этого. Только при тусклом пламени свечи она вдруг увидела не тридцатилетнего мужчину, а уставшего молодого парня, которому просто требовался покой. Анна вздохнула и покинула его комнату, закрыв за собой дверь, мысленно желая воспитаннику спокойной ночи. Пусть хоть выспится наконец.

...Покинешь ли меня?

Тебе я сердце дал

Не для того, чтоб шквал

Скорбей его терзал.

Покинешь ли меня?

Скажи: «Нет! Нет!»

Покинешь ли меня?

Ужель к моей судьбе

Нет жалости в тебе?

Жестока ты к мольбе!

Покинешь ли меня?

Скажи: «Нет! Нет!»

Девушка с отчаянием вздохнула, захлопнув тонкий сборник сонетов Томаса Уайетта, и вновь принялась вглядываться в пейзаж за окном, на широком подоконнике которого сидела. Честно говоря, ничего примечательного там и не было: это большое окно гостиной выходило как раз на внутренний двор, и смотреть приходилось разве что на высохшую землю, сложенные невысокой горкой дрова да серую крепостную стену.

Всё утро Элисон пыталась обдумать своё положение, понять, наконец, какие на самом деле чувства ею владеют, но так толком ничего надумать и не сумела. Она всё ещё злилась на Алекса за его грубость. Злилась также и на себя: не стоило глупить и бросаться к нему в объятия после того, что она узнала. Хотя это вовсе не должно было её касаться. Мало ли чем занимается её муж, да и что ей до его склонностей к насилию?

Элисон инстинктивно приложила ладонь к левой щеке, словно та ещё горела от жестокой пощёчины. Девушка закрыла глаза, откинувшись назад и касаясь спиной стены, и сделала глубокий вдох. Она понимала теперь, что никто просто так не даст ей развода. К тому же возможно, если она не родит Александру ребёнка, свёкор вновь объявится здесь и начнёт предъявлять свои претензии и всевозможные права. Тогда жизнь в замке и вовсе станет невыносимой. Так что самым лучшим было бы убежать туда, где её никто не знает. Взять немного денег и быстренько уехать.

Она вновь открыла глаза, села на подоконнике поудобней и обернулась, чтобы оглядеть гостиную. Здесь уже не было совсем уныло и грустно. Шторы на всех окнах были раздвинуты, и яркие лучи солнца свободно могли проникать сюда... Элисон не представляла себе, как можно будет сбежать одной. Позвать на помощь Уильяма Кэллиса? О нём не было слышно уже несколько дней. Если бы он и согласился ей помочь, кто знает, чего бы потребовал взамен... Но как яростно тогда Алекс приказал больше не связываться с ним. То ли он действительно ревновал её, то ли так сильно не хотел потерять друга. Может быть, об этом она когда-нибудь узнает.

К тому же, её мысли опять и опять возвращались к Джоэлю.

Девушка мельком взглянула на главную лестницу. Вот он там, наверху, в своей комнате, спит или водит пальцами по рельефным страницам книг, пытаясь их прочесть. А ведь на юге, в Брайтон и Хоув, много чудесных, профессиональных докторов. Может быть, ему ещё возможно было помочь?

— Ну не могу я его оставить. И что он обо мне подумает? — вслух и серьёзно произнесла девушка, раскрыв книгу на странице с портретом Уайетта. — Да и глупо было бы бежать опять. Они меня не отпустят. Тогда нужно продолжать жить и бороться! Ну, хоть

каким-нибудь способом. Надо заставить Ривзов слушать и меня тоже!

Элисон вдруг вспомнила, как разоткровенничался Александр три дня назад, в лесу. И не только он один. Сейчас она понимала, что чем ближе подпускала мужчину к себе, тем покорнее он становился. Элисон также припомнила книгу одной неизвестной писательницы, которую прочла не так давно. Дамочка-автор явно была активисткой своего времени, яростно защищая права женщин и утверждая, что «вся власть так и не иначе принадлежит нам! Мужчины либо глупы, либо слишком горды, чтобы это понять. В конце концов, ни один из них не может устоять перед женщиной, стоит той лишь улыбнуться». Читая подобное, Элисон и сама улыбалась. Она-то верила, что все люди равны, независимо от пола. А теперь в её головке возникла мысль о том, сможет ли она вот так управлять мужчиной.

— А вы как думаете? — с улыбкой поинтересовалась она у пожелтевшего портрета Томаса Уайетта. — Вы-то обожали женщин, хм? У других наверняка такое проходит, у них-то получается, а я смогу? Ах, да что вы знаете... Вы вообще уже давно умерли.

Она отложила книгу как раз, когда главная дверь отворилась, и в гостиную вошли двое мужчин. Элисон вспомнила, что это с ними Александр приехал за ней в деревню в то злосчастное утро, а сегодня уже несколько часов крутились вокруг замка. Не обращая внимания на девушку, сидевшую на окне, они прошли по коридору в кухню, держа в руках мешки с чем-то довольно тяжёлым. За ними быстро, пусть и прихрамывая, шёл Жан. Старик что-то бубнил себе под нос, пребывая, как обычно, в не лучшем расположении духа, и то и дело тряс тонким указательным пальцем перед собой. Мол, только вы уроните здесь что-нибудь, болваны!

Элисон грустно улыбнулась и уже подумала было уйти, но, заметив вошедшего в гостиную мужа, замешкалась, так и оставшись на подоконнике, отвернулась и стала делать вид, будто разглядывает что-то за окном. Александр подошёл прямо к ней и, видимо поначалу не решаясь, присел рядом, стараясь не касаться её.

— Прелестное утро сегодня, не находишь? — спросил он так, словно впервые заговорил с ней: тихо и нежно, даже как-то осторожно.

Девушка продолжала молча смотреть в окно, перебирая в пальцах край своей юбки.

— Ты ничего не ответишь мне? Даже не взглянешь на меня?

Ей вовсе необязательно было смотреть на него, чтобы понять: он улыбался. И всё же, сделав над собой усилие, девушка медленно повернула голову в его сторону. Алекс выглядел на удивление собранным, в каком-то смысле и элегантным. Чистое, загорелое лицо будто сияло: в красивых зелёных глазах читалась какая-то простая, детская радость, а улыбка, несомненно, была искренней, такой притягательно-живой, что Элисон невольно залюбовалась. Сама же на мгновение подумала, как бы ей самой перестать поддаваться его, пусть и редкому, очарованию.

Несмотря на довольно жаркое утро, Александр был одет в куртку из тёмной кожи, выцветшие, чуть мешковатые брюки и высокие сапоги для верховой езды. Сапоги... Элисон в ту же секунду готова была поклясться, что он купил их совсем недавно, обувь просто сияла этой новизной.

— Что это вас так развеселило? — спросила Элисон, наконец, расслабившись и взглянув мужу в глаза.

— Мне нравится, когда так ярко светит солнце с утра. Настроение просто чудесное. А, Уайетт! — мужчина взял в руки книжку и, пролистав несколько страниц, спокойно и

размеренно прочёл:

— Мадам, я должен знать ответ,
Нет больше сил бродить во мгле.
Скажите прямо: «да» иль «нет»,
Оставьте ваши сильвупле.

Вам проще «нет» разок мигнуть,
Махнуть рукой туда-сюда.

Так дайте знак какой-нибудь,
Чтоб мне понять: «нет» или «да»...

— Здесь достаточно сонетов, но вы выбрали именно этот, — сказала Элисон, перебив супруга, затем чуть прищурилась. — А почему?

— О, не обольщайся, это вышло случайно.

— Никогда в это не поверю. Я вообще вам теперь вряд ли поверю...

— Хорошо, хорошо! Ты права, — Алекс отложил книгу и, не переставая улыбаться, примирительно вскинул руки. — Во всём права! Моя мать обожала Уайетта. Считала, что он очень разносторонний как поэт... И я знаю эти строчки. И сейчас прочёл их специально. Ведь от твоих решений тоже многое зависит. И я всё ещё жду твоего ответа...

— Насколько я поняла вчера вечером, все решения здесь принимаете вы. В голову не возьму, что от меня может зависеть в таком случае.

— Ты хочешь, чтобы я извинился? — посерьёзнев, он решительно придвинулся к ней, и их лица теперь разделяли несколько дюймов.

Он смотрел на Элисон, будто вновь изучая её лицо, словно этим пристальным взглядом забирался ей под кожу. От него пахло лугом, самой природой и свежим ветром, хотя девушка ощущала, что кожа его горит, и ему становится не менее жарко, чем ей сейчас.

— Хочешь, чтобы я умолял тебя о благосклонности? — продолжал он шептать слегка охрипшим голосом, от которого у Элисон мурашки бежали по коже. — Чтобы признал твою победу надо мной лишь потому, что меня неумолимо тянет к тебе? Знаешь, милая, для такого как я, это очень трудно сделать. Но так и быть. Я прошу у тебя прощения. За всю грубость и пререкания. А особенно за то, что ударил тебя. На ту, другую сторону своей жизни я никогда не пускал женщин, которых хоть немного ценю. А ты... тебя я не просто ценю...

Он замолчал, вдруг повернув голову в сторону, и солнечный свет, лившийся из окна, озарил его лицо и чуть взлохмаченные волосы, казавшиеся теперь золотыми. А когда он вновь посмотрел на застывшую в изумлении жену, она увидела, что от его былой радости не осталось и следа. Улыбка исчезла с лица, и Алекс был серьёзен, как и прошлым вечером. Элисон вдруг подумала, что именно так он гораздо более красив, чем когда улыбается.

«Нет, он невозможен, — решила она. — Но может ли хоть один мужчина быть настолько красив? Почему-то, мне так не кажется».

— Как только я подумаю, что Кэллис трогал тебя... — Александр презрительно сморщил нос. — Когда я прочёл то письмо, присланное тебе, мне хотелось порвать его на куски. Кэллиса, конечно. Да, в какой-то мере я сам виноват. Он решил, что наши с тобой размолвки дают ему какое-то право на тебя, но он ошибся.

— Это была и моя вина тоже. Я ни о чём таком не думала, правда. Просто, кажется, я злилась. И мне было одиноко.

— Не надо оправдываться...

— И я подумала, что плохо повлияю на вашу дружбу, а это ведь хуже, — Элисон закусил нижнюю губу. — Так вы с мистером Кэллисом всё ещё друзья, правда?

— Да, конечно же. Друзья.

Он сказал это вынужденно, и Элисон всё прекрасно поняла. Но она не собиралась просто так сдаваться, тем более чувствовать себя виноватой, и вообще быть таковой.

— Знаете, не стоит прерывать такую дружбу только потому, что мистер Кэллис любит женщин. Он, эм-м-м, такой же, как все.

— Как все, говоришь?

— Да, по-моему, как все мужчины.

Александр как-то странно посмотрел на неё, но промолчал, видимо, не желая больше возвращаться к этой теме. Элисон прокашлялась в кулак и, наконец, решила вновь спросить:

— Так когда же я смогу поговорить с отцом?

— К сожалению, пока я не могу предоставить тебе такую возможность. И это не обсуждается.

— Но хотя бы письмо можно ему отправить?

— Нет, Элисон, и это ни к чему, — ответил Алекс, вздохнув. — Вы скоро увидите, я обещаю. Я лишь прошу тебя подождать.

— Как скажете.

Ему не понравилось то, как она это сказала. Резко, грубо, с отчаянием. Алекс не разозлился, он мог её понять. И он тут же осознал, что должен заставить её забыть на какое-то время об отце.

— Сейчас я еду в деревню. И хочу, чтобы ты поехала со мной. Всего лишь безобидная, недолгая прогулка. Я не настаиваю, ты можешь остаться здесь вместе с моими людьми. Они присмотрят за тобой и замком...

— Нет, я поеду! — перебила его девушка. — Наверное, это лучше, чем сидеть в четырёх стенах, не имея возможности куда-либо пойти.

— Вот умница, — он коротко улыбнулся, затем было потянулся рукой к руке Элисон, но передумал, поднялся и, сказав жене переодеться и выйти на улицу, покинул гостиную.

Вернувшись в спальню, Элисон обнаружила на постели довольно большую коробку, в которой оказались два совсем новые платья. Одно длинное, пышное и тяжёлое, из шёлка жемчужного цвета, с низкими плечиками, неглубоким вырезом и широким поясом, украшенным таким же жемчужным цветком из кружев. Другое — намного более простое — сшитое из тонкой, переливающейся на свету ткани голубого цвета, с узким пояском, завязывающемся под грудью, короткими рукавами-клинами и глубоким вырезом на груди.

Элисон дрожащими от волнения и восторга пальцами трогала эту великолепную ткань, вдыхала её запах, будто эти платья только что были сшиты и отданы ей. Она вовсе не ожидала подарка и позволила себе предположить, что это её муж так расщедрился. Мог бы он что-то задумать, и был ли этот подарок началом чего-то нового?

Любовно, аккуратно сложив платья обратно в коробку, Элисон переоделась, но не в свою старую амазонку, а надела только белую рубашку, заправив её в узкие бриджи, и свои старые сапоги. Длинные волосы она причесала и сама наскоро заплела их в косу. Александр, увидев жену через несколько минут во дворе, не сдержал довольной улыбки. Его глаза заблестели, взгляд стал радостным, даже мечтательным, пусть всего на несколько мгновений.

— Любишь по-мужски сидеть в седле?

— А вы? — с улыбкой отпарировала Элисон, подходя к мужу.

— Touch! Не обижайся, — сказал Алекс, и они вместе направились к конюшне. — Я, если хочешь знать, восхищаюсь твоим желанием быть современной женщиной. На такое не каждая решается. И потом, здесь никто не станет тыкать в тебя пальцем и говорить, что ты не леди. Я ведь знаю обратное.

Элисон приняла его слова за комплимент и промолчала, снисходительно хмыкнув. Через пять минут супруги ехали верхом уже за стенами замка, а один из подчинённых Алекса, сорокадвухлетний огромный ирландец, ехал за ними. Элисон всё пыталась понять, зачем им нужна такая охрана. Затем вдруг вспомнила про убийство на празднике, и несчастную Софию, лежащую на соломе, всю в крови... Они ехали туда, где это случилось, и девушка решила, что сегодня обязательно узнает всё, что от неё скрывает муж.

Они проехали по довольно широкой дороге, вытопанной лошадьми и выровненной колёсами телег, проезжавших здесь каждый день, до её самого конца, туда, где начинались узкие улочки деревни. Александр пустил лошадь шагом, и его спутники последовали его примеру, когда въехали сюда. Какое-то время они медленно двигались по улочкам, через пару хлипких деревянных мостиков над спокойными ручьями, протекающими в низине между зелёным лугом. Элисон с интересом вглядывалась в каменные постройки с узкими окошками, серыми крышами и трубами из красного кирпича.

Девушка поняла, что ничего толком не разглядела здесь ночью, а теперь, когда солнце начинало припекать, она увидела одно из тех примечательных мест Англии, где деревенская жизнь, что называется, текла рекой. Нет, она действительно бурлила в домах за каменными невысокими заборами, покрытыми мхом. И на работающих мельницах у прудов с утками, и в церкви с башенкой и пикой, стремящейся в небеса, построенной так давно, что никто уже и не вспомнит, когда заложили первый камень. И всё здесь сияло под солнцем, освещающим хижину, реку и её ручьи, зелёную, ровную траву и множество самых разнообразных цветов.

Александр остановил коня у забора невысокого домика, сплошь покрытого вьюном и зелёной. Ирландцу он приказал оставаться поблизости, следить за округой, и чтобы никто не приближался к этому дому. Помогая Элисон спуститься с лошади, Алекс чуть сильнее обнял её за талию и чуть дольше не выпускал из объятий.

— К кому мы приехали? — спросила девушка, чувствуя, как краснеет.

— Это мои старые друзья, — ответил мужчина, мягко улыбаясь. — Очень хорошие люди, я хочу, чтобы ты с ними познакомилась и узнала, к кому можно обратиться в случае... Ну, не важно.

В последующие несколько часов Элисон иногда припоминала эти слова, пытаясь понять, какой случай должен заставить её обратиться к чужим людям.

В этом доме довольно скромно жила пожилая пара; муж и жена, как оказалось, более десяти лет знают Александра. Миссис Остин — бойкая женщина, которую никак нельзя было назвать старушкой — пришла в настоящий восторг, увидев своего «le fils prfr» с молодой женой, пришедших в гости. Элисон с радостью отметила, что в доме Остинов царил практически идеальная чистота. Здесь пахло хлебом и деревом. Элисон в который раз поймала себя на мысли, что именно такая жизнь становится для неё более привлекательной, и даже её любимый Лондон теперь казался ей чем-то необъятным, огромным по сравнению с деревней.

— У вас здесь очень мило, миссис Остин, — любезно прокомментировала Элисон домашнюю обстановку. — Даже гораздо приятней, чем у нас в замке.

— Всё потому что у Артура золотые руки, — звонким голосом отвечала ей хозяйка. — Из дерева он вам сделает всё, что пожелаете. Знаете, миледи, все эти стулья и стол, и пол, и потолок, и кресла — всё создано им.

— Вам очень повезло с таким мужем!

— Спасибо, миледи, — женщина налила ещё молока в огромную кружку, стоявшую перед Элисон на столе. — Ох, вы и не представляете, как повезловам!

В последующие долгие минуты Элисон пришлось слушать довольно длинный рассказ о том, как Александр усердно помогал семье Остинов, когда они потеряли двух сыновей; как

он уговаривал отца после пожара вновь отстроить часть деревни, и как сам работал вместе с простыми крестьянами. Сама же миссис Остин относилась к нему, как к родному сыну, и описывала Алекса исключительно как «нежного, молчаливого и преданного своим принципам парня».

— Поэтому вы зовёте его «любимым сыном»? — переспросила Элисон, отвернувшись к окошку, за которым во дворе её муж беседовал о чём-то со стариком Артуром.

— Больше у нас нет никого, — произнесла женщина со вздохом. — Мы с мужем безумно обрадовались, узнав, что Александр женился. Да ещё и на красавице! Сколько вам лет, дорогая?

— Восемнадцать...

— Вы совсем ещё молодая, так может быть, хоть вы встряхнёте его. Иногда мне кажется, что он стареет с каждым годом, хотя внешне и не меняется. Он ведь такой красавец! Ему нужно, чтобы кто-то всегда был рядом и напоминал ему о радостях жизни...

Но Элисон уже почти не слушала её. Она вдруг увидела за окном весьма интересную и тревожную картину: к Александру подбежала какая-то девчонка, лет, эдак, пятнадцати-шестнадцати, одетая в короткое платье с белым передником. Её длинные волосы были настолько рыжими и блестящими, что, казалось, выпусти девочку на солнце, взгляни на неё, и она тебя ослепит.

Итак, она подбежала к Алексу, радостно выкрикнув его имя, буквально бросилась к нему, обняв его шею руками и звонко поцеловав в щёку. Мужчина только смущённо улыбался, но, судя по всему, тоже был рад этой встрече. А Элисон так и осталась с раскрытым от удивления ртом и единственной мыслью о том, что это за девица такая.

— О, не волнуйтесь, миледи, — миссис Остин махнула жилистой рукой и села за стол напротив девушки. — Это Бриттани О'Нил, младшая дочка наших соседей. Ей всего пятнадцать, и она воображает, что Александр в неё влюблён. И ничего удивительного! Он бывает здесь так часто, как только может, красивый и обходительный взрослый мужчина, так что наши мальчишки по сравнению с ним просто сосунки. Не в обиду нашим местным парням!

— А давно они друг друга знают?

— Пару лет, я полагаю. Да вы не берите в голову, дорогая. Бриттани ещё совсем ребёнок, и Александр никогда не потакал её порывам, она ему как сестрёнка...

«А повисла на нём не как ребёнок, — подумала Элисон мрачно. — Она разве не знает, что он женат? Не видит кольца? Совсем не соблюдает никакого приличия!»

— Мне нет дела до того, с кем он встречается и дружит, миссис Остин, — девушка упрямо отвернулась от окна как раз в тот момент, когда Алекс обратил на них внимание.

— Хотите сказать, это вас ничуть не задевает? — заговорчески произнесла женщина.

— Нет, вовсе нет. Не моё дело.

— И вы не ревнуете его?

— Что?! — девушка чуть не подскочила на стуле. — Я? Ревную? Простите меня, но это смешно, право слово. Нет, не ревную. Ха! Тоже мне...

— Ай-яй, дорогая, — хозяйка цокнула языком и вздохнула, когда Элисон тайком посмотрела на неё. — Минуту назад я видела перед собой взгляд настоящей хищницы, у которой крадут добычу. Такое ни с чем не спутаешь, поверьте.

— Чтобы ревновать мужчину, нужно прежде всего любить его, а я не уверена, что люблю Александра.

— О, чтобы ревновать, любовь не так уж и обязательна, — женщина многозначительно погрозила указательным пальцем, — но я ни за что не поверю, что вы ничего к нему не чувствуете.

— Всё это очень сложно, особенно сейчас. Я не знаю... Не понимаю пока.

— Ничего, ещё всё поймёте, у вас всё впереди! Зато я видела, как он смотрит на вас. Глаза загораются, как у влюблённого мальчишки, и он словно молодеет! Да, возможно, с ним бывает тяжело, но поверьте мне, — миссис Остин посмотрела ей прямо в глаза. — Если вы впустите его в своё сердце и позволите вас любить, он до конца своих дней будет предан вам.

— И вы считаете, что он влюблён в меня?

— Да, безусловно.

— И вы догадались лишь по одному его взгляду, — сказала Элисон, по-хитрому улыбнувшись.

— Вот вы не верите, миледи, а я-то знаю! Сама прошла через подобное и не жалею по сей день.

Спорить с умудрённой женщиной о делах сердечных Элисон не стала. Она вновь посмотрела в окно и с какой-то странной радостью обнаружила, что деревенская девчонка уже исчезла, а Алекс теперь заметил её и, обольстительно улыбнувшись, помахал рукой.

Элисон вышла на улицу, а во дворе её встретил Артур и повёл за собой в небольшой сарай, где разводил домашних кроликов. Хозяин показал девушке некоторых малышей — чёрных, белых и рыжих — а заодно рассказал, как их нужно кормить, следить за ними и даже позволил подержать зверьков на руках.

Алекс всё время находился рядом и наблюдал, как его жена, одетая в мужской наряд, стоит на коленях в траве, нежно гладит кролика и, смеясь, иногда целует зверька между длинных ушей. Александр ощущал, что его сердце отзывается на звук её голоса, на каждое её движение, и сам не мог сдержать довольной, гордой улыбки. Теперь же, когда Элисон была хоть немного счастлива, иногда поднимая глаза и на него, он успокоился, считая, что стал ближе к ней.

Когда он подозвал Элисон к себе, она отдала кролика хозяину, поднялась на ноги и с явной неохотой подошла к мужу. Алекс почти робко обнял её за талию и повёл за собой к выходу со двора Остинов. Выйдя на дорогу, они прошли всего несколько футов вперёд, миновав ещё два чьих-то симпатичных домика, и остановились у развилки, откуда им открывался чудесный вид на холм вдали.

— Видишь, там стоит высокий дуб? — Алекс встал позади жены, обнимая её за плечи и наклонившись, чтобы сильнее ощущать запах её волос.

— Да, вижу. Он просто огромен!

— Сколько себя помню, он всегда здесь рос. За деревом построен забор, обозначающий границу наших владений.

Он сказал «наших», и Элисон даже не сомневалась, что это относилось и к ней тоже.

— Скажи мне, тебе здесь нравится? — вдруг спросил он чуть охрипшим голосом.

— Очень нравится. Ваши друзья — замечательные люди. Миссис Остин так вас расхваливала...

— Я бы не хотел, чтобы она тебя смущала, но разве её удержишь от такого? — Алекс улыбался, но явно делал это через силу. А почему так, Элисон не понимала. Она повернулась и посмотрела ему прямо в глаза:

— Почему вы не сказали, что Софию уже похоронили?

— Что? Кто тебе такое сказал?

— Миссис Остин, конечно. У нас с ней был долгий разговор, пока вы общались с её мужем и той... как её... Бриттани.

— Это просто...

— Нет, всё-таки объясните мне, к чему эта скрытность? Я видела, что с ней стало. Я знаю, что это было изнасилование, я не глупая. А пока вы не позволяли мне куда-либо выходить, похороны уже состоялись! Я даже не успела с ней попрощаться! Мне так грустно от этого! И где Сэм? Почему я так давно его не видела? Вы что-то скрываете, вы что-то делаете, а я даже не знаю про это! Почему?

Теперь он казался растерянным, она заставила его потерять бдительность своими расспросами. Александр тяжело вздохнул, и Элисон, умоляюще глядя на него, заметила, как его глаза будто поменяли цвет: никакой зелени лугов, только желтизна песка в пустыне. Или ей всего лишь так показалось из-за солнца над их головами.

— Зачем вы так поступаете со мной? — спросила она, и голос её дрогнул.

Алекс понял: ещё чуть-чуть, и она заплачет. Поэтому он, кивнув сам себе, очень серьезно произнёс:

— Мы долго искали убийцу, Элисон, но так и не нашли. Пока не нашли. Он не один, я знаю, и он где-то близко. Он не боится, потому что не знает, кто я такой, и какая кара ждёт его за сделанное. Я ни в коем случае не мог допустить, чтобы с тобой или Джоэлем что-то случилось. О, Господи, Элисон, чем ты думала, убежав тогда ночью?

— Но мне тошно было находиться в четырёх стенах!

— Да, что ж, ты — не я. Тебя страшат тени и одиночество, в которых я чувствую себя в безопасности. Там я чувствую себя свободным. Или чувствовал, пока не понял, что на самом деле ощущаю по отношению к тебе! А ты... Тебе действительно нужно иное, и пока я не могу этого дать. И знаешь что? Я всё ещё боюсь, что ты убежишь и оставишь нас. И я снова обнаружу себя одного в своей комнате, полупьяного с разбитыми в кровь, сжатыми кулаками.

Алекс замолчал, резко отступив на два шага назад и закинув руки за голову, и стал что-то бормотать себе под нос, что Элисон уже не слышала. До неё постепенно доходил смысл его слов. Он за неё боялся. Он её защищал, потому что на месте Софии могла оказаться она. Да, а ведь вполне могла!

А солнце почти скрылось за набежавшей откуда-то с севера тучей, и запахло дождём и свежескошенной травой. Ветер усиливался, поднимая пыль с песчаной дороги.

— Сэм пропал, — сказал Алекс отрешённо, стоя спиной к жене и уперев руки в бока. — Я искал его везде, где только мог. Я молчал, потому что не хотел тебя расстраивать.

— Мне очень жаль. Правда. Мне так жаль. Я не знала, я... простите меня.

Она подошла ближе и положила ладонь на его плечо. Алекс резко обернулся, обнял её за талию и крепко-крепко прижал к себе. Элисон привстала на цыпочки, чтобы дотянуться до его губ и поцеловать, и сделала это с огромной радостью. И ей уже не было важно, что они стоят посреди дороги, и кто-то из жителей может пройти здесь и увидеть, как они целуются.

Алекс шарил руками по её спине и через тонкую ткань рубашки чувствовал, какая горячая у Элисон кожа. Он представил, что если сейчас пойдёт дождь, то она промокнет, и её всю будет видно сквозь эту ткань. Он сдерживался, как только мог, стараясь не испортить

момент, потому что она сама целовала его. Обнимала нежными руками, обвив ими его шею, и осторожно касалась губами его губ, чуть раскрывая их, а Алекс так и не зашёл дальше. Только крепко держал её в своих руках. И был благодарен за такое утешение с её стороны. Ему больше ничего не хотелось.

Земля под их ногами задрожала, и Алекс обернулся, заранее предугадав нарушителя этой недолгой идиллии. Его помощник ирландец направлялся к ним верхом и уже остановился в паре футов от супругов.

— Что случилось? — спросил Александр полным раздражения голосом, который Элисон ни за что бы не узнала.

— Мы нашли одного из них! — гордо сообщил запыхавшийся мужчина. — Недалеко отсюда. Просто повезло, что он был здесь днём, иначе...

— Ближе к делу! Это тот самый?

— Да, я думаю, что он.

— Думаешь? Мне плевать, что ты думаешь. Это должен быть он! Он уже что-нибудь сказал?

— Молчит, собака, — ирландец покачал головой. — Пришлось наподдать ему хорошенько, чтобы ноги не унёс.

— Я же просил не бить ублюдка по лицу! — Алекс с досадой выругался, не стесняясь самых изощрённых выражений, затем посмотрел на Элисон, которую всё ещё обнимал за талию. — Ты в порядке?

Девушка только утвердительно кивнула, опустив глаза. Она была не в силах посмотреть на мужа. Ею овладел страх перед тем, кто теперь стоял рядом с ней.

— Лицо почти не тронули, — оправдывался ирландец. — Так что его вполне можно узнать.

— Отлично, — произнёс Алекс без всякого видимого удовлетворения.

Они сразу же вернулись к дому Остинов, и он помог Элисон забраться на лошадь. Александр тепло попрощался со своими друзьями, и когда они уже покидали пределы деревни, он обратился к жене, молча ехавшей рядом:

— Я попрошу тебя сделать кое-что.

— Как пожелаете.

— Ты должна его опознать.

Элисон вскинула на него глаза и сглотнула.

— Я очень прошу тебя сделать это. Ты будешь в безопасности, слышишь? Я здесь, я рядом, и никому не позволю тебя обидеть.

Девушка уже забыла свой секундный страх, ибо тон его голоса вернул ей смелость: никто и никогда так страстно, так искренно не уверял её в чём-либо. В конце концов, она должна попробовать сделать это ради Софии и других жертв.

— Той ночью я видела лишь силуэт в темноте, но... конечно, я постараюсь его опознать.

— Вот умница.

Но только ей не показалось, что он хвалит её. Ей показалось, что он жаждет лишь поскорее свершить месть.

Трое незнакомых Элисон мужчин уже находились на внутреннем дворе их замка. Перед этими тремя в грязи, связанный и испачканный в крови, лежал другой... Худощавый, с многодневной щетиной на лице и маленькими чёрными глазами. Стоило пойманному

бросить свой острый взгляд в сторону Элисон, прыгнувшей с лошади на землю, как мерзкая ухмылка появилась на его тонких губах.

— Что скажешь? — спросил Алекс у жены, когда они подошли ближе. — Узнаёшь?

Элисон нервничала, руки её дрожали от волнения и страха перед этим мужчиной, которого по знаку её мужа подняли с земли и заставили встать прямо. Девушка выдохнула и посмотрела ему в глаза, и один лишь этот взгляд, полный ненависти и злобы заставил её всё понять. К тому же, его худая фигура весьма походила на силуэт в глубине того сарая. Теперь Элисон понимала, почему Александр так опасался за её жизнь: если бы она попала к этому убийце в руки, она бы долго страдала перед тем, как её избавили от мучений.

— Это он, — твёрдо произнесла она. — Я знаю.

Алекс даже не переспросил, уверена ли она. Он сдержанно поблагодарил её, затем попросил пойти к себе и ждать его. Элисон лишь кивнула. У самых дверей она обернулась и посмотрела на своего мужа. По её взгляду он понял: она будет ждать.

— А сейчас останемся только ты и я, ублюдок, — прошипел Алекс, подойдя к убийце ближе.

— Не сомневаюсь, — прохрипел пойманный и сплюнул кровь на землю.

— Ведите его в подвал. Я захвачу инструменты...

— Эй, Ривз! — окликнул Алекса осуждённый и, когда тот обернулся к нему, с довольной ухмылкой произнёс:

— Хороша твоя девчонка. Очень аппетитная... Мы всё знаем про тебя, а теперь знаем и о ней. Убьёшь меня — придут другие, поверь мне. И ты уже никуда не убежишь, герой... Флитская тюрьма всё помнит, слышишь, сукин сын? Флит всё помнит!

Его отвели в подвал, и Алекс остался один на один с этим демоном. За ними закрыли дверь, и в течение нескольких часов для Александра не существовало иного мира. Только тот, где он был хозяином, Богом, Создателем. Никто кроме него не слышал криков, не видел ни крови на полу, ни выбитых зубов или отрубленных пальцев. И когда, наконец, он перерезал горло убийце, удовлетворённо хмыкнув, вытер тыльной стороной руки сухие губы и ощутил на них вкус чужой крови, он вспомнил про угрозы, что так ловко бросал ему пойманный бандит, а теперь уже мертвец. Он не боялся тех других, что должны прийти. Самым главным сейчас было защитить брата и Элисон.

Он вернулся в свою спальню перед самым рассветом и к своему удивлению обнаружил там жену, сидевшую на краю его кровати в одной лишь ночной сорочке. Распущенные волосы скрывали её лицо, но, когда он вошёл и закрыл за собой дверь, она обернулась, вскочила на ноги и, подбежав к нему, строго спросила:

— Он мучился?

Алекс, ошарашенный одним её присутствием здесь, не знал, что ответить. Но, в конце концов, он больше не собирался ей врать.

— Да, и я сделал всё для этого.

— Что ж, он это заслужил... У вас кровь на шее.

Она коснулась его кожи, осторожно провела по ней пальцами вниз до расстёгнутого ворота рубашки. Алекс задышал ещё тяжелее, изумляясь интимности этих секунд. И всё, чего ему сейчас хотелось, это немедленно уложить Элисон в постель и сделать с ней нечто безумное, нечто такое, от чего бы она потом долго не могла оправиться.

— Я пришла сказать спасибо за заботу обо мне, — её робкий голос вернул Алекса из мира фантазии к реальности. — А я думала о вас плохо...

— Я люблю тебя! — выпалил он вдруг, сам того от себя не ожидая.

Элисон отступила на шаг назад, закрыв ладонью рот. Побледневшая, сбита с толку, она лишь качала головой, не находя нужных слов. А Алекс, осознав сказанное им, посмотрел вокруг, будто не узнавал свою спальню, развёл руками и грустно улыбнулся.

— А как же ваш отец? — с трудом произнесла девушка. — Как же мой брат и договор? Как же всё это?

— К чёрту всех. Потому что это я. Такой, какой я есть. Что ты теперь скажешь?

С минуту она стояла перед ним и молча разглядывала. Первые солнечные лучи уже пробивались сквозь задёрнутые шторы в комнату, но здесь всё ещё было мрачно. Александр с трудом сдерживался, ожидая её слов как приговора. Когда она вдруг нагнулась и стянула с себя сорочку через голову, оставшись обнажённой, он строго посмотрел на неё и спросил:

— Ты хоть понимаешь, что делаешь?

Она не ответила. Подошла совсем близко и прильнула всем телом к нему, обнимая за шею, потянула к себе, и как только он ощутил её мягкие губы своими, в то же мгновение забыл обо всём. Каким-то чудом не повалил Элисон на пол, а поднял на руки, донёс до своей постели и, пока раздевался, смотрел на неё. Как она двигается, чтобы дать ему больше места, как улыбается и кусает губы. В тот момент ему показалось, что он окончательно подчинил её себе, потому что она тоже хочет его.

Когда он лёг на неё, она первая потянулась за новым поцелуем, и они не размыкали губ очень долго, только в те моменты, когда он оказывался в ней, и она срывалась и кричала. Алекс смотрел на то, как она тонет в этом экстазе, и снова, и снова заставлял её сходить с ума, чему она не сопротивлялась. А сам же упивался этим незабываемым чувством обладания ею, ощущением, что он её герой и спаситель. Она даже звала его по имени... Ничего лучше этих минут не могло быть.

Засыпая рядом с ней, он слышал, как она тихо мурлыкала мелодию «Ярмарки Скарборо», а потом вдруг шёпотом произнесла:

— Надеюсь, теперь ты счастлив, потому что ты победил.

Это утро во всех определениях было существенно отличимо от любого другого утра. Александр медленно потянулся, заложил руки за голову и глубоко вздохнул. В спальне ещё витал сладкий запах любви, чем Алекс собственно и занимался пару часов назад со своей женой.

Мужчина повернулся на левый бок и удовлетворённо выдохнул, увидев её рядом. Девушка лежала на спине, сложив руки на животе и сплетя пальцы. Глаза её были открыты. Ровное дыхание свидетельствовало о полном спокойствии; она думала о чём-то.

— Привет, — Алекс улыбнулся и лёг удобнее, подперев левой рукой голову.

— Привет.

Элисон повернулась к нему, протянув руки, и он, сдёрнув с неё простынь, которая и так уже ничего не скрывала, прижал девушку к себе, наградив заодно долгим поцелуем в губы. Алексу нравилось ощущать её руки на своих плечах, и как она гладила пальцами его волосы.

Он приподнялся над ней, желая только посмотреть на её милое лицо; поцеловал её блестящий носик и вдруг почувствовал, как Элисон снова обхватила его талию ногами, словно прося взять её или приглашая сделать это. Он решил помучить её, прежде чем удовлетворить их общее желание. Ласкал её пальцами и языком, пока она не застонала, вцепившись пальцами в кожу на его спине.

— Ну пожалуйста!

— Что «пожалуйста»?

— Сделай это наконец!

— Что «это»? — он хрипло засмеялся, выводя невидимые узоры на её животе длинными пальцами. — Говори конкретней, милая.

— Ты и сам знаешь! Пожалуйста, я правда этого хочу! — она открыла глаза и посмотрела на него почти со злостью. — Или желаешь, чтобы я умоляла на коленях?

— Стоя на коленях, ты можешь сделать и кое-что другое, — сказал он, не прекращая ласкать её и улыбаться. — Но не сейчас, этому я научу тебя позже.

— А почему не сейчас?

— Потому что ты не согласишься делать это при свете дня. У тебя ещё слишком мало опыта.

— Значит, вот так? — она недовольно фыркнула, попытавшись столкнуть Алекса с себя, но он только крепче прижался к ней, втиснувшись между её ножек.

— Позволь спросить, что с тобой? За несколько часов, и вдруг такая перемена.

— Я не знаю, — Элисон насупилась, она не смотрела ему в лицо, а разглядывала уже почти зажившую рану на его плече. — Слишком многое случилось за последнее время. Я уже не знаю, что мне думать...

— Насчёт чего?

— Всего! Себя, своей семьи и тебя, в основном. Я больше не чувствую себя свободной.

— Так бывает, когда связываешь себя с кем-то узами брака, а? — он тихо засмеялся, но она не переняла его насмешливого настроения.

— Не в этом дело. Мне кажется... я никогда не была такой... бесстыжей, смелой и распутной.

— Ты боишься этого, потому что никогда не пробовала сделать нечто подобное. И всё это не означает, что ты стала хуже.

— Правда?

Она посмотрела ему в глаза, и, когда Алекс нежно поцеловал её в лоб, то понял, что она почти расслабилась и уже не злилась на него. Он откинул пряди волос с её плеча, чтобы дотронуться до её кожи, и как можно убедительнее произнёс:

— Однажды я сказал, что ты сама придёшь ко мне и сдашься, будто другие женщины, ещё до тебя, могли бы с тобой сравниться. Но тогда я ещё не догадывался, чем ты станешь для меня. Ты говоришь, что больше не чувствуешь себя свободной, но на самом деле я лишь помог тебе стать женщиной, коей ты и являешься. И это не я победил, а ты, поэтому я должен ощущать себя в западне. Я ни одной женщине не говорил, что люблю её так, как признался в этом сегодня. В конце концов, ты — моя жена, ты моя. Теперь я для тебя больше, чем мужчина, с которым ты проводишь время. Я — твой защитник, я ближе всех для тебя, и всё, чем мы занимаемся вместе — это правильно и замечательно.

— Значит, если я просто хочу заниматься любовью, в этом нет ничего плохого?

Александр засмеялся, изумлённый её наивностью. Вновь коснулся губами её губ, настойчиво раскрыл их и целовал, и целовал её, пока лишь хватало дыхания, пока хватало сил сдерживаться. Когда Элисон выгнулась под ним, он застонал и ещё раз успел исполнить её главное желание, прекратив утомляющие пытки.

— Когда-нибудь, — сказал он, восстановив дыхание и положив голову ей на грудь, — ты скажешь, что любишь меня. Я подожду.

Она ничего не успела ответить — в дверь кто-то настойчиво постучал.

— Чёрт возьми, ну кого это несёт в такую рань? — Алекс уже собирался подняться, но Элисон настойчиво схватила его за руку.

— Нет, пожалуйста, не открывай!

— Надо узнать, что случилось. Нельзя просто так не открыть.

— Конечно, можно! Просто надо притвориться, что нас здесь нет.

— Нет, Элисон, только не сейчас. А если есть какие-то важные новости? Если нашёлся Сэм? — за дверью снова постучали; Александр поднял с пола штаны, быстро натянул их, подвязав поясом, и направился открывать дверь. — К тому же, кто-то наверняка слышал твои недавние крики.

— И вовсе я не кричала, — пробубнила она, упрямо надув губки и натянув на себя простынь до подбородка.

Алекс улыбнулся, обернувшись к ней, и, наконец, вышел из комнаты.

— Не знал, что вы не один сегодня, — сказал его помощник ирландец, встретивший Алекса за дверью.

— Тебе и необязательно это знать. Что стряслось?

— У меня две новости...

— Тогда начни с плохой.

— Они обе плохие, к сожалению. Ну, по крайней мере, ни одна из них вам не понравится.

Александр посмотрел на мужчину так, будто впервые его увидел, затем лишь вздохнул, устало потеряв ладонью голые плечи.

— Давай, выкладывай, что там у тебя.

— Во-первых, мы нашли пса. Нашли по дороге в Реддинг.

— Спятить можно! — воскликнул Алекс, но, вспомнив, что Элисон может слышать их, перешёл на шёпот. — Это же чёрт знает где от Солсбери! Как он мог там оказаться?

— Парни сказали, что в том направлении видели банду нашего уже покойного с ночи друга. Кажется, они возвращались в Лондон и прихватили вашего пса как... трофей, что ли.

— Ясно. Ну и где Сэм сейчас? Ты привёл его?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ирландец ничего не ответил, только потупил взгляд и тихо прокашлялся. Александр сразу всё понял. Он от всей души выругался, отдышался и, решив не заострять на этом всё внимание, спросил:

— Дальше что? Что ещё за расчудесную новость ты принёс?

— Ваш отец ждёт вас в городе. Просил ехать срочно. Сейчас же.

— Зачем это ещё?

— Девчонка Стокеров просто взбесилась! Не знаю, какая муха её укусила, но недавно она пожаловалась папаше, что вы, мол, над ней надругались. Прямо на дне рождения её отца. И делали это раньше. Теперь папаша Стокеров рвёт и мечет. Вместе с дочерью чуть ли не целую историю придумали, как вы над ней издевались. Полиция знает всё, кроме вашего местонахождения, а то уже увели бы вас под руки. Поэтому ваш отец там, ждёт, когда вы приедете для разбирательства. Ибо этот богач не оставит всё вот так!

— Дрянь! — выругался Алекс громко. — Шлюха, чёртова шлюха!

Он не мог во всё это поверить. Маргарет, которую он когда-то знал, всегда была тихоней, гордой красавицей, которой позавидовала бы любая. А теперь, похоже, когда Алекс оставил её без внимания, ей взбрело в голову, что она сможет крутить им как пожелает.

Александр прикинул, если её отец добьётся того, чтобы его посадили, то он попадёт именно во Флитскую тюрьму. А там больше двух десятков настоящих монстров, которых он когда-то поймал, пытал и отправил туда. Так что живым он никогда на свободу не выйдет. Нужно было срочно придумать нечто, что стало бы для него защитой, настоящим алиби. Чтобы выдать Маргарет за сумасшедшую или просто безумно влюблённую в него женщину, не сумевшую смириться с тем, что он женился.

Он вспомнил, что провёл с ней всего две ночи: однажды в Лондоне, когда он после недолгих ухаживаний добился её расположения и совсем недавно в доме Стокеров. Вспомнил, как целовал её, и его даже затошнило.

Он приказал ирландцу ждать его во дворе, а сам вернулся в спальню. Элисон стояла у постели, завернувшись в тонкое покрывало, и с грустью наблюдала, как её муж поспешно одевается.

— Я должен отлучиться. Это займёт совсем немного времени, обещаю. Я скоро вернусь и тогда объясню, что произошло, хорошо?

— Я всё слышала, — сказала она очень серьёзно. — И про Сэма тоже. Мне жаль.

— Ты что, подслушивала?!

— Да, подслушивала. Ты злишься? Не злись на меня, пожалуйста!

Он что-то тихо ответил, но она так и не расслышала. Алекс сел на край постели, медленно провёл рукой по смятым простыням и подушкам.

— Надеюсь, ты не поверила тому, что услышала. Я никогда не заставлял Маргарет спать со мной, и она была на всё согласна. То, что она наплела своему отцу — это больная фантазия. Ей обидно, что я вдруг оставил её. И я хочу, чтобы ты знала: я ничего к ней больше не чувствую, слышишь?

Элисон кивнула, улыбнувшись уголками губ и подойдя к нему.

— Я никогда по-настоящему не любил её. Просто она была... хорошей разминкой. Более недоступная, чем другие. А ты — всё для меня. И я хочу тебя даже сейчас, — он взял её руки в свои, притянул поближе и усадил к себе на колени. — Я разберусь с этой ситуацией сегодня, и мы снова будем вместе, ты согласна?

— Мы и так вместе, — она коснулась губами его влажного лба и запустила пальцы в его взъерошенные волосы. — Я тоже поеду в город.

— Нет, не надо. Останешься здесь с Джоэлем и Анной...

— Я могу помочь! Я была в ту ночь в саду и всё видела.

— Даже если ты расскажешь об этом, они найдут, как перевернуть правду. Решат, что в темноте ты не разглядела, как я её мучаю, — хмуро заключил Алекс, покачав головой.

— Прощу, просто доверься мне. Позволь тоже поехать!

Она легко уговорила его, и он сдался после первого же долгого поцелуя. Через час они приехали в город, который, как показалось Элисон, был хоть и беднее Лондона, но намного оживлённее. Она, наконец, успела разглядеть знаменитый Солсберийский собор и поняла, что красивей и величественней здания в Англии действительно больше не найти.

Дом, где им предстояло встретиться с Ривзом старшим и Стокерами, больше напоминал обычное жилое здание, чем главную городскую резиденцию. Александр оставил ирландца вместе с Элисон перед огромной дубовой дверью одного из кабинетов, где проходила встреча, и долго не выходил оттуда. Ирландец всё время молчал, Элисон сидела рядом и беспокойно крутила обручальное кольцо на пальце. Она так и не услышала ни слова из-за толстых стен и двери. Ей оставалось только думать о том, что будет с ней, когда эта дверь

откроется...

Не меньше двух часов прошли, пока в коридор вышел худой джентльмен в строгом, чёрном костюме с листком бумаги и карандашом в руках.

Он представился как мистер Кайзер, бросил недовольный взгляд в сторону ирландца. Когда тот отвернулся, сделав вид, что ничего тут не понимает и не слышит, Кайзер обратился к Элисон:

— Миссис Ривз, я, как представитель не только вашего свёкра, но и многих других не менее важных персон нашего города, обязан был бы отвести вас в кабинет и попросить дать показания перед всеми, кто там находится. Но ваш муж категорически запретил мне делать это. Я никогда не видел, чтобы он так волновался! Но так как меня очень заинтересовало это дело, я очень хочу поговорить с вами прямо здесь, в обстановке, так сказать, непринуждённой.

Элисон кивнула, сделавшись очень серьёзной, и Кайзер довольно улыбнулся.

— Зная репутацию мисс Стокер и её характер, я не мог пройти мимо этого скандала.

— Скандала? — девушка недовольно скривила губы. — Я думала, до такого не дойдёт...

— Ну конечно, я просто неясно выразился! Это... дело, которому хочет дать огласку мистер Стокер, заметно может навредить вашему супругу.

«А то я без вас этого не знаю!» — чуть было не сказала она вслух.

— Всё, чего я хочу сейчас, это узнать, что вы делали и что видели в ночь на первое августа.

— Весь вечер и всю ночь первого августа я провела вместе со своим мужем.

— Миссис Ривз, вы уверены в этом?

Он спросил это так, словно она только что отказалась от несколько тысяч фунтов, которые он ей предлагал. Элисон вздохнула и посмотрела Кайзеру в глаза:

— Я абсолютно уверена, что ночью, первого августа, я всё время находилась рядом с Александром и ни на шаг не отходила от него. Мисс Стокер я не видела в тот вечер вообще.

— А вы понимаете, что за ложные показания вас могут привлечь к суду?

— Я говорю правду, — Элисон с такой силой сжала кулаки, что костяшки её пальцев побелели.

— У нас есть парочка свидетелей, утверждающих, что они видели Маргарет Стокер вместе с вашим мужем в ту ночь.

— Тогда они и врут.

Она ощущала себя школьницей, врушкой, краснеющей перед преподавателем. Но она ещё до приезда сюда решила сочинить историю о том, что Алекс не отходил от неё в ту злополучную ночь ни на шаг. Она и сейчас не жалела, что солгала, лишь боялась, что обман этот внезапно раскроется.

— Я знаю мисс Маргарет Стокер как довольно скандальную молодую особу, — показал головой Кайзер. — Я предполагаю, что она могла оклеветать вашего мужа, ведь в своё время он добивался её руки и оставил эти попытки, так как она была непреклонна. Всё верно?

— Да, верно. Я это знаю.

— Очень мило, что ваш муж ничего от вас не скрывает, — улыбнулся он, и Элисон не понравилась эта странная ухмылочка на его бледном лице.

В ту же минуту из кабинета вышел другой мужчина, и Элисон узнала в нём Уильяма Кэллиса. Она не подала виду, что взволнована, только на какие-то несколько секунд будто забыла, как дышать. Кэллис выглядел точно так же, как в ту ночь в доме Стокеров: элегантно

одетый, подтянутый, высокий и красивый. Он грустно улыбнулся ей, и она с ужасом подумала, что было минуту назад там, за дверью. Рассказал ли он про то, что Александр был с Маргарет в саду? Какой был разговор между ним и её мужем сейчас? Друзья ли они, в конце концов?

— Знаете, мистер Кэллис, миссис Ривз утверждает, что на том празднике ваш друг не отходил от неё ни на шаг. Вы готовы подтвердить её слова? — спросил Кайзер, улыбаясь.

Элисон посмотрела Уильяму в глаза — глубокие и тёмные, как омут — мысленно умоляя его о помощи. Тот лишь коротко кивнул ей и незамедлительно отчеканил строгим тоном:

— Да, так и есть. Александр был с ней всю ночь, пока мы не расстались и не разошлись по домам.

— Что ж, друзья, — довольно протянул Кайзер и что-то отметил на бумаге карандашом. — Мистеру Стокеру долго придётся успокаивать свою дочь. А возможно, даже отправить её в монастырь... Желаю вам удачи!

Он поцеловал руку Элисон, попрощался с Уильямом и вернулся в кабинет, закрыв за собой дверь. Девушка поднялась со скамьи, и хотела было уже поблагодарить Кэллиса, но тот лишь поднял руку, остановив её, и произнёс:

— Не говори ничего, ладно? Я никогда бы не решил, что Алекс станет ревновать как какой-нибудь юнец. Он так смотрел... Я было подумал, что он убьёт меня прямо в том кабинете, но он был холоден и твёрд, как камень. Возможно, я и ошибался, и ты привыкнешь к нему, но запомни мои слова: с ним ты никогда не будешь в безопасности. Будь осторожна.

И под пристальным взглядом ирландца, который, чуть что, был готов защитить Элисон, Кэллис учтиво кивнул ей на прощание и зашагал прочь по коридору. Девушка следила за его фигурой, пока двери главного входа не закрылись за ним.

Ещё через полчаса из кабинета вышел Александр вместе со своим отцом, и Элисон на секунду заметила позади них Маргарет. Та сидела за широким столом и, кажется, плакала.

— Твои слова и слова Кэллиса во многом нам помогли, — сказал Алекс жене без особой радости.

— Зато какой риск! — заметил Ривз старший и получше запахнул свой длинный плащ. — Ты знаешь, девочка, что бывает за такое враньё? Я чего угодно ожидал от Кэллиса, но от тебя...

— Она мне помогла, — резко оборвал его Алекс. — Наши слова против слов Стокеров. Я рад, что Кайзер, которого ты нанял, оказался настолько лоялен к нашей семье.

— Мне кажется, что это наша юная спасительница произвела на него такое впечатление. Теперь она научилась скрывать правду совсем как её братец...

— Хватит! Всё уже решилось. Самое главное теперь — это разобраться с парнями из Флита. Придётся уехать на время из Солсбери, надеюсь, ты со мной согласен.

— А как иначе? — его отец недовольно хмыкнул. — Какие же в этой тюрьме идиоты, если не могут проследить за кучкой паршивых собак, чтобы они не сбежали! Для нас это проблема.

— Для нас это огромная проблема, отец, и потому что я исполнял твои приказы, теперь мне и Элисон угрожают.

— Я не заставляю тебя хвататься за оружие и встречать их на стене замка!

— Вот и прекрасно, потому что я и Элисон едем в дом на Девоне. Мы пробудем там несколько дней, пока я не получу какие-либо новости. Именно поэтому я прошу забрать

Джоэля и миссис Уоллес. Заберёшь?

Отец и сын посмотрели друг другу в глаза, и Элисон стало как-то не по себе. Непонятно, страшно и тревожно. И всё-таки Ривз старший сдался, вздохнул и ответил:

— Так и быть. На время они побудут у меня перед глазами. Под охраной.

— Если я вернусь, и с Джоэлем что-то случится...

Алекс не договорил. Он даже не мог озвучить своих самых страшных мыслей насчёт, а что, если... Его отец заверил, что всё будет хорошо, и после этих переговоров они расстались.

— Какие-то люди тебе угрожают? — спросила Элисон у мужа по дороге в замок.

— Да, очень плохие люди.

— Поэтому нам надо уехать? А куда?

— Это маленький дом на западе, в Девоншире. Он стоит в лесу рядом с рекой... Ты должна мне верить, хорошо?

Элисон утвердительно кивнула, при этом не в силах выбросить из головы последние слова Уильяма Кэллиса.

«С ним ты **никогдане** будешь в безопасности».

Они прибыли на место, когда солнце уже садилось. Александр сам управлялся с вёслами лодки, на которой вместе с супругой проплыл по спокойной реке пару миль. Только так, виляя между небольшими островками, можно было прибыть к противоположному берегу в нужном месте.

Элисон, закутанная в плотный плащ с капюшоном, с интересом разглядывала незнакомое место. Кругом лишь густой лес, а в нескольких футах от берега, усыпанного опавшими листьями — двухэтажный деревянный дом. На вид вполне крепкий. Одно из трёх окон выходило как раз на реку. Так что можно было прекрасно видеть, если кто-то, или что-то, подойдёт со стороны воды.

Александр молчал почти всю дорогу до своего лесного убежища, лишь иногда спрашивал у жены, не замёрзла ли она, не голодна ли и тому подобные мелочи. Дома, после разбирательств со Стокерами, стоило ему отправить Анну и брата к отцу, Алекс вёл себя отрешённо. Он мало говорил, только собрал необходимые вещи — еду, кое-что из одежды и оружие — и через день вместе с Элисон отправился в Девоншир.

Она старалась вести себя не менее спокойно, но отчего-то уже через пару часов стала тосковать и расстраиваться из-за поведения мужа. Элисон корила саму себя и за собственное поведение. И всё время спрашивала себя: а не влюбилась ли она на самом деле? Прошло совсем немного времени, ей уже хотелось, чтобы Алекс вновь обнял её, чтобы шептал ласковые слова, как в моменты их близости. Сейчас же добрый супруг куда-то исчез, на его место вновь явился какой-то хмурый чужак.

Они оставили лодку у берега, по тропинке дошли до домика, Алекс нёс две небольшие мешковатые сумки, а Элисон понуро шагала за ним. Дом встретил их скрипучими ступеньками крыльца, пылью на окнах и мебели и запахом старины. Внизу, на первом этаже, у левой стены находился большой широкий камин, чему Элисон обрадовалась. Ей не прельщало мёрзнуть по ночам. Напротив камина — пара кресел, небольшой столик, под ними — старый, очень мягкий ковёр.

Пока Александр проверял второй этаж (больше похожий на чердак. Лестница, ведущая наверх, была не особо устойчивой, к тому же не имела перил, приходилось нагибаться и держаться за сами ступеньки. Там же, наверху, кроме двухместной кровати и сваленной в кучу старой мебели ничего не было), Элисон осмотрелась внизу. В старом комодике нашла множество пожелтевших писем с неизвестными подписями и адресами, вчитываться в которые не стала, а в глубине шкафа для одежды — закупоренные бутылки с виски и вином. Она тут же поспешила запрятать их обратно, пока Алекс тоже не вспомнил о них.

Когда он спустился, Элисон спросила, есть ли в доме готовые к использованию дрова.

— А зачем тебе? — Александр поставил на пол небольшую коробку и снял пиджак, бросив его на кресло.

— Чтобы согреть дом. Скоро ночь, будет холодно...

— Нам пока нельзя выдавать себя, — он сел в кресло, устало провёл рукой по волосам и тяжело вздохнул. — Ещё недостаточно стемнело, и дым будет виден далеко отсюда. Не хочу, чтобы кто-то нас заметил. Ночью я сам разожгу камин, не беспокойся. Иди наверх, тебе надо поспать. Я нашёл одеяла и сложил их на постели, можешь укрыться ими.

Она чуть не спросила: разве ты не идёшь со мной? Но сумела сдержаться. Элисон

кивнула, покорно опустив голову, и оставила мужа одного. Забраться по лестнице ей труда не составило; она разделась, не ощущая, что делает, забралась на постель и, укрывшись двумя одеялами, попыталась заснуть.

Проснулась Элисон посреди ночи, потому что ей стало невыносимо жарко. Она долго ворочалась с боку на бок, скидывала с себя одеяла, но это не помогало. Сон не возвращался к ней, Элисон села на постели и собрала влажные волосы в косу, чтобы они не липли к спине. Тогда она заметила свет пламени камина внизу. Отсюда девушка видела почти весь первый этаж. И своего мужа, сидящего в кресле перед горящим камином.

Вновь она смотрела на него, сосредоточенно что-то вычитывающего в книге в его руках. Лицо его было спокойным, в зелёных глазах отражались языки пламени, а на щеках даже появился лёгкий румянец. Элисон следила, как Алекс время от времени водил кончиком языка по пересохшим губам, как его красивые, длинные пальцы переворачивали страницы книги, и как его грудь высоко и медленно вздымалась под полностью расстёгнутой белой рубашкой.

Элисон попробовала закрыть глаза и потрясти головой — ничего не получалось. У неё не получалось погасить вспыхнувший в ней огонь и давящее, жгучее желание броситься на шею к этому удивительному мужчине. А нужно ли было вообще сопротивляться? Эти чувства до сих пор были новыми для неё, но от этого не менее ожидаемыми. Она ощутила голод. Настоящий, животный голод, когда хочется чувствовать рядом чужое тело, и когда твоё собственное умирает от желания владеть и принадлежать.

Девушка осторожно встала с постели, достала из походной сумки подаренное Александром голубое платье из тонкой ткани и, пока бесшумно одевалась, думала о том, не прогонит ли её муж, не отвергнет ли, когда ему так тяжело. Но зато точно знала: если он не захочет её сейчас, она уйдёт и оставит его в покое, ничуть не обидевшись.

Он слышал, как она спускалась по лестнице, но головы не поднял, пока она не подошла к нему. Алекс прервал чтение забытой им когда-то здесь старинной книги, посмотрел на свою жену и, довольно улыбнувшись, произнёс:

— Ты вспомнила о моём подарке? Я рад, тебе очень идёт. Надеюсь, ты и впредь не будешь скрывать свою красивую грудь... от меня, — взгляд его в это время скользил по глубокому вырезу платья. — Я думал, ты уже крепко спишь.

— Я не могла заснуть, — Элисон благодарно улыбнулась, с радостью приняв все его комплименты, затем, засмотревшись на книгу в руках Алекса, поинтересовалась:

— Что ты читаешь? Странная обложка. Похоже на раритет.

— Да, эта книга семнадцатого века. Но ты найдешь её весьма... — Алекс хмыкнул, закусив губу, и обольстительно улыбнулся. — Скажем так, отталкивающей.

— Это ещё почему?

— Потому что это мистическая книга. Когда-то я увлекался всем этим, потом забросил.

— И что же в ней такого отталкивающего? Рассказы о привидениях?

Александр прищурился, и Элисон судорожно слотнула. Она чувствовала, как атмосфера вокруг накаляется, будто железо над огнём. Что-то удержало её на ватных ногах, и она терпела каждую секунду без ощущения горячих, мужских рук на своей коже. Именно его рук.

Алекс смотрел на неё, и в его взгляде не было ни похоти, ни желания. Но огонь в его глазах чуть не заставил Элисон застонать в голос.

— Что ж, раз ты не желаешь отойти ко сну снова, тогда могу рассказать тебе, о чём

читаю.

Он призывно облизал губы, и до Элисон, наконец, дошло: он тоже играет с ней. Возможно, его настроение улучшилось, а теперь он просто растягивал удовольствие. Девушка кротко улыбнулась, чуть приподняла юбку платья и осторожно опустилась на подлокотник кресла, держась рукой за его спинку. Положив ногу на ногу, она села поудобней и кивнула, готовая слушать.

— Начнём, пожалуй, отсюда: «... Демон соблазняет людей только посредством чисто нравственных внушений. Он имеет лишь нравственные силы, но никаких физических», значит, демон не может совершить ни добра, ни зла. Он — это слишком ничтожная сила; будто Бог никаким другим духам, кроме души человеческой, не дал способности действовать на физические предметы, будто премудрости Божией угодно было, чтобы чистые духи не имели никакого влияния на физический мир»...

Элисон пыталась сосредоточиться, вслушаться в то, о чём он читал. Но его слегка хриплый, спокойный голос уносил её далеко от мрачного, таинственного содержания трактата. В её мыслях не было места демонам и духам, она хотела только слушать голос мужа и смотреть на его лицо, любоваться длинными пальцами. Она сидела и ждала, когда он коснётся её, но Алекс был сдержан. Элисон решила, будто ей показалось, что он играл с нею. Возможно, ему просто стало жарко.

Если бы она догадывалась, насколько ошибалась в те минуты. Александр кожей ощущал жар её тела, и ему стоило больших трудов держать себя в руках. Он снова и снова повторял сам себе, что он не животное и не дикарь, и не может ставить свои низменные желания сверх всего другого. Но её частое дыхание и аромат нежной кожи ломали его волю и посылали разум ко всем чертям.

— Прости, что был так холоден с тобой, — сказал он вдруг, закрыв книгу. — Навалилось всё сразу... Я очень устал, Элисон. И я волнуюсь за брата.

— Тогда, может быть, не стоило уезжать со мной сюда. Нужно было мне остаться с Анной, а тебе забрать Джоэля.

— Я не хотел... не мог рисковать.

— Рисковать?! Но чем?

— Во-первых, если бы ты осталась с моим отцом, у тебя было бы больше шансов уйти. Вернуться к себе домой.

«Он сошёл с ума! До сих пор думает, что я хочу сбежать от него!»

— Во-вторых, отец знает, насколько Джоэль мне дорог. Он не посмеет причинить ему боль, потому что знает, что от меня следует ожидать в таком случае. А если бы ты осталась с моим отцом, то вряд ли ваши отношения сложились. К тому же, ты до сих пор не беременна, и из-за этого он злится тоже... В любом случае, я выбрал бы защищать тебя не только по этим причинам, понимаешь? И я выбрал тебя, и не жалею об этом.

Теперь для Элисон была ясна вся картина, и сейчас её так и тянуло задать самый главный вопрос. «Ты так сильно любишь меня?» Но она промолчала. И каждой клеточкой своего тела ощущала, что Алекс напряжён. Ей хотелось сделать хоть что-нибудь, чтобы порадовать его.

— Давайте-ка отложим это на время.

Она осторожно забрала из его рук книгу и опустила её на пол, притом не прекращая смотреть Алексу в глаза. Затем встала перед ним, взяла за руки и потянула на себя, приглашая подняться.

— Встаньте со мною рядом, милорд. Пожалуйста!

Он, больше лениво, чем нехотя, поднялся, и теперь стоял перед ней, ожидая её дальнейших действий. Элисон привстала на цыпочки, обвив его шею руками, коснулась губами чуть колючей кожи на его подбородке, а затем уже и его губ. Когда Алекс, наконец, обнял её, крепко прижав к себе, Элисон протиснула руки между собой и ним, чтобы растянуть его рубашку и совсем снять её.

— Что ты задумала? — спросил он, попытавшись отстраниться, но она уже успела стянуть с него рубашку и скинуть её на ковёр.

— Ничего такого, что бы расстроило вас, милорд.

— Перестань... Не надо так говорить со мной.

— Как, так?

Девушка соблазнительно улыбнулась, ещё смелее глядя Алексу в глаза, и как бы случайно коснулась пальцами его живота. Мужчина шумно вдохнул воздух носом и сильнее сжал кулаки. Напряжённо он следил, как Элисон водила руками по его груди, иногда осмеливаясь касаться чуть ниже, и в её взгляде он читал неподдельное восхищение. Когда она поцеловала один из его шрамов, находящийся чуть ниже бешено бьющегося сердца слева, Александр задрожал. В его голове крутилась одна единственная мысль:

«Я не животное... Я не животное... Пусть она делает, что хочет».

— Раздень меня, — выдохнула Элисон, её дыхание, будто пламя, обожгло его кожу. — Я хочу, чтобы это делал только ты. Всегда.

Больше его не пришлось уговаривать долго. И вскоре платье уже лежало возле её ног. Александр подивился тому, какой смуглой казалась её кожа в свете пламени огня. Рядом с ними был лишь огонь. Рядом и внутри каждого из них. Алекс хрипло засмеялся, откинув голову назад и закрыв глаза, когда Элисон встала перед ним на одно колено, пытаясь стянуть с мужа брюки.

— Ты снова всё испортила. А я так хотел хотя бы пару дней провести в покое, ну хоть немного цивилизованней...

— Что поделать, милорд, — она с довольным видом выпрямилась, обнимая его. — Это вы меня испортили. Теперь вот пожинайте плоды своих стараний. И делайте это чуть быстрее, иначе, чтобы с этим покончить, я буду развлекаться без вас, самостоятельно.

Он удивлённо взглянул на неё и посмеялся таким смелым мыслям. Нет, этого он сам не мог и не желал допускать. Алекс нежно провёл пальцами по линии её талии и довольно улыбнулся, заметив, как Элисон кусает губы. Её тянуло к нему, и Александр чувствовал, что не только её тело ожидало большего. Ведь если бы это было не так, он знал, что его сердце больше не выдержит предательства. Хотя он не мог заставить Элисон любить его, но попытаться быть ей хорошим мужем мог.

— Ты такой красивый...

Её нежный голос был везде. Он слышал его вместо звуков потрескивающих в камине дров. Алекс слышал этот голос вместо дождя, начавшегося только что и барабанившего по крыше снаружи. Слышал его вместо своих собственных стонов, когда Элисон скользила ладонями по его гладкому животу, касалась его члена и без всякой робости пыталась сжать его пальчиками. Сейчас она была больше похожа на демона-искусителя. Очаровательного, маленького, с обольстительным, красивым женским телом демона, чем на ангела, которого Алекс встретил чуть больше месяца назад.

Он задыхался тяжело, очень часто. Стало невыносимо жарко. Стало просто невыносимо

находиться в этой атмосфере, накалённой ею, этой молодой женщиной, которую он сам научил быть раскованнее, смелее.

— О, Боже, как ты красив, особенно, когда обнажён! — Элисон прикрыла глаза, опустила на колени и коснулась губами кожи его бедра.

— Не надо... не надо этого делать, — Алекс попытался нагнуться, но её уже более властный голос остановил его.

— Я больше не глупенькая маленькая девочка и догадываюсь, что может делать женщина, стоя на коленях. Я сама этого хочу, и только посмей запретить мне!

— Я не... прошу тебя... слышишь? Ты ничем мне... не обязана.

— Я знаю, — она подняла на него глаза, и Александр с высоты своего внушительного роста увидел, как эти карие глаза потемнели, и кроме огня в них не было ничего. — Теперь ты сам поймёшь, что сделал со мной. Сейчас ты испытаешь в полной мере то, что я испытала, когда ты мной владел.

— Мне не нравится... что ты хочешь... отомстить мне так... поэтому прошу... Ах, чёрт!

Он так и не успел ничего ей внушить, потому что уже просто не был способен говорить, даже думать о чём-то конкретном. Из-под полуприкрытых век Алекс наблюдал, как Элисон целовала его живот, пускаясь всё ниже, и, наконец, коснулась губами его члена. В тот момент Алекс проклял её за смелость, поняв, что готов излиться в неё прямо сейчас. И никогда прежде, если женщина ласкала его так, он не переживал подобных чувств.

Она обхватила его губами, втягивая его член сильнее, и в то же время не могла сдержать довольной улыбки, когда слышала его стоны над собою. Её руки были везде: горячие пальцы то сжимали его ягодицы, то поднимались и опускались по его ногам. Алекс уже не ощущал себя, а внутри него будто разгорелся пожар. Когда ему удавалось открыть глаза, он видел её блестящие тёмные волосы, иногда Элисон откидывала их со своих влажных плеч и щёк. Книга на полу рядом с ней была раскрыта на весьма неподходящем месте: крупная картина, изображающая какого-то монстра — полумужчину, полужверя — пьющего кровь обнажённой женщины. Алекс мог разглядеть это с высоты, его мысли наполнились жуткими картинками из прошлого, когда он мог только забирать, не отдавая. Алекса пугал контраст всего, что окружало его сейчас: его жена, стоящая на коленях перед ним, демоническая обстановка, огонь и жар, и тени, пляшущие по стенам хижины... и по бледной коже Элисон.

Она выпустила его член, ещё раз проведя по всей длине горячим, влажным языком, и Алекс зарычал от сладкого томления, от ожидания неизбежного. И больше ждать не намеревался. Прежде, чем Элисон снова стала его ласкать, он упал на колени перед женой, уронил её на спину, держа за тонкие запястья рук, и сам же резко раздвинул её ноги коленом, втиснувшись между ними.

— Маленькая ведьма! — прошипел он ей в губы. — Чем же я заслужил такую пытку? Молчишь?

Она действительно молчала и улыбалась. Смело посмотрела в его зелёные глаза и вдруг обвила руками его шею и поцеловала. Всё случилось стремительно быстро. Алекс с жаром целовал её, лаская языком тёплый рот, не прекращая водить руками по её стройным ножкам. Животные инстинкты побеждали и брали верх над разумом, Александр наклонился и чуть прикусил зубами тонкую кожу на груди Элисон. Когда она громко застонала и выгнулась под ним, он ощутил, какая она стала влажная.

— Посмотри на меня!

Элисон подняла на него глаза, и Алекс только теперь заметил блестящие дорожки слёз

на её щеках. Почему она плакала, он не понимал. Старался не сделать ей больно, хоть и спешил, а теперь почувствовал себя настоящим подонком, раз что-то послужило причиной этих слёз.

— Что с тобой? Тебе больно? — спросил Алекс, еле дыша; он приподнялся над ней и только сейчас заметил, как она дрожит. И он сам тоже. — Ты такая горячая! У тебя жар? Скажи мне, милая!

— Я в порядке, — Элисон утёрла тыльной стороной руки слёзы и вдруг прошептала, улыбаясь: — Мне никогда не было так хорошо... Ты действительно любишь меня?

Гром за стенами хижины всполошил лес, а дождь барабанил по крыше и земле уже не один час. Река разлилась, её уровень поднялся, и в этот час было сложно добраться до берега вплавь.

Но если бы кто-то посторонний случайно забрёл сюда и заглянул в окна хижины, то увидел бы два молодых, обнажённых тела, чьи руки и ноги были сплетены, а губы то и дело соприкасались. Их было бы видно в свете угасающего камина. Лёгкие, плавные движения крепкого тела мужчины и почти совсем неподвижное тело девушки. Его кожа блестела в свете огня, волосы были влажными, а губы искали её шею, плечи, грудь...

Они не расставались до рассвета, и когда дождь прекратился, Алекс отнёс жену в постель и бережно, словно ребёнка, укутал двумя одеялами. Пока он не заснул рядом с ней, Элисон осмелилась спросить:

— Как думаешь, это можно считать нашим медовым месяцем?

— Если пожелаешь, любимая.

Элисон показалось, будто ей это лишь послышалось. Тогда Алекс нагнулся к ней и, прежде чем снова поцеловать, прошептал:

— Я действительно... люблю тебя.

Алекс долго ворочался во сне, время от времени произнося какие-то слова, насколько Элисон расслышала, на французском языке. Она не понимала их, но её больше беспокоил тревожный сон мужа. Элисон осторожно стянула с него плотное одеяло, придвинулась ближе и, крепко обняв руками, положила голову ему на грудь. От его кожи исходил такой жар, что девушке невольно стало страшно, а не заболел ли он.

— М-м-м, не стоит так стискивать меня, милая, — услышала она его тихий голос над ухом. — Я всё равно никуда не денусь от тебя.

Элисон подняла на него глаза и увидела, что он улыбается ей. Он совсем здоров, и он рядом и никуда не уйдёт. Ей вдруг захотелось сказать ему, что она готова всегда быть с ним, оберегать его и не отпускать. И что она не сможет прожить и ночи без него, а теперь, возможно, и одного часа. Что она готова плюнуть на свою гордость и сказать ему...

Алекс вдруг приподнялся на руках, легко толкнув Элисон на спину и, прижавшись к ней, начал целовать, и так долго не желал размыкать губ, что девушке стало не хватать воздуха. Тогда он дал ей вздохнуть, чтобы потом продолжить поцелуй. Так они долго оставались в постели и весь оставшийся день провели вместе, не покидая хижины.

Вечером, наблюдая, как только что снявший рубашку Алекс принялся рубить дрова перед крыльцом, Элисон неожиданно для себя самой подумала, что сейчас в её жизни действительно всё хорошо. Александр её вполне устраивает, и теперь нужно лишь подождать, когда им можно будет вернуться домой. Тогда она попросит мужа переехать в Лондон или в Портсмут поближе к отцу, ведь им больше ничего не будет мешать видиться. А если он не согласится, что ж... Она сможет смириться с жизнью в глуши, даже рядом с этим

странным озером, которое до сих пор пугает её. Главное, что Алекс будет рядом. Тогда-то вскоре, возможно, она родит ему наследника, если, конечно, не беременна сейчас.

Позже, сидя у камина вместе с Александром, Элисон попросила его рассказать что-нибудь об Индии, и он не отказал. Она слушала чарующий голос, разместившись у мужа на коленях и обняв его тёплыми руками, и вдруг поцеловала в шею, отчего он очень тихо застонал. И когда они занимались любовью, Элисон вдруг сказала, что так ей нравится больше: при свете огня она может видеть его лицо и любоваться им, на что Алекс лишь рассмеялся. Потом он обнимал её и долго-долго говорил нежные слова о том, что любит, пока она не заснула.

***

15 августа 1819

Девушку разбудил громкий всплеск на воде где-то снаружи, и она резко вскочила на постели. До этого ей снился весьма неприятный сон, воспоминания о котором она тут же постаралась выбросить из головы. Шум потревоженной воды повторился, Элисон посмотрела на спящего рядом мужа и уже собиралась начать будить его, как вдруг передумала. Ещё вчера он выглядел уставшим, бледным и даже немного нездоровым, но всё равно проводил с нею день и ночь. Сейчас, во сне, он был таким красивым, спокойным, что Элисон не решилась его тревожить.

Надев брюки и рубашку и кое-как пригладив волосы руками, девушка спустилась вниз, чтобы из окна разглядеть всё получше... и очень удивилась, увидев чужую лодку у берега, а рядом с ней — знакомого ей уже помощника мужа, ирландца. Быстро натянув на голые ноги сапоги, Элисон выбежала наружу и подошла к вытаскивающему на берег лодку гостю.

— Вы? Что вы тут делаете? Я думала, никто не знает про это место.

— Только я знаю, что вы здесь. И мистер Ривз тоже знает. Я привёз кое-что из припасов, — он достал со дна лодки небольшой, заколоченный ящик и поставил его на землю. — Ваш муж должен был встретить меня здесь.

— Он... слишком устал. Не стоит его беспокоить.

Ей вдруг захотелось, чтобы он поскорее убрался отсюда, словно своим присутствием мог всё испортить.

— Как скажете, миледи. Я только отнесу это в дом...

— Не надо! Я сама, он ведь не тяжёлый, да? — она приняла из его рук ящик с припасами, и ей действительно оказалось по силам отнести его в хижину. — Что-то ещё? Есть какие-нибудь новости?

— Говорят, что в Солсбери видели кое-кого из сбежавших из Лондона. Их было немного, человек десять-пятнадцать...

— Ничего себе, немного!

— На севере и востоке вспыхивают бунты, для бандитов это самое удобное время. Не волнуйтесь. Сюда никто не явится...

— Вы мне так и не назвали своего имени. Как вас зовут?

— Колин, — ответил ирландец нехотя. — Я из Вексфорда.

— Скажите, Колин, зачем эти люди ищут Александра? Что он им сделал?

— Мне не было указаний рассказывать вам что-то, — ирландец повёл плечами и нахмурился. — Кажется, мне не стоит этого делать. Простите меня.

— Я его жена, я должна знать хоть что-то. Он считает, будто это мне навредит или испортит моё впечатление о нём, — судя по тому, как хмыкнул мужчина, Элисон подумала,

что он считает их отношения чем-то отвратительным. — В общем, я надеюсь, что вы мне расскажете...

— С мистером Ривзом я работаю всего пять лет и его сына знаю не очень хорошо, но, насколько мне известно, многих из этих сбежавших заключённых он сумел посадить за решётку сам, — он помолчал, почесав затылок, и вздохнул. — Многие из них жаждут ему отомстить. Полиции в городе не до них сейчас, так что вам повезло оказаться здесь.

С этими словами он как-то неуклюже кивнул, Элисон так и не поняла, зачем. Он стал оттаскивать лодку к воде, когда ей вдруг пришла на ум идея, показавшаяся вполне разумной и правильной.

— Подождите, умоляю вас! Я сейчас вернусь.

Элисон вошла в хижину, оставила ящик на столе, успев заглянуть наверх и проверить, не проснулся ли Алекс. Убедившись в этом, она вырвала из какой-то старой книги лист, отыскала обломок карандаша и спешно написала всего несколько строчек:

Дорогой Луис!

Со мной всё в порядке, хоть я и скучаю. Надеюсь, вы ещё не забыли обо мне, и если волновались, должны знать это. Прошу тебя, не ищи меня и не говори отцу обо мне.

Элли

Когда она вернулась на берег, ирландец понуро глядел на воду, скрестив руки на груди. Протянув ему сложенный лист бумаги, она твёрдо произнесла:

— Прошу, возьмите это и отнесите на почту в городе. Адрес написан сверху.

— Нет уж! Вы мне приказывать не можете, а других указаний я не получал...

«Да что ты заладил, приказ, не приказ! Тупой мужлан!»

— Просто отнесите на почту, — Элисон старалась быть сдержанной и говорить спокойно. — Это ни к чему вас не обязывает и ничем вам не грозит, клянусь! Если, конечно, вы не хотите разочаровать вашего хозяина, тогда...

— Ладно, — он нехотя забрал записку, — я всё сделаю.

Позже, когда его лодка скрылась в тумане реки, Элисон мысленно умоляла Бога, чтобы тот позволил дойти этой записке до её брата. Тогда, возможно, Луис прочтёт это, и совесть его мучить не будет. Если, конечно, она уже не прекратила терзать его.

Элисон осторожно присела на край постели рядом с Алексом, дотронулась кончиками пальцев до его лба, затем наклонилась и нежно поцеловала. Она очень тихо звала его по имени, склонившись к его уху, но он не просыпался. Только едва открывал глаза, бессвязно что-то шептал и отворачивался, натягивая на себя одеяла. Тогда Элисон подумала, что, возможно, это первые дни его, так сказать, отдыха за очень долгое время. Её сердце сжималось от жалости к нему, и она решила больше его не беспокоить.

***

Их обоих разбудил странный громкий шум снаружи. Затем кто-то забарабанил кулаком в дверь, и Алекс резко вскочил с постели, будто и не спал эти полтора дня. Сдёрнув со стула свои штаны и быстро одевшись, он даже не посмотрел на перепуганную Элисон. Бледный и разгорячённый, он почти слетел вниз по хлипкой лестнице и буквально за несколько секунд до того, как распахнулась дверь хижины, вытащил из лежавшей на полу сумки револьвер и направил его прямо на ввалившегося в дом Луиса.

— Опустит оружие, Ривз! — он сделал шаг вперёд, держа перед собой мушкет с длинным дулом, которое было направлено Алексу в грудь.

— Сам опускай, подонок, — Александр уже почти шипел, дыхание его сбилось, а руки

предательски дрожали.

— Где Элисон?

Алекс не ответил. Будто обозлённый зверь, он глухо прорычал что-то невнятное и крепче сжал револьвер. Указательным пальцем то и дело двигал курок, но стрелять не намеревался. Не сейчас, по крайней мере.

— Повторю свой вопрос, — процедил сквозь зубы Луис. — Где моя сестра?

— Не твоё собачье дело! Как странно, ты только сейчас вспомнил о ней? Стоишь тут, весь такой храбрый, с оружием в руках. Думаешь, напугаешь меня этим? Твоя ошибка!

— Ублюдох, ты же прекрасно знаешь, что мы искали Элисон! Где ты её прятал? — парень шагнул вперёд, упрямо держа перед собой мушкет. Лицо его пылало от гнева.

— Ещё шаг, паршивец, и я пушу тебе пулю в лоб! А потом засуну твоё ружьё в твою же задницу!

— Только посмей.

Как по его немому приказу в следующую секунду за Луисом в хижину вошли четверо мужчин в военной форме. И все вооружённые. Луис кивнул в сторону Алекса, и они вытащили свои пистолеты, также направив их на него.

— А, и дружков прихватил с собой! Ну конечно! — Александр зло засмеялся, и его улыбка больше походила на звериный оскал. — Ты же трус. Несчастный трус и дезертир. А теперь играешь роль храбреца, кого? Военного? Да, тебя мало порол твой папаша! Надо было сдать тебя властям тогда! И я бы посмотрел, как твою обделённую извилинами башку отрубят на плахе!

С диким криком Луис бросился вперёд, выронив мушкет. Алекс отбросил револьвер в сторону, но секундное замешательство многого ему стоило. Парень в бешенстве подскочил к нему и со всей силы ударил кулаком по лицу. Александр упал на колени, не предполагая, что удар может быть таким сильным. Кровь хлынула из его носа, и пока Луис пытался отдышаться и перетерпеть боль в правой руке, Алекс резко поднялся, схватил его за плечи и, потянув к себе, нанёс ему удар коленом в живот. Луис глухо застонал, согнулся пополам, и когда трое мужчин из его сопровождения наставили на Алекса пистолеты и стали приказывать ему встать на колени, к ним подбежала Элисон, бледная и растрёпанная.

— Нет, пожалуйста! — она встала между братом и мужем, закрывая последнего собой. — Уберите оружие!

— Элли!

Луис еле поднялся с пола, и девушка тут же бросилась к нему, заключив в объятия. Пока брат с сестрой обнимались, Алекс стоял в паре шагов от них, полураздетый, с окровавленными губами и подбородком и взглядом таким ненавистным и пристальным, словно хотел выжечь дыру во лбу Луиса. От злости он сжимал пальцы в кулаки и тяжело дышал.

— Элли, я так рад, что нашёл тебя! — Луис гладил её покрасневшие щеки пальцами. — Боже мой, ты выглядишь ужасно, ужасно. Что он с тобой сделал?

— Ничего, но... как ты здесь оказался?

— Да, и мне это очень интересно, — произнёс Алекс раздражённо, скрестив руки на груди. — Чего тебе надо? И кто рассказал тебе об этом месте?

— Тебе я ничего не обязан говорить, ублюдох! Я пришёл за сестрой, ясно? Ещё хоть слово, и они, — Луис кивнул на свой вооружённый эскорт, — тебя приложат. Прямо тут!

— Ты... грязный сукин сын! — Алекс было метнулся к нему, но Элисон прижалась к

его голой груди, остановив таким образом.

— Прошу тебя, остынь! Ты весь в крови... Господи! — она обняла его дрожащими руками, прижавшись щекой к горячей коже его груди на несколько секунд, затем обернулась к брату: — Как ты сюда попал? И зачем привёл... этих?

— Вчера я получил твоё послание. Я был... ошеломлён, ведь мы искали тебя и добивались, чтобы его папаша рассказал, где ты живёшь, но нет! — Луис с отчаянием махнул рукой. — Ничего! Больше месяца никаких вестей, я с ума сходил, а отец совсем расклеился!

Пока Луис говорил, Элисон кожей чувствовала, как нарастало напряжение мужа. Он будто превращался в камень. Стоило ей поднять глаза, как она видела его злой взгляд. Злой и хищный взгляд потемневших зелёных глаз. И тут она осознала, что натворила. Что повлекло за собой её желание написать брату несколько строк.

— И вот вчера я ринулся на почту в Портсмут, узнал название города, откуда пришла записка. И угадай, кого я встретил перед отъездом? Уильяма Кэллиса! Его дружка, — Луис гневно посмотрел на застывшего, как каменное изваяние, Алекса. — Каково же было моё удивление, когда этот самый Уильям принялся уговаривать меня срочно тебя найти. Мы отыскиали того огромного ирландца, что оставил послание на почте, но он молчал, как рыба. Поэтому пришлось хорошенько его растряссти, чтобы он показал дорогу на карте. И вот я здесь, и ты... ты обнимаешь этого маньяка?!

— Луис, ты спятил? Он мой муж, а не какой-то...

— Ты действительно написала ему, не спросив меня? — спросил Алекс всё тем же охрипшим голосом. Его тон ничуть не потеплел.

— Я... мне... мне пришлось! — когда он поморщился, будто испытывал невыносимую боль, она попыталась коснуться рукой его лица, но Алекс высвободился из её объятий и отступил на шаг назад.

— Я же говорил тебе этого не делать!

— Ну вот, полюбуйтесь! — Луис нервно засмеялся, обведя беглым взглядом комнату. — И давно он ограничивает свободу твоих решений, сестра? Ты не разрешал ей ни писать нам, ни тем более встретиться с нами, Ривз! Уже за одно это я могу отвезти тебя в Лондон в наручниках. А чтобы тебя посадить, уверен, мне будет, за что ещё зацепиться в твоих грязных делишках...

Элисон не слушала брата. Они с мужем смотрели только друг на друга, и когда Луис прервал свою очередную тираду, девушка тихо проговорила, глядя Алексу прямо в глаза:

— Я не хотела... Клянусь, я не просила его приехать. Ты не смеешь злиться на меня за это.

Он медленной, но твёрдой походкой подошёл к ней, и она слышала, как Луис позади неё приказал своим людям «приготовиться». Неужели они действительно стали бы стрелять?

Она надеялась, что он, остановившись перед ней, скажет, что не злится, и что ничего плохого не произошло и это забудется, но он лишь прошептал, наклонившись к её уху:

— Ты меня предала.

Он прошёл мимо Луиса, пихнув его в плечо. Тот, угрюмо поглядев, как Алекс выходит из хижины, сделал жест рукой своим сопровождающим:

— Нет. Пусть идёт. Он никуда не денется. А мы подождём до следующего утра и отправимся в Портсмут. Ты согласна, Элли?

— Зачем ты приехал?! — она обернулась к нему и оттолкнула от себя. — Ну кто тебя

просил? Луис, ты снова всё испортил!

Из-за слёз она уже не могла заметить удивление на его усталом лице. Элисон упала в кресло, забравшись в него с ногами и, спрятав лицо в ладонях, зарыдала. Её брат с минуту постоял в растерянности, затем, отдав незначительные распоряжения своим людям, встал на колени рядом с сестрой и ласково погладил её волосы рукой.

Он стоял на берегу недалеко от кромки воды, скрестив руки на груди, и хмуро вглядывался в спокойную гладь реки. Был уже глубокий вечер, а Алекс почти всё время провёл снаружи, потому что не хотел встречаться с Луисом и его дружками. Сейчас у его ног, на большом, заросшем мхом пне, стояла пустая бутылка горького виски, а ему хотелось пить ещё и ещё, потому что это чуть ли не единственное, что могло бы заглушить гнев и злость. Александр очень долго размышлял над тем, что случилось, и теперь чувствовал себя виноватым, потому что Шеффилд младший был прав. Не во всём, как он сам себя уверял, он ведь прав...

Алекс так боялся, что Элисон ускользнёт от него, даже абсолютно ограничил её свободу. Почти так же, как сделал это с Джоэлем, хотя давно уже стоило бы попытаться ему помочь. Но теперь он понимал, что мимолётной идиллии пришёл конец, и им придётся уехать отсюда. И хуже всего, если Элисон не останется с ним... С ним, на которого охотятся настоящие безжалостные монстры в людском обличье.

Мужчина покачал головой, когда ему вдруг стала ясна полная картина его положения. В отчаянии он громко выругался, схватил пустую бутылку и швырнул её в ближайшее дерево. Стекло разбилось на несколько крупных осколков. Алекс провёл рукой по влажным волосам, обернулся и увидел жену, стоявшую в нескольких шагах от него. На ней была кожаная куртка её брата, и Алексу отчего-то это не понравилось. Но он просто не мог отвести от Элисон глаз. Именно сейчас он полностью осознал, чем она стала для него, и как изменилась его жизнь с её появлением.

— Надо поговорить, — твёрдо произнесла она, хотя от Алекса не ускользнула тревога в её карих глазах. — Ты ведь не очень занят?

— Да, я тут... разбиваю бутылки.

— Ах, конечно. Мне оставить тебя за этим занятием или...

— Нет, — он попытался улыбнуться, но кроме кривой ухмылки ничего не получилось. — Если желаешь, давай поговорим. Чего ты хотела?

По тому, как она взглянула на него, он понял, что грубый и даже безразличный тон его голоса привёл её в замешательство. Алекс подумал, что так будет лучше, ведь то, что он собирался сделать, в любом случае расстроит её.

— Луис предлагает мне поехать с ним в Портсмут. Говорит, Кэллис так убедил его, что мне нужна защита... от тебя, что иного он не хочет. Всё-таки вы с Уильямом больше не друзья.

— Нет, не друзья. Раньше мы делили всё. И оружие, и пищу, даже раны в бою... и девушек тоже. Но теперь он зашёл слишком далеко.

— Вопрос не в этом. Он ведь не собирался похищать меня!

— Вопрос в том, каким паршивым другом он был, если посмел только притронуться к тебе, — его голос чуть охрип, стоило ему вспомнить письмо Уильяма. — Трогать тебя и целовать. Это много значит для него, как я понял. Возможно, я и сам был виноват, раз дал ему хоть малейший намёк, что ты мне безразлична... но это неправда! Забирать то, что мне дорого...

— Никто меня не забирал и не собирался, — Элисон поёжилась от холодного ночного ветра и заправила локон волос за ухо. — Если бы только я сама этого не захотела.

— А ты хотела? — он сделал к ней два шага, чтобы взглянуть прямо в глаза.

— Поначалу я хотела... Но ведь я слушалась тебя. Я не писала домой, отправилась с тобою сюда, в самую глушь...

— Значит, ты согласна со всеми ними? Я опасен для тебя? — он серьёзно посмотрел на неё, закусив нижнюю губу.

— Я уже не знаю, что думать. Прости.

Она опустила голову, чтобы не видеть этого вызова в его глазах. Алекс подумал, что сейчас она наверняка боится того же, что и он: если кто-то посмеет причинить ей боль.

— Что ж... — он тяжело вздохнул, затем посмотрел по сторонам. — На этот раз твой братец даже меня удивил... Остаётся кое-что, что я должен выяснить прямо сейчас.

— И что это? — Элисон подняла на него глаза. Всё тот же тревожный взгляд.

— Я люблю тебя. Я влюблён, как какой-нибудь двадцатилетний мальчишка, понимаешь? Я так сильно хотел тебя, что был готов при малейшей возможности тебя удержать. Но теперь всё, чего я хочу, это услышать, что ты тоже меня любишь.

Она вдруг побледнела и задрожала, такой реакции он не ждал. Когда по её щекам покатались слёзы, Алекс сжал её лицо в ладонях, поцеловал мягкие губы и постарался как можно дольше не разрывать поцелуй.

— Просто скажи, что ты тоже чувствуешь это... как и я, — шептал он то отстраняясь, то вновь прижимаясь к её губам. — Скажи, что любишь меня.

Он поцеловал Элисон в последний раз и прижался подбородком к её лбу, стараясь скорее отдышаться. А она молчала, но он слышал, как она всхлипывала. Лоб её стал горячим и влажным. Наконец, когда Алекс выпрямился, отпустив жену, она очень тихо, с тоской в голосе, произнесла:

— Мне больно от одной мысли, что ты действительно нарочно скрыл моё местонахождение от отца и брата. И они не знали, где я. Это правда?

— Да, правда.

— Вот значит как... Ещё два дня назад мне казалось, что у нас всё будет хорошо... — она смахнула слезу пальцами и всхлипнула снова. — А теперь это как-будто исчезло. Мне страшно от мысли, что Луис в чём-то прав...

— Я спрашивал об ином, — процедил Алекс сквозь зубы, чувствуя, как злость закипает в нём с новой силой.

— В том всё и дело! Это одно и то же! Прости меня, но сейчас... я не чувствую, что люблю тебя.

На несколько секунд он словно застыл. В глазах блеснули слёзы, а губы приоткрылись, будто он хотел что-то сказать, но голос его подвёл. Само осознание того, что всё было напрасно, убивало надежду на её любовь... И могла ли она вообще полюбить его?

— Я всё понял, — он бездумно закивал головой, снова принимаясь кусать губы. — Я рад, что, по крайней мере, сделал тебя женщиной и тебе это понравилось.

— Я этого и не отрицаю, просто...

— Ничего не говори! Я зря надеялся... Или дал тебе слишком мало времени. Куда уж мне, пьянице и распутнику, влюбить в себя такую как ты, — он обошёл Элисон, больше ни разу не посмотрев в её сторону. — Можешь ехать в Портсмут. Поговорим, когда всё утихнет и твой брат-идиот успокоится.

Она проводила его взглядом, пока он не скрылся в хижине. Ещё несколько минут Элисон стояла на берегу и думала, что больше повлияло на её слова: её собственное решение или мнение брата. Она устала и была вымотана последними событиями. В конце концов, девушка решила, что ещё раз поговорит с Александром утром.

Войдя в дом, она обнаружила, как Луис с его сопровождающими что-то оживлённо обсуждали перед камином. Она поинтересовалась, где её муж, и Луис раздражённо ответил:

— Ушёл спать наверх, судя по всему. Остайся лучше с нами и не ходи к нему.

Она согласилась, решив, что сейчас Алексу лучше побыть одному. Через несколько минут Элисон уснула в кресле под звуки потрескивавших в камине дров.

***

Но утром их всех ждали не самые приятные новости.

Элисон, проснувшись, обнаружила себя в постели, хоть и всё так же одетой. Сверху она слышала, как суетился на первом этаже Луис, а когда спустилась вниз, заметила свои многочисленные вещи, собранные в сумке.

— Луис, мы что, уже должны уходить? Я хотела ещё раз кое-что обсудить с Александром...

— К сожалению, у тебя это не получится, дорогая, — её брат принялся застёгивать пуговицы на куртке, а покончив с этим, взял с пола сумки и перекинул их через плечо.

— Это ещё почему?

— Потому что твой муженёк сбежал от нас ночью.

— Что?! — Элисон застыла на месте, боясь пошевелиться.

— Ты слышала меня. Он исчез. Ушёл, понимаешь? Забрал единственную нашу лодку и уплыл ко всем чертям...

Девушка, не дослушав брата, выбежала наружу. Сильный, холодный ветер не волновал её, она подбежала к кромке воды на берегу... Там ничего не было. Лодка исчезла. Вернувшись к дому, Элисон опустилась на ступеньки крыльца, сжала голову руками и стала думать. Думать о том, что натворила. О том, что стоило хотя бы попытаться удержать его прошлой ночью. Если она и сомневалась, что любит его, наверное, нужно было бы просто это сказать.

Луис сел рядом с ней. Он тоже молчал, не зная, что сказать. В конце концов, пауза затянулась, и он попытался обнять сестру.

— Не надо, прошу тебя, — она убрала его руку с плеча и вздохнула. — Не трогай меня... Зачем только я тебя слушала?

— Потому что я говорил тебе правду. То, как он с тобою обращался — это почти преступление! Я помню, с какой печалью на лице ты уезжала из дома. Я жалею лишь о том, что не остановил этого мерзавца тогда.

— Больше месяца прошло. Много изменилось за это время.

— Что ты хочешь этим сказать? Влюбилась в него? — Луис строго посмотрел на неё, но девушка промолчала. — О, только не говори мне этой ерунды! Я не верю, что можно влюбиться в кого-то за такой короткий срок! Да не в кого-то... А внего!

— Поверь мне, ты не знаешь его так, как я знаю. И если в твоей жизни до сих пор никто не появился, и ты страдаешь от недостатка женского внимания, то не подгоняй меня и моего мужа под эту черту!

— Это от него ты набралась подобной чепухи? — Луис покачал головой, затем вдруг улыбнулся. — Три недели назад я познакомился с группой ребят из гусарской королевской

армии. Мне понравился их образ жизни. После того, что я натворил, мне казалось, что я уже никогда не заслужу уважение отца и чести служить своей родине. Я был таким трусом... В этом твой муж, несомненно, прав. Но три недели назад я записался на службу, и возможно, когда-нибудь я буду работать в полиции. Что скажешь?

— Я скажу лишь, что твой отказ пойти в армию — лучшее, что со мной когда-либо случалось.

Он ожидал любого ответа, но точно не такого. И Луис ещё очень долго размышлял над её словами.

Им пришлось пешком пробираться через лес к ближайшему небольшому городу, где они взяли лошадей, и лишь тогда отправились главной дорогой домой. Элисон была единственной, кто не уставал ехать верхом. Она почти заставляла брата и его людей подгонять лошадей и не останавливаться по пустякам. Они и так много времени потеряли, и теперь она боялась, что это отразится на её встрече с Александром.

Но то, что они увидели, прибыв в Солсбери, повергло всех в настоящий шок.

Ещё подъезжая к знакомым холмам, Элисон почувствовала запах дыма и сгоревшего дерева. А стоило ей забраться на холм, её взору предстала ужасная картина. Замка, в котором она прожила более месяца, больше не было. Точнее, от него остались лишь разрушенные каменные стены и кое-где ещё дымящиеся деревянные подпорки. Никакой уцелевшей мебели или других вещей — повсюду только чёрные камни, перевёрнутая и стоптанная земля, да провалившийся внутрь донжон со сгоревшей крышей.

Стоя на этом пепелище и озираясь вокруг, Элисон не могла поверить в увиденное. Словно это был очередной дурной сон. Только на этот раз было тяжело проснуться. Луис бродил по развалинам рядом, переворачивая руками сгоревшие деревяшки, напоминавшие остатки мебели.

— Какого чёрта тут случилось? — спрашивал он время от времени, разводя руками.

— А если он был здесь?! — Элисон закрыла ладонью рот и, опустившись на колени на почерневшую землю, зарыдала. — Господи... а если Алекс тоже был тут, пока замок горел? Нет, нет... пожалуйста... только не он!

Луис поспешил к сестре, обнял её и долго успокаивал, говоря слова утешения. Ему и самому с трудом верилось, что Ривз младший погиб здесь. Ещё пару дней назад он видел этого мерзавца, как сейчас видел Элисон. Нет, умереть он не мог. Только не так. Александр слишком горд и честолюбив, чтобы умереть в огне, подумал Луис.

Он приказал солдатам обыскать развалины замка, а если они найдут нечто, похожее на останки человека — сообщить ему. Но ничего подобного обнаружено не было, тогда Элисон немного успокоилась. Вместе они отправились в деревню, и жители все как один твердили, что не знают, кто совершил поджог... И был ли это поджог вообще. Тогда Элисон вспомнила слова мужа, словно он произнёс их только что своим чарующим голосом:

«Остины — очень хорошие люди, я хочу, чтобы ты с ними познакомилась и узнала, к кому можно обратиться в случае...»

Теперь она понимала, что это был самый подходящий случай. Миссис Остин встретила её с грустной улыбкой на лице. Она сидела перед девушкой за столом и, облокотившись на него, медленно говорила:

— Он горел так сильно, что мы отсюда видели дым, он весь был в дыму. Вечером небо итак тёмное, а тогда оно стало непроглядным, чёрным. Александр был там, когда мы пришли помочь. Бегал перед стенами, бешеным, диким взглядом смотрел на огонь, не знал,

как это остановить. Нам пришлось к озеру пойти, за водой... Там ещё никогда не было так страшно!

— Но мой муж был жив, верно? Так где он сейчас?

— В том-то всё дело, миледи, понятия не имеем! Вчера, когда всё стихло, он пришёл к нам и отдал вот это, — она поднялась, достала с полки большой бумажный конверт и положила его на стол перед Элисон. — Он сказал, что эти документы важны для вас обоих... И ещё сказал, что вскоре вы встретитесь. Он ушёл посмотреть на то, что осталось от замка. И больше не вернулся.

Элисон бездумно шагала по деревенской узкой улочке и, если встречала знакомых, обязательно спрашивала, что они знают. Никто и понятия не имел, где Александр сейчас. Никто не знал, почему сгорел их дом.

Луис уговаривал её уехать в Портсмут. Элисон решила согласиться, если только он пообещает устроить встречу с отцом её мужа. Прошло три дня, когда Ривз старший появился в доме Шеффилдов. Мужчина был мрачнее тучи, и девушка понадеялась, что он ещё хранил какие-то отцовски чувства по отношению к Алексу.

Она, её брат и отец, а также свёкор, собрались в гостиной вечером. Ривз старший рассказал, что не видел сына с того инцидента с дочерью Стокеров. Он и сам понятия не имел, куда мог пропасть Алекс. Мужчины долго рассуждали, как лучше организовать поиски. Казалось, это действительно волновало их, словно это было их общей проблемой. Но Элисон, сидя молча с бокалом вина в руках, понимала, что её печаль никто, находящийся в этой комнате, не разделяет.

Свёкор обещал, что, как только появятся новости, он обязательно сообщит ей.

— Я хочу, чтобы он вернулся, — произнесла Элисон, оставшись один на один со свёкром перед входной дверью. — И я не верю, что, разозлившись, он мог просто сбежать.

— У него тяжёлый характер, — вздохнул мужчина. — От него стоит ожидать чего угодно. Но, признаться честно, я тоже в это не верю.

— Если вас хоть немного заботит его судьба, я умоляю вас, ищите его!

— Конечно.

— Да... — Элисон немного подумала и, набравшись, наконец, смелости, спросила: — Скажите мне, как Джоэль себя чувствует?

— С ним всё в порядке. И он часто о тебе говорит... Скоро его осмотрит один профессионал, врач с Юга. Уверял меня, что его зрение ещё можно восстановить, хотя бы частично.

«Они всё-таки послушали меня», — подумала девушка, печально улыбнувшись.

— Как только я буду готова, я его навещу. Обещаю.

Ривз закивал, отведя глаза в сторону, получше запахнул плащ и вышел на улицу под мелкий, колючий дождь.

Элисон в одиночку поднялась по лестнице и вернулась в свою комнату. Здесь она провела большую часть детства, здесь няня рассказывала ей сказки о принце, который появится и в её жизни. А сейчас её принц исчез. Он уверял, что был влюблён и любил её по-настоящему. Поэтому она верила, он не сбежал. Он просто не мог так поступить.

Неделя ожидания ни к чему не привела. Луис, с поддельной или же искренней печалью на лице, заключал, что никаких следов Александра они не нашли. Знакомые его не видели и ничего не знали. Банда головорезов, сбежавшая из лондонской тюрьмы, пропала тоже. Словно залегла на дно.

Элисон замечала жалостливые взгляды отца и брата. Они переставали верить в лучшее. Но для Элисон ничего не закончилось. Она не верила в подобный конец. Она каждый день доставала из конверта, что оставил Алекс, документ о заключении их брака. Напротив пункта о его добровольном расторжении стояла подпись Александра. Он оставил её в день, когда они покинули замок и скрылись в хижине в лесу.

Она отказывалась верить в то, что таким образом он заранее желал дать ей возможность уйти без обязательств. Зачем тогда говорил, что любит, и пытался удержать? Элисон оставалось лишь поставить свою подпись, и она стала бы вновь свободна. Но она каждый день просто глядела на этот документ, даже не вчитываясь в него.

Её судьба, казалось бы, находилась в её руках. Но на самом деле это чужие руки владели ею и могли бы её спасти. Элисон знала, что не успокоится, пока не найдёт своего мужа... или его бездыханное тело.

Франция, Рошфор

Август, 1821

Небольшая группа мужчин, одетых в чёрные плащи с глубокими капюшонами, разделилась надвое перед тем, как распределиться по двум шлюпкам, качающимся у самого берега. Двое очень высоких мужчин (один худой и немного сутулый, а другой — широкоплечий и рослый) полушёпотом отдавали команды своим людям, чтобы те были осторожнее в темноте ночи. Рассевшись по шлюпкам, они стали медленно подплывать к не так далеко стоящему от берега кораблю, на вершине мачты которого развевался французский флаг.

Подобравшись ближе, трое из банды достали длинные, крепкие верёвки с цепкими захватами на одном конце, как следует размахнулись и уцепились за край кормы. Стараясь не создавать лишнего шума, каждый из мужчин забрался по верёвкам на корабль. Двое главных приказали остальным достать оружие: пушки, ножи, сабли, в общем, всё, что они имели при себе.

Один из командующих бандой — высокий, черноволосый мужчина лет тридцати — осторожно прошёл по палубе к двери, ведущей в трюм. Он хорошо ориентировался в темноте, поэтому быстро нашёл каюту капитана корабля. Постояв с минуту у двери, сжимая при этом длинный, острый нож в правой руке, мужчина глубоко вздохнул, затем резко пнул сапогом по дереву. Дверь с грохотом распахнулась, и капитан — низенький мужчина средних лет — сидевший за столом, захламлённом бумагами, вскочил на ноги и вскрикнул.

— Какого дьявола здесь происходит? — пробасил он.

Бандит промолчал, по-хозяйски оглядевшись, затем медленно прошёл на середину каюты.

— Что вам здесь нужно? — повторил перепуганный мужчина.

— Ваше судно захвачено, капитан. Советую вам самому показать мне карты и маршрут, по которому вы следовали, чтобы доставить ваш груз.

Он говорил медленно, приглушённо, и всё из-за платка, который скрывал его лицо наполовину. Поборовший страх капитан выдохнул и произнёс:

— Кто вы такой? И раз уж вы на моём судне, извольте снять капюшон и показаться мне.

Издав язвительный смешок, бандит вскинул руки, обтянутые перчатками из плотной кожи, сбросил с головы капюшон, затем стянул с лица платок, и тот остался висеть на его шее. И теперь капитан видел перед собой человека, что вторгся на его судно ночью. Его чёрные, как смоль, волосы были коротко стрижены, а на висках и вовсе сбриты. Над правой бровью была заметна глубокая, кривая линия шрама.

Капитан вздрогнул, встретившись взглядом с его глубокими, зелёными глазами. Казалось, они прожигали насквозь, заглядывали в самую глубь его души, и это пугало, страшило.

Жёсткая, многодневная щетина покрывала линию его подбородка, а под прямым, ровным носом засохла кровь, словно бандит недавно подрался. На тонких, бледных губах играла едва заметная улыбка, и это делало выражение его лица безумным, пугающим.

— Я желаю знать, кто вы такой, — проговорил капитан.

— Я — тот, кого вы видели в своих самых страшных кошмарах. Теперь этот корабль —

мой. Мой и моих людей. Мне надо знать, куда выплыли из Ливерпуля.

Послышался громкий топот сверху, на палубе. Затем мужские крики, выстрелы, а через минуту всё снова стихло.

— Вы убьёте нас? — спросил капитан, выпрямившись.

— Вашей команде уже не жить, — хриплым голосом произнёс захватчик. — Но у вас есть шанс. Покажите карты и маршрут.

Капитан угрюмо смотрел на бандита, прикидывая, что его пистолет лежит в нижнем ящике стола, и он не успеет его достать. Бесполезно было бы и бежать. А тем временем зелёные глаза неотрывно следили за ним; захватчик ждал ответа.

— Разбирайтесь сами.

С этими словами капитан опрокинул догорающую свечу, что стояла на столе, и бумаги, разложенные здесь, вспыхнули от одного касания с огнём. Победно улыбаясь, капитан посмотрел на мужчину, стоявшего напротив: тот впивался своим дьявольским взглядом в разраставшееся пламя, его губы были чуть приоткрыты, и казалось, словно он застыл, вспоминая о чём-то.

Бандит закрыл глаза, вымученно зажмурился, будто страдал от сильной боли, а когда вновь взглянул на капитана, тот стоял в паре футов от него. Сжав в пальцах нож, захватчик метнулся вперёд, хватая врага свободной рукой за шею, затем резко размахнулся и ударил его острым лезвием в живот. Глухо застонав, капитан стал оседать на колени. А на палубе тем временем вновь разгоралась стычка бандитов с командой судна.

— Я бы всё равно прирезал тебя, — прошипел бандит, и резко полоснул капитана ножом по горлу.

Брызнула кровь, заливая костюм несчастного. Она текла и текла, запачкав мешковатые штаны бандита и его руки в перчатках. Каюта заполнялась дымом... и запахом крови.

Послышались быстрые шаги, и один из захватчиков, одетый в чёрный плащ, вбежал в комнату, обошёл товарища и плеснул на горящий стол воды из кувшина, который держал в руках.

— У тебя тут всё под контролем? — обратился он к другу, скинув с головы капюшон. — Ну и ну!

Широкоплечий, высокий брюнет окинул взглядом лежавший на полу труп капитана и глубоко вздохнул.

— Куда мы теперь поплывём, без бумаг?

Утерев рукой влажный, грязный лоб, друг ответил ему:

— Вернёмся обратно. А там Корнет пусть сам с грузом разбирается.

— Неплохо сегодня всё прошло, а?

— Да, вполне. Что с командой?

— Уже кормят рыб за бортом.

Они поднялись на палубу, и шесть пар глаз уставились на них. В основном, на их окровавленного с ног до головы главаря.

— Найт? — спросил брюнет. — Командуй... если можешь.

Недовольно фыркнув и втянув носом морской воздух, Найт лизнул окровавленные губы и начал говорить, громко и чётко...

***

Англия, Солсбери

Июль, 1822

Элисон со вздохом облегчения разогнулась, уперев руки в поясницу, затем откинула со лба длинные, грязные от пота и земли локоны волос. Она вдохнула свежий, утренний воздух и, закатав запачканные рукава старого, деревенского платья, огляделась. Ещё полтора года назад это место было обычным пепелищем, и о том, что здесь когда-то стоял старый, большой замок, напоминали лишь его развалины.

Желая возродить это место и память о том, что здесь происходило, Элисон упростила отца и брата помочь ей с постройкой нового замка. Хотя дело продвигалось медленно, зато верно, и постепенно пепелище выровняли, обнесли новым забором, и рабочие уже возводили стены.

Единственное, что не устраивало брата Элисон — это её яростное стремление участвовать в стройке наравне со всеми. Каждый день до позднего вечера она носила землю, копала или таскала камни. На уговоры отца она не обращала никакого внимания. Его и Луиса волновало её состояние: девушка мало ела, плохо спала и, самое главное, не хотела проводить свободное время дома. Поэтому чаще жила в деревне, чем в городе.

Элисон растёрла измазанные в грязи ладони и тяжело вздохнула. Каждый день, возвращаясь сюда, она чувствовала, как тоска и печаль с новой силой овладевают ею. Девушка стала всматриваться в светлеющий горизонт, думая о том, что было бы с нею сейчас, не заупрямься она три года назад. Элисон упёрто считала, что исчезновение её мужа — целиком лишь её вина. Скажи она ему самые заветные три слова, которые он так жаждал услышать — всё могло бы быть иначе...

— Элли!

Девушка обернулась на звонкий, бодрый голос подруги. Мария, приехавшая только что на место стройки, выбралась из низенькой кареты, держа свою трёхгодовалую дочку на руках. Осторожно обходя вырытые ямы и лужи с грязью, девушка подошла к подруге и, рассматривая её строгим взглядом мамы, произнесла:

— Милая, ты ужасно выглядишь.

— Ну, спасибо, — Элисон улыбнулась, шмыгнув носом. — И тебе утро доброе. Вы так рано сегодня. Может быть, стоило подождать?

— Что ты! Никаких неудобств. Очень сильно хотели увидеть тебя.

Элисон кивнула и, утерев пальцы правой руки о передник, нежно коснулась маленькой ручки дочери Марии.

— Привет, солнышко... Какая она спокойная у тебя.

— Ах, ты не видишь её по ночам! Мы с Дениэлом себе места не находим! Ребёнок-сорванец. Но такая прелестная, — она поцеловала девочку в лоб, и та довольно заулыбалась. — Очень жаль, что с Алексом всё так вышло. Я всегда думала, что наши дети будут расти и играть вместе...

Заметив, как Элисон нахмурилась, Мария замолчала. Дочка на её руках радостно взвизгнула, когда та прижала её крепче к своей груди.

— Милая, прости. Я что-то совсем забылась.

— Ничего страшного.

— На твои плечи сейчас столько всего упало! Это строительство, поиски и Джоэль... Кстати, как он?

— Насколько я знаю, неплохо. Но я уже давно его не видела, — ответила девушка, заправив локон волос за ухо. — Просто не могу... Он напоминает мне об Алексе. Чёртов его папаша! Обещал вести поиски, а сам прохлаждается в Лондоне! Луис видел его на каком-то

приёме и рассказал мне. Кажется, что всем плевать на моего мужа, кроме меня и его брата. Ненавижу, когда люди такие мелочные и бесчеловечные.

— Элли, ты же знаешь, мне очень жаль... Но уже три года прошло. Думаешь, ещё есть надежда?

— Пока я не найду хотя бы его останки, я буду...

Она вдруг осеклась. Её взгляд остановился на ком-то из рабочих, как показалось её подруге. Мария обернулась и увидела невысокого мужчину в тёмно-сером плаще, стоявшего в нескольких футах от места стройки. На вид ему было не больше сорока лет, но всё же седина полностью покрывала его голову.

— Извини меня, — пробормотала Элисон, не отводя пристального взгляда от этого человека. — Мне нужно отойти. Сейчас вернусь.

Она оставила подругу и стала ловко перебираться через кучи мусора, деревянных балок и камней. Седой мужчина вежливым кивком встретил её и, не теряя времени, произнёс:

— Миссис Ривз, я узнал обо всём, что вы просили.

— Кроме вас меня никто так не зовёт, — ответила Элисон, грустно улыбаясь. — Ну, что ж, пройдемся, сэр?

Они медленно зашагали по широкой тропе, петляющей по лугу в противоположную сторону от озера. Мужчина громко прокашлялся, едва ли не заглушая звуки топора и молота, которыми орудовали рабочие позади них, и тихо заговорил:

— Я проследил за вашим свёкром в Лондоне, как вы просили. И многое узнал. Думаю, такого вы не ждали.

— О, вы действительно один из лучших, сэр. Говорите, я слушаю.

— Ваш муж, Александр Ривз, был внебрачным ребёнком. Его мать, насколько я понял, была одной из... работниц увеселительного заведения в Солсбери, но погибла после рождения сына. Почему Ривз всё-таки оставил ребёнка у себя, я не знаю, но, как бы там ни было, он выдавал его за своего законного наследника. Самое интересное, что в то время, когда появился Александр, Ривз был женат на леди по имени Хейли Коул. Видимо, она и пожалела ребёнка, решив его усыновить. Через несколько лет появился Джоэль, он-то и был всё это время наследником титула и всех владений. Но из-за его недуга ваш свёкор решил оставить всё, как и было: слепой мальчишка стал бастардом, ведь жена Ривза умерла при родах, и никто о нём не знал, а Александр — законным сыном графа. Ваш муж, миледи, этого не знал.

По мере того, как говорил этот седой мужчина, лицо Элисон всё мрачнело, плечи опускались от бессилия, а взгляд тускнел. Медленно бредя дальше по тропе, девушка пыталась усвоить всю новую информацию.

— Но ведь... никто не говорил мне, что жена графа была беременна перед смертью...

— Видимо, Ривз сумел оставить в тайне все негодные ему детали.

— Это же ужасно! О, Господи! Алекс так обожал её... Он считал ту женщину своей матерью, а после её смерти он так изменился...

Элисон остановилась, чтобы перевести дух. Уперев руки в бока, она стояла посреди дороги, бесстрастно глядя куда-то на точку горизонта.

— Если бы Александр был здесь, он бы выбил дух из этого грязного ублюдка!

— Поиски вашего мужа всё ещё ведутся?

— Я уже и не знаю, сэр, — девушка вымученно вздохнула. — Все говорят мне оставить надежду. Да, я знаю, что прошло три года, и мы потеряли след, но... Я места себе не нахожу.

Я не могу спокойно спать, не могу жить вот так...

— Вы не думали, что он сбежал добровольно?

Она метнула на доносчика до того злобный взгляд полный презрения, что мужчина невольно поёжился со стыда.

— Вам просто не понять. Алекс не мог вот так уйти... Нет, не после всего, что было между нами.

Она замолчала, чувствуя, что вот-вот заплачет. Ветер совсем стих, солнце уже начинало припекать. Становилось жарко, и сильнее запахло полевыми цветами.

— Я слышал, что вашего мужа в последний раз видели в порту, в Дувре.

— Да. Но это было так давно!

Они простояли на месте ещё несколько минут. Всё это время Элисон думала, обняв себя руками и глядя на рабочих, копавшихся на стройке. Словно придя к некоему заключению, девушка ненадолго закрыла глаза, затем обратилась к своему доносчику:

— У меня к вам будет одна просьба, сэр. Коли вы уже так помогли мне.

— Что угодно, миледи.

— Мне нужны проводники. Двое ваших самых лучших людей.

Мужчина пристально посмотрел на неё, вглядываясь в бледное, осунувшееся лицо, и покачал головой.

— Я понимаю, что вы задумали, но, миледи... это просто глупость.

— Больше никто не верит, что Алекс жив. Больше никто не станет искать его. Я хочу поехать туда, где его видели в последний раз. Я сама всё разужнаю. А если не удастся найти нечто новое о нём, что ж...

Она пожала плечами и понуро опустила голову.

— Вы ведь понимаете, что я никакой ответственности за последствия вашего поступка не понесу? — произнёс доносчик очень строго.

— Конечно, сэр.

— И если что-то произойдёт, обратной дороги не будет.

— Понимаю. Я не маленькая девочка, сэр. Я буду очень осторожна.

Глядя ему в глаза, Элисон понимала, что мужчина ей не верит. Даже больше — он не верилв неё в её стремление найти мужа.

— Мои люди сопровождают вас по маршруту, который вы выберете, миледи. Те парни — самые надёжные люди на западе Англии. Не сомневаюсь, что они сумеют вас защитить... Коли вы так желаете.

— Спасибо вам, сэр.

На этом их разговор был закончен, и Элисон вернулась на стройку. Как и всегда, день прошёл тяжело, но весело — деревенские парни и женщины не давали скучать, пока кипела работа.

Уставшая, но полная надежды в сердце Элисон вернулась домой, согласившись поехать в Портсмут к отцу и брату. Их безмолвному ликованию не было предела, когда девушка вернулась к ним, решив погостить недельку. Они считали, что её одержимость сыном графа вот-вот испарится.

По возвращению домой Элисон ждала письма от Уильяма, бывшего когда-то другом её мужа. Даже не распечатав конверты, она сожгла их, прекрасно зная, чего от неё добивался мужчина. Он, как и остальные, делал вид, что беспокоился об Александре. На самом же деле уже давно оставил надежду найти его живым. Или вообще найти его.

Поздним вечером, ровно через семь дней, когда небо над Портсмутом ещё светлело, Элисон собрала дорожную сумку и уложила туда только самое необходимое. Одевшись в мужской костюм, и не забыв также про шляпу с широкими полями, девушка села за письменный стол, чтобы черкнуть брату и отцу несколько строк о своём «неразумном поступке».

Она ещё долго сидела перед догорающей свечой, глядя на свои дрожащие пальцы, и всё мысленно подбадривала себя утешительными словами о храбрости, верности и благородстве. Она не стала ждать дольше, не стала проводить ещё одну ночь дома, прекрасно зная, что лишь потеряет время.

Элисон также знала, что Александр вновь приснится ей. И она будет тянуться к нему, ощущая его тепло и любовь, но, проснувшись, поймёт, что его нет рядом. И, возможно, уже никогда не будет.

***

5 июня, 1822

Англия, Дувр

Он заметил её в толпе, между торговых рядов, когда она и двое её спутников пробирались к свободному от людей месту. Торгаши и зазывалы были повсюду, их звонкие голоса заглушали шум волн и стук лодок о причал недалеко отсюда.

Одетая в мужские, широкие штаны и лёгкую курточку, а также собрав волосы под шляпой, она, видимо желала сойти за мальчишку. Но всё, что бы она ни делала — выдавало в ней девушку. Как она высматривала что-то в толпе, иногда чуть вытягивая красивую шею; как поправляла шляпу изящными пальцами; и даже куртка не скрывала её высокой груди. По крайней мере, стоило присмотреться к этой девушке, и что-то, так или иначе, притягивало к ней взгляд.

Поэтому-то он заметил её, стоя у лавки продавца рыбы. Он сразу же догадался, что девчонка не из простушек. Она держалась стойко, отстранённо, когда прохожие иногда задевали её локтями. Двое здоровенных парней шли рядом, словно оттесняя её от остальных. Видимо, защищали, а она могла позволить себе такую охрану.

Быстро натянув перчатки на руки, он поспешил за этой троицей, а когда догнал, постарался держаться достаточно близко, чтобы оставаться для них незаметным. Петляя рядом примерно полчаса, он выяснил, что девчонка искала какого-то парня, но весьма неудачно.

Судя по тому, как она озиралась по сторонам, иногда морщила свой носик от неприятного запаха и заламывала руки, девчонка была растеряна. Когда она вместе со своими спутниками покинула рынок, он последовал за ними через узкие грязные улочки порта. Желание взять её, взять именно эту девчонку полностью захватило его, став едва ли не сравнимым с одержимостью. А ведь такого ещё не было! На ходу продумывая каждый последующий шаг, взвешивая все за и против, он решился на похищение.

Вечером он проследил за одним из её сопровождающих до местного постоялого дома. Он даже нашёл окно её комнаты, и долго глядел в это окно, где тускло горела свеча, и был замечен тонкий силуэт девушки. Ему ничего не стоило пройти мимо спящего охранника, когда луна скрылась за облаками. Только скрип деревянных ступеней, ведших наверх, к жилым комнатам, мог выдать его, но он был очень осторожным.

Кего же тихой радости, спутники девушки не охраняли её круглосуточно. И, войдя в комнату, он увидел её, лежащую на заправленной, узкой постели, полностью одетую и

изнемождённую. Ондолго всматривался в её бледное личико, обрамлённое длинными спутанными волосами тёмно-каштанового цвета. Что-то было в этой одинокой девчонке такое, что приводило его в восторг. Да, именно её он выбрал, и выбрал правильно.

Он стоял и смотрел на неё, пока она не забормотала во сне, затем вдруг открыла глаза. И прежде, чем закричать, она долгие несколько мгновений смотрела на него с ужасом в карих глазах. Но и вскрикнуть она не успела — он мигом очутился рядом с ней, зажал ей рукой рот, затем сдёрнул с постели, швырнув девушку на пол, как тряпичную куклу. Ему в этот раз очень повезло — она упала, ударившись головой, и тут же потеряла сознание.

Она тяжело дышала, пока он завязывал её руки и ноги и пока взваливал безвольное тело на плечо. Оставалось лишь выйти из этой гостиницы незаметным. Он был слишком хорош в похищении молоденьких женщин, всегда так хорош, что его не могли поймать. А этих бедных девушек уже никогда не находили.

***

Франция, Гавр

3 дня спустя

День был уже в самом разгаре, когда Элисон очнулась. Перетерпев головную боль — тупую и резкую — она села и поняла, что лежала на довольно узкой, деревянной скамье. Осмотрев себя, девушка поняла, что её жакет и походные сапоги пропали.

Она смутно помнила последние события: прибытие в порт Дувр, долгие хождения по его улицам, расспросы прохожих вместе с сэрами Стивенем и Генри, её спутниками. Затем возвращение в гостиницу, а дальше... ничего. Теперь же она находилась в небольшой комнатке, больше похожей на тюремную камеру без мебели, лишь эта скамья да грубо сколоченный стул рядом.

Под низким потолком находилось узкое окошко с толстой решёткой на нём. Элисон вскочила на ноги, тяжело дыша и терпя боль, приподнялась на цыпочках и вцепилась руками в решётки. С улицы слышались приглушённые голоса мужчин. Поняв, что дёргать решётку — бесполезно, девушка закричала, зовя на помощь, но тут же её застал врасплох тихий, женский голос, донесшийся откуда-то из угла камеры:

— Не стоит. Поверь мне, если тебя здесь услышат, будет только хуже.

Элисон обернулась, прижавшись к холодному камню стены, и увидела высокую, молодую женщину, на вид которой было не больше двадцати пяти лет. Одета она была в самые настоящие лохмотья — разорванную по бокам длинную юбку да серую рубашку с заплатанным корсетом вокруг талии. Русые, кудрявые волосы этой женщины были собраны на макушке какой-то лентой. Она также была босая.

— Не бойся, — произнесла она, всматриваясь в Элисон чистыми, голубыми глазами. — Я тебя не обижу.

— Где мы находимся? И что происходит?

— Ты в Нормандии, в Гавре... Англичанка, верно?

— Верно, — ответила Элисон, прижимая руки к груди. — Как... я не понимаю, что произошло.

— Тебя похитили, — сказала женщина так, словно это было чем-то обыденным. — Со мной произошло то же самое три недели назад. Меня хотели продать здесь, но решили дождаться ещё одной для лучшей торговли... Видимо, теперь не так долго ждать осталось.

— Похитили? Но почему? И что значит, продать?

Элисон будто обезумевшая смотрела на свою собеседницу, всё ещё пребывая в шоке, не

веря в то, что случилось.

— А то и значит, — женщина вздохнула и, пройдя через всю комнатку, опустилась на скамью. — Нас похитили, чтобы продать. Как рабынь.

— Но кто, чёрт возьми?!

— Насколько я понимаю, просто французские пираты. Ради добычи.

Элисон сжала голову руками и на несколько минут замолчала, согнувшись над полом. Мысли ещё путались в голове, и она убеждала себя, что всё это — лишь дурацкий сон, и не более. Но, открыв глаза, вновь обнаружила себя в этой грязной камере, рядом со светловолосой женщиной.

— Эй! Кто-нибудь! — закричала Элисон, что было мочи. — Помогите! Умоляю, на помощь!!!

— Первые три дня я тоже думала, что докричусь, — отозвалась сокамерница всё тем же тихим, спокойным голосом. — Я даже убежать пыталась. Выбралась на улицу к высоким воротам. Но меня поймали. И с тех пор я больше не пыталась сбежать. Вот, что они сделали со мной, чтобы я даже не задумывалась об этом...

Она вытянула левую руку на свет, проникавший сюда через прутья решётки, и Элисон увидела, что у неё не хватает одного пальца, точнее, мизинца.

— О, боже мой!

Девушка закрыла ладонью рот и медленно опустилась на скамейку рядом. Она всё не могла оторвать взгляда от этой тоненькой, изувеченной руки.

— Поэтому я прошу тебя, больше не кричи. Если будешь делать, как они скажут, останешься в живых. Ты миленькая, тебя не станут портить, если... Просто будь сильной. Как тебя зовут?

— Элисон Ривз, — ответила девушка, едва сдерживая слёзы.

— Меня зовут Агата, я из Руана... Нет, только не плачь, прошу! Верь мне, если будешь слушаться их, то...

Она не договорила, ибо обе девушки услышали скрип ключа в замочной скважине, затем тяжёлая, обитая железом дверь открылась, и в камеру вошёл невысокий, широкоплечий мужчина. Он прошёл вперёд, шелестя подолом длинного плаща по полу, и, взглянув ему в лицо, Элисон беззвучно ахнула: её напугала повязка на его правом, скорее всего, отсутствующем, глазу.

— Это он. Похититель, — прошипела Агата со злобой, глядя на вошедшего исподлобья. — Из-за него мы тут.

Лукаво улыбаясь, мужчина произнёс что-то по-французски и кивнул ей.

— Он говорит, что рад видеть тебя в сознании, — перевела Агата неохотно.

Элисон продолжала сидеть на месте неподвижно, словно онемев от страха, от негодования, от всего этого кошмара. Пока похититель говорил, иногда прерываясь, Агата тихо переводила:

— Говорит, что нас купили, и сегодня ночью отправят в какой-то дом... Говорит, нас купил хозяин дома.

Женщина прервалась, резко и грубо сказав что-то на французском. Похититель, не прекращая улыбаться, всё же жёстко ответил, и Агата тут же присмирела:

— Говорит, что за непослушанье нас могут выпороть... Он говорит, что нас никто не найдёт. Сбежать будет невозможно... Говорит, что за нас хорошо заплатили...

Не сдержавшись, она заплакала — тихо, почти беззвучно — ссутулившись и спрятав

лицо в ладонях. Тогда Элисон вскочила со своего места и гневно взглянула на одноглазого:

— Что бы вы там себе ни думали, я — не чья-то вещь! Я не стану подчиняться. И я вас не боюсь, ясно?

Похититель очень долго и внимательно смотрел на неё, выражение его лица становилось всё суровее. Затем он вновь заговорил, а Агата, после минутного молчания, перевела:

— Он сказал, если станешь перечить... он выпорет тебя и бросит своим людям, чтобы они... Эм-м-м... Говорит, сбежать ты не сможешь, потому что ты больше не принадлежишь себе.

Грубо хмыкнув, видимо, позлорадствовав над реакцией девушки, похититель ушёл. Тяжёлая дверь захлопнулась за ним, и ключ вновь скрипнул в замке. Элисон бездумно стояла и глядела в одну точку. Куда-то пропала реальность, в которой она когда-то жила: брат, отец, друзья — всё это испарилось, как дым.

— Я видела и других девушек, — заговорила Агата печально. — Но их больше нет. Увезли куда-то, как и нас увезут ночью. Мне даже страшно представить, что нас заставят делать.

— Я просто искала своего мужа, — Элисон села рядом с ней, едва касаясь плечом её плеча. — Вот я была в порту, в Дувре, а теперь... Франция! Нет, я ему не верю... Меня будут искать! Мои отец и брат сойдут с ума, когда...

— Но не здесь. Три месяца я провела в этой темнице и лишь иногда выбиралась наружу... Мне даже покончить с собой не позволили. Ты знала, что за дверью стоит их человек? Он следит, чтобы ты не могла расшибить голову о стену или ещё что-то... Мы здесь лишь товар для продажи. Живой товар.

Она опустила голову, и Элисон увидела, как её плечи вновь затряслись от плача. У девушки закружилась голова, живот забурчал от голода, и Элисон обняла себя дрожащими руками. Почти не разговаривая, обе молодые женщины просидели так до самого вечера, а когда стало совсем темно, заскрипела ржавая дверь, и двое огромных, темноволосых мужчин вошли в камеру. Девушек грубо вытолкали в плохо освещённый коридор, откуда дальше повели наружу.

С тихой радостью и болью в сердце Элисон задышала морским воздухом. Во дворе запястья девушек сцепили тяжёлыми оковами, затем посадили в закрытую, хлипкую повозку, которая повезла их по ухабистой дороге в неизвестном направлении.

Трясаясь в телеге ночью по тёмной, едва видимой дороге, и будучи закованной в цепи, Элисон находилась на грани своего отчаяния. И она понимала, что если бы не Агата и её утешительные слова — всё было бы намного хуже. Они ехали не больше двух часов в темноте, когда в конце дороги стал заметен трёхэтажный дом, где свет горел в каждом окне, и даже снаружи, во дворе, были слышны громкие, пьяные возгласы гостей дома.

За девушками всё это время следили двое помощников одноглазого похитителя; они и повели пленниц во двор, к чёрному ходу, где их встречал пожилой, лысый мужчина со злым взглядом и большим пивным животом.

— Две? Почему две? — спросил он хриплым голосом на чистейшем английском, оглядывая девушек. — Да и эта — совсем ещё ребёнок! У меня такие не работают...

Он указал на Элисон, и та, дрожа от злости, подняла на него глаза.

— Эта просто молодо выглядит, — ответил один из помощников. — Чего вам ещё надо?

— Блондинка как раз подойдёт. Мужикам такие по нраву. Отведите её наверх, а вторую уводите к чёрту!

— И куда нам её девать?

— За рекой, недалеко отсюда, есть один бордель. Там ей найдут применение.

Когда Агату освободили от оков и, крепко держа за руки, повели к дому, Элисон вскрикнула, но её грубо толкнули обратно к телеге. Девушка стала отбиваться, пытаясь укусить одного из мужчин или пнуть его ногой. В отчаянии понимая, что ещё немного, и их разделят, Агата упала на колени перед хозяином заведения, едва ли не вцепившись пальцами в его жилетку.

— Мессир, я молю вас! Прошу вас, пожалуйста, возьмите и её тоже!

На мгновение в его глазах мелькнуло какое-то понимание, и полный презрения, холодный взгляд остановился на брыкающейся в руках громилы Элисон.

— Я прошу вас, мессир, не разделяйте нас!

— Слишком непослушная твоя подруга... Проблемой будет.

— Нет, она не будет проблемой! Я обещаю.

Агата очень быстро перешла на французский и что-то долго и упорно твердила этому мужчине. Он вдруг закивал, лениво улыбаясь, и поднял руку вверх, подав знак.

— Ладно, ладно. Оставьте эту тоже. Пусть прибирается в зале и во дворе, — сказал он, затем наклонился к Агате и грубо сжал пальцами её подбородок. — Ты должна это оценить, милая. Я жду от тебя хорошей работы. Посмотрим, что про тебя скажут наши клиенты. Приступишь следующим вечером.

Элисон отпустили, и она тут же бросилась в объятия к подруге, еле сдерживая плач. Уставших девушек затем повели в дом через чёрный ход. Идя по коридору между двумя высокими французами, Элисон могла расслышать громкий, мужской смех, невнятные разговоры на иностранных языках и изредка девичье хихиканье. Когда, спускаясь с лестницы, прошли две молодые женщины в весьма откровенных нарядах, Элисон, наконец, поняла, с какой целью её сюда привели. И от этих мыслей ей стало ужасно страшно; её едва ли не тошнило на ходу.

В маленькой комнатке на третьем этаже их оставили одних, пообещав, что свои обязанности они узнают утром. Элисон долго осматривала помещение, стараясь понять, есть

ли отсюда другой выход, но, увы: ни окон, ни каких-либо иных лазеек не оказалось. По крайней мере, здесь было тепло, а кроме двух узких кроватей были ещё столик, на котором догорала свеча, большой шкаф для одежды да зеркало на стене.

— Спасибо, что не дала им меня увести, — произнесла Элисон виновато, наконец, успокоившись и присев на постель. — Я понимаю, что могло бы там стать со мной.

— Это то, что будет с нами здесь, если ты будешь им перечить. Я постараюсь сделать так, чтобы моя участь не досталась и тебе, но ты должна меня слушать.

— Что ты имеешь в виду?

Агата печально улыбнулась, глядя на свои тонкие руки, и покачала головой.

— Здесь женщин принимают за вещь, которой можно воспользоваться и не волноваться, почувствует она что-либо или же нет. Я знаю, каково это. Я жила с этим позором не один долгий день после моего похищения. И меня заставят заниматься этим и здесь... Но ты... Я чувствую, что они сломают тебя.

— Я им этого не позволю. Я лучше умру.

— А как же твои родные? У тебя есть семья и друзья. И они будут тебя ждать...

— Ты же говорила, что нам не сбежать.

— Я не убегу, но ты сможешь! — Агата очень строго посмотрела на неё. — Если ты станешь послушной, незаметной, и пройдёт какое-то время... Послушай меня. Ты ещё слишком молода и много не знаешь, но именно поэтому твоя жизнь должна продолжаться, и, конечно же, не здесь. А дома, в Англии. Я помогу тебе, когда придёт время.

— Почему ты хочешь помочь мне?

— Много лет назад, когда мой дом сожгли, а вместе с ним и мою семью, один англичанин нашёл меня и сжалился... Он забрал меня и вырастил. Он был мне отцом, а за неделю до похищения, умер... Пришёл мой черёд отдать долг.

Элисон сквозь слёзы смотрела на красивую, молодую женщину, с восхищением думая о том, сколько она пережила и сколько сил растратила, но была сильной до сих пор. Громкие крики и топот снизу то и дело прерывали тишину. Агата, тяжело вздыхая, сидела на постели напротив Элисон, наматывая на указательный палец локоны своих длинных волос.

— Ты устала, — произнесла она тихо. — Постарайся заснуть, иначе утром будешь валиться с ног. Не бойся... Тебя не тронут. Я об этом позабочусь.

***

Июль, 1822

— Эй, пупсик! Почему же мы так редко тебя видим, а? Или твой хозяин слишком ревнив, чтобы отпускать тебя к нам, простым смертным?

За этими словами последовал дружный хохот пяти молодых людей, слишком пьяных и слишком глупых, чтобы продолжать заигрывать с девушкой, которая того не хотела. Элисон проклинала себя за медлительность, а их — за развязное поведение. Она только что закончила уборку в одной из комнат, но чтобы вернуться на третий этаж, ей пришлось пройти через главный зал. Сегодня здесь было слишком много посетителей, желавших, видимо, как можно скорее напиться.

Выдержав не меньше трёх довольно сильных шлепков по ягодицам от троих таких пьяниц, Элисон дошла до главной лестницы, не обращая внимания на пошлые замечания в её адрес. Пропустив вниз двух готовых к этой ночи работниц, девушка выбежала в коридор и, дойдя до нужной комнаты, открыла дверь и вошла внутрь.

— Ты что тут делаешь? — беспокойно спросила её Агата. — Живо уходи! Он сейчас

вернётся.

Она стояла у широкой постели со смятыми простынями, закутанная в одно лишь тонкое покрывало.

— Опять?! — Элисон сжала кулаки, разглядывая лежавшие в беспорядке локоны волос на голове подруги. — Он уже был у тебя сегодня. Да сколько ещё он будет тебя истязать?

— Послушай, лучше уж он, чем другие.

— Ты хоть слышишь, что говоришь? — повысила тон девушка. — Знаешь, я еле терплю, чтобы не нагругить кому-нибудь из тех хамов внизу. А ты так спокойно относишься к незнакомому мужчине, который тебя... Ну, я не просто понимаю.

— И хорошо, что не понимаешь. Надеюсь, тебе никогда и не придётся, — Агата подняла усталые глаза на подругу и чуть заметно улыбнулась. — Джеймс не похож на других. Он не делает мне больно. Прошлым утром он попросил толстяка, чтобы ко мне больше никто не прикасался.

— Можно подумать, он покупает тебя только для себя.

Агата пожалала плечами и с тяжёлым вздохом села на постель. Элисон долго стояла перед нею, потирая ладонью неглубокую царапину на левой руке, которую получила прошлой ночью, когда пыталась перелезть через забор на заднем дворе. Но Луи — огромный, светловолосый охранник — как всегда следил за ней, поймал, а затем наказал своим любимым способом — «выбил дурь» из неё ремнём от своих штанов.

— Больше не убегай вот так, — тихо попросила Агата.

— Нет. Больше нет. У меня и так всё болит, даже, когда я просто хожу...

За дверью послышались тяжёлые шаги, затем в комнату вошёл высокий, широкоплечий брюнет. Его горящий взгляд тут же приковал Элисон к месту, и она подумала, что никогда в жизни не видела таких прозрачных, глубоких глаз. Несколько раз она замечала его, распивающего вино с приятелями, но никогда так близко.

Элисон посмотрела на подругу и увидела, что та глядит на него с небывалой покорностью и едва ли не с восхищением.

— Это ещё кто такая? — грубо рявкнул мужчина, указывая на Элисон, и она поёжилась от звука его властного голоса.

— Она сейчас уйдёт...

— Чтоб через секунду тебя здесь не было, соплячка!

Но после такого Элисон и не собиралась отступать. Она разозлилась, действительно разозлилась. Девушка подошла к нему, сопровождаемая испуганным взглядом подруги, и сказала, глядя мужчине в глаза:

— Нет уж! Это вы сейчас уйдёте.

— Чего?!

— Сегодня для вас её услуги недоступны. Она устала, ей нужен отдых, ясно? Если вы хоть пальцем её тронете, я позову охранника и скажу ему, что вы нас избили. Нас обеих. Так что вы сейчас же уберётесь отсюда. И я не потерплю никаких возражений, сэр.

Элисон слышала тяжёлое, частое дыхание Агаты за своей спиной, и её собственное сердце теперь колотилось вовсю. Но недовольное выражение лица незнакомца вдруг сменилось удивлением, и лёгкая улыбка появилась на его пухлых губах. В следующую же секунду он засмеялся, искренне, звонко и громко, чего девушки уж никак не ожидали.

— А ты смелая, соплячка, — сказал он, наконец, протсмеявшись, и не прекращая улыбаться. — Какая стойкая защитница! Да, дамы, вы друг друга стоите.

Он вскинул мощную руку, шутливо взлохматил локоны на голове Элисон, и она отступила, злобно посмотрев ему в глаза, отчего он лишь шире заулыбался.

— Я приду завтра, — обратился он к Агате. — Надеюсь, ты будешь лучше себя чувствовать.

Когда он ушёл, Элисон вдруг осознала, с какой осторожностью и, возможно, волнением он произнёс последнюю фразу.

— Спасибо, — сказала Агата, прервав тишину в комнате. — Не думала, что Джеймс так отреагирует на тебя.

— Ах, просто мне он показался таким грубым... Оказывается, ты ему нравишься.

Подруга ничего не ответила, лишь опустила голову, поправляя покрывало на груди.

Той же ночью Элисон спустилась вниз и, оставшись сидеть на лестнице, принялась высматривать Джеймса среди гуляющей толпы. Девушки, работающие здесь, как всегда громко смеялись и заигрывали с подвыпившими, возбуждёнными мужчинами. В такие мгновения Элисон была благодарна за то, что её не заставили заниматься этим развратом. Она подумала об Агате и поморщилась. Может быть, подруга и была права. Если этот Джеймс был добрее и нежнее с нею, что ж, это был один из явных плюсов её положения.

Она заметила его, сидящим за круглым столом, в компании нескольких молодых людей. Держа в правой руке кружку, Джеймс о чём-то разговаривал со своим приятелем, которого Элисон не видела, он сидел спиной к ней. Через пару минут брюнет заметил её и даже помахал рукой, улыбнувшись. И его друг, сидевший напротив, заметил этот жест и обернулся...

Её дыхание участилось, и кровь прилила к щекам, когда она увидела его зелёные глаза, неотрывно следящие за ней. До боли в сердце, до головокружения знакомые ей глаза... Она глядела на этого черноволосого мужчину через весь зал с лестницы и не могла поверить в то, что видит. Как он похож на него, крутилась в её голове одна единственная мысль. Как же он похож!

Не помня себя, не ощущая, что делает, Элисон поднялась из своего укрытия, спустилась в зал и стала медленно проходить между занятых гостями столов.

***

Проходя между столами и сидящими за ними посетителями заведения, Элисон не слышала ничего, не видела ничего, кроме единственной своей цели. Она торопливо пробиралась к крайнему столику и даже не услышала, как Агата, стоя на лестнице, позвала её по имени. Оставалось буквально несколько шагов до заветной цели, когда вдруг Элисон кто-то схватил за правую руку.

— Чего ты здесь забыла? — рявкнул на неё Луи, заговорив по-английски и дёрнув девушку на себя.

От него сильно пахло пряным вином, а пальцы так крепко сжимали тонкое запястье, что Элисон невольно застонала.

— Брысь отсюда! Твоя работа уже закончена, если ты не хочешь получить ещё одну...

— Но мне надо поговорить с тем мужчиной! — Элисон рванулась вперёд, но охранник не пустил её.

— Хочешь, чтобы я хозяина позвал? Живо убирайся отсюда!

Луи довольно громко выругался, уже по-французски, и потащил её в противоположную сторону, но Элисон вскрикнула, когда он, обхватив её за талию огромными руками, приподнял девушку над полом.

— Нет! Нет! Мне надо с ним поговорить, пожалуйста!

Многие в зале, и даже те, кто был слишком занят своей пирушкой, оборачивались и со смешками наблюдали за разыгравшемся шоу. Элисон поняла, что отступить ей некуда, она и так привлекла много внимания к себе. Поэтому, пока нужный ей столик оставался в поле её зрения, она закричала, что было сил, повторяя одно и то же имя:

— Алекс! Алекс, прошу тебя! Алекс, это я — Элисон!

Он обернулся... Он не мог этого не сделать. Её сердце замерло, а крик застыл в горле, когда она увидела его лицо. Он выглядел теперь гораздо старше; очень загорелый, подтянутый. Неровная щетина на лице прибавляла ему едва ли не десяток лет. Его волосы теперь были чёрными, как смоль, очень коротко стриженными, виски были сбриты, что придавало ему ещё более серьёзный вид. Элисон успела разглядеть над его правой бровью небольшой, но глубокий шрам, и ещё один, кривой линией залегший от самого его левого виска и до шеи. Скорее, именно из-за этого шрама теперь его левый глаз был немного прищурен.

Он ещё улыбался, когда обернулся взглянуть на Элисон, посмевающую потревожить всеобщее веселье. И она могла заметить глубокие морщинки в уголках его глаз... Ей тут же вспомнился его смех и нежный голос, и непрощенные воспоминания окончательно заставили Элисон потерять над собой контроль. Она извивалась в руках Луи, кричала и плакала, звала своего мужа, но он лишь с недовольным выражением лица глядел на неё, затем просто отвернулся к своим подвыпившим друзьям.

Покинув зал с гостями, Луи швырнул девушку на пол, громко выругавшись, но Элисон его не поняла. Точнее, не расслышала. Она уже выучила некоторые французские ругательства, но сейчас ей было не до охранника, даже не до хозяина заведения. Она ощущала только боль в груди, сосущую из неё силы, и огромную усталость. Лишь почувствовав тёплые прикосновения рук Агаты, Элисон сумела прошептать прежде, чем провалиться в сон:

— Я его видела. Я видела своего мужа...

Джеймсу нужна была всего лишь передышка. Небольшая передышка прежде, чем отправиться домой после весёлой гулянки там, в общем зале, где вино всегда текло рекой, а прелестные дамы, восседая на коленях мужчин, смеялись и провоцировали гостей. Но вот он вновь вернулся сюда, в комнату Агаты, и поначалу думал, что это развлечение растянется на час, не больше. Но прошёл час, второй, третий, а Джеймс не мог уйти. Нет, он не мог даже подняться с постели, выпустить эту молодую женщину из объятий и просто подумать о том, что проведёт без неё, по меньшей мере, три дня, пока не вернётся.

— Ты, должно быть, ведьма, — шептал он то и дело между поцелуями. — Ведьма, опутавшая меня своими чарами. Иначе просто быть не может.

Агата с покорностью принимала всё, что он делал с нею. К их общему удивлению, это было хорошо и приятно. Для них обоих. Иногда он был неистовым, и брал её быстро, а перед этим дарил такое наслаждение, что она забывалась и кричала громко, отдаваясь ему и его ласкам. В иные же часы он был нежен и медлителен — и это было не менее приятно.

В очередной раз их общая, жаркая ночь заканчивалась ласками и лёгкими поцелуями. Поднявшись, мужчина начал одеваться, весьма торопливо натягивая на себя брюки и притом неотрывно следя за Агатой, сидящей на постели в окружении подушек и смятых простыней. Джеймс вдруг подумал, что она была довольно холодна с ним сегодня. Она была расстроена чем-то, и он это заметил. Застёгивая рубашку, он спросил, поначалу тоном немного

безразличным:

— Что с тобой? Тебя кто-то обидел? Тронул?

Агата лишь отрицательно покачала головой.

— Давай, говори. В чём дело? — пару раз недовольно хмыкнув, мужчина присел рядом с обнажённой девушкой. — Не уйду, пока всё мне не объяснишь.

— Это всё моя подруга...

— А! Вот как! — Джеймс хлопнул ладонью по своей коленке и улыбнулся. — Соплячка. Я уже успел разузнать, какая она непослушная. Ну и что с ней?

— Она считает, что знает твоего друга.

— Хм, даже так?

— Пару дней назад она увидела его в общем зале, и с тех пор только и твердит, что он и есть её пропавший муж. Она не может спать и есть, всё время думает только об этом.

Агата вздохнула, её глаза увлажнились, и девушка низко опустила голову. Джеймсу это отнюдь не понравилось.

— Больно видеть её такой. А ведь она уверена, убеждена, что тот мужчина — её муж.

— Что за мужчина?

— Тот, со шрамом на лице.

Джеймс не смог удержаться даже при ней. Он засмеялся, громко, искренне, стоило ему понять, о ком говорила Агата. Он обнял девушку, осторожно повернув её к себе, властно и быстро поцеловал в губы, затем поднялся и расправил рукава рубашки.

— Успокой свою подругу, ибо Найт никогда и не был женат. Ха, кто угодно, но не наш Найт! Она просто ошиблась.

Прежде, чем коснуться замка двери, он остановился, чтобы обернуться. Сделав это, Джеймс увидел, что Агата всё ещё расстроенная, подавленная, и его собственное сердце дрогнуло. Неприятное чувство недостатка чего-то, некой пустоты, захватило его. Мужчина глубоко вздохнул и произвольно махнул рукой.

— Проклятье, так и быть! Я поговорю с ним. Но не думаю, что это поможет твоей подруге.

Наградой ему были улыбка и радостный блеск в глазах девушки.

Найту не понравилась идея друга, и он не горел желанием встречаться со странной девицей из этой проходной забегаловки, которую Джеймс так облюбовал в последнее время. Но после пары пинт неплохого пива, Найт готов был согласиться на уговоры друга; чем быстрее закончили б, тем быстрее бы улеглись спать, думал мужчина, пока поднимался с Джеймсом на третий этаж заведения.

— Я только одного не понимаю, почему именно я? Твоя подружка водит тебя за нос, вот и всё.

— Что-то я сомневаюсь, — ответил Джеймс. — Послушай, брат. Просто поговори с девчонкой. Тебе это ничего не будет стоить.

— Мне-то ничего. А вот тебе, думаю, перепадёт от твоей шлюхи лишний раз за ночь.

Найт остановился посреди полутёмного коридора, когда его приятель презрительно хмыкнул и тихо выругался, затем уже произнёс:

— Ты, конечно, отличный боец, брат, но иногда ведёшь себя как самый настоящий подонок.

Едва ли подобное заявление могло задеть мужчину. Поэтому он ответил с лёгкой усмешкой:

— Ты не заметил за два года нашей дружбы? Я и есть подонок. Сколько раз мне указывали на это? Теперь я, пожалуй, займусь делом. Таким невероятно важным для тебя делом!

Его раздражение теперь можно было бы едва ли не с пяти шагов ощутить. И Джеймс знал своего приятеля — он будет злиться ещё долго, и мало что сможет его задобрить.

Сделав резкий жест рукой, мужчина улыбнулся так, что даже у Джеймса мурашки побежали по коже спины. Он удалился ещё перед тем, как Найт вошёл в одну из комнат, даже не постучав предварительно в дверь. Хмель слегка затуманил его разум, с каждой минутой ослабляя нараставшее раздражение, но усиливая желание улечься где-нибудь спать. Ведь больше всего ему сейчас хотелось именно отправиться на боковую.

Эту небольшую комнату освещала лишь одна догорающая свеча на прикроватном столике. Здесь было душно, но зато приятно пахло тимьяном. Найт глубоко вздохнул, прислонившись спиной к закрытой двери, и лишь тогда заметил на узкой постели свернувшуюся калачиком девушку. Она открыла глаза и, резко выдохнув, тут же села прямо, беспокойным взглядом уставившись на вошедшего мужчину. Что-то в этом взгляде больших тёмных, карих глаз заставило его напрячься, и разум его тут же прояснился. Выглядела девушка так, будто увидела призрак, но вполне ожидала этого видения.

Она медленно поднялась, и тогда он смог получше разглядеть её. В прошлый раз в суматохе, когда здоровенный охранник утащил её из зала, Найт видел лишь спутанные каштановые волосы и слышал, как она звала кого-то. Да, тогда она заставила гостей обратить на себя внимание. Сейчас она выглядела иначе: такая маленькая, шокированная, в своём потрёпанном простом платье, и на вид ей можно было дать не больше семнадцати.

— Не бойся, крошка, — произнёс Найт как можно мягче. — Я тебе вреда не причиню. Слышал, ты меня искала. Хотя я тебя впервые вижу, всё же...

— Ты не узнал меня! — сказала она так, словно вот-вот готова была разрыдаться, а это были её последние в жизни слова.

Её глаза наполнились слезами, её дыхание сбилось; она просто опустила голову и, согнувшись, спрятала лицо в ладонях. Найт не слышал в наступившей тишине её плача и не понимал, что происходит. По-хорошему, подумал он вдруг, нужно просто уйти. Всё это его не касалось. Но, в конце концов, любопытство взяло над ним верх.

— Послушай, — сказал мужчина, как можно сдержанней, — я не знаю тебя, я никогда не видел тебя раньше. Полагаю, ты просто ошиблась, спутав меня с кем-то ещё.

Он ждал, пока она скажет хоть слово, и когда девушка, наконец, выпрямилась и посмотрела на него, он заметил, что её отчаяние сменилось на строгую решимость. Тогда она заговорила, очень серьёзно и настойчиво:

— Я не могла тебя спутать ни с кем. Я знаю, Алекс, это ты! И пусть твои волосы совсем иного цвета, и одет ты иначе, но я точно знаю, что нашла тебя. Я бы ни за что не спутала твой голос с чьим-либо другим, а твои глаза... Разве я забыла бы, как ты смотрел на меня?! Три года я ждала, что ты вернёшься. Я молилась Всевышнему и не прекращала поисков... А теперь ты стоишь передо мной и говоришь, что никогда раньше меня не видел!

Девушка резко вскочила с постели, подошла к сурово глядящему на неё мужчине и, встав перед ним, положила обе ладони ему на грудь. Ворот его рубашки был расстёгнут, Найт уже ощущал тепло маленьких ладоней на своей коже, но отстраниться и не подумал.

— Что же случилось с тобой? Кто это сотворил? — произнесла девушка так печально, что Найт сейчас едва мог вздохнуть. — Эти шрамы... Они новые, я не помню их.

Он отпрянул от неё, сделав широкий шаг в сторону, словно она была пламенем, а он боялся бы обжечься. Отвернулся к стене, опираясь на её поверхность рукой, чтобы не видеть этот умоляющий взгляд, эти дрожащие, тонкие руки. Всё, что она говорила — было странным, непонятным, и в то же время, как она могла упоминать детали, о которых знали лишь немногие из его окружения?

— Не знаю, как ты узнала о том, что я сделал со своими волосами, — произнёс Найт вслух строго и сдержано. — Наверняка, от какой-то из своих подружек. Этот идиот Джеймс вечно болтает лишнее, стоит девице приподнять юбку! Но три года... Ты сказала «три года». Что это значит?

Когда он обернулся, она стояла на том же месте, прижав руки к груди, и, судя по всему, его яростный взгляд напугал девушку.

— Потому что три года назад ты исчез. Ты вернулся в наш замок раньше, а когда я последовала за тобой, ни тебя, ни нашего дома уже не было. Но я знала, что ты жив!

— Чёрт возьми, ты лжёшь!

Найт подошёл к ней и, взяв девушку за плечи, крепко сжал их длинными пальцами. Так сильно, что она вся сжалась, испуганно глядя мужчине в глаза и приоткрыв губы.

— Ты всё лжёшь! Ты меня не знаешь! Я — Нейтан Барнс, рождённый в Руане. Мой наставник — Корнет Барнс — всю жизнь растил меня как родного сына, и я его наследник...

— О чём ты говоришь? — она с непониманием смотрела на него, и её взгляд то и дело задерживался на шрамах на его загорелом лице. — Нет, это всё неправда! Ты — Александр Ривз, и ты родился в Англии, в семье Ривзов, в Солсбери!

— Нет, нет...

— Три года назад нас заставили пожениться из-за сделки между нашими отцами, но...

— Пожениться?!

Найт отпустил её, отойдя на пару шагов, и, качая головой, сквозь хриплый смех произнёс:

— Ты точно сумасшедшая, крошка. Я бы ни за что не женился. Ни сейчас, ни в ближайшие десять лет...

— Ты и раньше так думал! — не унималась девушка. — Но всё изменилось. И ты изменился. О, Алекс, я не могу поверить, что ты не помнишь ничего!

Едва она приблизилась, как Найт остановил её резким жестом руки и одарил взглядом, полным презрения.

— Хватит этого бреда. Я знаю, кто я такой. А ты, — он оценивающе оглядел её и хмыкнул, — ты просто ненормальная. Я зря пришёл сюда. И хотя мне жаль, что ты потеряла своего мужа, но я — не он, и ничем тебе не смогу помочь.

Найт развернулся, чтобы уйти, и едва дошёл до двери, как его остановил строгий женский голос:

— Тогда спросите того, кого вы называете наставником, мессир Барнс. Может быть, он раскроет вам глаза.

Выругавшись достаточно резко и громко, так, чтобы девчонка его слышала, Найт покинул её комнату, громко хлопнув дверью. Как можно быстрее он спустился в общий зал и не обернулся, даже когда Джеймс позвал его по имени. Выбравшись, наконец, из душного, пропахшего дешёвым пивом и такой же дешёвой любовью заведения, мужчина отдышался. Уже вечерело, закат заливал горизонт алым и рыжим цветами; за полем, в деревушке, загорались огни, чей дым поднимался высоко и закрывал небо.

Немного успокоившись, Найт отыскал на заднем дворе своего коня и, не дождавшись, пока друг выйдет к нему навстречу, направил коня на север, в сторону города. Долгой дорогой назад он обдумывал лишь последние слова незнакомки:

«Спросите того, кого вы называете наставником»

***

Любой знающий эти места человек прекрасно понимал, что после наступления темноты по улицам Руана лучше не прогуливаться. Иначе последствия могут быть самыми плачевными. Таверны, имеющие хоть какую-то положительную репутацию, закрывались, рабочие кузниц и небольших лотков на рынках спешили покинуть свои места и благополучно добраться до дому. Во время сумерек мирные жители боялись даже одинокой тени в переулке, и ни для кого не было секретом, что окраина Руана — самая опасная территория в Нормандии. От порта до города вдоль извилистой Сены пролегала дорога, притягивающая к себе самых отпетых негодяев со всей Франции.

На северо-западе от Руана было не так людно, как в районе города и близлежащих деревушках, зато эта территория давно стала домом для беглых преступников, пиратов, готовых каждый день выйти в море, и бандитов, за чьи головы была назначена самая высокая награда на протяжении многих лет. На одном из утёсов, который едва был виден со стороны моря в туманную погоду, находился старый, высокий форт, бывший когда-то наблюдательным пунктом для пиратов. Теперь же он, как и земля, прилежащая к нему, стали владениями одной из самых известных в Нормандии персон — головореза и бандита, ловкого вора и мошенника — Корнета Барнса.

Около двадцати лет назад его знали как самого жестокого и беспощадного пирата с севера Франции. Теперь, прожив уже более половины века, Барнс сохранял этот статус и горькую славу о себе благодаря основанной им команде, которую то и дело отправлял на разного рода задания: будь то ограбление очередного иностранного судна или полное истребление вражеской банды конкурентов. И команде Барнса с лихвой хватало

награбленного, они жили с одним единственным правилом: во всём слушаться своего «капитана». Эту банду боялась вся Нормандия от севера и до южных её границ.

Широкая площадка внутри старого форта в этот вечер была заполнена небольшими группами мужчин, большинство из которых состояло в банде Корнета Барнса. Остальные же — многие из них одеты в куртки из грубой ткани красного цвета — любезно приглашённые хозяином такие же мошенники и воры, как и обитатели форта, из общины с востока. Встреча банд проходила в непринуждённой обстановке с большим количеством выпивки и за долгими разговорами о заслугах каждого из членов банд.

Но вот уже более десяти минут всеобщее внимание было приковано к двум спаррингующимся мужчинам, одним из которых был Найт Барнс, а другим — англичанин-ренегат, бывший солдат и в настоящее время — отпетый бандит с юга. Он был на семь лет старше оппонента и едва ли не вдвое крупнее его. Но при всех своих мускулах и мощи, он был весьма поворотлив и ловок. Товарищи, а так же союзники, знали его, как профессионала своего дела. Но в этот вечер ему не суждено было похвастаться умениями перед любопытной публикой. Барнс лишь со стороны казался более слабым соперником, на деле же сумел выбить меч из рук противника через минуту после начала боя.

Найт был известен своим крутым нравом и той неистовой страстью, с которой всегда рвался в бой. И только победа над врагом могла действительно охладить его горячий пыл. Барнс умел двигаться плавно, а когда того требовала ситуация — быстро и резко — так, что оружие врага его не задевало. Высокий рост и умение сразу же определять слабости противника всегда играли ему на руку.

Для демонстрации навыков лучших бойцов Корнет Барнс не зря выбрал своего любимца — парень был его гордостью. Наедине он едва ли не звал его лучшим своим сокровищем и, конечно же, питал к молодому мужчине отцовские чувства. Сейчас хозяин форта наблюдал за борьбой с балкона главной башни. Он видел, как схлестнулись мечи, и слышал скрежет металла. Поначалу, здоровяк пытался оттеснить Найта к краю площадки; он наступал и наступал, заставляя оппонента лишь защищаться — но защищаться умело, без лишних усилий. Затем вдруг, когда Барнс умудрился лишить соперника единственного оружия, ситуация изменилась, и теперь Найт брал верх. Конечно, он бросил и свой меч, и его кулаки с точностью отмечали все болевые места на теле противника; здоровяку удалось лишь пару раз хорошенько врезать ему с боков, но, в конце концов, после одного удачного манёвра Найт нанёс сопернику удар в живот и, ловко изогнувшись, перекинул того через спину. Противник оказался повержен и теперь лежал на твёрдом камне, тяжело дыша и стараясь не прислушиваться к одобрительным возгласам зрителей. Возгласам, адресованным, несомненно, победителю.

— Хорошо дерёшься, Маркус, — произнёс Найт со злой усмешкой, поднимая с земли поверженного. — Но победить всё равно не сможешь.

Крепко сжав руку Барнса, бывший солдат поднялся, едва сдерживая гнев, затем вдруг упёрся лбом во влажный от пота лоб Найта и хрипло произнёс, глядя тому в глаза:

— Это ещё не конец, крысёныш. Твою тощую задницу я успею вскоре надрать, да так, что ты месяц ею ни на что не сядешь!

Вспыхнув, Найт громко фыркнул и резко дёрнулся так, что их лбы вновь соприкоснулись. Теперь мужчины были похожи на одичавших хищников, борющихся за территорию или кусок мяса. И мог бы разыграться действительно кровавый бой, на этот раз, далеко не дружеский. Поэтому Джеймс, наблюдавший за всем этим представлением с

остальными своими друзьями, решил подойти к обозлённым соперникам и разнять их. Найта ему всё-таки удалось увести с площадки. Чуть позже снаружи вновь зазвучали пьяный хохот и громкие, весёлые восклицания бандитов.

Той же ночью Найт, уже заметно успокоившись, поднимался наверх, в комнату своего наставника, для разговора, который откладывал два дня. Он не знал, чего ожидать, о чём думать — слишком уж устал за прошедшие сутки.

Толкнув скрипучую дверь, ведущую в знакомую ему комнату, Найт обнаружил своего наставника, склонившимся над бумагами за столом. Старику было уже за пятьдесят, но на его строгом лице было ещё очень мало морщин, лишь пара чётких шрамов — признаков былых приключений.

— А! Это ты, мой мальчик, — приветливо, как и всегда, произнёс Барнс бодрым голосом. — Заходи, заходи. Я как раз закончил.

Пытаясь хоть как-то выдать улыбку, Найт прошёл вглубь полутёмной спальни и опустился на стул напротив. Здесь всегда приятно пахло старыми книгами и лампадным маслом, мужчину это успокаивало каждый раз, как он приходил сюда.

— Как ты, Корнет?

— Жаловаться не на что, — ответил старик, отложив в сторону перо и бумаги. — А сам то ты выглядишь неважно, хотя неплохо уложил сегодня этого южанина... Как там его, беса? Маркус, да? Ты так бледен, сынок. Тебя всё ещё мучают кошмары по ночам?

— Да, отец. Здоровый сон ускользает от меня, как песок сквозь пальцы, лишь я крепко засыпаю.

— А как твой кашель? Я не слышал, чтобы ты мучился им в последнее время.

— Я сдерживаюсь, по крайней мере, пытаюсь, — как можно учтивей ответил Найт. — Бывают редкие сильные приступы, но они мне не мешают.

— Ты сильный, мой мальчик.

Взгляд серых глаз наставника потеплел, старик одобрительно закивал головой. Молодой мужчина тяжело выдохнул и лишь тогда осмелился спросить:

— У меня к тебе есть один весьма важный вопрос, Корнет. Именно за этим я и пришёл.

— С радостью постараюсь тебе ответить.

— Три года назад, когда произошёл тот несчастный случай, как ты мне рассказывал... И я потерял память. Хочу знать, что тогда случилось на самом деле.

Старик долго молчал, разглядывая своего собеседника, и давящая тишина была раздражающей, не сулящей ничего хорошего; Найт чувствовал это своей кожей. Серые глаза наставника, прикованные к его лицу, изучали его боевые шрамы.

— Я всё рассказал тебе уже давно, — произнёс, наконец, Корнет.

— Помню. И так, как я знаю твою правду, я хочу услышать её ещё раз.

Барнс откинулся в кресле, положив руки на подлокотники, и внимательно взглянул на своего приемника. Найт заметил улыбку на губах старика, и это ему отчего-то не понравилось.

— Падение с лошади обошлось тебе двумя месяцами восстановления... Я помню тот день, будто это было вчера. Я так боялся, что ты погибнешь, но судьба вернула тебя к нам! Жаль, что ты так и не вспомнил, с чего мы начинали: как ты пришёл ко мне — молодой и дерзкий — и пожелал стать лучшим вором в Нормандии! Но ты всегда был самым лучшим, Нейтан, и потеря памяти не помешала тебе возродить нашу команду, создать её такой, какая она есть. Всё, что мы имеем сейчас — это наша с тобой заслуга, сынок.

Старик шутливо погрозил пальцем, натянуто улыбаясь, затем так же спокойно продолжил:

— Разве мы не живём так, как ты того хотел? Разве тебе плохо?

— Нет. Вовсе нет.

Найт уставился на танцующий огонёк свечи, что стояла напротив, и его взгляд всё ещё был хмурым и строгим.

— Что-то случилось?

— Нет, это просто моё любопытство...

— Но я вижу, тебя беспокоит что-то ещё.

— Что ж, не стану лгать. Не так давно я встретил одну молодую особу, — сказал Найт после небольшой паузы. — Увидав меня, она решила, что я её пропавший муж. Будто три года назад я... то есть, он исчез, и с тех пор она искала его. Она заявила, что знает меня. Мой голос и мои волосы и...

Обеспокоенно озираясь, молодой мужчина вздохнул и утёр влажный лоб дрожащей рукой.

— Меня не покидает это странное ощущение, будто она действительно что-то знает обо мне. Я не сомневаюсь в твоих словах, но эта девица... С тех пор, как я поговорил с нею, она не выходит у меня из головы.

В следующее же мгновение его одолел такой сильный кашель, что Найт не мог успокоиться ещё несколько минут. Пока его душила нехватка воздуха и жжение в горле, Корнет спокойно сидел напротив и ждал окончания этого внезапного приступа. Всё ещё хрипло и тяжело дыша, Найт разогнулся и, утерев прослезившиеся глаза, покачал головой.

— Стало легче, мой мальчик?

— Да. Да, стало легче. Прости за это...

— Ничего, — ответил старик и кивнул. — Не сдерживайся при мне. Ты же знаешь, мы с тобой ближе, чем кажется. Ты — мой наследник и сын.

Найт лишь закивал в ответ, выдохнув ртом воздух и проведя рукой по волосам.

— Забудь о девушке, — продолжил Барнс, уже посерьёзнев. — Она либо сумасшедшая, либо просто слепая. Мы с тобой оба прекрасно знаем, кто ты такой... Я думаю, тебе нужно отдохнуть, сегодня был тяжёлый день. Предлагаю отправиться спать.

Молодой мужчина задержал взгляд на лице своего наставника; зелёные глаза упрямо глядели на старика, но хозяин форта без каких-либо лишних колебаний выдержал этот взгляд, давая таким образом понять, что всё уже было сказано. Найт с явной неохотой поднялся, уважительно поклонился и, едва собрался покинуть комнату, как был остановлен голосом Корнета:

— Скажи-ка мне, мой мальчик, где ты встретил ту странную девицу? Прости мне моё любопытство, но больно уж интересно...

— В одном заведении, что по главной дороге к заливу. Ты знаешь его, мы часто бывали там раньше.

Наставник только покачал головой, выражая своё неодобрение, но взгляд его всё ещё был полон нежности к своему преемнику, и Найт, валившийся от усталости с ног, поспешил уйти, плотно закрыв за собой дверь. После его ухода, Корнет ещё долго сидел за столом, хмуро глядя перед собой, и лишь внезапно потухшая свеча заставила его очнуться от гнетущих мыслей. Этой ночью старик спал отвратительно, притом выстраивая в голове чёткий план следующих действий.

***

С крыши донжона форта открывался чудесный вид на залив, а особенно этой ночью, когда луна освещала спокойную, морскую гладь, и туман растаял ещё до полуночи. Найт так и не смог заснуть после разговора с Барнсом, терзаемый странными, неприятными ощущениями. Поэтому, вместо очередной ночи, проведённой с бутылкой вина или подвязанным в сарае мешком с песком для битья, предпочёл наблюдать за звёздами со своего излюбленного места.

Джеймс вскоре присоединился к нему, и Найт слышал, как его подвыпивший друг нетвёрдым шагом ступает по крыше и садится рядом. Мужчина потряс в кулаке несколько гладких камешков, затем стал поочерёдно бросать их во тьму у подножия башни.

— Судя по всему, разговор со стариком прошёл неважно, — констатировал Джеймс после недолгого молчания. — Могу лишь пожалеть тебя, брат.

— Не надо меня жалеть, ты знаешь моё отношение к этому...

Прокашлявшись, потому что голос его был ужасно хриплым, прерывистым, Найт приподнялся на правой руке, повернувшись на бок. Холодная поверхность крыши была неудобной и твёрдой.

— Ну, тогда... Мне жаль, что я самолично ничем не могу помочь.

— Конечно, не можешь! Это случилось до твоего появления здесь. Помнишь, как мы встретились на Рождество в гавани пару лет назад?

Джеймс расхохотался так громко, что даже затрясся всем телом, лёжа на месте.

— Ещё бы не помнить! Я тогда умудрился стянуть у тебя кошелёк, а ты даже не заметил...

— Заметил и поймал тебя за руку, но только не сразу!

— Да, и после этого я попал к вам. Под твоё, брат, влияние!

Они ещё долго хихикали, словно нашкодившие мальчишки, вспоминая прошедшие два года, проведённые в путешествиях, грабежах и долгих ночах в местных тавернах.

— Знаешь, что бы ты там ни чувствовал, и что бы ни наговорила та ненормальная, ты — наш парень, и всегда им будешь! — Джеймс дружелюбно пихнул товарища в плечо. — По-моему, эта жизнь уже не может быть лучше.

Ему показалось воцарившееся молчание до того странным, что и отсутствие растаявшего в тишине шума волн под утёсом пугало и нагоняло мрачную тоску.

— Эй, парень. Всё хорошо, верно?

— Да, — протянул Найт с абсолютной отрешённостью. — Всё хорошо.

— Знаешь, по-моему, тебе просто нужно расслабиться... Давно ты проводил время с какой-нибудь красоткой?

— Только не это! Не начинай всё заново...

— А я говорю серьёзно, брат! Поезжай со мной завтра до гавани. Выпьем, повеселимся, а на ночь найдём тебе девчонку.

Грубо фыркнув какие-то ругательства, Найт лёг на спину, сложив руки под голову, и холодно произнёс:

— Уволь меня от своей заботы. И я буду развлекаться когда и как захочу!

— Знаешь, упрямство не делает тебе чести, — Джеймс бросил в пропасть последний камушек. — Ха! А, может быть, тебе понравилась та девчонка?

Они одновременно повернули головы, и их взгляды встретились: Джеймс глядел на друга с усмешкой, а тот — с невысказанным пожеланием своему товарищу удавиться или

хотя бы скрыться с глаз.

— Ничего страшного в том, что ты её захотел, нет...

— Заткнись!

— ... она ведь прелестна, хотя и слишком молода, лично для меня. Агата говорит, что, хоть она и дерзкая, зато очень нежная... Думаешь, толстяк её отдаст хотя бы на ночь, если ты ему достаточно заплатишь?

Барнс стукнул кулаком о твёрдую поверхность, затем резко поднялся и, держась за стальную изгородь, разделявшую крышу на две половины, зашагал в сторону узкого окна, ведущего на чердак. И на просьбы друга успокоиться и вернуться он так и не ответил.

Агата нашла подругу на заднем дворе таверны, когда та выносила завёрнутую в потрёпанную ткань кучу мусора, а затем бросила её в яму позади небольшого сарая. Взяв Элисон за руку, молодая женщина подвела её к чёрному ходу, где из-за приоткрытой двери были слышны возня и пьяные выкрики в общем зале.

— Я спрашивала обо всём, что ты просила. Джеймс говорит, что его друг больше не упоминал тебя и вообще отказывается возвращаться сюда для иных встреч.

Агата выдержала усталый, печальный взгляд девушки и, вздохнув, поинтересовалась:

— Возможно, ты всё-таки ошиблась? Найт Барнс вовсе не твой супруг.

Ответом ей было упорное молчание. Элисон кусала губы и тёрла пальцами огрубевшую кожу ладони.

— Милая, — Агата положила руки на её худые плечи. — Мне очень жаль, что всё так вышло. Но, в любом случае, твоя жизнь продолжается.

Девушка подняла на неё блестящие от накатывающих слёз глаза.

— Джеймс рассказал мне, что через три дня в гавань заходит бельгийский корабль. Из Гавра он отплывёт прямо в Портсмут! Джеймс обещал помочь устроить тебе побег, и вскоре ты окажешься дома!

Радости от такого долгожданного шанса свободы Элисон не показала. Она понуро опустила плечи, словно на душе её стало ещё тяжелее. Её подруге оставалось лишь вздыхать. Грубый голос Луи, раздавшийся за стенами, заставил молодых женщин напрячься, и Агата заговорила уже шёпотом:

— Послушай меня, Элисон. Это может быть твой единственный шанс выбраться отсюда, Джеймс не желает связываться с бельгийцами, и он не хочет попасться, если всё пойдёт не совсем гладко... Но не бойся, он просто никогда не помогал женщинам... вот так. Ты должна забыть о том мужчине, даже если это твой муж. Он не признал тебя, Элисон! Очнись же и пойми, что ты должна быть сильной, чтобы вернуться домой!

— Я не могу, — подала, наконец, девушка голос. — Я не смогу сбежать, зная, что Александр здесь, так близко!

— Говори же тише, глупая...

— Мне нужен ещё один шанс, Агата! — она словно в молитве сложила перед собой руки. — Единственный шанс поговорить с ним, прошу тебя, помоги мне с этим! Я рисковала своей жизнью, своей честью, чтобы найти его. И я была похищена, привезена сюда. И теперь именно здесь я нашла его! И когда нашла, я не могу просто так сдаться!

За дверью вновь раздался голос охранника: он весьма грубо по-французски велел молодым женщинам возвращаться в зал. Агата схватила подругу за руку, крепко сжав тонкое запястье пальцами, и прошипела почти с раздражением:

— Если ты не будешь готова через три дня, Джеймс тебе не поможет, и корабль уйдёт!

Возможно, он упросит Найта прийти на встречу, но если ничего не выйдет — ты должна о нём забыть!

Агата подумала о том, что может случиться, если Элисон останется здесь. Едва она станет старше, и толстяк, хозяин таверны, всю решит воспользоваться её прелестным личиком и не менее прелестным телом. Тогда Элисон может превратиться в одну из тех несчастных портовых девушек, чьи услуги скудно оплачиваются и чья репутация и здоровье загублены уже до конца их дней. Нет, этого она для подруги не желала.

Элисон с благодарностью смотрела на неё весь оставшийся вечер, пообещав, что будет послушна в дальнейшем. А пока, как и обычно, с утра и до следующего вечера её ждала тяжёлая работа, и Элисон, едва коснувшись пропахнувшей дымом ткани подушки, крепко заснула до рассвета.

Следующим вечером, после нескольких часов работы под присмотром Луи и частым пристальным взглядом хозяина таверны, Элисон поднималась на второй этаж с самыми хмурыми мыслями. Идя по полутёмному коридору, она слышала невнятные голоса, доносившиеся за дверьми гостевых комнат. Ей нетрудно было догадаться, чем занимались там другие работницы заведения с полупьяными гостями, и благодарила Бога за то, что судьба оградила её от этого разврата. Элисон подумала, что не выдержала бы и дня такой жизни, поэтому ценила всё, что делала для неё Агата. Целый день девушка размышляла о побеге, но в большей степени об Александре, и её сердце разрывалось от болезненных ощущений и выбора.

Погружённая в свои мысли, Элисон прошла по коридору до поворота направо, ведущего к другой лестнице; она глядела только себе под ноги и не замечала ничего, и лишь когда неожиданно врезалась в широкую, мужскую грудь, ахнула и подняла голову.

Увидев перед собой мужа, она впала в ступор, и на мгновение ей показалось, что он был видением, поэтому с силой стиснула кулаки. Поначалу Александр смотрел на неё с удивлением, затем, видимо благодаря виски, запах которого можно было легко учуять, он чуть пошатнулся и, прислонившись спиной к стене, скрестил руки на груди.

— Вот так встреча, — произнёс он весьма связно, хотя по его бледному лицу было заметно, что он много пил этим вечером. — А я уж надеялся её избежать, но... видимо, не судьба!

Как в далёкое первое время их совместной жизни, Элисон с молчаливым, невыраженным ничем раздражением принимала его насмешку, и эта мысль почти заставила девушку улыбнуться.

— А ты во многом не меняешься, — сказала она, смело глядя ему в глаза.

— Ну конечно! Ты ведь «знаешь меня»!

— Да, я знаю.

Насмешка тут же превратилась в строгую холодность; мужчина отошёл от стены и встал прямо перед Элисон так, что кожей она почти ощущала жар его тела через тонкую рубашку.

— Ты сделал то, о чём я просила? Поговорил со своим наставником?

— Поговорил.

— И что же?

Он наклонился к ней, внимательно разглядывая её, и девушка вжала голову в плечи, теребя краешек старого фартука. Шрамы на коже делали лицо Александра грозным, придавая ему выражение неумолимого презрения особенно сейчас, когда он собирался сказать ей всю правду.

— Пусть я не помню своей жизни до того несчастного случая. И пусть меня это пугает время от времени. Но я точно знаю, кто спас меня и все эти три года был рядом. А если ты утверждаешь, что я твой муж, отчего же эти светлые воспоминания до сих пор не напомнили о себе? Что это была за жизнь, раз я о ней не помню? Если это нечто неприятное, позорное, и я просто не желаю это вспоминать — тогда стоит ли пытаться!?

В его словах, сказанных так, будто он отвергал само существование Элисон, хотя на самом деле она стояла сейчас перед ним, девушка познала и для себя долю правды. Если сам Бог допустил, чтобы Александр забыл её, то что могло бы исправить его волю? В конце концов, если бы не их отцы, Элисон никогда не стала бы его женой, и их пути не пересеклись бы.

— Но ты говорил, что любишь меня, — еле-еле вымолвила она, чувствуя горячие слёзы на щеках. — Ты говорил это...

Элисон вспомнила, как не смогла ответить ему на эту любовь, потому что была слишком зла, и её мелочные амбиции взяли верх над иными чувствами. Но тогда она действительно не могла ему ответить взаимностью, хотя и должна была. То был её долг, долг супруги перед мужем.

— Ты ошиблась, крошка. Я ничем не могу тебе...

Он не успел договорить, когда Элисон во внезапном порыве прижалась к нему так, что он спиной почувствовал твёрдость стены. Девушка приподнялась, сжав пальцами ворот его рубашки, притянула мужчину к себе, и, когда коснулась влажными губами его губ, он ощутил всё её отчаяние, боль и тоску в этом поцелуе. Стоило ей отстраниться, чтобы посмотреть ему в глаза, как он почувствовал не менее отчаянную потребность в ней, в её нежном запахе кожи и мягкости губ, поэтому крепче сжал её талию руками и, резко повернувшись вместе с девушкой, прижал её к стене.

Они оба оказались в тени, хотя проходившие мимо нетрезвые гости могли разглядеть их силуэты, прижатые у стены друг к другу. Внезапно охватившее его желание до того было сильным, что на какое-то мгновение Найту показалось, будто он действительно сошёл с ума. Но его руки настойчиво скользили по спине девушки, а пальцы то и дело сминали ткань её платья и задирали юбку выше и выше. Он слышал тихие стоны и с жадностью, совсем несвойственной ему, терзал снова и снова мягкие губы и проникал между ними языком. Всё, что было таким важным и значимым, теперь не имело никакого смысла. Может быть, у него просто слишком давно не было женщины. Может быть...

Элисон теснее прижалась к нему, и она дрожала, обнимая руками его шею, но поняв, наконец, что делает, Найт резко отстранился и, тяжело и прерывисто дыша, произнёс:

— Нет, этого не будет. Я знаю, что ты задумала, маленькая дрянь.

Его глаза пылали злобой, а голос предательски дрожал. И Найт разозлился ещё сильнее, видя, как смело Элисон глядит на него, даже не пытаясь поправить юбку своего платья.

— Оставь меня. Просто оставь меня!

— Так уходи, — ответила она презрительно. — Я лишь забрала у тебя единственное, что ты мог мне дать.

Мужчина громко выругался, развернулся и решительно, хоть и слегка пошатываясь, зашагал прочь по полутёмному коридору. Элисон проводила его долгим взглядом с мыслью лишь о том, что через пару дней её уже здесь не будет.

Эта ночь выдалась особенно холодной и тёмной, и хотя форт окружали высокие каменные стены, они не защищали от ветра даже в башне. Корнет Барнс ожидал гостя уже несколько часов, но прекрасно помнил, что от залива и до самого Парижа дороги нынче беспокойны. Уже много недель банды Нормандии отстаивали свои территории у соперников, то и дело вырывая землю из их рук и наоборот. Это вредило не только бандитам, но и мирным гражданам.

После полуночи старика разбудил решительный стук в дверь, и, ещё до того, как Барнс сказал и слово, в его комнату вошёл долгожданный ночной гость.

— Маркус! Надеюсь, поездка принесла свои плоды.

— Без церемоний, как всегда, — буркнул мужчина, устало опустившись на стул перед письменным столом. — Это было не так уж и сложно.

— Что ты узнал о девушке?

— Зачем слушать меня, того, кому вы доверяете меньше всего? — на загорелом лице южанина появилась лукавая улыбка. — Лучше сами прочтите вот это.

Из внутреннего кармана кожаной куртки он достал сложенный вчетверо пожелтевший листок бумаги и небрежно бросил его на стол.

Развернув документ, старик стал внимательно вчитываться в информацию, изложенную на нём; с каждой секундой лицо хозяина форта становилось всё более хмурым и недовольным. Маркус заметил это и хмыкнул вслух.

— Это всего лишь листовка двухнедельной давности. Видите дату? Там ещё подписана территория поисков...

— Где ты это взял? — спросил Корнет, подняв на южанина глаза.

— Свистнул у одного англичанина вчера, в трактире по дороге в Амьен. Дерьмовое место... Зато англичанин и его компаньоны рыскали там и то и дело расспрашивали народ про девчонку, которая, видите ли, пропала из самого Дувра. Только le Dieu знает, как их занесло во Францию!

— Здесь сказано: «Элисон Ривз, по рождении Шеффилд, пропала из порта Дувра, Англия; последний раз её видели в местном постоялом дворе, откуда она и исчезла в ночь на шестое июня этого года. Предполагается, что она отправилась на поиски своего супруга, Александра Ривза, исчезнувшего тремя годами ранее».

Выругавшись, и весьма грубо, старик поднялся и подошёл к узорчатому окошку, откуда открывался вид на чернеющий на противоположном берегу густой, высокий лес.

— За неё назначена неплохая награда, — подал голос Маркус. — Если бы не нужно было иметь дело с полицией, я бы уже повёз девчонку через пролив.

Он засмеялся, посчитав, что и старик разделит его улучшившееся настроение, но Корнет всё ещё стоял спиной к нему, с силой сжимая в пальцах листовку. Выдержав необходимую паузу, южанин спросил:

— И чем это таким она вам важна?

— Она сказала ему правду, — ответил Барнс больше самому себе, чем своему гостю. — Она его нашла и, кажется, готова его забрать. Он уже который день словно сам не свой ходит, будто медленно сходит с ума! Если девушка до него достигнет, если она заставит Нейтана вспомнить его прошлую жизнь, то такого обмана он мне не простит.

— И как же на самом деле ваш драгоценный крысёныш попал к вам?

Корнет проигнорировал оскорбление и продолжил говорить, то и дело тяжело вздыхая:

— Три года назад, когда наш корабль проходил мимо Кале, я заметил с палубы человека в воде. Поначалу я решил, что это всего лишь труп, но любопытство взяло над моей командой верх, и они вытащили тело из воды. Это был молодой мужчина, и он оказался жив, но ужасно слаб. И совершенно ничего не помнил о себе. Стоило заговорить с ним, как я уловил едва слышимый акцент и понял, что он англичанин... Приграв его тогда на своём корабле, я и представить не мог, что Найт когда-нибудь станет чем-то большим, чем просто спасённым без прошлого. Он слишком дорог мне, чтобы вот так отдать его той девчонке! После всего, что было... нет, ни за что!

— Разве он вам недостаточно доверяет, чтобы забыть про неё?

— Я не могу рисковать, — старик обернулся и послал южанину строгий, осуждающий взгляд. — И, кажется, каким-то образом она заставила его волноваться, и в любой день, любой момент воспоминания могут к нему вернуться. Раньше ничего из окружения Найта не вызывало в нём эту нужду к открытию прошлого. Он просто мне верил.

— А я понял. Вы его обманывали. Все эти три года! Огромная трагедия! — Маркус с самым важным видом покачал головой и улыбнулся. — О, если он узнает правду, то заберёт девчонку и смоеся отсюда...

— Поэтому ты заберёшь её раньше.

— Чего? — мужчина покачнулся на стуле и едва не свалился с него. — Я? Я — не нянька, неужели не ясно?

— Эту девушку нужно убрать и как можно скорее!

— Поручите это дельце кому-нибудь из своей банды...

— Они не должны в это вмешиваться, иначе кто-нибудь может проговориться, — Корнет сел за свой стол, подложив под щетинистый подбородок сжатые пальцы. — Нейтан ничего не должен узнать, иначе это вызовет у него ещё бóльшие подозрения. Убери девчонку, чтобы о ней больше никто ничего не услышал.

— И какой же прок от этого буду иметь я? — Маркус навалился на стол мускулистой рукой и прищурился. — Я не только должен прикончить разыскиваемую во Франции англичанку да к тому же и хранить твою тайну, старик! Если честно, мне всё равно, как сильно возненавидит тебя этот крысёныш, если узнает правду...

— Я заплачу в два раза больше, чем гласит эта листовка.

Серые глаза Корнета потемнели, сейчас он был серьёзен, и Маркус это понял. Он думал не так уж и долго, решив, что похищение девушки не составит теперь большого труда, а его обманутый соперник, этот наглый крысёныш, пострадает за своё нахальство и за то, что в прошлый раз чуть не вывихнул ему руку. Осознание того, что Найт до конца своих дней будет жить во лжи, было приятным, а крупное вознаграждение за похищение той, кто знает всю правду, станет ещё более приятным дополнением. Маркус согласно кивнул и пожал холодную руку старика.

На следующий день по дороге в ту самую злосчастную таверну южанин думал, какой же должна быть эта девица, раз смогла наделать столько шуму и заставить старика Барнса поволноваться. Утром таверна была почти полностью пустой, только совершенно уставшие и пьяные её уснувшие завсегдатаи громко сопели, согнувшись над столиками. Маркус подсел за пустой стол и, так и не скинув с головы капюшон, стал ждать и всматриваться в каждого работника таверны.

Он узнал Элисон сразу же, как только она появилась в зале. Когда она наклонялась, чтобы подмести пол, её густые волосы, собранные в тугую косу, то и дело перекатывались со спины через плечо, и она, хмуря лоб, всё время поправляла их. Она действительно была слишком молода, чтобы пережить всё, что с нею случилось, но, по-видимому, супруг был ей дорог, раз она ринулась за ним в такое опасное путешествие и угодила сюда. Маркусу было заплачено за её убийство, а не за то, чтобы он глазел на неё, хотя он не мог не признать, что она была слишком красивой для этого места.

Поднявшись и пройдя через весь зал, южанин остановился позади девушки и, когда она резко обернулась, удивлённая посторонним присутствием, улыбнулся.

— Здравствуй, *la mignonne!*

— *Bonjour... monsieur,* — ответила она, скромно опустив глаза.

Он давно уже отвык от обычного девичьего смущения, так как время от времени окружал себя дамочками весьма низкого положения. Маркус сразу понял, что она не такая, как местные шлюхи, и что хозяин таверны наверняка не просто так держит её здесь. Может быть, ждёт, чтобы продать её кому-нибудь со значительным статусом, если подвернётся такая возможность.

— Не прячь глазки, дорогая, — он властно, но без лишней грубости, заставил Элисон посмотреть на него, коснувшись пальцами её подбородка. — Скажи-ка мне, *ma chère*, где сейчас твой хозяин? У меня к нему есть важное и весьма выгодное предложение.

***

Более получаса Джеймс прождал за стеной таверны, но ему хватило и этого недолгого ожидания, чтобы понять, что побег всё-таки не состоится. Мужчина проклинал девушек за этот провал, ведь они испортили такой идеальный план! (Ну кто, как не они были виноваты?) Джеймс всё тщательно спланировал: рассчитал время, когда Луи отвлечётся, и Элисон сможет незаметно пройти во двор; оттуда, в тени, она могла бы через лаз выбраться за стену, и Джеймс отвёз бы девушку в порт. Теперь драгоценное время было упущено, и бельгийцы наверняка не станут их больше ждать.

Он вернулся в таверну, хмурый и злой, но, когда нашёл ужасно бледную, плачущую Агату, тут же понял, как сильно ошибся. Добившись от неё более связных слов, он узнал, что Элисон здесь больше нет, а хозяин и не собирается рассказывать, кому отдал девушку. Джеймс догадался, что здесь даже его влияние ничем не поможет; по-видимому, кто-то заплатил достаточно, чтобы Элисон вот так продали.

Агата едва ли не умоляла его найти подругу, потому что прекрасно понимала, что может случиться с девушкой. Растерянный Джеймс мог лишь обещать: он сделает всё, что в его силах. Агата слишком сильно нравилась ему, чтобы видеть её такой расстроенной. Да и Элисон не заслужила ничего дурного.

Уставший и расстроенный, в форт он вернулся лишь под утро. Найт тоже не спал, так как был посвящён в план друга насчёт Элисон и её освобождения. Его заинтересованность этим планом заключалась лишь в одном: он желал быть убеждённым, что девушка вернётся домой. Сейчас Найт сидел перед огромным камином в небольшом общем зале форта. Убедившись, что они совершенно одни, Джеймс опустился в кресло напротив и не заговорил, пока Найт не спросил первым:

— Ну, как прошло? Она на корабле? — голос его звучал хрипло.

Наверняка, он снова часто кашлял этой ночью, решил Джеймс.

— Ничего не вышло, брат.

— Что значит «не вышло»?

— Её нет, ясно? — с раздражением бросил мужчина. — Чёрт побери, так и знал, что нужно было забрать её раньше!

— Да объясни толком, что случилось?

— Прошлым утром, ещё задолго до того, как я туда прибыл, кто-то выкупил её у толстяка. Ха, а тот и рад бы! Видимо, ему действительно хорошо заплатили. Но я понятия не имею, кто это мог быть. И почему именно Элисон, а не какая-нибудь другая девица. Очень подозрительно, брат, очень.

Найт вдруг поднялся и беспокойно стал вышагивать перед камином. Джеймс уже мог ощутить тревогу, которой тот был переполнен. Он дышал часто и тяжело, заламывал руки, с остервенением потирая пальцами ладони, покрытые рубцами, и то и дело посматривал на танцующие в камине языки пламени. Найт был похож на загнанного в клетку хищника.

— И вот что интересно, — нарушил тишину Джеймс, — стоило тебе поговорить с Корнетом, как через пару дней девчонки и след простыл.

— На что ты намекаешь?

— А на то, что всё это не может быть простым совпадением! И только слепец не увидит здесь связи. Ты же не слепец, Найт?

— Я просто забыл, — произнёс Найт так тихо, что друг его не расслышал.

Мужчина оперся руками о край камина и попытался сосредоточиться только на самом главном. Провал в памяти. Три года грабежей, убийств и вольной жизни. Девчонка. Корнет и его убеждения, не имеющие никаких существенных опор. Поцелуй, после которого он так долго не мог оправиться и несколько раз срывался вернуться, чтобы получить гораздо больше. А теперь — девчонка исчезла. Всё это было неправильно и странно. Найт почти ощущал боль, разрываемый забытыми воспоминаниями, которые он никак не мог заставить к нему вернуться. Сейчас он как никогда желал вспомнить свою прошлую жизнь. Осознание того, что все эти три года могли быть простым обманом, ловушкой его положения, заставляло его ненавидеть себя и своего наставника.

— Здесь лишь два варианта, друг, — сказал Джеймс мрачно. — Либо Барнс действительно что-то скрывает от тебя, и девушка была права, либо ей просто очень не повезло.

— Значит, остаётся лишь узнать правду.

— Я-то думал, тебе всё равно, что станет с девушкой.

— Если мы с ней оба стали жертвами чьего-то проклятого плана, я должен это выяснить. И если это так... я это исправлю по-своему.

— Что будем делать?

— Не «мы». Лишь я, это моё дело.

Недовольно фыркнув, Джеймс поднялся, заскрипев измазанными влажной землёй сапогами по полу и, подойдя к другу, положил руку на его плечо.

— Нет уж, брат. Может быть, я и не имею отношения к твоему прошлому, но, по крайней мере, я хочу помочь тебе его вернуть. К тому же, я должен найти Элисон. Надеюсь лишь, что ещё не совсем поздно.

Найт хмуро глядел на него с невыраженной благодарностью и, в конце концов, лишь одобрительно кивнул в ответ. Они вместе немедленно отправились в башню, чтобы поговорить с Корнетом, но старика не было в его кабинете. Джеймс не думал, что Найт действительно был серьёзно настроен, пока, вопреки отсутствию хозяина, не отворил дверь в

комнату.

— Мне остаться снаружи?

— Да. Стукнешь в дверь пару раз, если заметишь кого-нибудь.

Найт закрыл за собой дверь и огляделся. Первым, что он решил осмотреть, был письменный стол. Под раскрытыми старыми картами и потрёпанными книгами мужчина не нашёл ничего подозрительного. И взгляд его тут же упал на ящики под столом. Найт знал, что только верхний всегда был заперт на ключ, который Барнс носил с собой. Но сейчас времени на церемонии не было: Найт с силой дёрнул пару раз за резную ручку, и ящик, скрипя о стенки, упал прямо на пол. Поверх распечатанных писем и бесконечных, незаконченных записок мужчина обнаружил свёрнутый листок бумаги.

Он не слышал, как Джеймс застучал кулаком по двери, а затем всё вдруг стихло. Найт не слышал даже собственных мыслей, пока вчитывался в то, о чём гласила листовка в его руках.

— Пропусти меня, чёрт тебя подери! — послышался голос Корнета и, когда он вошёл в комнату, Найт поднялся из-за стола.

— Нейтан? Ты что здесь делаешь? И почему твой дружок караулил меня у дверей? Потрудись-ка объяснить мне это, сынок!

— Я тебе не сынок, — Найт скривил губы в усмешке, но его потемневшие глаза уже блестели от непрошенных слёз.

— Лучше ты потрудись объяснить мне это, — он потряс кулаком, зажавшим листовку, перед собой, — и говори правду. Но на этот раз, она должна быть настоящей, а не выдуманной тобой...

Джеймс в полной растерянности стоял в дверях и глядел то на своего друга, то на старика. Барнс был непреклонен в своей холодной суровости даже сейчас, когда на карту было поставлено будущее его преемника и его собственное. Найт же выглядел совершенно несчастным, и даже его твёрдое намерение узнать правду не могло это скрыть. На его щеках уже блестели дорожки от слёз, и, терзаемый душевными страданиями, он зажал между зубов нижнюю губу, чтобы хоть как то заглушить растущую боль.

— Я могу всё объяснить, — твёрдо произнёс Корнет. — Только дай мне слово...

— Не могу поверить, что ты сотворил это со мной!

В следующую секунду Найт развернулся и, издав дикий, похожий на звериный, рык, смахнул со стола все бумаги и книги. Задетый им подсвечник упал на пол вместе с картами и громко звякнул о камень. Найт схватил небольшую, пустую вазу и зашвырнул её в дальний угол — ваза разбилась на десятки осколков, стукнувшись о стену.

— Ты говорил, что это был несчастный случай! Я свалился с проклятой лошади и потерял память! — закричал он, сверля Барнса бешеным взглядом. — А что же получается? Девчонка не солгала, а?

Старик упрямо молчал, словно его ничуть не задевала вся эта ситуация. В гневе Найт поднял старый, хлипкий табурет и со всей силы бросил его в огромный книжный шкаф. С десятков книг повалилось на пол, одна за другой.

— Отвечай мне! Отвечай же!

— Я солгал лишь, не сказав, что нашёл тебя в море три года назад, — заговорил Корнет спокойным, холодным тоном. — Да, я солгал, но только потому, что боялся твоего возможного желания уйти. Я поставил тебя на ноги, дал тебе кров и товарищей, и ты стал именно таким, каким и должен был стать.

— Что? Так ты меня... выдрессировал, как подзаборного пса, чтобы я ради тебя убивал и грабил? И я ещё должен быть благодарен за ложь?

— Ты лучший в своём деле, Нейтан. За три года такого не добиться, ты владел всем, что знаешь сейчас, и раньше! Всё, что наговорила тебе та девушка, не имеет значения. Потому что все эти три года ты был самым собой и делал то, что хотел.

— Нет, я не был собой... Я был кем-то другим.

— За всё это время ты так и не вспомнил ни её, ни кого-либо из прошлой жизни! Что за жизнь ты имел, раз от неё не остался и самый слабый отпечаток? Твой разум отверг ту жизнь, потому что она была ужасной...

— Нет, нет! Ты лгал мне! — Найт с отчаянием махнул рукой, затем сел на край стола, согнувшись и спрятав лицо в ладонях; его руки дрожали. — Всё это было ложью... моё имя, мой дом и ты...

— Я тебя спас! Спас от смерти и кошмара, из которого ты выбрался. Твоё прошлое не имеет значения. Сейчас у тебя есть всё, чтобы с ним покончить.

Джеймс посмотрел на старика, закончившего говорить, затем на своего друга: Найт медленно дышал и молча плакал, его широкие плечи то и дело вздрагивали. Наконец, он отвёл руки от лица, выпрямился и соскользнул со стола, испепеляющим взглядом уставившись на Корнета.

— Всё это время я жил твоей ложью, и ты ни разу не сказал, где и как нашёл меня. И даже когда появилась Элисон, у тебя была возможность мне открыться, но ты этого не сделал. Теперь ты хочешь, чтобы я просто забыл. А по-моему, мне давно пора перестать это делать.

Он решительно двинулся на старика и встал прямо перед ним; Найт низко наклонился и прошипел, едва сдерживая гнев:

— Где она? Где девушка?

Корнет молчал, и Найт, резко замахнувшись, со всей силы ударил кулаком в стену совсем близко от лица старика.

— Говори, куда ты дел её!

— Её уже нет, она, скорее всего, мертва. Ты ничего не сделаешь...

— Вот как, — он усмехнулся, затем утёр рукой влажное лицо. — Испугался девчонки и тут же решил её убрать. Как это на тебя похоже.

— Я лишь хотел сохранить то, что у нас осталось, Нейтан. Ты должен знать, что я делал это только ради тебя. Ты — мой наследник, мой сын...

— Я тебе не сын и не был им никогда. И сейчас, если ты не скажешь, кто выкупил девчонку, клянусь, я разберу твой форт по камню, и ты ещё пожалеешь, что подобрал меня тогда.

— Скажу, так и быть, но только если ты пообещаешь мне вернуться сюда и забыть эту ситуацию.

Найт готов был разразиться новыми ругательствами, когда настойчивый, но спокойный голос Джеймса заставил его одуматься:

— Брат, послушай, нам некогда сейчас разбираться с этим. Ещё есть шанс её найти, ну же!

Его друг был прав, Корнет просто тратил их время. Найт выдохнул, продолжая всматриваться в суровое лицо старика, и не мог поверить, что его преданность испарилась за столь короткий срок. Он вдруг понял, что на самом деле сомнения терзали его все эти три

года, но он всё время заглушал их, а заодно и свои глубоко похороненные в памяти воспоминания мнимым доверием.

— Я клянусь, что вернусь, но только когда найду её — живой или мёртвой.

— Так-то лучше. Наш общий друг с юга забрал её и наверняка уже исполнил свою работу, поэтому не надейся...

— Найт, идём! Я догадываюсь, где она может быть, — Джеймс дёрнул друга за рукав его рубашки, видя, с какой ненавистью Найт смотрит на Барнса. — Найт! Прошу тебя, идём! Надо торопиться.

— Она для тебя никто, — произнёс Корнет строго. — Просто след от прошлого, которого ты не помнишь.

Найт сдержался и промолчал. Он с остервенением вытащил из-под ворота рубашки небольшой кулон с уже стёртым на нём изображением, резко дёрнул, разорвав тонкую бечёвку, и бросил к ногам Корнета. Затем развернулся и последовал за Джеймсом вниз по лестнице. Они вместе вышли из башни под накрапывающий дождь, и тучи до того плотно окутали небо, что утро уже казалось ночью. Во внутреннем дворе форта в это время никого не оказалось, и мужчины спокойно прошли к конюшням.

— Думаешь вот так прийти туда, войдя через главные ворота, отвесить поклон и поинтересоваться, не у них ли находится девушка? — спросил Джеймс, забравшись на коня. — Кажется, это не будет так уж просто. К тому же, южане нас недолюбливали ещё задолго до этого дня.

— Знаю. Но у меня есть план. Поехали. Расскажу, что нужно будет сделать, по дороге.

***

По сравнению с фортом Барнса оккупированный южной бандой дом близ деревни, что в районе Вернона, казался просто старым сараем. Двухэтажное деревянное строение в виде буквы Н находилось за лесом, и Джеймс точно знал, как лучше подобраться к этому месту, чтобы ни его, ни Найта не заметили дежурившие по вечерам часовые. Лошадей они оставили в лесу, сами же подошли ближе, скрываясь в тени деревьев. Им пришлось дожидаться, пока солнце сядет, и, когда горизонт, наконец, потемнел, а равнина на западе едва ли не стала сливаться с небом, Джеймс скинул с плеча мешок, который всё время держал при себе и полушёпотом произнёс:

— Уверен, что это сработает?

— Нет, на этот раз не уверен. Но ты должен убраться отсюда, как только подорвёшь взрывчатку, — Найт бегло оглядел мешок. — Я должен знать, что мне не придётся вытаскивать из беды ещё и твою задницу.

— Очень мило с твоей стороны, — фыркнул его друг, всматриваясь в окна второго этажа дома. — Когда они прибегут разобраться со взрывом, у тебя в запасе останется всего несколько минут, чтобы найти её.

— Знаю.

— Но ты не сможешь найти там девчонку так быстро, да ещё и не попасться!

— Знаю, — с раздражением бросил Найт. — Но при мне мушкет и нож. Если кого-то встречу, то разберусь с ним ещё быстрее, чем он меня узнает.

— Ты ненормальный, брат. Но обычно удача всегда на твоей стороне, так что...

Они расслышали голоса, доносящиеся со внутреннего двора позади дома. Когда голоса стихли, Джеймс пихнул друга в бок, затем набросил на голову капюшон плаща и поднял с влажной земли свой мешок.

— Надеюсь, и мне повезёт. Ведь если фитили промокли...

— Всё, давай! Пошёл, пошёл!

Джеймс без лишних слов рванул с места, побежал вдоль линии растущих рядом пожелтевших кустов и уже меньше чем через минуту скрылся за углом кривого деревянного забора.

Найт понимал, что времени у него действительно в обрез, и он должен забраться в дом ещё до того, как прогремит взрыв. Он лишь надеялся, что Джеймс не станет храбриться и уберётся отсюда, пока его не обнаружат. Короткими перебежками Найт добрался до восточной стены и, перебравшись через забор, присел под одним из окон. Правой рукой он сжимал рукоять мушкета и внимательно прислушивался к каждому шороху за стеной. К своему сожалению, за всё время он так и не расслышал женского голоса. Но вот через минуту раздался грохот, и земля под ногами на какое-то мгновение задрожала. Взрыв оказался достаточно сильным, и, хотя Найт не представлял, что конкретно взорвал Джеймс, за окном, в помещении, послышался топот и взволнованные возгласы.

Через несколько секунд коридор опустел, а Найт рывком взобрался на подоконник и оказался в доме.

Здесь было достаточно светло, чтобы быстро осмотреться; дым с улицы уже заполнял коридор, и Найт едва сдерживал свой кашель, чтобы не выдать себя. Он оказался прямо напротив лестницы, ведущей на второй этаж, и тут же вспомнил, как Джеймс показывал ему план дома, рисуя схему веткой на мокром песке.

Где-то наверху должна находиться оружейная — единственная комната в доме с самым надёжным замком. Джеймсу «повезло» гостить здесь однажды. Впервые в жизни Найт молился, действительно молился, чтобы Элисон оказалась в той комнате, иначе он мог бы просто не успеть вовремя найти её и скрыться. Оказавшись на втором этаже, он осмотрел и проверил каждую дверь всех комнат — всего лишь жилые помещения, и никакого оружия, и никакой девушки здесь не было. Найт едва не взвыл от отчаяния, а через пару мгновений услышал шаги где-то на первом этаже. Прижавшись к стене и приготовив мушкет, он поднял голову и вдруг заметил в потолке приоткрытый люк. Благодаря высокому росту он лишь дотянулся рукой и изо всех сил дёрнул железное кольцо, прикреплённое к дверце чердака, затем подтянулся и, ещё до того, как кто-то появился в коридоре, оказался в небольшом, холодном помещении.

Здесь пахло сыростью, прогнившим деревом и крысиным помётом, благо единственное окно под самой крышей было открыто, и последние лучи солнца ещё позволяли здесь оглядеться. Найт отдышался, стараясь не двигаться, пока шум внизу не стихнет, затем поднялся на ноги и у стены, в дальнем углу, увидел Элисон: она лежала на коротком, плотном покрывале, согнувшись и подтянув к груди колени. Даже во сне она дрожала, и всё, что на ней было надето — это тонкое серое платье с разорванными короткими рукавами и испачканное в пыли.

Подойдя ближе, Найт убедился, что девушка жива, и заметил уже высохшую кровь на её губах и шее и небольшой синяк на бледной коже щеки с левой стороны. Он мысленно выругался, затем осторожно стал поднимать Элисон на руки. Он чувствовал её всю через тонкую ткань её платья, девушка была лёгкой, даже слишком лёгкой, а её кожа — мягкой и холодной.

— Всё хорошо, крошка, всё хорошо. Я отвезу тебя домой...

Не успел он и повернуться, как половицы позади вдруг угрожающе скрипнули, и

раздался выстрел, мгновенно прорезавший тишину. Пуля попала ему под рёбрами слева и прошла насквозь. Сдержав стон, Найт упал на колени вместе с девушкой, но тут же уложил её на пол и поспешил обернуться, терпя растущую с каждым мгновением боль.

— Куда-то собрался, крысёныш?

Истекая кровью и сжимая от боли челюсти, Найт поднял глаза и увидел своего старого знакомого, уже опустившего пушку и улыбающегося до мерзости победно.

— Маркус! А я-то надеялся, что Джеймс взорвал именно тебя...

— Я знал, что ты за ней придёшь, — южанин хмыкнул и указал на девушку, которую Найт всё ещё закрывал собой. — Я не такой дурак, как твой старик Барнс. Да и ты не сплеховал поначалу. Но игры кончились. Девчонка останется здесь, потому что я её купил.

— К чёрту...

— Она теперь моя, и я имею полное право делать с ней всё, что захочу. А ты, — он вытянул руку с пистолетом перед собой и опустил палец на курок, — попадёшь отсюда только в могильную яму!

***

Найт зажимал рану ладонью левой руки и чувствовал, как горячая кровь медленно струится у него между пальцами. Маркус в это время, улыбаясь, направил дуло мушкета на него. Несколько секунд, и всё будет кончено... Но неожиданно раздался взрыв — тяжёлый и громкий, но в особенности — мощный. Дом сотрясся, и Маркус отвлёкся, что сыграло на руку Найту: он увернулся, сделав резкое движение вправо; южанин выстрелил, но промахнулся, и пуля вонзилась в стену. Вблизи не было никаких укрытий, и спрятаться было негде; дрожащей рукой Найт вытащил своё оружие и нажал на курок — его пуля лишь царапнула плечо врага.

Прорывав от злости что-то невнятное, Маркус прицелился на этот раз, но в секундной тишине раздалась лишь предательские щелчки. Отбросив оружие в сторону, южанин двинулся вперёд и за пару шагов достиг цели; этого хватило, чтобы Найт успел разогнуться и ринуться навстречу. Он сумел сбить противника с ног, но боль в боку замедляла каждое его движение. Маркус перевернулся вместе с Найтом, подмяв его под себя, и, когда придавил своим телом, вместе с кровью Найт стал терять последние силы. Грубые ладони легли на его шею, и сильные пальцы сцепились на ней, преграждая путь воздуху.

Кислорода стало не хватать, и Маркус был слишком тяжёлым, чтобы сбросить его; Найт лишь чувствовал, как пропитанная кровью рубашка липнет к спине и торсу, и он уже едва мог сдерживать напор врага, как вдруг краем глаза заметил мелькнувшую над ними тень. В следующую же секунду крепкая хватка Маркуса ослабла, мужчина издал короткий стон, и лицо его исказилось от страшной боли. Сквозь волну собственной ослепляющей боли Найт слышал частые, режущие звуки, словно острое лезвие снова и снова входило в мягкую плоть. Лицо и шею Найта заливала кровь южанина, пока тот пытался возвести руки за спину, но безрезультатно. Когда он встал на колени, зажимая рану на шее, Найт сумел перекатиться и отползти в сторону. Он увидел, как Маркус захрипел, а затем с последним глухим стоном повалился на пол, вниз животом.

Претерпевая боль, Найт отдышался и увидел Элисон, застывшую, будто загнипнотизированную; из её пальцев, перемазанных в крови, выпал нож, и Найт узнал своё собственное оружие. С трудом поднявшись на ноги, он подбежал к девушке и, тряся её за плечи, стал приводить в чувства. И, хотя она и глядела на него — от кончиков волос и до плеч испачканного в чужой крови — так, будто увидела призрак, он не прекращал шептать:

— Приди в себя! Ну же, очнись!

Он поднял с пола свой нож, сунул его за тонкий пояс, обвязанный вокруг талии девушки, схватил Элисон за руку и подвёл к окну. Найт расслышал шаги под чердаком и понял, что их вот-вот обнаружат, да ещё и с мёртвым южанином рядом. Перевалившись через подоконник и быстро осмотревшись, он повернулся к Элисон и, взяв её за плечи, произнёс:

— Сейчас ты прыгнешь, а я — за тобой. Поняла?

Она замотала головой, и её глаза, и без того кажущиеся большими на бледном лице, расширились.

— Я сказал, что ты прыгнешь! Другого выхода отсюда у нас нет и не будет.

— Нет, я... я не смогу, нет...

Найт посмотрел на её окровавленные пальцы, на разорванный ворот её платья и застонал, сильнее прижав ладонь к своей ране. Всё ещё напуганная Элисон взглянула на него и отчаянно всхлипнула. Шаги снизу стихли, а через мгновение кто-то заколотил по дверце чердака. Найт шлёпнул ладонью по щеке девушки, испачкав её кожу своей кровью.

— Живо прыгай, иначе я сам тебя спихну отсюда!

Он подтолкнул её ближе к окну, сам встал позади, помогая ей забраться на подоконник.

— Видишь это дерево? — спросил он, и Элисон кивнула, взглянув на разросшийся в нескольких футах от окна высокий дуб. — Оттолкнись сильнее и цепляйся за ветви. Ты дотянешься, я знаю. Когда спустишься, беги в лес и не смей останавливаться. Я найду тебя...

Возгласы под полом стали громче, и дверца чердака резко распахнулась; Найт прижался к Элисон сзади и, когда она свесила ноги с окна, помог ей прыгнуть как можно дальше. Девушка ухватилась за одну из веток, но не сумела удержаться и соскользнула на землю, упав на спину. Глухо застонав, она тут же перевернулась на живот, чувствуя скользкую от дождя землю меж своих пальцев. Холодный дождь всё набирал силу, заливал глаза, и Элисон ждала Найта под деревом, но он так и не появился.

Листья, отяжелевшие от капель дождя, шелестели над головой. Где-то вдалеке сверкнула молния, осветив на пару драгоценных мгновений лес и равнину. Буря разрасталась, перемешивая запахи дыма и влажного дерева. После очередного раската грома Элисон услышала выстрелы, раздавшиеся с чердака дома. Девушка вскочила на ноги и, скользя по грязи, обежала вдоль забора, но, заметив приоткрытую дверь низенького сарая, остановилась...

У него было лишь одно преимущество — враги не могли его заметить, пока не поднялись бы на чердак. Но отстреливаться вечно Найт не мог, и он понимал, что с такой раной вряд ли далеко убежит. Никогда ещё смерть не была так близка к нему, никогда ещё он не оставался один в таком положении! Сплюнув кровь, Найт отшвырнул мушкет в сторону, вплотную подошёл к окну и, сдерживая стон боли, перевесил правую ногу через край. «Даже если прыжок будет удачным, то что дальше?» — только и успел подумать он, прежде, чем понял, что на чердаке он больше не один.

Оттолкнувшись, Найт прыгнул на самую близкую к земле ветку и ухватился за неё правой рукой. Едва почувствовав, что держится крепко, он услышал, как в паре футов от него просвистела пуля, поэтому пришлось тут же прыгать; Найт упал, приземлившись на ноги, но резкая боль в боку поставила его на колени.

Он слышал, как южане кричали, по-французски призывая «окружать его», и Найт понял, что меньше чем через минуту будет схвачен, так как убежать далеко ему ни за что не

удастся. Он с трудом поднялся на ноги, скользя по грязи, и повернулся на восток, откуда из-за угла дома уже виднелся колеблющийся огонь факелов. Они шли за ним...

— Эй! Помощь не нужна?

Найт обернулся, услышав хриплый женский голос, и сквозь занавесу дождя увидел Элисон. Она протягивала ему руку, сидя на спине чёрного мерина, который то и дело мотал головой, фыркал и хлопал ушами, растряхивая тяжёлые капли с морды и гривы. Крики преследователей становились всё громче, Найт подошёл ближе, взял Элисон за руку и, опираясь на спину коня, взобрался и сел перед девушкой. Они рванули с места, повернув вправо и проехав через главные ворота; Элисон прижалась к спине Найта, обняв его за талию, и крепко зажмурила глаза. Она чувствовала только дождь на своей коже, силу ветра и тепло мужчины, сидящего перед нею. Она не видела, как они промчались через огромное, примятое дождём жёлтое поле; затем Найт направил коня в сторону леса. Ему повезло, ведь тропинка, которую он разглядел в сумерках, была достаточно широкой для быстрой скачки. Найт не слышал преследователей позади, но гнал и гнал коня так быстро, насколько животному лишь хватало сил.

Сколько прошло времени с момента их побега, Элисон не поняла и не заметила. Лес окружил их прохладой и запахами влажного мха и листвы. Когда конь устал, Найт пустил его шагом, и Элисон пришлось всё время поддерживать мужчину сзади, чтобы от слабости он не упал на землю. Какое-то время они ехали медленно, и девушка то и дело прислушивалась к хриплому дыханию Найта и трясла его за плечо, чтобы он не терял сознание. Чуть позже, когда деревья стали реже, и ливень, наконец, ослаб, Элисон заметила впереди огни, чей свет просачивался сквозь мокрую листву. Стоило выехать из леса, и они оказались на холме, у подножия которого стоял одинокий деревянный домик с пристройкой в виде небольшого сарая.

Элисон соскользнула со спины коня и побежала к дому; её длинные волосы были совсем мокрыми, и облепили её шею, плечи и спину. Вблизи этот дом показался ей тёмным и холодным, как слеп, но иной помощи негде было найти. Здесь жила пожилая пара, а хозяйка — жена лесничего — даже немного знала английский. Они помогли перенести Найта в комнаты, и к тому моменту он был уже почти без сознания. Элисон же, закутанную в тёплые одеяла, оставили греться у небольшого камина. Пожилая женщина заверила девушку, что её спутнику помогут, и предложила ей еды, но Элисон быстро заснула, стоило ей на минуту закрыть глаза и подумать о том, что её муж всё-таки будет жить.

***

Ему хватило всего несколько дней, чтобы выкарабкаться из цепких лап, которыми смерть тащила его в свои сети; видимо, помог предыдущий опыт в получении подобных ран, и его тело боролось с травмами едва ли не с удивительной лёгкостью. На пятый день Найт уже мог ходить, опираясь на самодельный костыль лесничего. Старик и его жена были добры к странной, молодой паре, явившейся к ним среди ночи из леса, к тому же выглядевшей так, словно оба искупались в крови. Найт был благодарен им за приют, но он знал, что нужно было двигаться дальше, особенно в отношении Элисон. У него уже был план насчёт неё, её безопасности, её будущего. И он просто не успевал удивляться тому, что действительно беспокоится за девушку. Он не видел её все четыре дня, что пролежал в полусне, а позже, при пробуждении, его стало одолевать странное смешанное чувство стыда и желания быть к ней ближе. Он так и не смог объяснить даже самому себе этого отношения к девушке, называвшейся его законной женой.

После полуночи, прихрамывая и держа руку на левом боку, Найт отправился в сарай, не желая стеснять пожилую пару своим присутствием. Здесь пахло сеном, коего в деревянной пристройке было, что говорится, от пола до потолка; к тому же здесь было довольно тепло и светло этой лунной ночью. Найт только что закончил умываться и отставил ведёрко с водой в сторону. Ему ещё тяжело было двигать левой рукой, и вот уже пару минут он безуспешно пытался надеть рубашку. Снаружи послышались неуверенные шаги, и, когда дверь медленно отворилась, собирая в кучу смятое на полу сено, Элисон вошла внутрь, тут же поймав пристальный взгляд Найта.

— Я могу помочь? — спросила она и уже через пару мгновений была рядом с ним.

Она помогла Найту надеть рубашку, стараясь притом не разглядывать его голые плечи, руки и торс и не касаться его кожи.

— Как ты себя чувствуешь?

— Бывало и хуже, крошка.

Он выпрямился, глядя Элисон в лицо, и попытался хоть как-то улыбнуться; заметив уже посветлевший синяк на её щеке, Найт покачал головой и тихо произнёс:

— Он бил тебя?

Глаза девушки тут же потускнели, она скривила губы и неохотно кивнула.

— А он... трогал тебя? Он не пытался...

— Пытался, — уже раздражённо бросила Элисон и скрестила руки на груди. — Я его укусила, когда он решился сделать мне одно непристойное предложение. Затем он меня ударил, но... я ожидала вовсе не подобных расспросов от тебя.

— А чего ты ожидала?

— Я не знаю! Возможно, того, что ты скажешь, что теперь ты мне веришь, и всё изменится!

В её взгляде он вдруг увидел такое сильное отчаяние и сразу понял, что уже не сможет сделать того, о чём она попросит. Всё это было слишком сложно, неожиданно, и развивалось так быстро, что Найт разрывался между множеством своих решений. И это было действительно больно.

— Скажи мне что-нибудь, — Элисон сделала шаг к нему, заправив длинный локон своих волос за ухо.

— Чего ты хочешь от меня? Признания? Я только что узнал, что человек, которого я считал своим покровителем, отцом и другом, обманывал меня долгие три года. Узнал, что, оказывается, у меня есть жена, другая семья и другой дом. И всё это свалилось на меня, будто снег на голову!

Найт отвернулся, нервно передёрнув плечами, и встал у порога раскрытой двери. Лунный свет падал на линию тёмного леса позади пшеничного поля; тучи собирались на горизонте, и вновь запахло дождём и мокрой травой.

— Я знаю, что всё это очень тяжело. Но и мне тоже было нелегко! Я всё бросила, чтобы найти тебя. Я верила, что ты ещё жив, и вот... Я просто не желала сдаваться! И эта проклятая потеря памяти ни за что не стала бы преградой...

— Может быть, тебе не стоило тратить на меня время и силы?

Его вопрос прозвучал весьма грубо и холодно, но Элисон предпочла этого не замечать.

— Нет, стоило! И у меня были на то причины.

— Сейчас это не имеет никакого значения, — ответил Найт, так и не обернувшись к ней. — Мы друг другу чужие люди.

— Зачем тогда всё это? — спросила она. — Зачем ты пришёл за мной? Ты мог из-за меня погибнуть.

— Ты была просто жертвой, ни в чём не виноватой. Я решил, что хоть кто-то из нас должен быть спасён, — Найт вдруг резко обернулся, и его зелёные, потемневшие глаза грозно блеснули в полутьме. — А чего ты ждала, найдя меня таким? Какой жизни ты ждала со мной?

— Такой же, как и раньше! Да, возможно, в самом начале наших отношений не всё шло так гладко, и порой ты даже был мне отвратителен, но через месяц всё изменилось...

— Через месяц? — переспросил он, не скрывая усмешки. — Этого тебе хватило, чтобы в пьянице и убийце разглядеть нечто... достойное? Посмотри на меня, а затем на себя, и скажи, что может нас связывать!

Но она всё ещё смотрела на него, и Найт видел слёзы в её больших глазах и чувствовал её боль, как свою собственную, хотя и не мог этого объяснить.

— Но тебе ведь хватило того месяца, чтобы полюбить меня, — произнесла девушка, сдерживая плач. — А мне потребовались три года, чтобы понять, что я тоже люблю тебя. И я поняла это даже без тебя, даже не видя тебя рядом. Мне было плевать на то, чем ты занимался. Я лишь помнила то, что ты говорил мне: что любишь меня. Жаль, я не ответила тебе сразу, возможно, тогда и ты бы не исчез... и мне не пришлось бы уезжать...

Она замолчала, шмыгнув носом и утерев чересчур длинным рукавом хозяйской старой рубашки щёки, и поморщилась, будто ощутила боль. Найт всё с теми же свойственными ему холодностью и, судя по всему, кажущимся безразличием глядел на девушку сверху вниз, затем подошёл к ней ближе и осторожно провёл пальцами по её сбившимся локонам.

— Я верю в то, что между нами было нечто, что заставило тебя броситься на мои поиски. Я должен быть благодарен тебе за это. За риск, преданность и мужество. И я благодарен, клянусь. Но сейчас я не чувствую того, о чём ты мне рассказала. И я не хочу делать тебе больно и разрушать твою жизнь. Если уже не разрушил её...

Она с отчаянием замотала головой, но Найт не дал ей сказать и слова:

— Я не тот человек, который тебе нужен. Ты поймёшь это ещё до того, как окажешься в Англии.

— В Англии? — у неё перехватило дыхание. — Что ты имеешь в виду? Мы возвращаемся?

— Не мы, Элисон, а только ты.

Как он ни старался, но за строгостью так и не сумел спрятать горечь от произнесённых им же слов.

— У меня всё ещё есть корабль, который мы с Джеймсом готовили для путешествия в... ну, не важно, куда, — Найт опустил глаза, не в силах больше глядеть на удивлённую девушку. — Сначала я отвезу тебя на корабль, но я так же обещал кое-кому вернуться в форт, и в ближайшее время намереваюсь сделать это. Затем ты отправишься в Англию...

— Нет! Ты не можешь так со мной...

— Я доставлю тебя домой, а после мы расстанемся. И всё забудется...

— Чёрт возьми, нет! — она толкнула его обеими руками в грудь, но Найт даже не пошатнулся. — Ничто не забудется, ничто и никогда! И ты не можешь мне приказывать!

— Могу, крошка, — он хмыкнул и натянуто улыбнулся. — Я всё-таки ещё твой муж. А значит, ты будешь меня слушаться. Ну, а теперь только пожелаю тебе спокойной ночи.

Найт развернулся, намереваясь уйти. Уйти и ни за что не останавливаться, не

оборачиваться, но услышал за спиной полный отчаяния и мольбы тихий голос:

— Не прогоняй меня, прошу! Алекс, я знаю, ты всё ещё любишь меня. Ты просто этого не помнишь. Но дело в том, что я люблю тебя, иначе сейчас не была бы здесь. И пока ты окончательно меня не оттолкнул, я хочу, чтобы ты это знал.

Элисон замолчала, всхлипнув, а Найт выдохнул и вышел на свежий воздух. Ощущая кожей ночную прохладу и лёгкое дуновение ветра, он тряхнул головой, стремясь хоть как-то подавить растущее желание вернуться в пропахнувший сеном сарай, но так этого и не сделал. Элисон же больше не сдерживалась; оставшись одна, она в бессилии опустилась на колени и зарыдала, слушая удаляющиеся снаружи шаги Найта.

Дорога до Шербура, что находился на полуострове Котантен, стала для Элисон настоящей пыткой, и она думала, что это было ещё хуже, чем то время, когда её похитили. Найт был в меру учтив, но молчалив, и всё время хмурился, когда приходилось перекинуться с девушкой парой лишних словечек. Да, он был отличным провожатым, если бы пришлось его таковым назвать: Найт умел выбирать правильную дорогу, время суток и местность такую, чтобы никто посторонний не заметил двух одиноких путников. Элисон не жаловалась, если уставала или хотела есть, но тяжелее всего было справиться с мыслью, что это её невольное долгое, странное и опасное путешествие закончится вот так, безрезультатно. Ибо кроме того, что её муж нашёлся живым, не осталось ничего положительного, внушающего надежду, и этого было недостаточно именно сейчас, когда Александр, или Найт (порой Элисон проводила между ними невидимую, жёсткую линию, разделяющую две личности, которые она видела в нём) был так близко к ней. Но он был холоден и далёк, как никогда раньше.

Они выехали из Вернона вместе, почти не общаясь и тем более не возвращаясь к последнему разговору, а прибыли на мыс одним душным, безветренным вечером. В порту, как и полагалось, пахло протухшими морепродуктами, овощами и фруктами, и было очень шумно и многолюдно. А вот англичан в этих местах Элисон так и не увидела. Зато корабль, который был якобы прикуплен Найтом и его товарищами для личного пользования, действительно поразил её: судно оказалось больше, чем она его себе представляла; неплохо снаряжённый и ухоженный корабль с командой всего в несколько человек, среди которых был и Джеймс. Он находился здесь уже несколько дней, ожидая своего друга и Элисон.

Стоило ей взойти на палубу и сбросить с головы тяжёлый капюшон плаща, как кто-то тут же подошёл к ней сзади и обнял её. Элисон узнала Агату, её нежные руки, и позволила подруге эти объятия в минуту, когда ей самой хотелось остаться одной. Она увела уставшую девушку на нижнюю палубу, и Элисон уже не услышала разговора между Найтом и Джеймсом:

— Что там случилось? Вы опоздали на два дня!

— Этот негодяй Маркус меня ранил. Пришлось отлежаться какое-то время.

— Ого...

— Всё в порядке, так что, прошу тебя, без сцен! — Найт поглядел на опустевшую пристань и вздохнул. — Я до смерти устал. Такого никогда не было.

— Может быть, это всё из-за неё? — Джеймс хмыкнул, но его друг никак на это не отреагировал. — Что будешь делать? Зная правду, ты теперь вернёшься с ней?

Найту польстило то, с какой горечью Джеймс произнёс это. Видимо, будь его воля, он бы ни за что не дал другу уехать, слишком сильно к нему привязался за эти три года.

— Вернуться? Куда? — Найт оперся о деревянную балку и стал всматриваться в тёмную воду за бортом. — Там её место, а не моё... О, ты бы слышал, что она мне наплела! Про любовь, семейную жизнь и подобную чепуху. Но всё это не для меня, ты же знаешь. Со мной она, в конце концов, будет просто несчастна и одинока. Так что... довезём её до Дувра, а там пусть делает, что хочет.

Если Найт и хотел казаться строго убедительным, то на этот раз у него это не получилось. Джеймс понимающе улыбнулся, скрестив руки на груди.

— А теперь что?

— Теперь я возвращаюсь в форт. Я ведь обещал.

— Только не натвори там глупостей, как ты обычно это делаешь. Ладно, брат?

— Как скажешь, — Найт обернулся и протянул другу руку, которую тот немедленно пожал. — Собирай ребят, готовьтесь к отплытию.

— Ты разве не с нами?

— Нет. По суше будет быстрее. Заберёте меня в Дьеппе. Надеюсь, что вы не опоздаете.

— А дальше? — спросил Джеймс. — Куда мы двинемся после Англии?

— Туда, куда всегда хотели... Ты забыл? В Америку, друг. В Америку!

***

Через два с половиной дня они неспешно доплыли до Дьеппа — небольшого города на северо-западе Франции — и Найт был там, ещё злее и угрюмее, чем когда-либо. На расспросы о Корнете, форте и остальных членах банды он не отвечал. Весь остаток дня и вечера Найт много пил в своей каюте и оставался там даже во время отплытия. Днём Дувр не был виден с французского берега из-за тумана, зато ночь выдалась на удивление светлой, а также жаркой и душной. Именно в это время корабль и двинулся через Ла-Манш, после полуночи; команда ориентировалась по огням Дувра.

Элисон лежала без сна на узкой постели в маленькой, двухместной каюте, где пахло мокрой древесиной, и где было так жарко, что девушка решила полностью раздеться, а теперь разглядывала грязный потолок, укрытая лишь тонкой простынёй. Кроме физической усталости (ноги словно отнялись после долгой езды верхом) она не ощущала ничего, и это удивляло её не меньше того, что Агата до сих пор не вернулась в каюту. Видимо, её общение с Джеймсом затянулось, и Элисон старалась понять подругу, как только могла: та пережила столько бед, и кажется, что ей судьбой предназначено было пойти за первым мужчиной, что был к ней добр. В какой-то мере, Элисон им обоим даже немного завидовала.

Шум волн стих, и казалось, будто такой тишины не было уже очень давно. Элисон подумала о том, что через несколько дней уже увидит отца и брата и, наконец, всё это кончится: она вернётся домой и больше никогда и ни за что его не покинет.

А как же Александр?

Элисон едва подавила вздох и сжала в пальцах плотную ткань. Пусть катится к чёрту, только и подумала она. На самом деле девушка больше не злилась на него, и это было странно. Но, с другой стороны, он не был виноват в том, что забыл её...

Глухой грохот, раздавшийся за стеной, отвлек Элисон от непрощенных мыслей о муже. Девушка медленно приподнялась и села, уставившись на открывающуюся дверь. Тут же послышались какие-то неразборчивые ругательства, произнесённые хриплым мужским голосом. В полутьме Элисон не сразу разглядела Найта, только когда он вошёл в каюту и с силой захлопнул за собой дверь, она узнала его, освещаемого лунным светом, лившимся сюда через небольшое, круглое окошко.

Несомненно, мужчина был пьян — неловкие, замедленные движения и запах бренди выдавали его нетрезвость, к тому же, об этом свидетельствовала полупустая бутылка в его правой руке. После очередного потока неприятных ругательств, Найт отпил немного бренди, а затем резко швырнул бутылку куда-то в угол каюты, отчего Элисон вскрикнула, но тут же закрыла руками рот. Только тогда Найт заметил её, и реакция его была весьма неоднозначной.

— О-о-ох, чёрт! Проклятье. Кажется, я попал... не в ту каюту, — произнёс он с глупой

улыбкой на губах и отвесил Элисон кривой поклон. — Прошу меня простить, мадам...

Он вдруг замолчал, выпрямившись, и Элисон поняла, что он разглядывает её рубашку, лежавшую на полу, рядом с кроватью. В каюте воцарилась неприятная тишина, и с каждой новой секундой дыхание Найта учащалось; девушка могла на расстоянии услышать, как тяжело он дышал. За какие-то несколько ужасно долгих мгновений стало ещё жарче. Машинально Элисон потянула простынь, скрыв себя до подбородка, хотя боялась даже пошевелиться. Девушка смотрела на мужчину, стоявшего у двери, а он — на неё, и его взгляд уже потерял былую насмешку. Нет, теперь Найт был сосредоточен и изо всех сил старался перебороть ударивший в голову хмель.

— Нет... Нет, нет, нет... — повторял он снова и снова, утирая руками влажное лицо. — Только не так... нет... На тебе ведь совершенно нет никакой... одежды?

Элисон даже не сразу поняла, что он обращался к ней; она забылась, поддавшись воспоминаниям, навеванным этой разгорячённой атмосферой, воцарившейся в комнате. Девушка лишь кивнула в ответ, натянув простынь ещё выше и тем самым невзначай оголив ноги до колен. Это движение подействовало на мужчину ещё более странным образом: он прижался спиной к двери, спрятав лицо в ладонях и что-то пробормотав, затем резко развернулся, намереваясь покинуть каюту, но так и остался стоять, сжав пальцами ручку двери...

***

— Так не должно быть...

Элисон не расслышала его последних слов. Она уже потеряла счёт времени и не понимала, как долго он вот так стоял у двери. Наконец, Найт обернулся, сделал шаг вперёд и вдруг стал судорожно стягивать с себя рубашку, а затем бросил её на пол. Сапоги он снимал, не останавливаясь, и едва ли не споткнулся о свою же обувь. Когда он был уже совсем близко, Элисон увидела его глубокие, зелёные глаза, полные дикого желания... Желания, которого она не могла забыть, даже если бы очень того захотела.

Он был так близко, что она уже могла ощутить жар его кожи; от близости его тела и запаха бренди у Элисон закружилась голова. Девушка бездумно опустила глаза и уставилась на его голую, широкую грудь, покрытую шрамами. Самый большой из них — пересекающий участок кожи над левой ключицей — она узнала сразу.

«Индия, — мелькнуло у неё в голове. — Я же помню...»

Не успела она опомниться, как горячие, длинные пальцы крепко схватили её руки, и через мгновение мужчина уже прижал её к себе. Когда его губы коснулись её шеи, Элисон попыталась увернуться, но Найт только сильнее сжал её в объятьях. Поэтому пощёчина заставила его остановиться и ослабить хватку: поражённый такой грубостью Найт взглянул на девушку и вдруг хищно улыбнулся:

— Отличный удар, крошка. Я не думал, что ты умеешь так бить!

Он подтолкнул её снова, уронив на спину, и, пока она пыталась скрыть наготу покрывалом, навис над ней, левой рукой опираясь о край кровати, другой — стягивая с девушки простынь. Элисон упиралась руками ему в грудь, но усталость взяла своё, да и Найт был слишком тяжёлым... и слишком серьёзно настроен, чтобы столкнуть его. Маленькая борьба была окончена, и вскоре покрывало уже лежало у стены, скомкано и забыто. Найт наклонился, чтобы поцеловать ослабевшую девушку, но она, вырвав руку из его хватки, ударила его по лицу ещё раз.

— Ох, да! Отлично, — мужчина мотнул головой и хрипло засмеялся. — Кажется, у тебя

получилось.

— Получилось? Что?!

— Выбить из меня дурь...

В следующее мгновение Элисон уже почти забыла, как дышать, думать и ощущать что-то, кроме его тёплых губ на своей коже, его пальцев, скользящих по её ногам, которые Найт осторожно развёл в стороны и, наконец, лёг между ними.

И всё равно она была недостаточно близко: он хотел прижаться к ней ещё сильнее, чувствовать её груди в своих руках, ласкать её пальцами, целовать и ощущать вкус её губ и тепло рта так долго, пока только хватит дыхания...

С трудом он выпрямился, тяжело дыша и пристально глядя в лицо Элисон. Её гнев прошёл, словно его и не было... Да и был ли он? Зато теперь она смело смотрела на желавшего её мужчину и дышала так же тяжело, как и он. Найт сглотнул, взгляд его скользнул по обнажённому телу, открытому ему, принадлежащему ему по всем известным и немислимым законам; и всё, что было так важно и значимо — всё стало вдруг забыто. Всё это могло быть забыто на какое-то весьма приятное время... Найт уже не помнил, как развязал шнурок на поясе штанов. Он смотрел только Элисон в лицо, пока избавлялся от лишних предметов одежды.

Их дыхание стало единым, а тела, объятые жаром — влажными. Маленькая, душная каюта словно исчезла, и больше не было ничего, что могло бы сейчас остановить любовников. Элисон даже не успела удивиться тому, как быстро он двигался; воспоминания об их последней близости напомнили ей о том, что она чувствовала тогда, что именно тогда она, возможно, уже любила своего мужа. Только сейчас это был уже не он — Александр любил её, а Найт... Найт просто хотел...

— Дай мне... взглянуть на тебя, ну же! — прошептал он, приподнявшись над ней. — Как ты хороша...

Он коснулся губами её щеки, опустился ниже, медленно проведя влажным языком по мягкой коже; Элисон коротко застонала, и этот звук показался Найту невероятно нежным и таким интимным, что он больше не мог сдерживать свою страсть: когда она выгнулась под ним, приподняв бёдра, призвав его утолить их общую жажду, он быстро вошёл в неё, лишь на мгновение подумав о том, что она уже была готова к этому. Найт едва не задохнулся, ему не хватало воздуха; чувство невероятного жара, разливающегося под кожей, сдавливающего горло, полностью захватило его. Очнувшись от странного дурманящего ощущения, Найт открыл глаза и потянулся к девушке; прижался губами к её тёплым губам, продолжая двигаться в ней, всё быстрее и быстрее, не прекращая целовать её, вбирая её стоны снова и снова. Её мягкие вздохи были лучшей музыкой, которую он когда-либо мог слышать, а тёплые ладони то и дело гладили его спину, нежно и медленно.

Элисон обняла его бёдра ногами, а руками обвила шею, с неистовым чувством нужды продолжая целовать; Найт приподнялся, держа девушку в объятиях и вода пальцами по её гладкой спине и ягодицам. Теперь она была так близко, как никогда до этого момента; её лицо в дюйме от его, кожа к коже. Элисон медленно двигалась, оказавшись на его коленях и глядя Найту в глаза; пока его ладони — большие и тёплые — лежали на её ягодицах, он приподнимал её над собой, желая двигаться быстрее и резче; а она поцеловала его, и её мягкие стоны наполнили каюту. Элисон осторожно прикусила его нижнюю губу, чем заставила Найта ответить на её вздохи, и снова, и снова всё повторялось...

Неожиданно он остановился, хрипло застонав и открыв глаза, и Элисон видела, как он

достиг пика своего наслаждения; как его взгляд потеплел, а тело через мгновение расслабилось. Найт сквозь зубы процедил что-то, и она этого не услышала, затем коснулся губами её шеи и когда осторожно прикусил нежную кожу, Элисон обмякла в его руках, уронив голову ему на плечо.

Их общее рваное дыхание заполняло тишину ещё какое-то время, затем Элисон медленно выпрямилась и, всё ещё обнимая Найта за шею и разглядывая его влажное лицо, тихо произнесла:

— Я тебя люблю.

Она знала, что он услышал её и, конечно же, понял то, что она сказала. Но его молчание говорило о большем, чем значили бы любые слова. И Элисон не смогла заставить себя разозлиться... Даже совсем немного, но не смогла.

Опираясь о его широкие плечи, она медленно отстранилась, не в силах больше посмотреть на Найта, отодвинулась и натянула покрывало до самого подбородка. Найт остался сидеть на краю постели; он ещё долго восстанавливал дыхание и глядел перед собой в полутьму каюты. Волны за бортом корабля подгонял ветер, напоминая о том, где они находятся, возвращая их к реальности...

Найта сотряс очередной, на этот раз сильный, приступ кашля, и, когда мужчина заговорил, голос его был низким и хриплым:

— Прости меня, Элисон. Прости меня за... всё это.

Девушка, осторожно пригладив взъерошенные длинные волосы, улыбнулась, тут же пожалев, что он не увидит её улыбки.

— Не нужно извиняться, — ответила она спокойно. — Разве я не хотела этого так же, как ты?

Найт бездумно покачал головой и промолчал.

— Я не жалею об этом, и никогда не пожалею, — немного подумав, добавила Элисон. — Спасибо, что был со мной. Я говорю это лишь потому, что действительно этого хотела...

— Но не так, как я, — ответил он, снова прокашлявшись. — Это всё не имеет никакого значения. Ничего не поменяется. Ты поняла?

— Да, конечно.

— Утром мы прибываем... в Дувр, — произнёс Найт с трудом, затем утёр рукой влажную шею. — Оттуда ты поедешь домой. Ты знаешь, что должна пойти в полицию?

Чувствуя, как слёзы подступают к глазам и горький ком сдавливает горло всё сильнее, Элисон просто кивнула, и Найт обернулся к ней, дабы убедиться, что она согласна с его мыслью. Посмотрев ему в глаза, ей ещё сильнее захотелось заплакать, но девушка сдержалась. Мужчина поднялся, и Элисон оставалось лишь наблюдать за тем, как он одевается, немного неуклюже и чересчур медленно. В каюте всё ещё было душно, аромат бренди до сих пор не исчез, а треснувшая бутылка так и оставалась лежать в тёмном углу, под небольшим комодом.

Натянув влажную от пота рубашку, Найт повернулся к сжавшейся на постели Элисон; она разглядывала свои дрожащие пальцы, стянувшие ткань простыни, и боялась поднять голову.

— Просто знай: я делаю это, не чтобы расстроить тебя, нет... Я делаю это, потому что хочу спасти твою жизнь. Ибо со мной ты будешь несчастна, вечно в опасности и тревоге. Я не желаю, чтобы ты подвергалась этому снова. Вернись домой и начни жизнь заново, с тем,

кто будет тебя любить и оберегать.

Он решительно подошёл ближе, наклонился над кроватью и мягко поцеловал Элисон в щёку. Затем просто развернулся и быстро покинул каюту, захлопнув за собой дверь. Девушка так и не смогла заснуть после его ухода. Она и не представляла, о чём думал Найт, покидая её и ощущая солоноватый вкус её слёз на своих губах.

***

Утро было тёплым, потерявшим ночную духоту; первые лучи солнца уже ложились на воду Ла-Манша, когда корабль приблизился к пристани. Свежий воздух и новые запахи портового города полностью отрезвили Найта. И хотя остаток ночи он провёл в горьких раздумьях, терзаясь, всё-таки приятными, воспоминаниями о проведённых с Элисон минутах, сейчас мужчина выглядел довольно бодро и поглядывал на своих рано проснувшихся товарищей строго, иногда угрюмо.

Элисон оделась в мужской костюм, и, хотя была похожа теперь на паренька, по крайней мере, никто не принял бы её за нищенку. Агата с грустной улыбкой наблюдала, как подруга спускается по трапу на ещё пустующую пристань. До этого печального расставания Элисон предлагала ей уйти вместе, уверяла, что жизнь в Англии будет для неё самой лучшей, но Агата вежливо отказывалась, то и дело переводя взгляд на Джеймса.

— Я не представляю себя в обществе, — виновато произнесла молодая женщина. — Там для меня больше не будет места.

— Моя репутация теперь не лучше, поверь.

— Нет, дорогая, — Агата покачала головой, улыбнувшись. — Тебя есть, кому оберегать и защищать. Ты ещё будешь счастлива в обществе. Но только не мы.

Она указала на Джеймса и его товарищей, и Элисон пришлось сдаться. По крайней мере, Агата больше не пленница, и принадлежит одному мужчине по своей собственной воле.

Покрепче натянув на плечо мешок со скудными пожитками, Элисон вздохнула и, кинув последний беглый взгляд на корабль, быстрым шагом отправилась прочь с пристани. Больше девушка так и не обернулась, прекрасно осознавая, что если сделает это, то не сумеет побороть себя и останется, бросившись на шею забывшего её мужа.

Кучер маленького экипажа, который подобрал её на главной дороге, ведущей на северо-запад, вежливо поинтересовался, куда Элисон направляется.

— Я не знаю, — ответила она устало, спрятав взгляд.

— Хм, а ну-ка вылезайте!

— Нет, подождите... Я, кажется, знаю. Нет ли где в округе полицейского участка?

Портсмут, замок Шеффилдов

Три дня спустя

Стоило девушке войти в гостиную родного дома, как она тут же услышала сладкий аромат фиалок. Несколько не так давно сорванных цветков лежали полукругом в блюде с глубоким дном, стоявшем на широком низком подоконнике. В детстве Элисон любила сидеть у этого окна, читать вместе с матерью сказки или глядеть, как морозящий дождь покрывает мелкими каплями траву во дворе.

Элисон медленно подошла ближе, осторожно, словно боясь сделать цветам больно, коснулась кончиками пальцев лепестков фиалок и, отрешённо взглянув на серые тучи, опустила на мягкую обивку подоконника. Грязно-зелёного цвета плащ, в котором добралась до дому из Дувра, она так и не сняла.

Через пару минут в гостиную вошёл Луис; его лицо сияло такой радостью, что можно было подумать, будто прошлой ночью во сне он увидел самого Господа Бога, однако, только возвращение младшей сестры было сравнимо с подобным видением.

— Элисон, ты даже представить себе не можешь, что мы тут все пережили с потерей тебя! — заговорил молодой мужчина чересчур быстро, укладывая на диван небольшой чемоданчик с вещами сестры. — Точнее, с твоим побегом, будем честными... Это был крайне глупый поступок, знаешь. Уйти, чёрт знает, куда, оставив нам с отцом лишь записку с парой строк — это жестоко даже с твоей стороны!

Луис осёкся, поняв вдруг, что просто-напросто отчитывает Элисон, а ведь не это ей требовалось сейчас. Два месяца они с отцом искали её, не зная ни сна, ни отдыха, и уже начали было отчаиваться, но несколько дней назад Луис, будучи на службе недалеко от Дувра, получил записку из местного участка полиции о том, что его сестра нашлась и ожидает своих родных. И вот, после долгих часов в дороге и безрезультатных расспросов (девушка почти всё время молчала) они, наконец, вернулись домой.

— Прости, дорогая, прости... я что-то совсем забылся. Просто я так волновался, а отец... ну, ты же знаешь его! Он прибудет завтра из Лондона. Только, пожалуйста, не пугайся, когда увидишь его. Он сильно постарел за эти месяцы...

Обратив, наконец, своё рассеянное внимание на то, что Элисон так и осталась неподвижно сидеть перед окном, глядя куда-то вперёд, Луис замолчал и перестал улыбаться. С тяжёлым вздохом он распрямил широкие плечи и, подойдя к сестре, пригладил ладонью её спутанные от ветра волосы.

— Пожалуйста, скажи мне, что с тобой ничего не случилось, что никто не... обидел тебя.

— Думаешь, я вернулась бы, случись со мной такое? — прозвучал её голос, тихий и безразличный. — Нет, я бы лучше умерла.

— Хорошо, хорошо! Я верю тебе... Так как ты себя чувствуешь?

На этот раз девушка ничего не ответила, но, коснувшись её плеч, Луис почувствовал, как она вся задрожала.

— Тебе нужно отдохнуть, что скажешь? А вечером, за ужином, мы поговорим. И, если ты захочешь, то всё нам расскажешь.

Элисон кивнула, продолжив разглядывать внутренний двор замка за окном.

— Ты хочешь, чтобы миссис Уоллес пришла? А Джоэль?

— Да.

— Может быть, послать и за Ривзом? Он тоже сейчас в Лондоне и...

— Нет, не желаю его видеть! — отрезала Элисон и сложила руки на груди.

Луис понимающе закивал, тяжело вздохнув при мысли о том, что не всё так гладко заканчивается, вернулся к вещам сестры и, взяв чемоданчик, решил отнести его к ней в комнату.

***

Как только прислуга поставила перед Элисон тарелку с дымящимся бульоном и удалилась на кухню, в столовой вновь воцарилась полная тишина. Шеффилд старший — уже поседевший от частых переживаний и хлопот, сутулый мужчина — так и не притронулся к своему блюду, а продолжал обеспокоенно разглядывать дочь, сидящую за столом напротив него. Элисон бездумно водила ложкой по тарелке, кусая губы и время от времени тяжело вздыхая.

Её отец с тоской подумал, что за три недели и пять дней, прошедших с момента её возвращения домой, она так и не рассказала толком, что случилось с ней во Франции. День за днём девушка то сидела в своей комнате, заперев дверь, то подолгу в одиночестве гуляла на лугу за замком. Частые расспросы Луиса и главы семьи привели лишь к одному признанию: своего мужа она нашла; он жив и теперь, кажется, счастлив. Почему Александр не вернулся с ней и куда конкретно отправился, Элисон не отвечала.

Шеффилд переглянулся со старшим сыном, сидящим по правую руку от него. Луис, как и его отец, прибывал не в лучшем расположении духа. Мужчины беспокоились за Элисон, а, казалось, всё, чего она хотела — это быть одной так долго, как только возможно.

— Через пару дней я должен отбыть в Кембридж, отец, — сказал Луис, дожевывая кусочек свежего хлеба и сделав глоток вина. — Я подумал, раз буду занят, то, возможно, ты проведёшь с Элисон неделю в Лондоне?

— Если только она сама того захочет.

— А ты считаешь, что тянуть с выходом в свет сейчас разумнее? — строго поинтересовался Луис уже чуть тише. — Ей нужно общение. В конце концов, Мария всё ещё желает поскорее её увидеть. Уже начался новый сезон. Да и в нашем окружении больше не осталось ни одного сплетника, который мог бы докучать Элли своими расспросами...

— Я всё ещё здесь, — пробубнила девушка, не поднимая глаз.

— Прости нас, дорогая. Так что скажешь? Нам стоит поехать в Лондон в этом месяце? — поинтересовался её отец.

— Возможно, — ответила Элисон без всякого энтузиазма, продолжая глядеть в тарелку с остывшим бульоном.

Это был едва ли не первый многообещающий семейный разговор за последние две недели. Поэтому Шеффилд старший мысленно обрадовался этому, как самому необыкновенному чуду. Он уже начал надеяться, что его дочь вскоре перестанет хандрить, и её меланхолия исчезнет. Возможно, общение с подругами действительно пойдёт ей на пользу.

— Вот и прекрасно! — Луис тоже заметно повеселел. — А когда я вернусь, мы обязательно обговорим с тобой все детали по тем бумагам... Надеюсь, ты помнишь?

— Помню.

Упомянув таким образом документы о расторжении брака сестры с проклятым Ривзом,

молодой мужчина и себе, и остальным напомнил об Александре. Бог видит, он этого не хотел. Но желание поскорее избавиться от любого присутствия Ривза младшего в их доме, пусть даже то являлось его именем в документах, было очень сильным.

— Извини меня, Элли. Я снова говорю то, что думаю. Можем заняться документами тогда, когда тебе будет удобно, — произнёс Луис виновато, затем поспешил выпить ещё вина.

— А теперь, если тебя не затруднит, — их отец едва заметно улыбнулся, глядя на дочь, — поешь хоть что-нибудь. Пожалуйста, милая.

подавив недовольный вздох, но всё так же едва скрывая своё раздражение, девушка немного похлебала бульона, выбирая из супа картофель и оставляя овощи, которые, почему-то было невозможно есть.

Несколько минут спокойствия и тишины в столовой всё-таки были прерваны самой Элисон: Луис поднял глаза и увидел, что его сестрёнка с явным отвращением глядит в тарелку, вся бледная, будто шокированная.

— Элли, что с тобой такое?

Вместо ответа девушка закрыла ладонями рот, затем вдруг, громко задышав, вскочила с места и убежала вон из столовой. Её брату и отцу оставалось лишь с недоумением глядеть ей вслед.

— Да что с ней случилось? — Луис посмотрел на свою полупустую тарелку и, поморщившись, на всякий случай отодвинул её от себя. — Ну, если эта старая карга, кухарка, её отравила, я...

— Ты съел гораздо больше, но ничего не произошло, — строго оборвал его отец. — Не в пище дело.

Луис взглянул на него, побледнев не хуже своей сестры.

— Ты же не думаешь, что она...

— Будем надеяться, что нет. Потому что, в таком случае, её жизнь точно будет кончена.

Как и планировалось, через два дня Элисон с отцом приехали в Лондон к началу сезона. Миссис Уоллес уже ждала их в доме, который достался семье Шеффилдов по наследству от прадеда. Небольшой, двухэтажный домик с ровной крышей и пожелтевшими от грязи стёклами окон находился в самом тихом районе города, где по ночам было так светло, что даже тяжёлые шторы не всегда скрывали яркие фонарные огни.

Анне уже было невыносимо жить здесь одной, ведь после исчезновения Александра она осталась с его младшим братом и всячески старалась ухаживать за ним. Теперь же Джоэль находился на попечении врачей, восстанавливающих ему зрение в одном из специальных пансионатов, а миссис Уоллес в одиночестве коротала дни в пустом доме. Возвращение Элисон просто не могло не сделать её самой счастливой экономкой Англии.

Шеффилд старший был рад началу старых добрых семейных хлопот не меньше Анны. Элисон больше не грустила день за днём, но и в свет выходить не торопилась. Однако порой её здоровье вызывало у отца опасения: слишком часто девушка ощущала тошноту, лёгкую мигрень и плохо спала. Но в отличие от мужчины, экономка сразу всё поняла, стоило симптомам этой «болезни» проявиться сильнее. Живот Элисон заметно увеличился, и, наконец, одним тёплым сентябрьским вечером Анна без сомнений заявила:

— Нашаледи в положении.

После таких долгих первых осенних дней, полных влаги, тумана на полупустых улицах города и запаха дождя, солнечное воскресенье было сравнимо разве что с глотком холодной

воды для страдающего от жажды путника. И пусть ветер ещё был достаточно прохладным, а зелёная листва деревьев блестела от капелек прошедшего дождя, лондонцам хотелось верить, что отголоски лета, или хотя бы его призрак, ещё задержатся с ними.

Элисон с подругой заняли скамейку напротив ровной, зелёной лужайки в той части парка, где солнце светило им в спины. Мария то и дело вздыхала, словно нарочно обращая на себя внимание. Ей было, что сказать, но молодая женщина не решалась на серьёзный разговор, осознавая, как это подействует на Элисон. А та лишь спокойно наблюдала пейзаж или провожала взглядом прохожих, прогуливающихся по узким дорожкам.

— Скажи же, наконец, то, что хочешь сказать.

Мария вздрогнула, никак не ожидая, что подруга заговорит именно сейчас. Ей пришлось придержать свою шляпку из-за внезапного, сильного порыва ветра. Длинные, пепельные кудри немного спутались, но всё равно её причёска выглядела отлично, что делало миссис Марию Фостер ещё привлекательней.

— Почему ты решила, что мне есть, что сказать?

— Ты вздыхаешь так часто, что мне кажется, словно тебе стало дурно, — в голосе Элисон послышалась насмешка. — Поэтому, прошу тебя, перестань. Меня это раздражает. Просто скажи что-нибудь.

Она повернулась к подруге, и Мария невольно обратила внимание на руки девушки, сложенные у неё на животе. Словно она оберегала своё ещё не родившееся дитя; у Марии перехватило дыхание, она вспомнила себя в первые несколько недель беременности, и поэтому прекрасно понимала это раздражение и резкие перемены настроения Элисон. Однако она всё ещё ждала начала неизбежного разговора, и молодая женщина, тяжело вздохнув, сказала:

— Милая, пойми меня правильно, я безумно рада и счастлива, что ты вернулась. Но твоё исчезновение... Это было выше всех моих сил! Мы с ума сходили и боялись самого ужасного исхода. Мне тоже было тяжело! Как ты могла так уйти, никому ничего не рассказав? Нет! И не говори мне о тех провожатых, они просто идиоты! А теперь ты вернулась и ведёшь себя, как ни в чём не бывало! Между тем, ты беременна и утверждаешь, что Александр не пожелал вернуться с тобой домой. А значит, у ребёнка не будет отца... О, Боже мой, Элисон!

Мария замолчала, переводя дыхание; она коснулась пальцами лба и с отчаянием вздохнула:

— Ну, вот, у меня мигрень... А ты всё улыбаешься! Как ты можешь?!

Элисон действительно заметно повеселела с первых же слов своей подруги. Девушка откинулась на спинку скамьи, положив правую руку на живот, а в левой — сжав небольшой, закрытый зонтик. Солнце заметно припекало, а ветер стих, перестав терзать кроны деревьев.

— Я знаю, как будет тяжело, когда родится малыш, но поскольку он — это всё, что мне удалось забрать у Александра, мне всё равно, что скажут на этот счёт другие.

— Да, я понимаю, что ты чувствуешь. Но так сложно представить всё то, что ты рассказала! И как ты можешь оставаться спокойной после таких событий?

— Но я ведь не одна, — она повернулась к подруге, её взгляд был суровым. — У меня есть отец и брат, а также ты.

— Ну, конечно же, у тебя есть я! — Мария протянула к ней затянутую в перчатку руку и нежно сжала её пальцы своими. — Я буду с тобой всегда-всегда! Только ты пообещай мне одну единственную вещь.

— Какую?

— Никогда больше не сбегай из дома, чтобы тебя не похитили и не отвезли во Францию, где мы не сможем тебя найти!

Элисон благодарно улыбнулась, и всякое напряжение между подругами исчезло, словно его и не было. Теперь она была уверена, что Мария не оставит её без важных советов в такое трудное время. Весь этот кошмар о Франции должен быть вскоре забыт, а когда это, наконец, произойдёт, жизнь семьи Шеффилдов наладится. Должна наладиться...

— Посмотри! Кажется, это твой брат идёт сюда.

Мария кивнула в противоположную от входа в парк сторону, и Элисон, обернувшись, заметила Луиса. Несколько недель волнений и почти непрерывных разъездов не так сильно повлияли на него, как на главу семьи, их отца. Луис всё ещё оставался молодым и привлекательным, и его сестру едва ли не поражало то, что он так и не нашёл себе невесту. Возможно, она слишком предвзято относилась к нему после той истории, его нежелания пойти на военную службу. Сейчас же он нёс службу на благо Лондона, и не только, а также заботился о сестре и об отце, поэтому все его предыдущие грешки могли быть забыты.

Только Элисон успела вновь подумать об этом, улыбнуться и подняться со скамейки, как вдруг заметила кого-то за широкой спиной брата. Мужчина словно был лишь прохожим, но явно состоял в компании Луиса, хоть и шагал чуть позади него. Когда они оба подошли ближе, сердце девушки на мгновение замерло. Она забыла о том, где она, с кем и почему, и всё это лишь на одно короткое мгновение.

Он слегка сутулился и старался не поднимать головы. Одет был в плотный длинный плащ тёмно-серого цвета, грязный у самого подола, забрызганный землёй после дождя; небрежный вид чёрных сапог и брюк, заправленных в них, свидетельствовал о долгой дороге, возможно, откуда-то с запада. Элисон он показался ещё выше ростом, чем в их самую последнюю встречу. Но всего лишь показался...

Мария встала рядом с подругой и взяла её за руку, с беспокойством поглядывая то на подошедшего Луиса, то на его спутника. Молодая женщина тут же решила, что этот высокий, черноволосый мужчина ей знаком, а уже в следующую секунду по отчаянному взгляду подруги поняла, кто стоит перед ними.

— Элли, — заговорил Луис тихо, предварительно кивнув обеим леди в знак приветствия, — я привёл кое-кого, кто желает с тобой поговорить.

Элисон перевела взгляд на того, другого, когда он вышел вперёд и встал прямо перед ней.

— Александр.

Её печальный голос прозвучал едва слышно. И когда мужчина посмотрел на неё, и их взгляды пересеклись, она смогла лучше рассмотреть его лицо: многодневная щетина на подбородке и щеках, его губы — сухие и бледные, тёмные круги под потускневшими глазами — признак невероятной усталости, которую он терпел. Сейчас он казался старше своих лет, намного старше, но всё ещё был красив настолько, что Элисон забылась, глядя в его зелёные глаза и вспоминая то, с какой страстью они занимались любовью на его корабле... Результат этой любви породил в ней новую жизнь, и это внезапное ощущение полноты, тепла и безопасности заставило её расчувствоваться. Девушку начали душить слёзы, и Александр, полностью растерявшись, хотел коснуться её рукой, но Луис отпихнул его плечом, грубо проворчав:

— Я же говорил, что это была отвратительная идея.

Он обнял сестру и нежно погладил ладонью по собранным в косу волосам.

— Я хочу домой...

— Хорошо, милая. Мы сейчас же вернёмся домой.

Мария тоже решила помочь этой ситуации; одарив блудного мужа своей подруги подозрительным взглядом, она взяла из руки Элисон зонтик и строго произнесла:

— Да, мы все сейчас же отправимся домой, пообедаем, а вы, джентльмены, заодно объясните нам, что, в конце концов, такое произошло!

Элисон вместе с братом сидели на широком диване в гостиной их лондонского дома, а перед ними, в кресле, ссутулившись, расположился Александр. Руки его лежали на коленях, и он уже несколько минут разглядывал свои бледные пальцы с покрасневшими костяшками. Каким же усталым, несчастным и сломленным он казался! И хотя сердце Элисон сжималось от жалости к этому мужчине, она всё ещё не понимала его внезапного возвращения, была взволнована и даже злилась. И, конечно же, ждала объяснений.

— Три дня назад я возвращался из Солсбери сюда, — Луис заговорил первым; он скрестил руки на груди, с насмешкой разглядывая сидящего напротив родственника. — Конечно же, мои товарищи ехали со мной. Как-то вечером, проезжая по северо-восточной дороге, мы заметили одинокого прохожего в плаще. Я не мог не предложить ему помощь, подвезти его куда-нибудь. Только вот стоило мне разглядеть его лицо под капюшоном, как я едва не лишился дара речи! Ну-ка, расскажи ей о том, что рассказал мне.

— Мы даже не покинули английских территорий, когда я решил вернуться, — Александр поднял голову и встретился взглядом с Элисон. — Но дорога всё равно заняла у меня много времени...

— Мне всё равно как долго ты сюда добирался. Мне интересно лишь одно: почему?

Он упорно не отвечал, то и дело переводя ставший беспокойным взгляд на Луиса, словно не желая говорить при нём. Но Шеффилд покидать гостиную не собирался, да и Элисон было всё равно, будет ли брат присутствовать при их откровениях или нет.

— Почему? — повторила свой вопрос девушка.

В конце концов, вздохнув и покачав головой, Алекс просто произнёс:

— Я почувствовал, что должен это сделать.

— Должен?!

— Нет... Я... понял, что хочу этого.

— А как же Америка? Как же твоя команда?

— Америка? — удивился Луис, взглянув на сестру. — Об этом ты нам упомянуть забыла...

— Я вернулся! Чего ещё ты хочешь от меня? — Алекс судорожно стал разминать свои длинные пальцы. — Я оставил их, корабль, оставил всё... Я вернулся к тебе, потому что... захотел.

Станным образом он был растерян, едва ли не напуган, и Элисон увидела это в его зелёных глазах. Его трогательный, усталый взгляд повлиял на неё сильнее, чем слова, которые он произнёс почти что вынужденно. И Элисон поняла: он просто невероятно сильно устал. Всё это было так странно, и по большому счёту даже ей стало всё равно.

Девушка поднялась, и её брат хотел последовать за ней, но она остановила его жестом руки.

— Я всё ещё не понимаю, почему ты так поступил... Ты даже представить себе не можешь, через что я прошла из-за тебя! — сказала она с отчаянием в голосе, но гордость

взяла своё, и Элисон сдержалась, так и не дав волю слезам. — У меня нет желания разговаривать с тобой сейчас и разбираться в твоих странных решениях.

И она ушла в свою комнату; мужчины проводили её долгими взглядами, пока Элисон поднималась на второй этаж. Как только наверху хлопнула дверь, Александр выдохнул, будто бы и не дышал всё это время, и хрипло произнёс:

— Я думал, она будет счастлива. Она хотела меня... то есть, моего возвращения.

— Ты её бросил.

— Я потерял память! — рявкнул Александр раздражённо. — Меня обманывали всё это время. И что? Я должен был кинуться за девчонкой в первую же нашу с ней встречу?

— Теперь это уже не так важно, — Луис посмотрел на него очень серьёзно. — Поздравляю, Ривз!

— С чем это?

— Ты скоро станешь отцом.

***

Новость о беременности своей молодой жены Александр (уже успевший привыкнуть к этому имени и с безмолвной радостью избавившийся от предыдущего) воспринял, как и полагалось мужчине, не ожидавшему подобного, с едва уловимой тревогой. Об этом он больше не обмолвился и словом, и никто из домашних до определённого момента не мог точно сказать, рад был Александр этой новости или же не очень.

За пару дней в Лондоне и в доме семьи своей жены он понял лишь одно: чужим он был здесь и раньше. Не в этом доме, не в этом городе, а в этой семье. Возможно, в этом он был виноват и сам, но из-за потери памяти мужчина так и не разобрался с теми ощущениями, которые его одолевали. Но одно он понимал, он знал, чего хотел больше всего: чтобы жена приняла его и простила.

Одним солнечным, тёплым утром Элисон проснулась и обнаружила пышный букет полевых цветов у изголовья своей постели. Сон ещё не полностью растаял, и девушка долго приходила в себя, рассматривая яркие лепестки. В конце концов, она решилась и прочла маленькую записку, прикреплённую к букету:

Мадам, я должен знать ответ,

Нет больше сил бродить во мгле.

Скажите прямо: «да» или «нет»...

Однажды Александр уже доказал ей, что не понаслышке знает сэра Томаса Уайетта. Так вспомнил ли он эти строки и обстоятельства, при которых они были упомянуты, или же это было простое совпадение, Элисон не поняла. Тем же вечером она встретилась с супругом за ужином, но они так и не обмолвились и словом. Девушка знала, что это неправильно: злиться на Александра за такой порок как потеря памяти, но не могла ничего с собой поделать. Она держалась за гордость и не позволяла никому подобраться к себе. Даже своему вернувшемуся мужу.

Хмурым, пасмурным утром субботы Элисон, проснувшись, обнаружила в своей спальне уже два больших букета, на этот раз состоящих из нескольких белых роз, лилий и хризантем. На аккуратно сложенной листке бумаги размашистым почерком было записано:

Вам проще нет разок мигнуть,

Махнуть рукой туда-сюда.

Так дайте знак какой-нибудь,

Чтоб мне понять: «нет» или «да».

Устало покачав головой, девушка вздохнула и, бросив последний бесстрастный взгляд на букет, выбралась из постели и принялась за утренний туалет.

Её молчание, нежелание общения и отсутствие даже самого малого намёка на прощение были непонятны даже Луису. День за днём и час за часом он убеждался, что Ривз младший стал более уязвим, чем когда-либо. Он также ощущал, что сочувствует Александру, так как кроме страданий сестры видел страдания и её мужа. Но Элисон упорно не хотела сносить стену, которую выстроила вокруг себя и своего будущего ребёнка.

Целую неделю Алекс пытался заставить её сердце оттаять цветами, записками, взглядами, призывающими к перемирию, но гордость брала своё. Они засыпали в раздельных, холодных постелях, думая друг о друге и о будущем, а на следующий день всё начиналось сызнова.

Одним из самых тяжёлых испытаний для Александра стала встреча с экономкой. Эта женщина, когда бы она ни увидела его, всегда одаривала мужчину едва ли не умоляющими взглядами. И вела она себя по отношению к нему не хуже родной матери. Такой искренней заботы Александр не помнил за все три года жизни во Франции. Миссис Уоллес, казалось, была единственной, кто искренне готов был принять блудного Ривза назад без каких-либо объяснений. А он не мог перестать ощущать скованность и отчаянно притворялся смущённым рядом с этой женщиной.

Элисон почти не выходила из своей комнаты, а её упрямство и обида бесили Александра и, к несчастью, слишком сильно повлияли на него в эти тяжёлые дни, когда он пытался привыкнуть к обществу и вспомнить прошлую жизнь. Сама того не понимая Элисон заставила своего мужа вдоволь помучиться. И восемнадцатого сентября он слёг с сильной мигренью и ужаснейшим кашлем.

Болезнь была странной, и, по словам одного знакомого лондонского профессора, всё-таки не смертельной. Тучный доктор с добродушным взглядом покинул спальню Александра и, очень осторожно прикрыв за собой дверь, сказал ожидавшему его Луису:

— Он плох, но его состояние стабильно. Он не умрёт, но он истощён. Ему нужен тщательный уход и отдых.

— А что с памятью? Она к нему вернётся?

— Хм, возможно, вполне возможно. Некая травма головы или иная органическая причина повлияли на работу его мозга. Признаюсь вам честно, мистер Шеффилд, у него одна из самых тяжёлых форм амнезии, которые мне доводилось изучать! И как вообще этот человек умудрился прожить так долго при всех его бесконечных шрамах и ранах? Ему просто несказанно повезло попасть обратно домой в руки близких людей.

Луис угрюмо ухмыльнулся, но ничего не ответил.

В течение последующих пяти дней Александр оставался в постели, иногда приходя в себя, но в основном забываясь крепким сном.

***

Пока ранние солнечные лучи ложились на красочный шерстяной ковёр на полу комнаты, Элисон, согнувшись и подтянув ноги к груди, сидела в кресле напротив постели Александра и следила за тем, как он дышит. Его грудь то и дело медленно поднималась и опускалась под тяжёлым одеялом; его левая рука была запрокинута за голову, и уже заметно посветлевшие, отросшие волосы были взлохмачены и в полном беспорядке.

Он спал, но сон был беспокойным, и мужчина время от времени издавал тихие стоны, тяжело вздыхал, не открывая глаза, затем вновь успокаивался. Видит Бог, в такие моменты

Элисон хотелось броситься к нему в объятия, чтобы утешить и подарить покой. Забраться к нему под одеяло, обнять крепко-крепко и заставить его забыть всякую боль, но другие чувства и ощущения были сильнее той любви, которую она пронесла через три года разлуки. Кроме любви Элисон пронесла в себе тоску, непонимание и обиду. И они мешали ей сделать шаг навстречу. Когда же это случится?

В тени полупрозрачного полога над кроватью кожа Александра казалась совсем бледной. Элисон поднялась, расправила юбку своего платья и уже собиралась подойти ближе, как вдруг услышала настойчивые голоса за дверью спальни. Один из них принадлежал её брату, а другой она не узнала. В любом случае тот другой, незнакомец, требовал встречи с Александром. Элисон покинула комнату, решительно закрыв за собой дверь, и тут же столкнулась лицом к лицу с пожилым мужчиной в служебной форме. Рядом был и Луис, и выглядел он весьма обеспокоенно.

— Милая, это помощник капитана из нашего участка полиции, — представил он незнакомца сестре. — Сэр, это моя младшая сестра, Элисон Ривз...

— Да, я это уже понял. У меня есть неотложное дело к вашему мужу, миссис Ривз.

— Какое ещё дело? — девушка недоверчиво взглянула на брата, затем на помощника капитана. — В любом случае к нему нельзя! Он болен, ему нужен отдых...

— Вы ведь в курсе, чем занимался ваш муж до возвращения в Англию, — взгляд мужчины был неумолимо холоден и строг. — Кое-кто в Лондоне недоволен этим. Они знают, кто такой Нейтан Барнс, будьте уверены.

— И что вы собираетесь сделать? Арестовать его?

— Для начала я поговорю с ним. А затем, возможно, мне придётся произвести арест.

Даже произнеся последние слова, он ни на мгновение не смягчил тон своего голоса, не выказал понимание или сочувствие. Невольно Элисон завела руки за спину и сжала пальцами ручку двери так сильно, что даже стало больно. Девушка поглубже вдохнула и произнесла настолько многообещающе, насколько это было возможно сделать:

— Если вы или кто-то из ваших людей войдёт в эту комнату хотя бы в ближайшие четыре... нет, пять недель, я клянусь, что все вы пожалеете об этом.

Помощник капитана посмотрел ей в глаза, и Элисон увидела, каким хмурым стало выражение его лица. Если он не испугался, что точно не могло произойти, то разозлился, в этом она была уверена. С каким-то отчаянным вздохом Луис отвёл мужчину в сторону и, повернувшись спиной к сестре, тихо заговорил:

— Простите её, сэр. Но она так страдала последние годы. К тому же моя сестра в положении. Она ждёт ребёнка.

— Что? От кого?

— От своего мужа, конечно же! — Луис смерил начальника недовольным взглядом. — Я знаю, что говорят в Лондоне про команду Корнета Барнса, я слышал про все эти грабежи и убийства в проливе... Но уже слишком поздно предъявлять Александру обвинения.

— Шеффилд, я знаю свои обязанности. И поверьте мне, я найду, за что у него зацепиться...

— Что ж, попробуйте. Но он всё-таки муж моей сестры, отец её будущего ребёнка, а значит, ответственный за их будущее. Если вы думаете, что я просто так отпущу его за решётку, чтобы он вновь оставил Элисон одну, то вы ошибаетесь.

Офицер недовольно хмыкнул, но промолчал и так же молча развернулся и направился по коридору к лестнице, ведущей вниз. И хотя Луис остался недоволен результатом

разговора, он, по крайней мере, был доволен самим собой.

Тем же вечером он сам пришёл навестить Александра. Увидев Ривза, сидящего на постели и глядевшего на смятые простыни, он кивнул ему в знак приветствия, пододвинул небольшой табурет ближе и сел, скрестив руки на груди.

— Как себя чувствуешь?

— Не так паршиво, как раньше, — ответил Алекс устало, проведя рукой по спутанным волосам. — Я слышал всё, о чём вы там говорили. Мне уже пора собирать вещи?

Луис тихо засмеялся и покачал головой. Алекс едва мог сидеть сам, а его белая рубашка была влажной от пота. Ему определённо требовался покой, и никаких переживаний сейчас.

— Нет уж, родственничек. Мы с отцом как-нибудь уладим все твои прошлые грязные делишки. Согласен?

— А я как-нибудь отблагодарю вас за это, — Александр вновь закивал. — Если ты не будешь против.

— Посмотрим.

— Ты думаешь, она простит меня? Твоя сестра.

Луис неопределённо пожал плечами и поднялся, чтобы уйти.

— Не знаю. Я знаю лишь, что она не просто так тебя защищала сегодня. Я видел, с каким рвением она это делала. Так что действуй, Ривз, потому как и мне надоело видеть в этом доме столько несчастных людей.

В большом доме Фостеров было так светло и уютно, что этот самый семейный уют едва ли не резал глаза тем, кто к такому не привык. Но врагов у семьи не было, а завистников на приёмы не приглашали. И Элисон могла лишь радоваться за свою подругу, потому что у неё всё было хорошо. Любимая дочь, заботливый, замечательный муж и родители, которые всегда были рядом. Да, Марии не на что было жаловаться. Элисон понимала это, и ей становилось грустно от осознания того, что её жизнь совершенно отличается от подобной простой сказки.

Стараясь ничем не выдать своего настроения, девушка сделала глоток лёгкого вина и отвернулась от окна. Оглядывая празднично украшенный зал дома своей подруги, Элисон отыскала Марию и её супруга; хозяйка помахала ей рукой и ласково улыбнулась, на что девушка просто кивнула. Стало чуть прохладней, и Элисон поёжилась и подумала, что не стоило бы надевать настолько открытое платье. Широкие кружева, соскользнувшие с плеч, совсем не спасали от ночной прохлады. Элисон отошла от окна в сторону и продолжила в одиночестве наблюдать за группами гостей; праздные лондонцы с их громкими титулами, знакомые лица, запах дорогих сигар и бренди...

«Если бы мне здесь указали на дверь, я бы ушла, — думала Элисон опять и опять. — Я к этому никогда не привыкну?»

— Дорогая, неужели вы вновь одна? — услышала Элисон звонкий женский голос рядом с собой.

Ну, конечно же. Девушка повернулась к трём своим знакомым, леди с богатыми историями своих семей, все ещё молодым и красивым и, безусловно, завсегдатаям столичных торжеств. Элисон весь вечер молила Бога не повстречать их, но, видимо, он вновь был глух к её просьбам. С натянутой улыбкой девушка поприветствовала каждую из леди и спокойно произнесла:

— Вы абсолютно правы. Мой брат нынче очень занят, но миссис Фостер была слишком настойчива, и я просто не могла не прийти.

— Это похвально, — сказала дама с таким пышным бюстом, что порой казалось, её узкое платье вряд ли его удержит. — Но мы не о вашем брате говорим.

— Вот как.

— Ходят слухи, что ваш муж совсем недавно вернулся в столицу. Неужели это неправда?

Элисон готова была сквозь пол этого прекрасного зала провалиться, лишь бы не затрагивать эту тему, но уже поздно отступать. И кем её теперь будут представлять в обществе? Несчастливая, беременная девушка с мужем, который её не помнит, и который был вынужден вернуться к ней, потому что его, видите ли, замучила совесть!

— Да, это так, он здесь. Правда, он чувствует себя не совсем хорошо после... путешествия... во Францию... где он...

С каждой новой паузой ей казалось, что она краснеет всё сильнее и вот-вот лопнет со стыда и полного неведения, что сказать, и будет ли это правильно. А дамы с живым интересом наблюдали за ней и, видимо, всё ждали продолжения некой увлекательной истории, которую Элисон должна была выдумать здесь и сейчас, но в голову ей ничего не приходило. Это был провал.

— Так что же ваш муж? Он так и не порадует нас своим присутствием?

— Он просто... ну...

Неожиданно чьи-то тёплые, длинные пальцы сжали её голые плечи, и девушка вздрогнула от внезапного прикосновения. Она просто боялась пошевелиться и тем более обернуться и посмотреть на нарушителя её личного пространства. Но ей и не нужно было делать этого. Через мгновение низкий, мужской голос прозвучал над ней, и она узнала его:

— Здравствуй, дорогая. Извини, что опоздал, — Александр поцеловал её в макушку, притом не отрывая взгляда от изумлённых женщин. — Дамы! Безумно рад вас всех здесь видеть.

Мужчина забрал из рук жены бокал с вином и отставил его в сторону, на столик. Затем последовали взаимный обмен короткими любезностями, приглушённые женские вздохи и любопытные, полные очарования взгляды, устремлённые, несомненно, на Александра. Хмурая и рассерженная Элисон стояла рядом и наблюдала за тем, как он едва ли не купался в этом женском внимании, целуя руки её знакомых и рассыпая приятными комплиментами. В конце концов, девушке всё это надоело, и она дёрнула мужа за рукав:

— Нам нужно поговорить!

— Конечно, дорогая. Вы ведь нас простите, леди?

Молодые женщины захихикали, кивая в ответ, и Элисон, взяв супруга за руку, потянула его за собой к балкону. Как только они оказались на свежем воздухе, девушка распустила тяжёлую штору, чтобы закрыться от шума зала, затем повернулась к мужу. Вид у неё был весьма решительный, и Александр коротко засмеялся.

— Что смешного?!

— Ты так прелестна, когда злишься. Хотя я и не понимаю, почему.

— Не понимаешь? — она яростно тряхнула руками. — Что это за представление? Ты должен быть дома, в постели! Ты ведь болен!

— Кто тебе это сказал? И прекрати так размахивать руками, прошу тебя. С высоты своего роста я могу видеть твою грудь, а это отвлекает...

Элисон, наконец, могла спокойно его разглядеть и уже не верила своим глазам: его бледность совершенно пропала, глубокие зелёные глаза озорно сияли в полутьме ночи; даже шрамы на лице были едва заметны при таком освещении; чёрные волосы немного потрепал ветер, но это только подчёркивало его привлекательность. В узких, прямых брюках его стройные ноги казались такими длинными, что просто дух захватывало. Алекс, видимо, снял пиджак, так как сейчас на нём были только белая рубашка и кремовая жилетка.

Невольно Элисон залюбовалась им, но только на несколько мгновений, затем тряхнула головой и вновь серьёзно посмотрела на супруга. Несколько длинных завитков локонов выбились из высокой причёски и теперь касались её голых плеч.

— Как ты мог это сделать?

— Сделать что? Прийти на приём за своей женой, которая даже не удосужилась проведать меня за последние два дня? Или которая ни разу не заикнулась насчёт этого вечера?

Молча проглотив обиду за эти замечания, девушка вымученно застонала, отвернувшись, повернулась вновь и приглушённо произнесла:

— Тебе нужен был покой, вот и всё. Я не хотела, чтобы тебя что-то тревожило! А теперь ты являешься сюда, выставя меня полной дурой, которая ничегошеньки не знает про своего мужа! К тому же, не успел ты здесь появиться, как вдруг начинаешь флиртовать со

всеми дамами!

Его глаза вдруг стали такими тёмными, а улыбка — невероятно порочной, что Элисон невольно вздрогнула.

— О-о-о, вот в чём дело, — томно протянул Александр, разглядывая покрасневшее лицо жены. — Да ты ревнуешь!

Для Элисон уже было поздно что-либо отрицать. Она действительно ощущала это неприятное, колкое чувство, которое странным образом завладело ею во время того, как Александр общался с теми женщинами.

— Не об этом речь! Ты не можешь вот так внезапно появляться, заставляя меня чувствовать себя...

— То есть, я должен угадывать, когда ты чувствуешь себя посмешищем? — он снова улыбнулся и хмыкнул. — Я просто понял, что мне надоело валяться в постели. Я — не хрупкая фарфоровая кукла, Элисон. Я сам решаю, что делать и каким образом. Я пришёл сюда и ради тебя тоже.

— Да неужели?

— Теперь все они видят, что твой муж жив, сопровождает тебя, и всё у тебя хорошо. Разве так ты выглядишь душой?

Девушка потупила взгляд и покорно промолчала. Сейчас она уже не знала, что на самом деле чувствует по отношению к своему супругу. Лёгкий порыв ветра заставил её поёжиться, и Александр это заметил. Он подошёл совсем близко к ней, коснулся кружев её платья и задумчиво произнёс:

— Какая ты красивая в нём. словно фея из сказки... Прелестное платье. Но я бы предпочёл снять его и увидеть то, что ты прячешь под ним.

Элисон глубоко вздохнула, запрокинув голову, и когда её ошеломлённый взгляд встретился со взглядом мужа, у неё перехватило дыхание. Если позволить ему сейчас эти соблазнения, добром это не кончится, подумала Элисон и сделала шаг назад.

— Нам лучше вернуться. Не хочу, чтобы Мария и Дениэл... мистер Фостер потеряли нас.

— Я бы предпочёл потеряться с тобой.

Она ничего не ответила, отвернувшись и таким образом скрыв от него смущённую улыбку. Элисон представила мужа хозяину дома, и Дениэл Фостер оказался весьма рад этому знакомству. Он расспрашивал Александра, что тот думает об открытии крупной фабрики в пределах Лондона, и их разговор затянулся на долгие минуты. Элисон не переставала наблюдать за мужем весь этот вечер, но так и не смогла до конца понять, простила ли она его. Простила ли саму себя.

После полуночи они вдвоём покидали дом Фостеров; их экипаж медленно ехал по узкой улочке Поттери-Лэйн, что на Ноттинг-Хилл. Элисон устала и выглядела соответствующе; её уже не заботила помятая шляпка, или что шаль свисала с сиденья и касалась пола. Даже совершенно распавшаяся на локоны причёска её больше не волновала. Эта ночь выматывала её с каждой новой минутой, и только пристальные взгляды мужа заставляли девушку то и дело очнуться от накатывающей волны сна.

Александр вёл себя иначе с той самой минуты, стоило им сойти с порога чужого дома. Он молчал, всё время разглядывал Элисон, задумчиво, заинтересованно, и ей было неловко под этим пристальным взглядом. До дома Шеффилдов оставалось совсем недалеко, когда вдруг Алекс постучал по дверце экипажа и прикрикнул на кучера, чтобы тот остановился.

Не успела Элисон опомниться, как Александр уже был снаружи, открывал дверь с её стороны и протягивал ей руку:

— Вылезай.

— Зачем это?

— Я сказал, вылезай.

Что-то напугало её в этом приказном, строгом тоне его голоса; девушка вжалась в сиденье, тогда супруг схватил её за руку под локтём и заставил выбраться из экипажа. Вокруг было слишком темно, где-то отчаянно завыл дворовый пёс.

— Подожди нас, — бросил мужчина кучеру, и тот бездумно кивнул в ответ.

Александр повёл жену в сторону к высокому, решётчатому забору, окружавшему чей-то богатый дом. Элисон всхлипнула, едва взглянув на занавешенные, тёмные окна, но паника не успела охватить её, так как Александр, настойчиво прижав девушку к решётке, наклонился и крепко поцеловал жену, не отстраняясь очень долго. Его губы были мягкими и горячими, и Элисон едва хватало воздуха. Алекс углубил поцелуй, сначала прикусив нижнюю губу девушки, затем лизнув её, и продолжал целовать, снова и снова касаясь языком её языка; его тёплые пальцы задирали юбки всё выше, и он так тесно прижимался к её животу пахом, что даже через всю эту плотную ткань одежд Элисон чувствовала, как сильно он был возбуждён.

Это неожиданное проявление страсти шокировало её, но поцелуй затянулся, и теперь Элисон чувствовала нечто большее, чем просто волнение или смущение. Она громко вздохнула, стоило Александру оторваться от неё, встретилась с его полным дикого желания взглядом, затем вдруг обвила его шею руками и сама притянула к себе. Когда он крепко прижался к ней, скользнув языком между её губ, Элисон приглушённо застонала. Её рука дёрнулась выше, пальцы коснулись его мягких волос. А запах его тела... Это было мятное масло. По крайней мере, так ей показалось.

Его правая рука уже ласкала её грудь сквозь ткань платья, а стоило его пальцам коснуться нежной кожи под ключицей, и девушка отчаянно вскрикнула. Как долго они так целовались, не в силах оторваться друг от друга, ни он, ни она не знали. Только хриплый кашель кучера заставил Элисон опомниться и остановиться. Она посмотрела мужу в лицо и шёпотом произнесла:

— Нет, так нельзя... Это неправильно. Мы должны уже быть дома...

— Верно, — его хищная улыбка была ещё страннее внезапного порыва. — Дома. Ты уже несколько минут как должна быть в моей постели без этого чёртового платья!

— Я не это имела...

Но он уже потащил её за собой, помог забраться в экипаж, и всю оставшуюся до дому дорогу они оба провели в молчании. Элисон только кусала губы и думала, чем всё это закончится, если её сердце так и не ответит на то, чего просит Александр.

Было уже совсем поздно, и все домашние, несомненно, спали. Так думал Александр, ведя Элисон по тёмному коридору в свою спальню. Одна свеча в канделябре, который он держал в левой руке, уже погасла; когда Алекс пропустил жену вперёд, открыв перед ней дверь, она спешно вошла в комнату, стараясь не поднимать головы. Александр поставил канделябр на письменный стол, затем закрыл дверь спальни и повернулся к застывшей посреди комнаты Элисон.

Она не казалась испуганной, просто растерянной, но ему этого было недостаточно, чтобы останавливаться. Очень быстро он начал раздеваться, неотрывно глядя за неё, и дышал так часто и громко, словно задыхался. На полу, возле небольшого мягкого кресла, уже

лежали его жилетка и рубашка, а когда Александр стал расстёгивать ремень брюк, Элисон решила его остановить:

— Нет, пожалуйста.

Она тяжело вздохнула и села на высокую, заправленную кремовыми простынями постель мужа.

— Я не могу. Прости меня, но я... не могу.

Александр громко выругался по-французски, но Элисон догадалась о смысле этих слов. Стоило ей поднять на него глаза, и она поняла, как сильно он разозлился. Мужчина встал у стола, вцепившись пальцами в его края, и посмотрел на свою жену так, словно готов был вот-вот её убить. Его грудь высоко поднималась из-за частого дыхания, а челюсти были крепко сжаты.

— Я понимаю, что ты ожидал совсем не этого. Прости, но сейчас я не знаю, готова ли к этому...

— М-м-м, я вижу.

Он резко мотнул головой, словно хотел отогнать неприятные мысли, затем вдруг зашагал к двери и вышел в коридор, не закрыв её за собой. Элисон сидела на краю широкой постели, пытаясь собраться с мыслями. Чувствуя огромную пропасть между собой и Алексом, она хотела понять, как же заполнить её, как пересечь эту границу. Положив ладонь на живот, девушка вспомнила, как перед расставанием три года назад супруг просил её ответить, любит ли она его. Тогда она не пересилила себя. Но ведь она не соврала тогда! Она действительно не была уверена, поэтому промолчала. Теперь же всё повторялось... Элисон вдруг стало невероятно страшно.

Александр вернулся через несколько минут, всё такой же злой и полуголый. Он захлопнул за собой дверь, да так сильно, что канделябр и пустой бокал на столе звякнули о его поверхность. Мужчина бросил на стол свёрток каких-то бумаг и повернулся к Элисон. Его гневный взгляд и решимость, которая ощущалась даже на расстоянии, напугали её ещё больше.

— Ч-что ты задумал?

Он подошёл к ней, схватил за руку, подвёл к столу и, ткнув пальцем в документы, почти прошипел:

— Видишь это? Твой братец любезно дал мне почитать наш брачный договор. Узнаёшь, я тебя спрашиваю?

Элисон взглянула на бумаги, которые были при ней почти всегда за эти три года. Конечно, она узнала их. Девушка закивала головой, чувствуя, что вот-вот расплечется. Александр ещё держал её за руку, крепко сцепив длинные пальцы; жар его кожи Элисон ощущала всем телом и не могла понять, от гнева ли это, или он до сих пор желает её.

— Можешь подписывать эти бумажки, дорогая! — Алекс дёрнул её на себя, и Элисон тихо вскрикнула. — Давай, я не стану тебя удерживать! Подпиши документ, и он разделит нас, тогда ты снова станешь свободна! И, может быть, тогда ты прекратишь свои глупые игры со мной, игры, которые мне надоели.

— Я не виновата, что ты потерял память! — она полуобернулась к нему и взглянула как можно смелее. — Я не виновата, что ты был таким упрямым и сбежал от меня лишь потому, что я не сказала «я люблю тебя»! И я не виновата в том, что ты отправил меня в Англию после того, как мы... как ты...

— Ну же, договаривай, — он низко наклонился к ней, и его дыхание почти коснулось её

щеки. — После того, как я тебя взял, да? После того, как мы занимались любовью...

— И что дальше?!

— Ты хотела этого, — прошипел он сквозь зубы. — Ты тоже этого хотела, чёрт подери!

И сегодня, там, на улице, ты меня целовала, дорогая! Так в чём же дело?

— Я просто не чувствую, что готова к близости...

— О-о-ох, да перестань же ты!

Он резко отпустил её, тогда Элисон сделала пару шагов назад, держась за край письменного стола и не отводя от мужа глаз. Александр тихо зарычал, утерев ладонью влажный лоб, затем вновь посмотрел на неё.

— Называй вещи своими именами, крошка. Ты не готова к тому, чтобы спать со мной в одной постели? Заниматься со мной любовью? Почему? Я тебе противен стал?

— Нет, я не знаю... Не в этом дело...

— Ты прекрасно знаешь, чёрт возьми, знаешь! Ты хочешь этого не меньше меня, но упрямисься! Мне это надоело, Элисон. Я понял, что должен быть рядом, я вернулся, и вот, я здесь. Я прошу тебя только быть со мной, но ты выдумываешь какие-то отговорки! Нет, хватит! Либо ты подписываешь эти чёртовы бумажки, либо делаешь то, что я хочу.

— Ты с ума сошёл? — почти прокричала она. — Ты разозлился только потому, что я не ложусь с тобой в постель сегодня ночью? Да за кого ты меня принимаешь? Я не буду делать это, если не чувствую желания! Я — твоя жена, а не игрушка. У меня тоже есть чувства и...

— Вот как? Только здесь главное не «жена», а «твоя»! Да, крошка. Ты — моя. И уже только поэтому я вправе требовать от тебя любви. Если, конечно, ты до сих пор верна своим словам.

— Я и верна, — Элисон с жалостью посмотрела на него и сглотнула. — Я люблю тебя, но это не означает, что я обязана делать всё, чего бы ты ни захотел.

Александр выпрямился, и его взгляд вдруг стал таким манящим и глубоким, что девушка поразились этому. Мужчина медленно, даже томно провёл рукой от своего левого плеча по груди и до низа живота, наблюдая притом за реакцией жены. А Элисон казалось, что она уже готова отказаться от своих слов. Боже, но его пальцы, и влажная кожа, и эти маленькие шрамы на ней...

— Ты ведь знаешь, я никогда не возьму тебя силой... Но подумай об этом ещё раз, дорогая. Я хочу тебя. И все эти долгие, одинокие ночи хотел. Ты — моя, и я имею полное право требовать тебя и только тебя. А когда я требую, я получаю. И сегодня ночью так будет. Ты не посмеешь уйти! Я возьму тебя, и сначала это будет медленно и нежно, но после тебе придётся ответить за свою гордость, и за дерзость.

Он подошёл совсем близко к жене, положил обе руки ей на талию и прижал её напряжённое тело к своему. Затем заговорил полушёпотом, мягким и настойчивым:

— И я буду так глубоко в тебе, что реальность покажется ничтожностью по сравнению со всеми этими чувствами! Видишь, в кого я превращаюсь? В настоящее животное, которому так хочется плоти. Твоей плоти, Элисон. И отныне ты будешь со мной каждую ночь, и каждую ночь мы будем заниматься любовью так, как я того захочу. Так долго, пока лишь будет хватать сил! Если ты думаешь, что моё безумие исчезнет, то ошибаешься, ведь ты и есть моё безумие. А сейчас, чтобы доказать тебе всё, о чём я говорил, я желаю увидеть тебя обнажённой в этой постели. И когда ты будешь кричать, громко и сладко, ты поймёшь, наконец, кто владеет тобой.

Он замолчал, наблюдая за ней, затем очень тихо засмеялся. Элисон выглядела так,

словно её только что окатили ведром холодной воды. Такое неподдельное изумление, смущение и невинность! Алекс осторожно провёл указательным пальцем по её мягкой, порозовевшей щеке.

— Что скажешь на всё это?

Девушка только закрыла рот и неопределённо пожала плечами.

— Кажется, мне удалось тебя шокировать, крошка. Мне нравится, когда ты краснеешь. Посмотрим, смогу ли я заставить тебя избавиться от этого ненужного смущения.

Хотя она была всё ещё жутко поражена его словами и чувствовала, что едва может разумно соображать, но пошла за ним, когда он повёл её к своей постели. Александр ловко и довольно быстро развязал все ленты, расстегнул пуговицы её платья и избавил от тугого корсета. Когда на девушке остались лишь белые чулки, Алекс усадил её на край кровати, а сам встал перед ней на колени. Он медленно стал стягивать с Элисон чулки и почувствовал, какой тёплой была её кожа, когда коснулся её пальцами.

— Александр, я даже не знаю... А как же ребёнок?

— Не бойся, крошка. Я ему не наврежу, клянусь, — пообещал Алекс, и его голос прозвучал ласково. — К тому же, ещё слишком рано об этом беспокоиться. И я хочу наверстать всё, что мы упустили... и с лихвой.

Элисон не сдержала смущённой улыбки, но заметив, что его пристальный взгляд всё ещё прикован к её обнажённой груди, тут же перестала улыбаться. Александр поднялся, чтобы раздеться самому. Элисон готова была поклясться в тот момент, что в жизни не видела чего-либо более возбуждающего. Может быть, он и прав, подумала девушка и подвинулась от края кровати на её середину.

Спальню освещала единственная догорающая свеча, и в этом тусклом свете маленького пламени кожа Александра казалась совсем тёмной. Как бы там ни было, амнезия ли или нечто иное, он всё ещё был самым невероятным мужчиной на свете. Элисон посмотрела на него, такого высокого, стройного и желанного, и вдруг поняла, что окончательно сдалась. Ей захотелось поскорее заполнить разделявшую их обоих пропасть.

С хищной улыбкой на тонких губах он подошёл к ней, положил тёплые ладони на её согнутые колени и властно развёл их в стороны как можно шире. Когда Александр лёг на неё, тесно прижавшись всем телом, Элисон обвила руками его шею и легко поцеловала, но мужчина тут же углубил поцелуй, раскрыв горячим языком её губы. Она удивилась, когда он так быстро отстранился, приподнявшись над ней на руках, но взгляд его был полон желания, и казалось, что тёмные глаза видят девушку насквозь. Элисон вздохнула, положив ладони ему на плечи.

Она ощутила его пальцы, такие горячие и нежные, скользящие по её ногам, а через пару мгновений он уже ласкал её живот, будто нарочно едва касаясь кончиками пальцев влажной плоти. С уст девушки сорвался первый протяжный стон, и не успела Элисон вновь прийти в себя, как он уже скользнул в неё, горячий и твёрдый. Он полностью вошёл в неё и сразу же остановился, нежно целуя в шею.

— Боже мой... Боже... — только и могла прошептать она, разгорячённая этим невероятным чувством наполненности.

— Тебе больно?

— Нет...

— А так тебе нравится?

Александр дёрнулся, затем стал двигаться очень плавно и медленно; он то наклонялся,

чтобы прижаться губами к губам Элисон, то вновь приподнимался, желая видеть её всю под собой. Обхватив его талию ногами, девушка закрыла глаза, и ей уже было всё равно, как громко она стонет, услышат ли её в спящем доме и что потом подумают.

Александр тихо зарычал напротив её шеи, и Элисон поняла, что он вот-вот потеряет контроль. Поцелуи становились настойчивей, и его бёдра задвигались быстрее, жёстче; мужчина переборол ощущения, которые полностью завладели им в те минуты. И он увидел, как широко распахнулись глаза его жены в момент высшего наслаждения. Её мышцы так плотно сжались вокруг него, и Алекс приглушённо застонал, уткнувшись носом во впадинку на шее Элисон. А ей самой казалось, что он только что убил её, затем возродил вновь, и теперь она даже слышит, как бьётся его сердце напротив её груди. Его ритм был схож с ритмом её собственного сердца, и это было невероятно.

Почувствовав тёплую влагу на своём лоне, Элисон улыбнулась, продолжая дышать ртом, так как воздуха ей не хватало. Алекс был тяжёлым, зато полностью расслабленным и удовлетворённым, и его пальцы, медленно скользящие по её бёдрам, были мягкими и горячими. Элисон посмотрела мужу в глаза, всё ещё затуманенные от страсти, осторожно прикусила его нижнюю губу и запечатлела быстрый поцелуй на его чуть щетинистом подбородке.

— Ты бываешь очень убедительным, — произнесла она, отдышавшись.

— Я очень рад, что ты так считаешь. Тебе не тяжело?

— Нет, вовсе нет, — Элисон улыбнулась и поворошила волосы на голове мужа. — Знаешь, мне начинает казаться, что я могу позволить тебе лежать на мне вот так сколько угодно.

Когда он засмеялся и звонко поцеловал её в губы, Элисон показалось, что её сердце действительно замерло на какое-то время. Александр поцеловал её снова, так страстно и настойчиво, затем лёг на спину, притянув Элисон к себе. Пока она нежилась в его объятьях, испытывая сладкую истому, он нежно гладил её длинные спутанные волосы и иногда целовал в макушку.

— Я хочу, чтобы в следующий раз это было так же невероятно! — сказала вдруг Элисон, на что Алекс хрипло засмеялся.

— Ха, по-всякому женщины на меня реагировали, но никогда я не слышал, чтобы они говорили «невероятно».

— А как они говорили?

Девушка приподнялась на локте, чуть отстранившись. Её лицо было в нескольких дюймах от лица супруга, и она с лёгкой улыбкой на покрасневших губах разглядывала его.

— Ты уверена, что хочешь это знать?

— А почему бы и нет? Мне ведь нельзя похвастаться своими любовниками, потому что их у меня и не было.

— И я этому чертовски рад.

Его руки легли на её мягкие ягодицы, и Алекс притянул жену к себе для страстного поцелуя. Между тем, как их губы соприкасались, он нежно прошептал, опалая кожу Элисон горячим дыханием:

— Забудь о тех женщинах... Забудь обо всех... Отныне для меня будешь только ты и этот ребёнок. Что скажешь?

— Согласна. Тогда и у меня уговор, — предложила девушка, нежно проведя большим пальцем по линии его подбородка. — Ты будешь мой и только мой на всю оставшуюся

жизнь.

— Каждый уговор, скрытый в твоих словах, связывает меня сильнее, чем самые крепкие верёвки... Кстати о них.

С самым невозмутимым видом он чмокнул Элисон в щёку, перелез через девушку на другую сторону кровати, затем нагнулся и поднял с пола широкий пояс её платья. Открыв от удивления рот, девушка села на постели и посмотрела на своего супруга.

— Что ты хочешь сделать?

— Не бойся, крошка. Я не сделаю ничего такого, что причинит тебе вред. Просто доверься мне, хорошо?

Элисон медленно кивнула, не сводя глаз с пояса в руках Александра.

— Теперь ложись на свою прелестную спину, дорогая, и вытяни-ка руки.

***

— Ты мне веришь?

— Да, я верю.

Элисон глубоко вздохнула, будучи абсолютно уверенной в честности своего ответа. Ни она, ни он сомневаться больше не могли, не имели права. Александр взял всё в свои руки и теперь владел ситуацией и телом своей жены, и она понимала это.

Он связал ей руки ремнём от своих брюк, скрепив вместе тонкие запястья так, чтобы при лишнем движении Элисон не ощущала боли, но и освободиться не могла. Её руки теперь были вытянуты над головой, и, когда Алекс попросил её ни в коем случае не поднимать их и не касаться его, она покорно кивнула в ответ.

— Касаться меня ты не сможешь, зато будешь слышать и чувствовать всё, что бы я ни сделал. Не спрашивай ничего. Ничего не говори. Только слушай и чувствуй.

Его тихий, настойчивый голос успокаивал, а пылающий страстью взгляд заставлял сгорать от нетерпения. Элисон уже ощущала эту знакомую тянущую боль внизу живота, кусала и без того припухшие губы и вглядывалась в лицо любимого мужчины, желая запомнить его сейчас именно таким. Она тихо и коротко застонала, когда Александр наклонился, освободил её влажное лицо от спутанных локонов волос и завязал ей глаза тонким поясом платья. Теперь Элисон лежала перед ним, неспособная видеть его или прикасаться руками.

— Если бы ты знала, какая ты красивая, — произнёс Алекс охрипшим голосом, и девушка не сдержала очередной стон, ибо даже эти несколько слов так глубоко поразили её.

Элисон почувствовала, как муж отстранился, поднялся с постели, и пару минут она оставалась одинока, но так и не посмела возразить и слова. В спальне постепенно становилось теплее. Видимо, Александр зажёл ещё свечей. Когда он вернулся к ней, без лишних действий или слов согнул её ноги в коленях и развёл их в стороны, Элисон задрожала от возбуждения и непонимания того, что он будет делать дальше.

Его горячее, твёрдое тело прижалось к ней; он сильнее сдавил её груди и медленно потёрся пахом о её мягкий живот, и делал это снова и снова, пока она не застонала, не в силах терпеть его странную осторожность. Элисон обняла мужа ногами, резко прижав к себе, и ощущение прикосновения его плоти к коже в то же мгновение едва не свело её с ума.

— Как ты настойчива и нетерпелива, — насмешливо прошептал Александр, и девушка почувствовала его дыхание напротив своих губ.

— Но я хочу...

— Не сейчас.

— Пожалуйста!

Она услышала короткий смешок и в отчаянии выгнула спину, желая показать таким образом, что ожидание просто мучает её. Когда он поцеловал её, совсем легко коснувшись своими губами её губ, она дёрнулась, произвольно потянувшись руками к мужу, но затянутый на запястьях ремень не позволил ей этого. Девушка протестующе замычала, но Александр и сейчас не дал ей ничего сказать. Он терзал её минута за минутой, горячее дыхание обжигало губы, и Элисон не могла обнять его или даже посмотреть на него.

Когда Алекс протиснул правую руку между собой и телом жены, его пальцы заскользили по её влажной коже между бёдрами, и он осторожно начал ласкать её кончиками пальцев, дразня и то и дело оттягивая момент наслаждения. Элисон казалось, что так он наказывает её за что-то, ибо стоило ей почувствовать, как тяжесть и напряжение обостряются и вот-вот спадут, Александр убирал руку и продолжал гладить её живот, а затем всё повторялось.

Долгий, настойчивый поцелуй был неожиданно прерван, и Элисон громко вздохнула, потеряв мягкие губы своего мужа. Дальше же всё, что она могла чувствовать, были его руки, ласкающие её тело; как нежно он сжимал в ладонях её груди, проводя пальцами по напряжённым соскам, опять и опять, и Элисон не могла сосредоточиться на каком-то одном чувстве, движении, или звуке. Она лишь поняла, что ничего подобного никогда не испытывала. В конце концов, всё её тело было расслаблено, жжение и сладкая боль между бёдер ослабли, и сейчас она нежилась от прикосновений горячих пальцев, томно двигаясь и иногда запрокидывая голову.

В какое-то мгновение ей вдруг захотелось сказать, что он сводит её с ума, а затем умолять развязать ей руки, чтобы она могла доставить ему такое же удовольствие, но просто не успела этого сделать. Он отстранился так неожиданно, совершенно прекратив касаться её, и девушка сама подалась вперёд, когда вдруг ощутила горячее дыхание на своём животе и поняла, чего хочет её муж. Он приподнял её бёдра своими большими руками и прижался ртом к её влажному лону. Элисон закричала, отчаянно и громко; её тело вмиг напряглось, и девушка дёрнулась на постели в предвкушении самого долгожданного момента.

«Какой он горячий!» — вот всё, о чём она успела подумать, прежде чем Александр вдруг выпрямился над ней за секунду до того, как подарить жене невероятное блаженство.

— Нет, нет! — почти закричала Элисон, отчаянно пытаясь высвободить руки, но Алекс прижал её запястья к кровати.

— Маленькая, нетерпеливая проказница! — сказал он всё так же насмешливо. — Ничего-то ты ещё не понимаешь.

Он крепко поцеловал её в губы, заставив ощутить свой собственный вкус, затем скользнул языком по шее, между грудей и вновь повторил свою пытку, подведя Элисон к самому краю, но так и не дав ей разрядки. Лишь когда её голос почти охрип, а тело прекратило подчиняться, лишившись всяких сил, Александр осторожно перевернул её на живот, поставил на колени спиной к себе, подтянув её бёдра как можно выше, и очень медленно вошёл в неё сзади. Сквозь собственный, похожий на звериный, приглушённый рык он слышал, как его жена застонала, и от этого звука у Александра пошла кругом голова. Но он поклялся не терять контроля, нет, только не сейчас.

Его толчки были короткими, и он старался не так глубоко входить в неё, понимая, что рискует сделать Элисон больно. А она была узкая и горячая, и всё-таки принимала его даже в такой позе, и осознание этого подвело к краю самого Алекса. Продолжая двигаться так же

осторожно и медленно, он гладил ладонями её мягкие ягодицы, касался кончиками пальцев спины и груди, когда нагибался чуть вперёд.

Когда он понял, что его драгоценный контроль будет вот-вот потерян, то быстро вышел из неё, перевернул на спину и, подняв её правую ногу, снова вошёл, но на этот раз резко, а опомнился, когда уже был глубоко в ней. Её руки — связанные ремнём над её головой; покрасневшие губы приоткрыты; её дыхание — частое и тяжёлое, а мягкие стоны — тихие, едва слышимые.

— Элисон... — позвал он её, едва переборов растущее заново желание.

Она пришла в себя в тот самый момент, когда всё её тело запылало, и долгий, хриплый крик вырвался из горла. И наслаждение было таким сильным, что она несколько долгих секунд ощущала острое покалывание на кончиках пальцев и сильную, тягучую боль между ног. Сквозь невероятный прилив страсти и слепого желания Александр почувствовал, как Элисон прикусила его нижнюю губу, и в тот же миг он излился в неё, обмяк и, наконец, перестал двигаться.

Сколько прошло времени, прежде чем он осознал, что лежит на ней, едва дыша, а она — всё ещё связанная и ослеплённая, Алекс так и не понял. Он осторожно отстранился, лёг на правый бок рядом с женой и освободил её руки от ремня, а глаза — от пояса с платья.

— Дьявол! — выругался мужчина, разглядывая свою потрясённую жену. — У тебя, наверное, руки затекли.

Он принялся осторожно растирать её тонкие запястья, пока Элисон восстанавливала дыхание и пыталась сообразить, что с ней произошло. Её совсем уже не беспокоили ссадины на коже или собственное бессилие и полное опустошение.

— Я никогда не испытывала ничего подобного... — прошептала она одними губами, глядя в потолок. — Это так... так сильно. Клянусь, так хорошо мне ещё не было!

— Я рад, что угодил тебе.

Элисон, чуть поморщившись, медленно свела ноги вместе и повернулась к Александру. Он лежал, подперев голову правой рукой, и глядел на свою жену с озорной улыбкой на тонких губах; зелёные глаза совершенно потемнели и сейчас беззастенчиво разглядывали девушку. Он показался ей таким невероятно красивым на фоне угасающих позади свечей, что с её уст непроизвольно сорвался тяжёлый вздох. Александр приглушённо засмеялся, затем, положив большую ладонь Элисон на бедро, стал нежно поглаживать её мягкую кожу.

— Расценивать ли мне твои вздохи как знаки восхищения, дорогая?

— И даже нечто большее, возможно.

Она с трудом придвинулась вплотную, обвив руками его шею, легко чмокнула в сомкнутые губы и смущённо произнесла:

— Я боялась, что умру.

— Умрёшь? — переспросил он, поражённый её наивностью. — Это почему же?

— Я такого никогда не чувствовала... словно моё тело перестало мне принадлежать. Сначала я немного испугалась, но потом было... невероятно.

— Всё верно. Если кому оно принадлежит, то только мне.

Он смотрел на неё так хищно, так пристально, словно ожидал чего-то конкретного. Элисон почувствовала, как краснеет, но затем её блуждающий взгляд скользнул по голой груди мужа и ниже...

— Что такое? — Александр лёг на спину, подложив под голову руки, и призывно качнул бёдрами. — Ты думала, что меня хватит лишь на пару раз?

— Я не... вовсе нет!

— Брось, крошка! Не хочешь быть сверху на этот раз?

— Какой ты мерзкий!

Элисон села прямо и ударила мужа кулаком в грудь, отчего тот лишь хмыкнул и насмешливо улыбнулся.

— Просто мне нравится видеть тебя над собой и держать твои груди в своих руках. От беременности они скоро станут ещё больше, поверь мне! Хотя, должен признать, вид сзади был не менее аппетитным...

— Да ты... неотёсанный мужлан! Настоящее животное!

Элисон недовольно фыркнула, и уже хотела было подняться с постели, но Александр притянул её к себе, обняв за талию, и через несколько мгновений она уже лежала под ним, кусая губы.

— Пожалуйста, только не завязывай мне глаза снова!

— Разве так ты не острее ощущала то, что я с тобой делал?

— Да, но я хочу тебя видеть! Всегда-всегда...

— Как прикажете, миледи.

Он крепко прижался к ней, скользнув пальцами между её бёдер, затем поцеловал ямочку на её шее. И когда Элисон уже почти забыла, как дышать, она расслышала нежный шёпот рядом со своим ухом:

— Прости меня, крошка, прости...

— За что? — она подняла на него удивлённые глаза.

— Мне кажется, я тебя люблю.

Он заснул быстро, измотанный, уставший, но весьма довольный собой и прошедшей ночью. А вот Элисон никак не могла сомкнуть глаз; она сидела на постели, спрятавшись под покрывалом и прислонившись к спинке кровати, разглядывала своего спящего мужа и размышляла над его словами. Впервые за время их разлуки он сказал, что любит её. Казалось бы, она должна быть счастлива, но странное чувство, будто его слова таили неискренность, терзали её всё утро.

Его тёмные волосы казались уже почти рыжими, особенно, если солнечный луч касался их. Сейчас Алекс лежал на спине, подложив правую руку под голову, а покрывало зажал между ног. Даже шрамы на его загорелом лице разгладились, когда он был так спокоен и тих. Сколько ещё шрамов появится на его коже, вдруг подумала Элисон. Она слишком хорошо знала своего мужа и была уверена, что от прошлого его не удержит даже собственный ребёнок. А если же снова война? Александр может опять уйти и не вернуться.

Элисон вздохнула и откинула голову. Ей вдруг стало ужасно обидно и одиноко. Даже если Алекс действительно её любит, как долго он сможет терпеть семейную жизнь, светскую жизнь в обществе и всё то, что он считал раньше бессмысленным и скучным? А может так случиться, что ему наскучит собственная жена?

Девушка ещё какое-то время размышляла над всем этим, ласково поглаживая ладонью живот, а после восхода солнца, наконец, заснула, согнувшись под боком у Александра.

Элисон проснулась из-за того, что ей стало невыносимо жарко. Чужие горячие пальцы ласкали её ноги, легко скользя по нежной коже то вверх, то вниз; девушка потянулась, открыла глаза и увидела, что Алекс игриво разглядывает её лицо. Элисон тут же забыла всё, что так терзало её несколько часов назад.

— Здравствуй, муж, — прошептала она, нежно улыбнувшись.

— Здравствуй, жена.

Он наклонился, чтобы поцеловать её, а когда его гладкий торс коснулся её живота, ей хотелось кричать от удовольствия, что он так близко. Этот мужчина полностью владел её телом, и в такие моменты она готова была простить и забыть всё. А сейчас его длинные пальцы уже настойчиво раздвигали её ноги, но Элисон, едва пересилив себя, отрицательно покачала головой:

— Нет, нет... Только не сейчас. Нам когда-нибудь придётся выйти из этой комнаты.

— Но я не хочу, — выдохнул Алекс ей в губы и прижался ещё крепче. — Будь моя воля, я бы держал тебя в этой постели до конца наших дней.

Она невольно улыбнулась этому милейшему желанию, решив, что была бы и сама не прочь провести так остаток жизни, но их обоих ждала реальность за стенами этой спальни, и ничто не могло этого изменить. Элисон обвила руками шею мужа, нежно поцеловала его в сомкнутые губы и произнесла:

— Мы не должны делать вид, будто кроме нас больше никого не существует. Твой брат всё ещё хочет увидеться с тобой, и твой отец... Мы должны показать им, что с тобой всё хорошо.

— Мне кажется, что всё хорошо, только когда ты со мной.

Её тронула его неподдельная искренность и то, с какой нежностью он это произнёс. И его ровное дыхание, такое тёплое и мягкое, ощущаемое на губах... И влюблённый взгляд,

прикованный к её лицу... Может быть, он действительно любит её, и это не был просто мимолётный порыв?

Элисон не успела задать ему вопрос, Александр навис над ней и в последующие несколько минут заставил забыть об ожидавшей их где-то реальности. Кружилась голова, перед глазами всё плыло, и Элисон действительно казалось, что она умирает, а он возрождал её, снова и снова, делая это искусно и осторожно, медленно и нежно.

Экономка осуждающе смотрела на Александра, когда тот спускался в гостиную со своей женой. Завтрак они пропустили, а на обед опоздали. Анна покачала головой, увидев, как бесцеремонно Алекс тянет за собой Элисон, разглядывает её, словно хищник свою добычу. Перед тем, как муж с женой вошли в столовую, он даже умудрился шлёпнуть девушку по ягодицам. Миссис Уоллес настойчиво хмыкнула, и Александр даже обернулся к ней, одарив её виноватой улыбкой. Ему всё равно, что выходит за рамки приличия, а что нет, с досадой подумала экономка.

В столовой Элисон поприветствовала отца и брата, проигнорировав их спокойное удивление. Обед же прошёл в общем молчании, и, пока Александр заставлял свою жену краснеть от одних лишь вызывающих взглядов, девушка опять и опять прокручивала в голове события прошедшей ночи, и ей становилось неловко с каждой минутой. А по тому, как на неё глядел брат, Элисон поняла, что и ему было, что сказать. И Луис явно сдерживался, пока Шеффилд старший не покинул их первым, сославшись на занятость. За последующей сценой пришлось наблюдать даже экономке.

— Луис, что с тобой?

— Ничего, сестрёнка. Ничего.

Элисон мельком взглянула на мужа, затем снова на брата.

— Ты уже несколько минут смотришь на меня так, словно я сделала что-то отвратительное. Скажи мне, в чём дело?

— Отвратительное? Ну, это с какой стороны взглянуть.

— Брось, братец! — Алекс откинулся на спинку стула, сложив руки на груди, и улыбнулся. — Поделись с нами...

Луис резко поднялся, да так, что чуть не опрокинул бокал с водой в свою тарелку. Вид у молодого человека был решительный, казалось, что он рассержен. Луис уже развернулся было, чтобы уйти, но остановился, повернулся к сестре, и хриплым шёпотом произнёс:

— В следующий раз, когда ты и твой ненормальный муж закроетесь в спальне, вспомни о том, что кроме нас вас может слышать весь Лондон!

Элисон ахнула, моментально покраснев, а Луис поспешил покинуть столовую. Он ушёл, стараясь не обращать внимания на весёлый смех Александра.

Следующей ночью Элисон разбудил невнятный шёпот. Сквозь сон она ещё слышала, как её муж бормотал что-то, а в следующее мгновение он дёрнулся, и его локоть больно врезался Элисон в грудь. Сон как рукой сняло, девушка села на постели и обнаружила, что Александр разговаривает во сне. Весь в поту, очень горячий, мучающийся, он тяжело дышал, и Элисон поспешила разбудить его. Она потрясла его за плечи, и Алекс открыл глаза. Он словно был напуган, дрожал, и его безумный взгляд свидетельствовал о том, что вернулся он из настоящего кошмара. Элисон с ужасом подумала, что никогда не видела его таким.

Александр сел, оглядываясь вокруг, словно не узнавал здесь ничего, затем, заметно успокоившись, помотал головой, провёл рукой по влажным волосам и молча взглянул на свою жену.

— Как ты?

Он не отвечал, только сидел рядом с ней, полюбнажённый, прикрытый по пояс тонким покрывалом. Алекс всё ещё тяжело дышал, его руки дрожали, а на коже выступили капельки пота.

— Всё хорошо, это был лишь дурной сон, — девушка придвинулась ближе, обвила тёплыми руками его шею и прижалась лбом к его влажному лбу.

— Я с тобой, я здесь, — прошептала Элисон, касаясь губами его губ. — И я люблю тебя...

Александр вдруг резко перевернулся вместе с ней, и она оказалась под ним, совершенно не понимая того, что он сделает дальше.

— Ну, так покажи мне, как сильно ты меня любишь, — произнёс он хриплым голосом, а его руки уже судорожно задирали ночную сорочку Элисон.

За секунду до того, как он быстро и без лишних прикосновений и поцелуев овладел ею, она поняла, что у неё не было ни выбора, ни возможности его остановить. Что-то заставило его потерять голову, забыть любовь и нежность, и просто потеряться в этом первобытном желании. И, наверняка, о нескромном замечании Луиса он тоже забыл, потому что сквозь собственную волну наслаждения Элисон сумела расслышать его приглушённый крик. И на эти короткие минуты близости они снова были одни, а Александр прогнал свой кошмар и ощущал себя в безопасности, в покое.

Уже совершенно расслабившись, он посмотрел на свою уставшую, побледневшую жену и тихо спросил:

— Я сделал тебе больно?

— Нет, я в порядке... Только немного испугалась.

— Я бы тебя не убил, поверь мне, — он коснулся тёплыми пальцами её влажной щеки. — Прости за это. Твой скромный брат снова отчитает нас за нарушение мира его любимых лондонцев.

— Да, ему нравится его работа, — улыбнулась Элисон, — и покой жителей города теперь как его собственный.

— Ему просто нужна женщина. Тогда он успокоится по-настоящему.

Александр лёг рядом, бережно укрыв девушку покрывалом, и вдруг очень серьёзно сказал:

— Этот кошмар... Этот странный сон, что я видел... Он повторяется уже много месяцев.

— Что же ты видишь?

— Чёрные воды, и они всегда вокруг меня. Не дают вздохнуть или закричать. И я тону, тону, и не могу выбраться... Только чёрная вода и густые водоросли, тянущие меня вниз.

Говоря это, он был не в силах смотреть на Элисон, и он был так опечален, подавлен лишь от одного воспоминания о своём сне, и девушка, переборов себя, улыбнулась и ответила:

— Это был всего лишь сон, любовь моя... Но, если ты хочешь попытаться избавиться от него, я думаю, что знаю, как это сделать.

— Знаешь?

— Да. Это место, которое снится тебе, существует. И я могу отвести тебя туда, если пожелаешь.

Алекс внимательно посмотрел на неё, внешне оставаясь довольно спокойным. Но

внутри едва сдерживал целую бурю, словно чувствуя, что, стоит ему увидеть то проклятое место из кошмара, то память проявит себя и покажет, что он невольно оставил позади, в прошлом.

***

Небо над Солсбери было затянуто тучами, вот-вот должен был грянуть гром. В воздухе уже витал запах дождя, и Александр, стоя на высоком зелёном холме, чувствовал, как он заполняет его лёгкие. Мужчина разглядывал стройку — место, где раньше находился его родовой замок — теперь здесь стояли только голые каменные стены, их деревянная основа и другие крепления. Три года Элисон, её отец и брат трудились здесь, наняв рабочих, и желая как можно скорее восстановить сгоревшее строение.

Александр обернулся на север, где чёрным пятном темнело озеро, рядом с которым он прожил так много лет. Но, даже приблизившись к нему, к этой непроглядной грязной воде, мужчина не вспомнил ни единого яркого момента из прошлой жизни.

Элисон находилась рядом с ним, пристально наблюдая за его реакцией и лишь иногда поглядывая в сторону строящегося замка.

— Я так и не вспомнил, — разочарованно сказал Алекс. — Видимо, что-то мешает мне сделать это.

Элисон кивнула, будучи явно расстроенной. Она считала, что, стоит её мужу лишь взглянуть на это место, как воспоминания вернутся к нему. Но этого не случилось.

— Ты знаешь, — заметил мужчина вдруг, — а мне и не нужно это вспоминать. Возможно, моя жизнь не была достаточно радостной, чтобы жалеть об утрате памяти о ней.

— Но я тоже была частью твоей прошлой жизни. Мне казалось, что ты и меня вспомнишь. Точнее, то, что ты меня любил.

Алекс улыбнулся, лукаво и едва заметно, затем подошёл к ней, положив руки ей на талию, и, притянув к себе, нежно обнял.

— Это то, что ты хочешь знать?

— Этот вопрос я не решалась задать уже несколько дней, — ответила она, замороженно глядя в его зелёные глаза. — Я боялась спросить.

Они стояли вдвоём на холме, пока ветер набирал силу. А где-то в низине, далеко за лесом, скрывавшем Апрельское озеро, сверкнула молния.

— Ты меня любишь? — спросила Элисон, кладя руки на плечи своему мужу.

Он улыбнулся и закрыл глаза, наклонившись и коснувшись подбородком её макушки. В его молчании она нашла свой ответ...

Больше книг на сайте - Knigolub.net